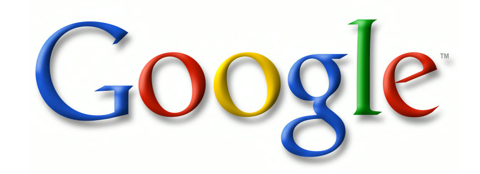
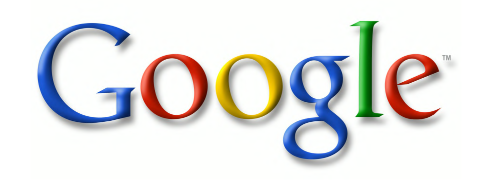
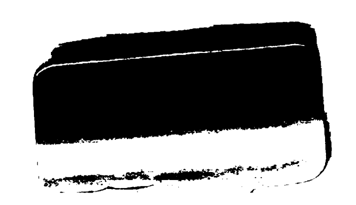

М. ЗОНЪ.

П. Я. ЧААДАЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, В. о., 5 л., 28
1908

11

61507/-230

М. ГЕРШЕНЗОНЪ.

П. Я. ЧААДАЕВЪ.

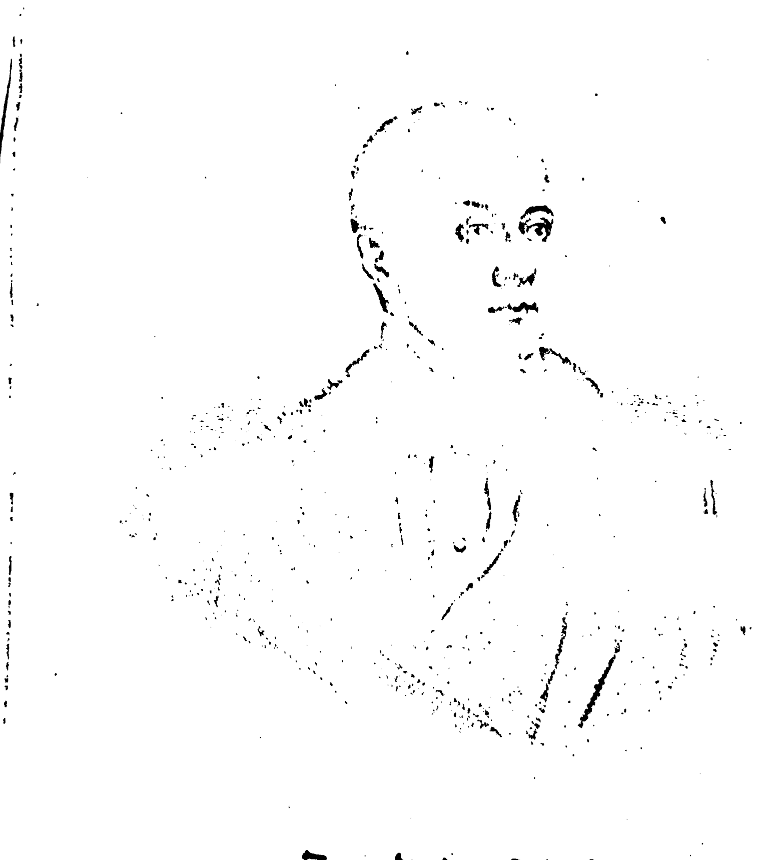
ЖИЗНЬ И МЫШЛЕНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, В. о., 5 л., 28

1908

3000

Петръ Чаадаевъ.

Петръ Чаадаевъ.

Петръ Чаадаевъ.

О Чаадаевѣ много писали и его имя знакомо почти всякому образованному русскому; но понимать его мысль мы научаемся только теперь. По разнымъ причинамъ, частью общаго, частью личнаго свойства, его имя стало достояніемъ легенды: онъ, рѣшительно осуждавшій все то, чѣмъ наиболѣе дорожила въ себѣ наша передовая интеллигенція—ея исключительно позитивное направленіе и политическое революціонерство,—былъ зачисленъ въ синодикъ русскаго либерализма, какъ одинъ изъ славнѣйшихъ дѣятелей нашего освободительнаго движенія. Это недоразумѣніе началось еще при его жизни: Чаадаевъ былъ слишкомъ тщеславенъ, чтобы отклонять незаслуженные лавры, хотя и достаточно уменъ, чтобы понимать ихъ цѣну. И любопытно, что въ эту ошибку впали обѣ воюющія стороны: правительство объявляло Чаадаева сумасшедшимъ, запрещало ему писать и держало его подъ полицейскимъ надзоромъ, а общество чтило его и признавало своимъ вождемъ—за одно и то же: за политическое вольнодумство, въ которомъ онъ нисколько не былъ повиненъ.

И однако обоими руководило вѣрное чутье. Здѣсь сказалась смутная догадка о большей, чѣмъ политическая, о вѣчной истинѣ, о той внутренней свободѣ, для которой внѣшняя и, значитъ, политическая свобода —

правда, только подножье, но столь же естественно-необходимое, какъ воздухъ для жизни. Нѣтъ лозунга болѣе освободительнаго — даже политически, — чѣмъ призывъ: sursum corda. Въ этомъ смыслѣ Чаадаевъ, немолчно твердившій о высшихъ задачахъ духа, создавшій одно изъ глубочайшихъ историческихъ обобщеній, до какихъ додумался человѣкъ, безъ сомнѣнія, достоинъ памяти потомства.

Цѣль этой книги — возстановить подлинный образъ Чаадаева. Его біографія полна ошибокъ, пробѣловъ и вымысловъ. Опровергать ложныя свѣдѣнія скучно, и я избѣгалъ этого, но чтобы не дать имъ воскреснуть, необходимо было не только излагать, но и доказывать истину; вотъ почему такъ много ссылокъ на этихъ страницахъ.

Время ли теперь напоминать русскому обществу о Чаадаевѣ? Я думаю, да, — и больше, чѣмъ когда-нибудь. Пусть онъ былъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ консерваторъ, пусть онъ отрицательно относился къ революціямъ,—для насъ важны не эти частные его взгляды, а общій духъ его ученія. Всей совокупностью своихъ мыслей онъ говоритъ намъ, что политическая жизнь народовъ, стремясь къ своимъ временнымъ и матеріальнымъ цѣлямъ, въ дѣйствительности только осуществляетъ частично вѣчную нравственную идею, т.-е., что всякое общественное дѣло по существу своему не менѣе религіозно, нежели жаркая молитва вѣрующаго. Онъ говоритъ намъ о соціальной жизни: войдите, и здѣсь Богъ; но онъ прибавляетъ: помните же, что здѣсь Богъ и что вы служите *ему*.

I.

27 марта 1820 года Н. И. Тургеневъ, тогда уже авторъ „Опыта теоріи налоговъ“, въ Петербургѣ, изъ дома въ домъ, послалъ письмо молодому гвардейскому офицеру Чаадаеву. Наканунѣ у нихъ былъ разговоръ о предметѣ, неотступно занимавшемъ мысль Тургенева уже десять лѣтъ, — о способахъ къ освобожденію крестьянъ,—и Чаадаевъ высказалъ при этомъ соображенія, которыя поразили Тургенева своею новизною и вѣрностью: онъ указалъ на тѣ условія, вслѣдствіе которыхъ уничтоженіе крѣпостного права представляло для французскихъ королей дѣло несравненно болѣе трудное и опасное, нежели какимъ оно можетъ явиться для русскаго правительства. Этимъ разговоромъ и было вызвано письмо Тургенева. „Единая мысль одушевляетъ меня“, писалъ онъ, „единую цѣль предполагаю себѣ въ жизни, одна надежда еще не умерла въ моемъ сердцѣ: *освобожденіе крестьянъ*. По сему вы можете судить, могу ли я быть равнодушнымъ къ каждому умному слову, къ каждой справедливой идеѣ, до сего предмета относящимся. Вчерашній разговоръ утвердилъ еще болѣе во мнѣ то

нѣніе, что вы много можете способствовать распространенію здравыхъ идей объ освобожденіи крестьянъ. Сдѣлайте, почтеннѣйшій, изъ сего святого дѣла главный предметъ вашихъ занятій, вашихъ размышленій. Вспомните, что ничто справедливое не умираетъ: зло, чтобъ е погибнуть, должно, такъ сказать, быть осуществлено; ъ одной мысли оно жить не можетъ; добро же, напротивъ того, живетъ, не умирая, даже и въ одной свободной идеѣ, независимой отъ власти человѣческой... Но сть и у насъ люди, чувствующіе все несчастіе и даже ю непристойность крѣпостнаго состоянія. Обратите ихъ ъ первой цѣли всего въ Россіи! Доказавъ возможность свобожденія, доказавъ первенство онаго между всѣми лагими начинаніями, будемъ богаты. Итакъ, дѣйствуйте, богащайте насъ сокровищами гражданственности“ [1])

Этотъ языкъ и самый предметъ интереса не представляли въ 1820 году ничего исключительнаго: нимало е былъ исключеніемъ и блестящій гвардейскій офицеръ, ерьезно и съ знаніемъ дѣла обсуждающій подобные вопросы. Въ то время изъ Петербурга на югъ и обратно осылалось съ оказіей много такихъ писемъ, гдѣ офицеръ или полковникъ въ пламенныхъ выраженіяхъ доказывалъ товарищу необходимость сплотиться ради служенія благу родины, и еще больше было такихъ разговоровъ. Съ 1816 года, т.-е. по возвращеніи изъ французскаго похода, столичное офицерство стало неузнаваемо. И замѣчательно: это умственное движеніе увлекло не только лучшіе элементы гвардейской молодежи — бу-

---

[1]) „Русск. Арх.“ 1872 г., № 6, стр. 1205—7.

дущихъ декабристовъ,—но и стало модою среди зауряд-ной части ея. Въ той компаніи богатыхъ кутилъ-гусаровъ (Каверинъ, Молоствовъ, Саломирскій, Сабуровъ и др.), гдѣ такъ много вращался Пушкинъ до своей высылки изъ Петербурга въ 1820 году, предметомъ бесѣдъ служили не только веселыя гусарскія похожденія, судя по тому, какъ характеризуетъ ее Пушкинъ:

Младыхъ повѣсъ счастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
И гдѣ мы всѣ—прекраснаго друзья.

И самый удалой изъ нихъ, П. П. Каверинъ, прославившійся кутежами на обѣ столицы, былъ въ то же время геттингенскимъ студентомъ, и серьезно обидѣлся, когда Пушкинъ въ одномъ шутливомъ стихотвореніи упомянулъ о его пьянствѣ, такъ что поэтъ поспѣшилъ угодить ему комплиментомъ,

Что дружно можно жить
Съ Киеерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ,
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

Но если для Кавериныхъ умственные и нравственные интересы являлись предметомъ щегольства или поверхностнаго увлеченія, то будущіе декабристы были всецѣло поглощены этимъ движеніемъ. Къ этой-то сравнительно небольшой группѣ принадлежалъ Чаадаевъ, какъ по образованности и умонастроенію, такъ и по дружескимъ связямъ,—и при всемъ его личномъ своеобразіи, около 1818—20 г. въ немъ нельзя найти ничего что бы сколько-нибудь замѣтно отличало его отъ чле-

ковъ „Союза Благоденствія“ и что давало бы поводъ предчувствовать, какъ далеко онъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи уклонится отъ этого типа.

Да и жизнь его донынѣ складывалась въ чертахъ, вполнѣ типичныхъ для его круга и его поколѣнія. Онъ родился въ Москвѣ 27 мая 1794 года [1]). Объ его отцѣ, Яковѣ Петровичѣ Чаадаевѣ, мы почти ничего не знаемъ [2]); его мать, Наталья Михайловна, была дочерью историка кн. Щербатова. Родители умерли рано: отецъ уже въ 1795 г., мать въ 1797-мъ [3]), и трехлѣтній Чаадаевъ, вмѣстѣ со своимъ на полтора года старшимъ братомъ Михаиломъ, былъ взятъ на воспитаніе старшей сестрою своей матери, княжной Анной Михайловной Щербатовой. Анна Михайловна, на всю жизнь оставшаяся дѣвицей и умершая только въ 1852 году въ глубокой старости, была, по словамъ Жихарева, „разума чрезвычайно простого и довольно смѣшная, но, какъ видно изъ ея жизни, исполненная благости и самоотверженія“. Перевезя сиротъ изъ Нижегородской губерніи, гдѣ умерли родители, къ себѣ въ Москву, она окружила ихъ трепетной любовью и заботливостью; отнынѣ ея жизнь была всецѣло наполнена

---

[1]) Годъ и мѣсто рожденія Чаадаева до сихъ поръ не были достовѣрно извѣстны; эти точныя указанія заимствуемъ изъ старинваго рукописнаго „Реестра роду Чаадаевыхъ“, ведущаго счетъ отъ самаго начала XVIII вѣка и кончающагося П. Я. Чаадаевымъ и его братомъ, Мих. Яковл. (время и мѣсто ихъ смерти приписаны позднѣйшими почерками).

[2]) См. Лонгиновъ въ *Современникѣ*, т. LVIII (1856 г.), отд. V стр. 1—5.

[3]) Та же родословная.

ими, и до конца, спустя много лѣтъ послѣ того, какъ они вышли изъ-подъ ея опеки, она съ тѣмъ же трепетомъ слѣдила за ихъ шагами и все звала къ себѣ, чтобы обогрѣть и самой согрѣться ихъ присутствіемъ и чтобы имъ не тратиться напрасно, „живя на всемъ купленномъ". Старческимъ почеркомъ, не связывая буквъ, на сѣромъ почтовомъ листкѣ съ золотымъ обрѣзомъ, писала она въ 1834 году Михаилу Яковлевичу: „Благодарю Всевышняго, что избралъ меня служить вамъ матерью въ вашемъ дѣтствѣ, и въ васъ нахожу не племянниковъ, но любезныхъ сыновей; ваше благорасположеніе доказываетъ мнѣ вашу дружбу, но и я, будьте увѣрены, что я васъ люблю паче всего; нѣтъ для меня ничего любезнѣе васъ, и тогда только себя счастливою нахожу, когда могу дѣлить время съ вами" [1]).

Легко понять, какъ пестовала эта тетка своихъ питомцевъ. Чаадаевъ росъ балованнымъ и своевольнымъ ребенкомъ, а замѣчательная красота, бойкость, острый умъ и необыкновенныя способности, обнаружившіяся въ немъ очень рано, сдѣлали его въ родственномъ кругу общимъ баловнемъ. Опекуномъ юныхъ Чаадаевыхъ, унаслѣдовавшихъ крупное состояніе, былъ ихъ дядя, кн. Д. М. Щербатовъ, пышный вельможа екатерининской школы; они и воспитывались въ его домѣ, вмѣстѣ съ его единственнымъ сыномъ, своимъ сверстникомъ. Щербатовъ былъ умный и по-своему образованный человѣкъ; онъ позаботился дать мальчикамъ блестящее образованіе. Сначала ихъ воспитаніе было ввѣрено иностранцамъ-гу-

---

[1]) Рукоп. письмо отъ 26 авг. 1834 г.

вернерамъ, а затѣмъ, когда наступило время ученія, къ преподаванію были приглашены лучшіе профессора московскаго университета, снабженнаго тогда, благодаря заботамъ М. Н. Муравьева, первоклассными учеными силами. Знаменитый Буле и Шлецеръ-сынъ, повидимому, занимались съ ними на дому у Щербатова. Словомъ, это былъ тотъ самый родъ образованія, съ которымъ знакомятъ насъ біографіи Грибоѣдова.

Подобно Грибоѣдову же и, вѣроятно, въ одно время съ нимъ, т.-е. около 1809 года, Чаадаевъ, вмѣстѣ съ братомъ и молодымъ Щербатовымъ, поступилъ въ университетъ, вѣроятно по словесному отдѣленію. Его товарищами здѣсь были, кромѣ Грибоѣдова, И. М. Снегиревъ, Н. И. Тургеневъ, И. Д. Якушкинъ, братья Л. и В. Перовскіе [1]), и со всѣми ними онъ сохранилъ потомъ дружескія отношенія до своей или ихъ смерти. Это былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ въ исторіи московскаго университета. За короткій срокъ своего попечительства Муравьевъ сумѣлъ обновить университетскую жизнь; достаточно сказать, что изъ 37 профессоровъ только одиннадцать начали службу при Екатеринѣ и Павлѣ, всѣ остальные вступили на каѳедры уже по введеніи университетскаго устава 1804 года [2]).

---

[1]) Для Грибоѣдова см. „Русск. Арх.“ 1888, II, стр. 305, для Снегирева — „Русск. Арх.“ 1904, № 5, стр. 43 и пр., для Тургенева и Якушкина—собственное показаніе Чаадаева, „Р. Ст.“ 1900, № 12, стр. 584, для Перовскихъ — Шевыревъ, *Исторія моск. унив.*, стр. 399.

[2]) Нилъ Поповъ, *Возстановленіе моск. университета послѣ франц. нашествія 1812 года.* „Русск. Арх.“ 1881, I (2) стр. 386.

Какъ разъ на философскомъ факультетѣ многія отрасли знанія были поставлены на уровень европейской науки; здѣсь рядомъ съ иностранными учеными, какъ Баузе, Буле и Шлецеръ, появляются въ это время свѣжія русскія силы, какъ талантливый Мерзляковъ и Каченовскій.

Въ то время и въ томъ кругу юноши вообще созрѣвали рано, но Чаадаевъ и среди своихъ сверстниковъ представлялъ, повидимому, не совсѣмъ заурядное явленіе. „Только-что вышедши изъ дѣтскаго возраста, — разсказываетъ Жихаревъ, — онъ уже началъ собирать книги и сдѣлался извѣстенъ всѣмъ московскимъ букинистамъ [1]), вошелъ въ сношенія съ Дидотомъ въ Парижѣ, четырнадцати лѣтъ отъ роду писалъ къ незнакомому ему тогда князю Сергѣю Михайловичу Голицыну о какомъ-то нуждающемся, толковалъ съ знаменитостями о предметахъ религіи, науки и искусства". Лѣтъ 16-ти, по словамъ того же біографа, онъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ молодыхъ людей московскаго большого свѣта и однимъ изъ лучшихъ танцоровъ. Онъ уже тогда отличался тѣмъ аристократизмомъ внѣшняго вида, той свѣтски-непринужденной изящностью костюма, манеръ и поведенія, которой не утратилъ до самой смерти. Какъ-то естественно онъ завоевалъ себѣ полную свободу дѣйствій, ѣздилъ куда хотѣлъ, никому не отдавалъ отчета, держался смѣло и независимо; онъ уже тогда импонировалъ окружающимъ своей гордой самостоятельностью.

---

[1]) Его библіотека уже въ 1812 году была извѣстна библіографамъ: на нее дважды указываетъ Сопиковъ въ первомъ томѣ своего „Опыта россійской библіографіи", изданномъ въ 1813 году (стр. 10 и 43).

Но этотъ блестящій молодой аристократъ былъ уже и удивительно начитанъ, и поражалъ рѣзкой своеобразностью ума. Это былъ умъ строгій и дисциплинированный какъ бы отъ природы, почти не русскій умъ: въ немъ не было и слѣда той распущенности и задушевной мечтательности, которыя характеризуютъ славянское мышленіе.

Съ окончаніемъ университетскаго курса, по исконному дворянскому обычаю, молодыхъ Чаадаевыхъ ждала военная служба, и разумѣется—при ихъ связяхъ и богатствѣ—въ Петербургѣ, въ гвардіи. 12 мая 1812 года оба они вступили подпрапорщиками лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ, гдѣ когда-то служилъ ихъ дядя-опекунъ и гдѣ они уже застали кое-кого изъ университетскихъ товарищей, напримѣръ Якушкина [1]). До взятія Парижа оба брата проходили службу неразлучно; оба участвовали въ сраженіяхъ подъ Бородинымъ, Тарутинымъ и Малымъ Ярославцемъ, при Люценѣ, Бауценѣ, Пирнѣ, подъ Кульмомъ и Лейпцигомъ; оба почти въ тѣ же дни производились въ слѣдующіе чины и получили

---

[1]) Для дальнѣйшаго см. указъ объ отставкѣ П. Я. Чаадаева въ „Р. М." 1896 г. № 4, стр. 148, и рукописный указъ объ отставкѣ Мих. Якова. Ч. — Предположеніе проф. Кирпичникова („Р. М.", тамъ же), что Ч. вступилъ въ военную службу не по традиціонному обыкновенію дворянской молодежи, а для того, „чтобы защищать родину" въ виду грозившаго французскаго нашествія, ни на чемъ не основано. Въ такомъ случаѣ онъ, подобно Грибоѣдову, вступилъ бы вѣроятно въ московскій гусарскій полкъ кн. Салтыкова. Якушкинъ, какъ и большинство будущихъ декабристовъ, вступилъ на службу до 1812 года.

тѣ же знаки отличія. Михаилъ дольше оставался въ Семеновскомъ полку, Петръ уже въ 1813 г. перешелъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ, затѣмъ въ гусарскій лейбъ-гвардіи, и въ 1817 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ командиру гвардейскаго корпуса, ген.-адъют. Васильчикову. Весною 1816 года мы застаемъ Петра Чаадаева въ Царскомъ Селѣ, гдѣ стоялъ тогда его полкъ,—и здѣсь, въ домѣ Карамзина, онъ познакомился съ лицеистомъ послѣдняго курса Пушкинымъ, о которомъ уже раньше слышалъ отъ Грибоѣдова, какъ о многообѣщающемъ юномъ поэтѣ [1]).

Ближайшіе четыре года, проведенные Чаадаевымъ въ Петербургѣ, т.-е. до его выхода въ отставку въ 1821 году, были самымъ счастливымъ временемъ его жизни. Онъ былъ очень красивъ: бѣлый, съ нѣжнымъ румянцемъ, стройный, тонкій, изящный, онъ заслужилъ среди товарищей прозваніе „le beau Tchadaef“; безукоризненная свѣтскость манеръ, гордая независимость [2]). соединенная съ любезностью въ обращеніи, невольно привлекали къ нему взоры во всякомъ обществѣ. Его положеніе въ свѣтѣ было вполнѣ упрочено, а близость къ Васильчикову, обширныя связи и личное знакомство съ великими князьями сулили ему блистательную карьеру по службѣ; его зналъ и государь, прочившій его, какъ

[1]) „*Изъ разсказовъ кн. П. А. и княг. В. Ѳ. Вяземскихъ*“ „Р. Арх.“ 1888, II, стр. 305.

[2]) Въ одномъ шуточномъ стихотвореніи („Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“ 1816 года), гдѣ Пушкинъ характеризуетъ каждаго изъ своихъ пріятелей-гусаровъ *одним* признакомъ, Чаадаеву присвоена „гордость“.

говорили, къ себѣ въ адъютанты. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ несомнѣнно однимъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Петербургѣ; отнюдь не пренебрегая своими свѣтскими отношеніями, онъ много и серьезно читалъ и уже въ это время пріобрѣлъ репутацію молодого мудреца. Его рѣдко видали на балахъ, онъ не ухаживалъ за женщинами; въ его строгой серьезности была, вѣроятно, и доля аффектаціи, не покидавшей его никогда, но Карамзинъ ласкалъ его, и люди замѣчательнаго ума, лучшіе изъ его сверстниковъ, какъ Пушкинъ, Якушкинъ и др., высоко цѣнили свою близость съ нимъ [1]).

У насъ есть достаточно данныхъ, чтобы представить себѣ воззрѣнія Чаадаева въ эту эпоху. Какъ уже сказано, они были совершенно типичны для его пріятельскаго круга. Вліяніе, оказанное на нашу военную молодежь полуторагодичнымъ пребываніемъ въ Германіи и Франціи во время войны съ Наполеономъ, слишкомъ извѣстно, чтобы нужно было подробно говорить о немъ. Извѣстно, какою горечью наполнились сердца этихъ офицеровъ, когда по возвращеніи они новыми глазами взглянули вокругъ себя и увидѣли порабощенный народъ, погрязшее въ матеріализмѣ общество, невѣжество, грубость и произволъ повсюду; извѣстно, какъ все, что было живого среди этой молодежи, постепенно, подъ вліяніемъ правительственной реакціи, все сильнѣе охватывала жажда пожертвовать собою для блага родины, какъ стали

---

[1]) О петербургской жизни Чаадаева см. Жихаревъ, В. Евр. 1871, іюль, 188 и сл., Лонгиновъ, Р. Вѣстн. 1862, ноябрь, 124 и сл., Вигель, *Записки*, нов. изд., ч. VI, стр. 19.

возникать тайные кружки подъ характерными названіями „Союза спасенія“ или „Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества“, „Общества благомыслящихъ“, „Союза благоденствія“, которымъ суждено было привести къ катастрофѣ 14 декабря. На почвѣ пламеннаго идеализма здѣсь вырабатывались несокрушимыя гражданскія убѣжденія и, вмѣстѣ, удивительная нравственная чистота. Въ одной неоконченной повѣсти Пушкина о петербургскихъ офицерахъ 1818 года говорится, что въ то время среди нихъ были въ модѣ „строгость правилъ и политическая экономія“.

Такова характеристика круга — и она всецѣло приложима къ Чаадаеву. Въ 1818—20 гг. онъ былъ, какъ извѣстно, очень близокъ съ Пушкинымъ. Старше годами и несравненно болѣе образованный, онъ сразу занялъ по отношенію къ молодому поэту положеніе друга-ментора. О чемъ же говорили они въ долгихъ дружескихъ бесѣдахъ, чтó проповѣдывалъ гусаръ-философъ геніальному юношѣ? Три посланія Пушкина къ Чаадаеву, 1818—21 г., живо изображаютъ предметъ и характеръ этихъ бесѣдъ. Здѣсь говорилось о томъ же, чѣмъ были полны мысли всей передовой молодежи,—о „строгости правилъ“, а всего больше о „политической экономіи“, т.-е. благѣ родины и деспотическомъ гнетѣ.

„Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ“, говоритъ Пушкинъ Чаадаеву,—

Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,

Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь:
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.

Но главнымъ предметомъ разговоровъ и совмѣстныхъ чтеній [1]) были „вольнолюбивыя надежды“: только о нихъ и говоритъ Пушкинъ въ первыхъ двухъ посланіяхъ.

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ.
Но въ насъ кипитъ еще желанье:
Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья.
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

---

[1]) „Поспоримъ, *перечтемъ*“... (*Чаадаеву*, 1821 г.); „Какъ я съ Каверинымъ гулялъ... Съ моимъ Чадаевымъ читалъ...“ („Р. Стар.“ 1884, іюль, стр. 15, *Рукописи Пушкина*).

Очевидно, въ глазахъ Пушкина Чаадаевъ былъ прежде всего борцомъ за гражданскую свободу, представителемъ либеральнаго движенія; чему училъ Пушкина Чаадаевъ, то самое могъ внушать молодому поэту любой изъ старшихъ его возрастомъ декабристовъ — М. Ѳ. Орловъ, Якушкинъ, даже его ровесникъ Пущинъ или Рылѣевъ,— и о любомъ изъ нихъ онъ могъ бы сказать тѣ же слова, которыми въ 1816 году характеризовалъ Чаадаева: „Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ".

Итакъ, около 1820 года воззрѣнія Чаадаева, повидимому, ничѣмъ не отличались отъ воззрѣній большинства развитой молодежи. Къ тому же, и его ближайшій дружескій кругъ состоялъ преимущественно изъ будущихъ декабристовъ. Онъ поддерживалъ близкія отношенія съ Н. И. Тургеневымъ, вернувшимся въ 1816 г. изъ-за границы, а старый университетскій товарищъ Якушкинъ, кн. Трубецкой, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы-Апостолы и Никита Муравьевъ были его интимными друзьями [1]. Изъ записокъ Якушкина мы знаемъ, какіе интересы господствовали въ этомъ кружкѣ. „Въ это время,—разсказываетъ Якушкинъ [2]), — Сергѣй Трубецкой, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы и я—мы жили въ казармахъ и очень часто бывали вмѣстѣ съ тремя братьями Муравьевыми: Александромъ, Михаиломъ и Николаемъ. Никита Муравьевъ также часто видался съ нами. Въ бесѣдахъ нашихъ обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: за-

---

[1]) „Р. Стар." 1900, декабрь, стр. 581—5.

[2]) *Записки*, Москва, 1905, стр. 6.

коснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ почти была каторга; повсемѣстное лихоимство, грабительство и наконецъ явное неуваженіе къ человѣку вообще". Въ этихъ разговорахъ, конечно, многократно участвовалъ и Чаадаевъ; на одну изъ такихъ бесѣдъ намекаетъ приведенное выше письмо Н. И. Тургенева. Больше того: Чаадаевъ не былъ чуждъ и самому революціонному движенію, зарождавшемуся въ этомъ кругу. Когда въ „Союзѣ благоденствія" Н. И. Тургеневъ задумалъ основать журналъ для пропаганды, этому дѣлу брался помогать, вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ, и Чаадаевъ, „воспитывавшійся еще для общества", какъ сказано въ *Запискѣ о тайныхъ обществахъ*, поданной въ 1821 году Александру I Бенкендорфомъ [1]). Позднѣе, на знаменитомъ московскомъ съѣздѣ въ началѣ 1821 года, Якушкину поручено было принять Чаадаева въ члены новаго тайнаго общества; когда вскорѣ послѣ этого Чаадаевъ, получивъ отставку, пріѣхалъ въ Москву, Якушкинъ передалъ ему это предложеніе, и Чаадаевъ согласился, прибавивъ, что напрасно его не приняли раньше: тогда онъ остался бы на службѣ и постарался бы попасть въ адъютанты къ вел. кн. Николаю Павловичу, который, можетъ быть, изъ эгоистическихъ видовъ оказалъ бы поддержку тайному обществу [2]).

---

[1]) Шильдеръ, *Имп. Александръ I*, т. IV, стр. 211; „Р. Арх." 1875. XII, стр. 427.

[2]) *Записки* И. Д. Якушкина, стр. 56. Показанію Чаадаева на жандармскомъ допросѣ 1826 года, что онъ не имѣлъ никакого понятія о существовавшихъ въ Россіи тайныхъ обществахъ, и ни къ какому тайному обществу никогда не принадлежалъ („Р. Стар."

Само собою разумѣется, что Чаадаевъ былъ и масономъ: такова была тогдашняя мода, и большинство будущихъ декабристовъ отдали ей дань. Въ 1816 году онъ числился уже по пятой степени въ ложѣ Amis Réunis, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ или до него состояли членами Грибоѣдовъ, Пестель, Волконскій, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ и др. [1]); онъ достигъ здѣсь восьмой степени (тайныхъ бѣлыхъ братьевъ), но, повидимому, уже въ 1818 году фактически оставилъ масонство, убѣдившись, какъ онъ показывалъ позднѣе на допросѣ, „что въ ономъ ничего не заключается могущаго удовлетворить честнаго и разсудительнаго человѣка" [2]). Какъ извѣстно, къ такому же убѣжденію пришли и многіе декабристы: новое русское масонство, возрожденное при Александрѣ I, настолько было загромождено странной и смѣшной обрядностью, что его первоначальная задача, мистическая и филантропическая, совершенно стушевалась; въ томъ же 1818 году вышли изъ масонства Илья Долгорукій, Никита и Сергѣй Муравьевы, еще раньше Пестель и т. д. [3]),

---

1900, дек., стр. 588), разумѣется, нельзя придавать значенія. Свидѣтельство Якушкина подтверждается и другими данными, о которыхъ ниже.

[1]) А. Н. Пыпинъ, *Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ*, „В. Евр." 1872. II, стр. 600—601.

[2]) „Р. Стар." 1900, дек., стр. 587; Чаадаевъ показалъ между прочимъ, что въ 1818 году написалъ рѣчь о масонствѣ, „гдѣ ясно и сильно выразилъ мысль свою о безумствѣ и вредномъ дѣйствіи тайныхъ обществъ вообще".

[3]) „Р. Стар." 1904, апрѣль, стр. 19—20; Пыпинъ, ibid. Объ обрядности въ ложѣ „Соединенныхъ друзей" см. любопытную за-

Разумѣется, трудно судить о томъ, принялъ ли бы Чаадаевъ при нормальныхъ условіяхъ прямое участіе въ декабрьскомъ мятежѣ. Онъ былъ по натурѣ человѣкъ кабинетный, лишенный активности; его умъ, созерцательный по преимуществу, едва ли былъ способенъ всецѣло отдаться во власть фанатическому убѣжденію, направленному на достиженіе какой-нибудь, хотя бы и самой широкой практической цѣли. Пушкинъ характеризуетъ его словами:

всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
И вѣтренной толпы безстрастный наблюдатель;

такіе люди не идутъ на площадь съ оружіемъ въ рукахъ, даже если сабля случайно виситъ у нихъ сбоку. Именно этой умозрительной складкой его характера можно объяснить, почему Чаадаевъ, при своихъ дружескихъ связяхъ съ виднѣйшими членами „Союза благоденствія“ и при уваженіи, которое питали къ нему такіе убѣжденные революціонеры, какъ Якушкинъ или Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, такъ долго оставался въ сторонѣ отъ ихъ подпольной работы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что они считали его своимъ, и это мнѣніе было столь прочно, что, какъ увидимъ, его не сумѣли поколебать ни отъѣздъ Чаадаева за границу какъ разъ въ моментъ наибольшаго разгара пропаганды, ни его практическій индифферентизмъ въ ближайшіе годы, ни даже его окончательное уклоненіе въ мистицизмъ. Съ полною увѣренностью можно

писку А. П. Степанова, *Принятіе въ массоны въ 1815 году*. „Р. Стар.“ 1870, т. I, стр. 223 и сл.

сказать, что въ этотъ періодъ (1816—1820 гг.) центральнымъ пунктомъ его міровоззрѣнія былъ общественный интересъ и что единственнымъ достойнымъ приложеніемъ силъ для патріота онъ считалъ то самое, въ чемъ видѣли свой долгъ декабристы и что Н. Тургеневъ выразилъ словами: „обогащать Россію сокровищами гражданственности“. До насъ дошло письмо Чаадаева къ брату отъ 25 мая 1820 г., гдѣ есть нѣсколько удивительно характерныхъ строкъ. „Еще одна большая новость— этой новостью полнъ весь міръ: испанская революція кончена, король принужденъ подписать конституціонный актъ 1812 г. Цѣлый народъ возсталъ, въ три мѣсяца разыгривается до конца революція,—и ни капли крови пролитой, никакой рѣзни, ни потрясеній, ни излишествъ, вообще ничего, что могло бы осквернить это прекрасное дѣло, — что ты объ этомъ скажешь? Вотъ разительный аргументъ въ дѣлѣ революцій, осуществленный на практикѣ! Но во всемъ этомъ есть нѣчто, касающееся насъ особенно близко,—сказать ли что? Могу ли довѣриться этому нескромному листку? Нѣтъ, лучше помолчу. Уже и безъ того меня называютъ демагогомъ. Глупцы! они не понимаютъ, что кто презираетъ свѣтъ, не станетъ заботиться о его исправленіи“ [1]).—Здѣсь весь Чаадаевъ тѣхъ лѣтъ — гвардеецъ-либералъ, но съ перевѣсомъ въ сторону умозрѣнія: „вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель“, и не безъ аффектаціи.

[1]) Рукоп. письмо (по франц.) отъ 25 мая 1820 г. Оно вѣроятно было взято при какомъ-нибудь обыскѣ; на немъ надпись: „Письмо Чаадаева, бывшаго адъютантомъ у г. Васильчикова, къ брату, отставному Бородинскаго полка маіору Чаадаеву“.

II.

Въ концѣ 1820 года случилось происшествіе, сразу и круто измѣнившее внѣшнюю судьбу Чаадаева: мы говоримъ объ его отставкѣ и о предшествовавшей ей поѣздкѣ въ Троппау. Многія обстоятельства этого дѣла до сихъ поръ остаются загадочными, несмотря на то, что о немъ существуетъ цѣлая литература [1]). Вотъ въ чемъ заключалась его суть.

16 и 17 октября 1820 года произошло возмущеніе въ 1-мъ батальонѣ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка; бунтъ былъ лишенъ всякой политической окраски; въ немъ участвовали одни солдаты. Къ государю, находившемуся въ Троппау на конгрессѣ, тотчасъ былъ посланъ фельдъегерь съ рапортомъ о случившемся, а спустя нѣсколько дней, 22-го, туда же выѣхалъ Чаадаевъ, котораго Васильчиковъ, командиръ гвардейскаго корпуса, избралъ для подробнаго доклада царю. Черезъ полтора мѣсяца послѣ этой поѣздки, въ концѣ декабря, Чаадаевъ подалъ въ отставку и приказомъ отъ 21 февраля 1821 г. былъ уволенъ отъ службы.

Поѣздка Чаадаева въ Троппау и его неожиданный

---

[1]) Жихаревъ, „В. Евр." 1871, іюль, стр. 199—208; Лонгиновъ, „Р. Вѣст." 1862, ноябрь, 184—188; его же *Эпизодъ изъ жизни П. Я. Чаадаева*, „Р. Арх." 1868, № 7—8, стр. 1317 и сл.; его же, „Р. Вѣстн." 1860, мартъ, кн. 2-я, стр. 28 и сл.; Карцевъ, *Событіе въ л.-гв. Семен. полку*, „Р. Стар." 1888, апрѣль, стр. 72; „Р. Арх." 1875, № 5, стр. 79—80; Кирпичниковъ, „Р. Мысль", 1896, IV, стр. 145—147. Богдановичъ, Свербеевъ, Шильдеръ и пр.

выходъ въ отставку подали въ то время поводъ ко всевозможнымъ толкамъ и сплетнямъ, которые не замедлили отразиться въ литературѣ и частью держатся до сихъ поръ. Говорили, что Чаадаевъ, благодаря излишней заботливости о своихъ удобствахъ и костюмѣ, слишкомъ долго задерживался на станціяхъ между Петербургомъ и Троппау и тѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ царя, что онъ былъ отставленъ отъ службы и т. д. Всѣ эти вымыслы давно опровергнуты Лонгиновымъ на основаніи мемуаровъ Меттерниха, и къ нимъ не стоитъ возвращаться. Важнѣе та гипотеза о причинахъ, побудившихъ Чаадаева подать въ отставку, которую впервые выставилъ Жихаревъ и которая повторяется донынѣ. Исходя изъ того соображенія, что Чаадаевъ самъ когда-то служилъ въ Семеновскомъ полку, что и въ данный моментъ среди офицеровъ этого полка у него были близкіе пріятели и что, слѣдовательно, поѣздка къ государю съ донесеніемъ о дѣлѣ, которое неминуемо должно было навлечь на полкъ тяжелую кару, была поступкомъ нравственно-непригляднымъ, онъ видитъ въ отставкѣ Чаадаева „усиліе истинной добродѣтели и исполненное славы искупленіе великой ошибки“. Чаадаевъ де, вернувшись въ Петербургъ, опомнился и ужаснулся своего необдуманнаго поступка, на который толкнуло его тщеславіе или честолюбіе; къ тому же чуть ли не весь гвардейскій корпусъ воспылалъ противъ него негодованіемъ за столь нетоварищескій поступокъ; и вотъ онъ рѣшилъ пожертвовать карьерою ради сохраненія добраго имени, уваженія своего и другихъ.

Вся эта догадка опровергается однимъ простымъ фак-

омъ. Даже если бы дѣло обстояло такъ, какъ изображаетъ его Жихаревъ, т.-е. если бы Чаадаевъ искупилъ вою вину тяжелой жертвой,—некрасивый поступокъ не огъ бы быть тотчасъ прощенъ ему товарищами. Между ѣмъ поѣздка въ Троппау нимало не пошатнула его отюшеній съ друзьями, съ бывшими и настоящими офиерами Семеновскаго полка, притомъ людьми ригористиеской честности, какъ Якушкинъ или Муравьевы: мы идѣли, что тотчасъ же послѣ отставки Якушкинъ приглашаетъ его въ члены тайнаго общества; онъ остается въ дружескихъ отношеніяхъ съ Трубецкимъ, съ Никитою Муравьевымъ и Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ[1], а послѣдній, который, подобно брату своему Сергѣю, былъ въ числѣ офицеровъ Семеновскаго полка, пострадавшихъ изъ-за октябрьской исторіи, въ 1823 году, какъ увидимъ ниже, провожаетъ Чаадаева въ Кронштадтъ при его отъѣздѣ за границу. Если бы увѣренность въ томъ, что Чаадаевъ измѣнилъ правиламъ чести въ надеждѣ на флигель-адъютантскіе эполеты, дѣйствительно имѣла какія-нибудь основанія, друзья не простили бы ему такъ легко: въ его кругу въ тѣ годы правила чести блюлись свято и строго.

Весьма возможно, что отставка Чаадаева даже вовсе не стояла въ связи съ его поѣздкою въ Троппау. По крайней мѣрѣ, мысль объ отставкѣ созрѣла у него задолго до этой исторіи. Еще весною 1820 г., т.-е. за полгода до Семеновскаго бунта, онъ писалъ изъ Петербурга брату: „Спѣшу извѣстить тебя, что отставка тебѣ дана,

[1]) „Р. Стар." 1900, декабрь, стр. 583.

хотя, можетъ быть, ты уже знаешь это. Итакъ, ты наконецъ свободенъ. Отъ души завидую тебѣ и очень хотѣлъ бы какъ можно скорѣе быть въ томъ же положеніи. Ходатайствовать объ отставкѣ сейчасъ, значило бы съ моей стороны просить милости; можетъ быть, я получилъ бы ее — но какъ рѣшиться возбуждать ходатайство, не имѣя на то права? Однако возможно, что въ концѣ концовъ я это сдѣлаю" [1]).

Въ концѣ концовъ у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы съ достовѣрностью судить о причинахъ его отставки. Онъ просилъ о ней „по домашнимъ обстоятельствамъ", и ему дали ее неохотно—очевидно, имъ дорожили. Васильчиковъ сообщилъ о его просьбѣ въ Лайбахъ государю, оттуда послѣдовалъ запросъ о причинѣ, побуждающей его бросить службу, и въ отвѣтъ Васильчиковъ писалъ кн. Волконскому, что Чаадаевъ мотивируетъ свою просьбу желаніемъ тетки, княжны Щербатовой, чтобы онъ жилъ съ нею: „Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ его удержать; я ему даже предлагалъ 4-хмѣсячный отпускъ, но онъ твердо стоитъ на своемъ, и я думаю, что всего лучше исполнить его желаніе" [2]). Нѣкоторый, хотя очень неясный свѣтъ проливаетъ на этотъ эпизодъ напечатанное въ „Русской Старинѣ" за 1882 г. (февраль) письмо Чаадаева къ его воспитательницѣ-теткѣ изъ Петербурга отъ 2 января 1821 года [3]). Приводимъ его дословно. „Этотъ разъ, любезная тетушка, я

---

[1]) Рукоп. письмо (франц.) отъ 25 мая 1820 г., упомянутое выше.

[2]) „Р. Арх." 1875, № 8, стр. 452.

[3]) Подлинникъ—по-французски; рус. переводъ заимствуемъ изъ „Р. Стар.".

взялся за перо съ намѣреніемъ сообщить вамъ, что я положительно подалъ просьбу о моемъ увольненіи. Черезъ мѣсяцъ я надѣюсь извѣстить васъ о томъ, что просьба моя уважена. Надобно вамъ сказать, что она произвела сильное впечатлѣніе на нѣкоторыя личности. Сначала не хотѣли вѣрить, что я серьезно прошу отставки, затѣмъ поневолѣ пришлось повѣрить этому, но до сихъ поръ никто не можетъ понять, какимъ образомъ я могъ рѣшиться на это въ то время, какъ я долженъ былъ получить то, чего я, повидимому, такъ желалъ, чего всѣ такъ добиваются и, наконецъ, того, что для молодого человѣка въ моемъ чинѣ считается самой лестной наградой. Иные полагаютъ даже, что я испросилъ эту милость во время моей поѣздки въ Троппау и что я подалъ прошеніе объ отставкѣ лишь съ цѣлью придать ей болѣе вѣсу. Черезъ нѣсколько недѣль они будутъ всѣ выведены изъ заблужденія. Дѣло въ томъ, что по возвращеніи императора меня должны были дѣйствительно назначить флигель-адъютантомъ къ нему; такъ говорилъ, по крайней мѣрѣ, Васильчиковъ. Я счелъ болѣе забавнымъ пренебречь этою милостью, нежели добиваться ея. Мнѣ было пріятно выказать пренебреженіе людямъ, пренебрегающимъ всѣми. Какъ видите, все это чрезвычайно просто. Въ сущности, надобно сознаться, я очень доволенъ, что мнѣ удалось отдѣлаться отъ благодѣяній, такъ какъ скажу откровенно—нѣтъ на свѣтѣ человѣка столь высомѣрнаго, какъ Васильчиковъ, и моя отставка будетъ настоящимъ сюрпризомъ для него. Вы знаете, что я слишкомъ честолюбивъ, чтобы гоняться за чьей-нибудь милостью и за пустымъ почетомъ, связаннымъ съ нею.

Если я и желалъ когда-либо чего-нибудь подобнаго, то это было все равно, какъ если бы я желалъ имѣть красивую мебель или изящный экипажъ, однимъ словомъ, какую-нибудь игрушку; ну, такъ игрушка за игрушку! Мнѣ еще пріятнѣе въ этомъ случаѣ видѣть злобу высокомѣрнаго глупца".

Любопытна самая исторія этого письма: оно найдено въ пачкѣ перлюстрованныхъ писемъ, представленныхъ высшимъ властямъ московскимъ почтъ-директоромъ Рушковскимъ. Изъ письма кн. Волконскаго къ Васильчикову изъ Лайбаха, отъ 21 февраля 1821 года [1]), извѣстно, что въ промежутокъ времени между подачею Чаадаевымъ прошенія объ отставкѣ и подписаніемъ указа о ней государь получилъ какія-то свѣдѣнія, „весьма для него (для Чаадаева) невыгодныя", вслѣдствіе чего и приказалъ дать ему отставку безъ пожалованія чина; „вы удивитесь тому, что вамъ государь *покажетъ*", пишетъ Волконскій. Проф. Кирпичниковъ думалъ, что рѣчь идетъ здѣсь о той „Запискѣ о тайныхъ обществахъ", которую Бенкендорфъ представилъ Александру въ 1821 году и гдѣ, какъ сказано выше, упомянутъ и Чаадаевъ [2]). Болѣе вѣроятнымъ представляется, что Волконскій имѣлъ въ виду именно это перехваченное письмо къ теткѣ.

Въ этомъ самомъ письмѣ Чаадаевъ писалъ теткѣ, что по полученіи отставки проживетъ нѣкоторое время въ Москвѣ — до тѣхъ поръ, пока сможетъ уѣхать въ Швейцарію, гдѣ намѣренъ остаться навсегда: „Я буду

---

[1]) „Р. Арх." 1875, № 5, стр. 78—79.
[2]) „Р. Мысль" 1896, № 4, стр. 147.

навѣщать васъ года черезъ три, черезъ два, можетъ быть ежегодно, но отечествомъ моимъ будетъ Швейцарія... Мнѣ невозможно оставаться въ Россіи по многимъ причинамъ".

Однако за границу онъ уѣхалъ только спустя два года слишкомъ, и не навсегда. Эти два года онъ провелъ отчасти въ Москвѣ, отчасти въ имѣніи тетки [1]), временами бывалъ и въ Петербургѣ [2]); въ маѣ 1822 года онъ съ братомъ подѣлили между собою наслѣдственныя нижегородскія деревни, при чемъ Петру Яковлевичу, судя по сохранившимся документамъ, досталось 456 душъ муж. пола, съ долгомъ на нихъ въ 29.000 руб., и земли удобной 3.000 десятинъ, да свыше тысячи десятинъ лѣса; кромѣ того, братъ долженъ былъ выплатить ему періодическими взносами 70 тыс. руб. Въ концѣ мая 1823 года Чаадаевъ отправился въ Петербургъ и 6 іюля изъ Кронштадта, напутствуемый Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ и бывшимъ своимъ товарищемъ по адъютантству у Васильчикова, А. Н. Раевскимъ, отплылъ въ Англію [3]). Дѣйствительно ли онъ тогда думалъ навсегда остаться за границей? Его ближайшій другъ Якушкинъ, съ которымъ онъ переписывался изъ З. Европы, повидимому былъ въ этомъ увѣренъ: на допросѣ въ началѣ 1826 года онъ назвалъ двухъ соучастниковъ тайнаго общества—генерала Пассека, уже умер-

---

1) „Р. Стар." 1900, декабрь, стр. 584.

2) Остаф. архивъ, II, стр. 290 (февраль 1823 г.).

3) 29 мая онъ въ Москвѣ выдалъ довѣренность брату, а 8 іюня былъ уже въ Петербургѣ (Остаф. арх., II, стр. 329).

шаго, и Чаадаева, находившагося за границей [1]). Конечно, Якушкинъ не выдалъ бы Чаадаева, если бы думалъ, что онъ имѣетъ въ виду вернуться. Но самъ Чаадаевъ въ заграничныхъ письмахъ къ брату постоянно оправдывается въ томъ, что просрочилъ годичный „отпускъ“, данный ему теткою и братомъ, и о своемъ возвращенiи въ Россiю говоритъ, какъ объ окончательномъ водворенiи на всю жизнь.

III.

Прощаясь съ Чаадаевымъ на пароходѣ въ девятомъ часу вечера 6 iюля 1823 года, его петербургскiе друзья навѣрное не догадывались, что передъ ними стоитъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, котораго они знали два года назадъ. За эти два года Чаадаевъ пережилъ глубокiй душевный переворотъ, о которомъ нѣтъ ни одного намека въ его бiографiяхъ: Чаадаевъ сталъ мистикомъ [2]).

---

[1]) *Записки*, стр. 100.

[2]) Какiя-то свѣдѣнiя объ этомъ имѣлъ, очевидно, авторъ статьи о Чаадаевѣ въ *Библiогр. Зап.* 1861, № 1, который по поводу „Философическаго письма“ говоритъ: „въ этомъ письмѣ... отразился вообще тотъ мистико-философскiй характеръ, который былъ навѣянъ на Чаадаева изученiемъ тогдашней нѣмецкой философiи. Во время странствованiя его по Европѣ онъ довольно усердно занимался ею. Стоитъ вспомнить, что въ то время Юнгъ Штилингъ, Екартсгаузенъ и Сведенборгъ были въ довольно большомъ почетѣ. Влiянiе ихъ въ 20 годахъ отразилось довольно сильно и въ нашей переводной литературѣ“.

Въ тѣ самые годы послѣ французской кампаніи, когда горсть военныхъ и литераторовъ со страстью отдалась политическимъ интересамъ, слушала лекціи Куницына о естественномъ правѣ и составляла тайныя общества,— несравненно большая часть русскаго общества была увлечена мистическимъ теченіемъ. Это теченіе, зародившееся, какъ извѣстно, еще въ XVIII вѣкѣ въ кругу московскихъ мартинистовъ, не изсякло послѣ разгрома Новиковскаго кружка; но приблизительно съ 1815 года оно возрождается съ новою силою и отчасти въ иной формѣ. Намъ невозможно и для прямой нашей цѣли не нужно изслѣдовать здѣсь причины этого движенія, еще въ большей степени охватившаго тогда Западную Европу. Историки нашей литературы объясняютъ его тѣмъ впечатлѣніемъ, какое должна была произвести на умы только-что разъигравшаяся Наполеоновская эпопея, этотъ ослѣпительный рядъ событій колоссальныхъ, неожиданныхъ, какъ бы явно направляемыхъ какою-то сверхъестественною силой и уличавшихъ въ безсиліи человѣческую мысль, которая недавно, въ философіи XVIII вѣка, провозгласила себя всемогущей; они прибавляютъ къ этому, что правительства и высшіе классы были заинтересованы въ успѣхахъ мистическаго движенія, которое справедливо считалось противоядіемъ противъ революціонныхъ идей, и поспѣшили взять его подъ свое покровительство. Во всемъ этомъ, безъ сомнѣнія, есть доля правды; но наши историки—закоренѣлые раціоналисты по міровоззрѣнію и общественники по интересу — разсматривали мистицизмъ съ такимъ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ, что и самый духъ его, и глубокіе его источники неизбѣжно

должны были остаться скрытыми отъ нихъ [1]). Этотъ вопросъ еще ждетъ своего изслѣдователя.

Для насъ достаточно констатировать фактъ необычайнаго увлеченія мистицизмомъ, охватившаго въ промежутокъ времени съ 1815 по 1823 г. всѣ классы русскаго общества. Во главѣ движенія стоялъ, какъ извѣстно, самъ царь: его дворъ и дворъ императрицы были полны искреннихъ и убѣжденныхъ мистиковъ, какъ кн. Голицынъ, кн. Мещерская, Хитрово и др.; немало было ихъ и среди высшихъ сановниковъ и высшихъ іереевъ русской церкви; предъ общимъ увлеченіемъ не устоялъ даже Филаретъ, а Штиллинга, Гюйонъ, Эккартсгаузена читали всѣ, отъ митрополита до сельскаго священника. Приблизительно съ 1818 года нашъ книжный рынокъ начинаетъ наводняться мистическою литературой, частью оригинальной, но больше переводной; ежегодно издавались десятки книгъ и часто выдерживали по два изданія; въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ распространялись народныя книжки мистическаго содержанія. Эккартсгаузенъ былъ переведенъ почти весь (болѣе 25 книгъ), за нимъ слѣдовали Юнгъ-Штиллингъ, г-жа Гюйонъ, Таулеръ, дю-Туа и пр. Студенты духовныхъ академій зачитывались Штиллингомъ, читатели присылали деньги на распространеніе мистическихъ книгъ между неимущими. Въ 1817 году Лабзинъ съ субсидіей отъ правительства возобновилъ изданіе своего „Сіонскаго Вѣстника“, посвященнаго І. Христу, и этотъ журналъ, имѣвшій въ

---

[1]) См., напр., Пыпинъ, *Общественное движеніе*; Буличъ, *Очерки по исторіи русской литературы*, т. I, и т. д.

1806 году всего 98 подписчика, теперь сразу сдѣлался самымъ распространеннымъ изъ русскихъ журналовъ; онъ имѣлъ подписчиковъ отъ Архангельска до Астрахани, отъ западной границы до Нерчинска, петербургская духовная академія одна выписывала 11 экземпляровъ. „Сіонскій Вѣстникъ“ былъ предметомъ разговора въ свѣтскихъ гостиныхъ, а изъ провинціи къ книгопродавцу Глазунову безпрестанно приходили нетерпѣливые запросы, скоро ли выйдетъ слѣдующая книжка. Отголоскомъ мистическаго движенія было возрожденіе масонства, прямымъ слѣдствіемъ — успѣхъ Библейскаго общества и возникновеніе мистическихъ сектъ (Татариновой, Котельникова). Мистицизмъ ярко окрасилъ церковную проповѣдь въ лицѣ ея лучшихъ представителей, отразился на живописи въ лицѣ Боровиковскаго, на зодчествѣ въ лицѣ Витберга. Словомъ, это было настоящее, могучее общественное движеніе, равно увлекавшее и наивные, и просвѣщеннѣйшіе умы.

Этотъ новый мистицизмъ Александровской эпохи являлся прямымъ продолженіемъ Новиковскаго, и тѣмъ не менѣе значительно разнился отъ него. Какъ ни были сильны въ мартинистахъ мистическія настроенія, это не былъ чистый мистицизмъ, а скорѣе мистически-окрашенный деизмъ; оттого просвѣтительныя и филантропическія цѣли играли у нихъ такую видную роль. Напротивъ, мистицизмъ 20-хъ годовъ отвергалъ все, кромѣ чисто-религіозной задачи.

Сущность этого мистицизма сводится къ ученію о непосредственномъ и полномъ сліяніи души съ Божествомъ. По убѣжденію мистиковъ, ни внѣшняя набож-

ность, ни наивная вѣра, ни даже добродѣтельная жизнь не обезпечиваютъ человѣку вѣчнаго спасенія: чистое, истинное благочестіе заключается единственно въ соединеніи нашего сердца съ Христомъ. Это соединеніе не можетъ быть достигнуто иначе, какъ чрезъ внутреннее возрожденіе, которое однако не во власти человѣка: самъ онъ возродить себя не можетъ, — это долженъ сдѣлать Богъ. Но человѣкъ можетъ очистить и приготовить себя къ воспринятію Божьей благодати; для этого требуется, во-первыхъ, отреченіе отъ всѣхъ естественныхъ склонностей (*совлеченіе ветхаго Адама*), сопровождаемое неусыпной самокритикой, и оттого сильнѣйшимъ чувствомъ раскаянія и самоуничиженія; во-вторыхъ, дѣятельное пріученіе себя къ внутреннему созерцанію (*умное дѣланіе* или *умная молитва*). Эта безсловесная и безмысленная молитва и есть главный путь къ возрожденію; въ ней душа постепенно сливается съ Христомъ, и тогда-то въ человѣкѣ начинаетъ звучать *внутреннее слово*. Это есть состояніе благодати, почти совпадающее уже съ прямымъ лицезрѣніемъ Бога. Человѣкъ совершенно перерождается, онъ, такъ сказать, переплавленъ вновь: все грѣховное ему противно, все благое влечетъ его къ себѣ, и тайны, невѣдомыя разуму, становятся ясны его духовному взору.

Это ученіе о внутреннемъ сліяніи съ Богомъ, являющееся ядромъ христіанскаго мистицизма, оставляло, очевидно, широкій просторъ для всевозможныхъ метафизическихъ и богословскихъ построеній. Намъ необходимо взглянуть, въ какой оправѣ явилось оно у того мысли-

теля, подъ чьимъ руководствомъ Чаадаевъ вступилъ въ область мистики,—у Юнгъ-Штиллинга.

Что всего болѣе отличаетъ Штиллинга среди новѣйшихъ теоретиковъ мистицизма, это необычайная двойственность его мышленія, соединяющаго въ себѣ глубокій спиритуализмъ съ грубѣйшимъ матеріализмомъ. Его ученіе о христіанствѣ, объ истинной святости и способахъ ея достиженія — чисто духовно и возвышенно; но оно опирается на такую наивную метафизику и такое грубо-чувственное представленіе о загробномъ мірѣ, и плодомъ этого сочетанія является такое нелѣпое суевѣріе, что современный читатель способенъ подчасъ заподозрѣть въ авторѣ умственное разстройство. Но въ ту пору это не шокировало и сильнѣйшіе умы, разъ поддавшіеся мистическимъ настроеніямъ.

Въ противоположность другимъ мистикамъ, манящимъ заблудшихъ радостью вѣчнаго спасенія, Штиллингъ упрекаетъ и грозитъ. По его ученію, Богъ создалъ человѣка чистымъ и безсмертнымъ, но явился искуситель, и человѣкъ палъ. Чрезъ вкушеніе плода произошли два слѣдствія: 1) всѣ чувственныя побужденія усилились въ человѣкѣ до чрезвычайности, и 2) желаніе сравняться съ Богомъ превратилось въ *самость*. Оба эти слѣдствія, передаваясь наслѣдственно въ родѣ человѣческомъ, совершенно исказили натуру человѣка и сдѣлали ее противною Божеской натурѣ. Излѣчить эту болѣзнь можетъ только Божественная сила, которая, будучи воспринята свободною волею человѣка, одна способна ослабить въ немъ чувственныя вожделѣнія и оживить склонность къ богоподобію. Но духъ Божій не можетъ

непосредственно соединяться съ человѣкомъ, какъ существомъ конечнымъ и противнымъ Божеской натурѣ; и вотъ понадобился посредникъ, который былъ бы одинаковой натуры и съ духомъ Божіимъ, и съ человѣкомъ, иными словами, представлялъ бы собою истинную, но совершенно чистую человѣческую натуру, и который, претерпѣвъ жесточайшія страданія, какія возможны на землѣ, вышелъ бы изъ всѣхъ искушеній побѣдителемъ. Съ пришествіемъ Христа человѣку открылся путь спасенія: когда превозмогшій всѣ искушенія духъ Христовъ дѣйствуетъ въ человѣкѣ, Онъ сообщаетъ ему свою, побѣдившую всѣ испытанія силу и тѣмъ укрѣпляетъ его на побѣду.

Но донынѣ Христа приняли въ сердце свое лишь немногіе. Эти немногіе составляютъ разсѣянное стадо Господне, весь же остальной міръ лежитъ въ грѣхѣ, послушествуя князю тьмы. Божеская искра тлѣетъ въ каждомъ сердцѣ, но люди не слушаютъ зовущаго ихъ голоса. Съ геніальной проницательностью Штиллингъ говоритъ объ этомъ: „Я могу назвать тебѣ по именамъ людей, которые ничему не вѣрятъ, кромѣ того, что̀ сами видятъ, слышатъ, обоняютъ, вкушаютъ и осязаютъ; а трепещутъ отъ шороха шевелящагося листочка“.—Знаю и я такихъ людей, но это странно.—„Такъ кажется, а въ самомъ дѣлѣ нѣтъ въ томъ страннаго. Въ каждомъ человѣкѣ внутри тлится подъ пепломъ божественная искра предваряющей благодати, которая, если ея коснуться, колетъ и жжетъ. Это жженіе и колотье не понравились людямъ, и, не возмогши онаго отвратить, они обратили

его въ шутку: вотъ что и тревожитъ человѣка при шумѣ даже шевелящагося листочка".

Но страшная кара ждетъ нечестиваго по смерти: злые духи увлекаютъ его душу въ адъ и терзаютъ немилосердно до очищенія, тогда какъ души праведныхъ мгновенно возносятся къ Божьему престолу. Загробное существованіе души Штиллингъ изображаетъ вполнѣ конкретными чертами въ духѣ средневѣковой мистики, съ полною вѣрой въ правильность этихъ грубыхъ представленій; яркой картиной загробныхъ мукъ онъ старается понудить людей къ скорѣйшему обращенію.

Самое обращеніе Штиллингъ изображаетъ въ общемъ такъ же, какъ и прочіе мистики. Оно совершается путемъ новаго рожденія, „чрезъ которое человѣкъ творится инымъ, нежели каковъ былъ". Для этого вѣрнѣйшія средства—ежечасная молитва къ Христу о дарованіи благодати и непрестанное *хожденіе въ присутствіи Божіемъ*, или, что то же, *бдѣніе*. Надо съ самаго утра каждый день поставить себя въ присутствіе Господа, чтобы не сдѣлать, не сказать, не помыслить ничего Ему неугоднаго. Это вначалѣ крайне трудно; и, коль скоро забудешься или разсѣешься, надо тотчасъ обращаться къ Нему и изъ глубины сердца молить Его о силѣ и благодати. Чрезъ это упражненіе будешь все болѣе и болѣе открывать неизслѣдимую глубину поврежденія естества человѣческаго и возгнушаешься самого себя, — но упорствуй въ хожденіи передъ Господомъ, и онъ ниспошлетъ тебѣ Свою благодать; путемъ раскаянія, страха и трепета достигнешь внутренняго мира и неизреченнаго блаженства. „Въ семъ состояніи вообра-

женіе упразднено отъ всякихъ представленій; память также покоится, ибо мы зримъ Вездѣсущаго токмо мыслію безъ всякихъ образовъ; всѣ склонности и страсти ни мало здѣсь не дѣйствуютъ; душа стоитъ передъ Господомъ въ совершенномъ безмолвіи, какъ почка цвѣтка предъ солнцемъ, пріемля токмо въ себя вліянія его. Итакъ, когда душа совершенно упразднена отъ всѣхъ собственныхъ дѣйствій, тогда дѣйствуетъ въ ней безпрепятственно солнце духовнаго міра, Господь Іисусъ, чрезъ Духа Своего; и сіе дѣйствіе ощущаемъ мы, какъ нѣкое неизъяснимое небесное блаженство, ни съ чѣмъ несравненное, и тогда-то престаетъ всякое сомнѣніе и колеблемость совершенно".

IV.

У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, по которымъ мы могли бы достовѣрно судить о религіозныхъ взглядахъ Чаадаева въ петербургскій періодъ его жизни. Позднѣе онъ характеризовалъ вѣрованія своихъ друзей-декабристовъ наканунѣ 14 декабря, какъ „леденящій деизмъ, не идущій дальше сомнѣній" [1]; это дѣйствительно была вѣра чисто-нравственная, уклонявшаяся отъ всякихъ метафизическихъ вопросовъ и заимствовавшая отъ религіи лишь ту малую долю, которая была нужна этимъ положительнымъ умамъ для освященія ихъ гуманныхъ идеа-

[1]) Письмо къ Ив. Д. Я(кушки)ну, отъ 19 октября 1837 г. „В. Евр." 1874, № 7, стр. 89—90.

ловъ. Очень вѣроятно, что таковы были въ ту пору и религіозныя убѣжденія Чаадаева.

Какъ онъ пришелъ къ настоящей вѣрѣ, это, конечно, навсегда останется тайной. Изъ его собственнаго показанія извѣстно [1]), что еще задолго до поѣздки за границу онъ сталъ интересоваться христіанской литературою и собралъ значительное количество книгъ по этой части; но то могъ быть и простой историческій интересъ. Достовѣрно мы знаемъ лишь слѣдующее: около 1820 года произошло „обращеніе" Чаадаева, а въ началѣ 1822 года онъ, по совѣту какого-то неизвѣстнаго намъ лица, прочиталъ нѣсколько сочиненій Штиллинга, которыя вызвали въ немъ тяжелый душевный кризисъ, затянувшійся на много лѣтъ. Яркимъ свидѣтельствомъ этого кризиса является уцѣлѣвшій отрывокъ изъ дневника Чаадаева, веденнаго имъ за границей [2]). Это, вѣроятно, одинъ изъ самыхъ удивительныхъ человѣческихъ документовъ, съ какимъ когда-либо приходилось имѣть дѣло біографу.

Было бы чрезвычайно важно опредѣлить нравственное состояніе Чаадаева въ тотъ моментъ, когда его впервые коснулось вліяніе мистицизма, — но скудость матеріаловъ не позволяетъ это сдѣлать. Несомнѣнно только, что оно легло на подготовленную почву. За эти два года, отъ выхода въ отставку до отъѣзда за границу, Чаадаевъ чувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ. Болѣзнь

[1]) „Р. Стар." 1900, декабрь, стр. 586.

[2]) Подлинная рукопись, Моск. Румянц. музей, рукоп. отдѣл., папка за № 1084.—Объ этомъ дневникѣ упоминаетъ проф. А. И. Кирпичниковъ въ своей статьѣ о Чаадаевѣ, *Русск. Мысль*, 1896, IV, стр. 148, прим.

его была невелика, но какъ разъ одна изъ тѣхъ, которыя на нервныя натуры дѣйствуютъ особенно угнетающимъ образомъ: сильные запоры и геморрой. Чаадаевъ, повидимому, отъ природы страдалъ крайней нервной раздражительностью, а подъ вліяніемъ болѣзни и нравственныхъ страданій, обусловленныхъ отставкою и другими, вѣроятно, чисто-духовными причинами, въ немъ развились такая мнительность и такая неустойчивость настроеній, которыя дѣлали его настоящимъ мученикомъ. Онъ самъ очень ясно сознавалъ свое состояніе. Въ письмѣ къ брату изъ Лондона отъ ноября 1823 года онъ говоритъ [1]): „Мое нервическое расположеніе—говорю это краснѣя—всякую мысль превращаетъ въ ощущеніе, до такой степени, что вмѣсто словъ у меня каждый разъ вырывается либо смѣхъ, либо слезы, либо жестъ"; въ другой разъ (апрѣль 1824 г.) онъ пишетъ: „Признаюсь — хотя знаю, что ты не очень вѣришь признаніямъ,—нервность моего воображенія дѣлаетъ то, что я часто обманываюсь насчетъ собственныхъ ощущеній и принимаюсь смѣшно оплакивать свое состояніе". Выбитый изъ колеи, праздный, больной, раздираемый внутренней смутой, онъ жилъ эти два года, повидимому, невесело; если тутъ и примѣшалась доля Онѣгинской разочарованности, подмѣченной въ немъ Пушкинымъ еще въ петербургскій періодъ [2]), то подлинныя его настроенія

[1]) Этотъ и слѣдующій за нимъ отрывки изъ рукописныхъ писемъ приводятся здѣсь въ переводѣ съ франц.

[2]) Письмо къ Вяземскому, 6 февр. 1823 г.: „Видишь ли ты иногда Чаадаева? Онъ вымылъ мнѣ голову за „Плѣнника". Онъ находитъ, что онъ недовольно blasé. Чаадаевъ, по несчастію, знатокъ

были во всякомъ случаѣ очень мрачны. Вскорѣ послѣ его отъѣзда за границу, въ отвѣтъ на письмо, гдѣ онъ разсказывалъ о чувствѣ глубокой радости, охватившемъ его на другой день по пріѣздѣ въ Брайтонъ, когда онъ гулялъ по берегу моря, братъ писалъ ему [1]): „Съ тобой это рѣдко бываетъ, можетъ быть нѣсколько лѣтъ этого съ тобой не было. Гипохондрія! Меланхолія! Почему, прочитавъ, что ты (возликовалъ), и я съ радости (возликовалъ). Стало быть, ты ожилъ или начинаешь оживать къ радостямъ земнымъ"; и дальше: „Если ты изъ чужихъ краевъ сюда пріѣдешь такой же больной и горькій, какъ былъ, то тебя надо будетъ послать ужъ не въ Англію, а въ Сибирь. Кинь всѣ soucis, кидайся безъ всякой совѣсти, безъ rétrospection, въ объятія радости, и будешь радость имѣть. А то ты какъ-то все боишься вдругъ исцѣлиться отъ моральной и физической болѣзни, — какъ-то тебѣ совѣстно..." Чаадаевъ и за границу поѣхалъ неохотно [2]); изъ дальнѣйшаго видно будетъ, что его физическое и нравственное состояніе тамъ не только не улучшилось, но ухудшилось.

Признаюсь, не безъ страха приступаю я къ изложенію упомянутаго дневника. Онъ такъ страненъ по формѣ, что даже простое описаніе его представляетъ почти неодолимыя трудности; что же до содержанія, то чисто-

---

въ этой части. Оживи его прекрасную душу, поэтъ!" и т. д. (*Соч.*, п. ред. П. А. Ефремова, 1903, т. VII, стр. 70).

[1]) Рукоп. письмо отъ 24-го октября 1823 г., не посланное.

[2]) А. И. Тургеневъ кн. П. А. Вяземскому, 25 сент. 1823 г. изъ Петербурга: „О Чаадаевѣ ничего не знаемъ: поѣхалъ неохотно". *Остаф. архивъ*, II, 350.

духовное такъ тѣсно переплетено въ немъ съ патологическимъ, что мудрено рѣшить, кто имѣетъ больше правъ на него: психіатръ, или историкъ-психологъ.

Начать съ того, что это даже вовсе не дневникъ, а рядъ выписокъ на нѣмецкомъ языкѣ изъ двухъ сочиненій Штиллинга: Theorie der Geisterkunde, 1808 г., и дополненія къ ней, Apologie der Theorie der Geisterkunde, написаннаго Штиллингомъ нѣсколько позднѣе въ отвѣтъ на обвиненія, которыя навлекла на него первая книга. Эти выписки перемежаются собственными записями Чаадаева на французскомъ языкѣ. Уцѣлѣвшій отрывокъ дневника представляетъ собою бѣловую копію и озаглавленъ: *Mémoire sur Geistkunde*; онъ писанъ 23 и 24 августа 1824 года, переписанъ и дополненъ съ 26 января по 1 февраля 1825. Чаадаевъ каждый разъ чрезвычайно тщательно указываетъ даты какъ первоначальной записи, такъ и переписки набѣло (напр.: 28 Août 1824, 10 h. du soir; après 8 heures du soir, и т. п., или: cop. incip. 31 генв. 1825 post 9¼ ч., и т. п.). Почти всѣ выписки изъ Штиллинга снабжены въ подтвержденіе или поясненіе цитатами изъ Евангелія по-французски, однажды также изъ Вольтера, однажды изъ оды Ломоносова, и т. п., — и нѣсколько разъ указано, когда были отмѣчены — вѣроятно при чтеніи — выписываемыя изъ Штиллинга мѣста (напр.: Endroits marqués 5 Août 1824, и т. п.). Внутри выписокъ и собственныхъ записей Чаадаева—многочисленныя помѣтки въ скобкахъ, совершенно не поддающіяся чтенію; здѣсь вперемежку—французскія, русскія, даже латинскія и англійскія слова, и всѣ слова сокращены, имена обозначены одними ини-

ціалами, множество загадочныхъ значковъ и цифръ. Это, очевидно, наиболѣе интимныя части дневника, которыя для постороннихъ и должны были оставаться тайною.

Надо долго вчитываться въ этотъ дневникъ, чтобы сквозь призму тяжелаго нервнаго разстройства разглядѣть картину душевной драмы, совершавшейся въ Чаадаевѣ. На первый взглядъ его можно принять за продуктъ религіознаго помѣшательства; но это было бы заблужденіемъ: напротивъ, здѣсь все глубоко-серьезно.

Предъ нами дневникъ *бдѣнія*, которому училъ Штиллингъ. Мы застаемъ Чаадаева въ самомъ разгарѣ мистическаго стажа: онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ совершается сліяніе его души съ Божествомъ. Въ немъ происходитъ двойная работа: поскольку это сліяніе зависитъ отъ него самого, онъ старается во всемъ, даже въ мельчайшемъ своемъ поступкѣ, слѣдовать волѣ Божьей; поэтому онъ взвѣшиваетъ каждое свое душевное движеніе съ точки зрѣнія его угодности Богу, а въ случаяхъ нерѣшимости молится о просвѣтленіи своего ума и прибѣгаетъ къ механическому средству съ цѣлью узнать Божью волю: открываетъ наудачу Евангеліе и ищетъ указанія въ томъ стихѣ, который какъ-разъ попался на глаза. Но главную работу дѣлаетъ въ его душѣ, помимо его сознанія, самъ Богъ; вотъ почему онъ съ такой болѣзненной тщательностью отмѣчаетъ всякое свое мимолетное ощущеніе, всякое смутное предчувствіе, элементарнѣйшую мысль: все это для него—симптомы процесса, совершаемаго Богомъ въ глубинѣ его сердца, и онъ жадно ищетъ въ нихъ шансовъ успѣха или неуспѣшности этого процесса. Ужасъ

его положенія именно въ томъ, что онъ долженъ быть не только дѣятелемъ, но и пассивнымъ зрителемъ своего перерожденія: мало того, что его ежеминутно терзаетъ неизвѣстность, какую изъ двухъ своихъ мыслей ему слѣдуетъ предпочесть, какъ угодную Богу, но еще изнутри поднимаются всевозможныя ощущенія, изъ которыхъ каждое есть непреложный признакъ, законченный, безповоротный, неподвластный его волѣ моментъ въ борьбѣ между естествомъ и Богомъ, происходящей въ его душѣ. Отсюда острая душевная мука, которою сопровождается это бдѣніе; и какъ дѣятель, и какъ зритель, онъ ежеминутно переходитъ отъ надежды къ отчаянію, отъ увѣренности къ сомнѣнію, и все время его жжетъ сознаніе, какъ страшно далекъ еще отъ него вожделѣнный миръ благодати.

26 января 1825 года, въ 9¼ ч. утра, Чаадаевъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: [1])

„24 января мною овладѣло сильное любопытство знать день, когда я впервые, въ 1822 году, началъ читать *Угрозъ ч. VII*, потому что это было вѣроятно около 25 января; я знаю это по одной бумагѣ того времени, но не могъ точно опредѣлить день, когда приступилъ къ чтенію этой книги, и мнѣ очень хотѣлось этого. Потомъ мнѣ захотѣлось взглянуть дату, выставленную на первомъ томѣ *Приключеній по смерти* тѣмъ лицомъ, кото-

[1]) Упоминаемые здѣсь *Угрозъ ч. VII* и *Приключенія по смерти* представляютъ собою два сочиненія Штиллинга, переведенныя подъ этими заглавіями на рус. яз. Лабзинымъ. Весь отрывокъ писанъ по-французски; только слова, напечатанныя въ текстѣ курсивомъ, писаны въ подлинникѣ по-русски.

рое подарило мнѣ эту книгу; это оказалось 25 февраля 1822 г. Я имѣю при себѣ предисловіе къ этому сочиненію, и мнѣ пришло на мысль перечитать эту книгу вмѣсто того, чтобы продолжать „Исторію церкви“ Годо, которую я тогда читалъ. Будучи въ нерѣшительности, что мнѣ слѣдуетъ читать, я помолился Богу и открылъ Евангеліе, гдѣ увидалъ слѣдующее мѣсто: „И если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро, какая вамъ за то благодарность?“ и т. д., Ев. Луки, VI, 33. Это мѣсто уже было отмѣчено 19 ноября 1828 г., и эта дата, чрезъ воспоминаніе объ обстоятельствѣ, при которомъ она была записана, внушила мнѣ рѣшеніе читать *Приключенія по смерти*, указавъ мнѣ, хотя еще и смутно, что это мой долгъ. Я забылъ еще сказать, что тотчасъ, какъ у меня явилась мысль перечитать *Приключенія по смерти*, я почувствовалъ точно лучъ упованія, что это чтеніе вернетъ мнѣ тѣ чувства радости, которыя я находилъ въ Іисусѣ Христѣ и Евангеліи въ первые три года моего обращенія и которыя были доведены до наивысшей степени чтеніемъ *Угрозъ ч. VII* около этого самаго времени, въ январѣ 1822 г. Но когда мнѣ смутно представилось мое нынѣшнее состояніе, эта надежда превратилась въ горькое чувство отчаянія и печали, сжавшее мнѣ сердце до слезъ. Начавъ чтеніе, на стр. 16-ой мнѣ пришло на умъ написать что-нибудь въ этомъ родѣ и послать въ знакъ благодарности тому лицу, которое чрезъ эти два сочиненія—*ч. VII Угроза* и *Приключенія по смерти*—равно какъ и чрезъ другія произведенія Штиллинга, которыя оно побудило меня прочитать вскорѣ затѣмъ, явилось наиболѣе дѣятельнымъ орудіемъ, какое

Господу угодно было употребить для моего спасенія. Эта мысль заставила меня трепетать отъ радости; я помолился Богу и открылъ Евангеліе, гдѣ увидѣлъ Лук. VIII, 13. Но вскорѣ затѣмъ я увидѣлъ также стихи 16, 25 и 27. Послѣдній напомнилъ мнѣ слѣдующее мѣсто: „возвратись въ домъ твой и разскажи, что сотворилъ тебѣ Богъ“, ст. 39,—и въ то же время мнѣ уяснилась связь этихъ словъ съ Лук. VI, стихъ 33, который я тутъ увидѣлъ. Вскорѣ затѣмъ свѣтлое и мирное чувство подтвердило мнѣ правильность моего рѣшенія перечитать эту книгу. На стр. 45 мнѣ пришла мысль написать къ упомянутому лицу, и во мнѣ родилось нѣчто вродѣ предчувствія, заставившее меня трепетать отъ радости. Я открылъ Евангеліе и увидѣлъ Лук. XVII, 13: „И громкимъ голосомъ говорили: Іисусъ Наставникъ, помилуй насъ!“ Я закрылъ книгу, досадуя, что мнѣ не попалось ничего, относящагося до моего случая. Тутъ со мною сдѣлался одинъ изъ моихъ обычныхъ припадковъ печали и отчаянія, который заставилъ бы меня тотчасъ прекратить только-что начатое чтеніе книги, если бы я не ощутилъ внутри себя остатка силы, который воспротивился этому. На слѣдующей страницѣ припадокъ сдѣлался сильнѣе, такъ что я съ величайшей досадою бросилъ книгу. Тогда мой духъ обратился къ Богу съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ горечью и досадою о томъ, что Онъ почти безостановочно проводилъ меня чрезъ всѣ эти настроенія, точно съ цѣлью сильнѣе терзать мою душу, которая легче примирилась бы съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ состояніемъ, каково бы оно ни было. Я положилъ книгу на мѣсто, какъ бы рѣшивъ не заниматься болѣе ничѣмъ.

Вскорѣ припадокъ прошелъ, и я снова принялся за чтеніе, которое прервалось вчера на весь день и которое я сегодня, 26 января, продолжалъ съ большимъ удовольствіемъ. На стр. 106-ой я началъ размышлять о томъ, что мнѣ слѣдуетъ послать упомянутой выше особѣ, такъ какъ эта мысль не покидала меня, и наконецъ мой выборъ палъ на „Мемуаръ о Теоріи духовъ", лишь только мнѣ пришло на умъ списать его и послать по почтѣ. Эта мысль всецѣло овладѣла моей душой и наполнила меня яснымъ чувствомъ и радостью, заставившей меня трепетать, — но прежде, чѣмъ достать свою тетрадь, я бросился на колѣни, помолился Богу и открылъ Евангеліе, гдѣ увидѣлъ: „не бойтесь, ибо я возвѣщаю вамъ великую радость", Лук. II, 10. Я тотчасъ досталъ тетрадь и приготовилъ все нужное, чтобы тотчасъ приняться за переписку. Первыми словами, которыя попались мнѣ на глаза въ этомъ Мемуарѣ, были послѣднія слова, написанныя передъ нынѣшней записью: Mein Zeuge ist im Himmel. Теперь я хочу приступить къ перепискѣ этого Мемуара.

„Я хотѣлъ начать, и именно съ первой страницы, когда мнѣ пришло на умъ посылать Мемуаръ частями и начать съ только-что написаннаго, прибавивъ изъ стараго сколько успѣю списать, для того, чтобы отослать какъ можно скорѣе. Это привело меня въ замѣшательство, вслѣдствіе чего я нѣсколько минутъ колебался; мои мысли спутались, такъ что я не зналъ, на что рѣшиться, и сидѣлъ, перелистывая эту тетрадь, гдѣ увидѣлъ слѣдующія слова: „стучите и отверзется". Я тотчасъ простерся ницъ, помолился и открылъ Евангеліе, гдѣ уви-

дѣлъ слѣдующія слова: *По сему будетъ*, Лук. XVII, 30. Чувство, которое я ощутилъ, заставило меня отнести эти слова къ моей новой мысли, которую я и хочу привести въ исполненіе“.

Картина, которую нарисовалъ здѣсь Чаадаевъ, представляетъ не какое-нибудь исключительное состояніе его духа, а одинъ изъ заурядныхъ моментовъ, какихъ полна теперь его жизнь. Случайно взглянувъ на одну изъ страницъ книги Штиллинга, онъ вдругъ испытываетъ ощущеніе, заставляющее его особенно отмѣтить на ней такую-то фразу. „Необыкновенно сильное впечатлѣніе“ производитъ на него слѣдующій эпизодъ. Работая надъ какою-то статьею, онъ захотѣлъ указать въ ней между прочимъ на ошибочное мнѣніе одного автора. Прежде чѣмъ начать фразу, онъ открываетъ Евангеліе и видитъ слова Марка X, 34: „И поругаются ему, и уязвятъ его, и оплюютъ его, и убіютъ его“; въ ту же минуту онъ ощутилъ такое чувство, какъ будто кто-то дѣлаетъ ему ясный знакъ съ цѣлью удержать его отъ необдуманнаго поступка, могущаго повредить лицу, въ которомъ тотъ принимаетъ большое участіе. Это вызвало въ немъ такія мысли, какъ если бы ему сказали, что то, что̀ онъ собирается написать, можетъ дать врагамъ упомянутаго автора поводъ унизить и осмѣять послѣдняго; поэтому онъ тотчасъ же отказался отъ своего намѣренія.

Въ этой изнурительной раздвоенности духа должна была рѣшиться задача, превышающая человѣческія силы,— должна была быть искоренена изъ души та „самость“, которая, по ученію мистиковъ, явилась слѣдствіемъ грѣхопаденія. Приходилось на практикѣ ежеминутно рѣшать

неразрѣшимый вопросъ о примиреніи свободы воли съ предопредѣленіемъ, и отъ этого зависѣла вся жизнь человѣка, больше того—спасеніе души. Приходилось напрягать всѣ душевныя силы, зная въ то же время, что никакія личныя усилія сами по себѣ не помогутъ, надо было—не убить въ себѣ волю, а достигнуть того, чтобы она *свободно* слилась съ волею Христа, чтобы личный разумъ *добровольно* онѣмѣлъ въ Господѣ. Страшная антиномія—но зато и какая награда! По смерти—спасеніе, въ этой жизни—полный внутренній миръ и совершенная чистота, то состояніе святости, когда въ душѣ все молчитъ и раздается только голосъ Бога, когда всякое ощущеніе, всякая мысль, всякое хотѣніе являются чистымъ истеченіемъ Духа Христова, который тогда одинъ безъ помѣхи дѣйствуетъ въ человѣкѣ.

Душевныя состоянія Чаадаева, типичныя для всякаго мистика въ подготовительной стадіи, пріобрѣтали необыкновенную остроту благодаря глубокому нервному расстройству. Минутами онъ ликуетъ, предчувствуя близость перерожденія, но чаще имъ овладѣваетъ отчаяніе при мысли, какъ онъ еще далекъ отъ той внутренней цѣльности и свободы, отъ полнаго, ненарушимаго сліянія съ Христомъ, и эти безпрестанные переходы отъ восторга къ ужасу и обратно въ конецъ изнуряютъ его нервную систему. Въ связи съ одной цитатой изъ Штиллинга онъ записываетъ въ дневникѣ (около 11$^1/_2$ час. утра): „Рядомъ со словами „Thron des Vaters und des Sohns" я приписалъ слово *небо*, и въ моемъ умѣ возникло ясное представленіе, вслѣдствіе котораго мнѣ показалось не столь страннымъ, какъ раньше, выраженіе:

„дамъ ему сѣсть со мною на престолѣ моемъ", Апокал. III, 21. Тогда я захотѣлъ отыскать это мѣсто и сразу попалъ на него. Теперь я не могу вспомнить этого соображенія. Мои мысли опять какъ бы скованы. Вставъ, я не чувствовалъ никакого влеченія къ Богу, молился съ трудомъ, малѣйшая вещь сердила меня, безпокойныя мысли раздражали меня противъ другихъ, наконецъ я впалъ въ изнеможеніе, соединенное съ болѣзненной слабостью въ рукахъ. Совершенно ничтожная помѣха заставила меня горько плакать. Столь же незначительное обстоятельство успокоило меня. Я и теперь ощущаю боль и внутреннюю тревогу, связанную съ разстройствомъ мысли".

Что же сдѣлало Чаадаева мистикомъ? Что побѣдило этотъ гордый умъ и заставило его пойти въ рабство религіозно-метафизической системѣ, не опиравшейся ни на доводы разума, ни на данныя науки, и искать критерія не въ своемъ сознаніи и даже не въ непосредственномъ чувствѣ, а въ указаніяхъ наудачу раскрытаго стиха или буквальномъ толкованіи евангельскихъ текстовъ? Чаадаевъ уже раньше сталъ вѣрующимъ и онъ дѣйствительно былъ нервно боленъ,—но ни то, ни другое не можетъ объяснить этого страннаго самоотреченія сильнаго ума. Объясненія требуетъ не самое увлеченіе Чаадаева мистическимъ идеаломъ: этотъ идеалъ не можетъ не влечь къ себѣ всякаго истинно-вѣрующаго человѣка, потому что въ немъ—высшій расцвѣтъ религіознаго чувства и только онъ заслуживаетъ названія религіи, въ противоположность всѣмъ такъ называемымъ нравственнымъ религіямъ. Но между внутреннимъ влеченіемъ къ этому идеалу и

тѣмъ паническимъ чувствомъ, которое овладѣло Чаадаевымъ,—большая разница. Что-то заставляетъ Чаадаева продѣлывать всю нелѣпую мистическую практику, судорожно спѣшить, калѣчить въ себѣ все живое и насильно гнать свою душу къ вратамъ спасенія. Для этого мало было одной вѣры, даже въ соединеніи съ острымъ психозомъ.

Здѣсь сказалось прямое дѣйствіе мистической литературы и въ частности Штиллинга. Подъ этимъ вліяніемъ вѣра, физическая болѣзнь и нервное разстройство родили въ Чаадаевѣ чувство, могущество котораго слишкомъ хорошо извѣстно исторіи: страхъ смерти или, точнѣе, загробнаго возмездія.

Излагая выше ученіе Штиллинга, мы основывались именно на тѣхъ двухъ его сочиненіяхъ, которыя, по признанію Чаадаева, оказали на него наибольшее вліяніе: седьмой части *Угроза Свѣтовостокова* и трехтомныхъ *Приключеніяхъ по смерти*; значитъ, читатель уже знакомъ съ кругомъ идей, въ которомъ вращался теперь Чаадаевъ. Мы видѣли, что страхъ загробной кары занимаетъ въ этой системѣ центральное мѣсто. Лабзинъ выбралъ мѣткое заглавіе для своего перевода. Сочиненіе Штиллинга называется: „Der graue Mann"; онъ ведетъ свою проповѣдь какъ бы отъ лица нѣкоего таинственнаго „сѣраго человѣка", который долженъ олицетворять собою, повидимому, религіозное сознаніе человѣчества; Лабзинъ назвалъ его—*Угрозъ* по главному качеству, *Свѣтовостоковъ*—по происхожденію. И дѣйствительно, всѣ его увѣщанія—угрозы, и предметомъ угрозъ всегда служитъ загробная жизнь; страхомъ смерти Штиллингъ терроризируетъ своихъ читателей.

Дневникъ Чаадаева показываетъ его намъ всецѣло охваченнымъ этой тревогой; она превратилась для него въ манію, она опредѣляетъ теперь все содержаніе его душевной жизни. Мысль о загробной карѣ преслѣдуетъ его неотступно, онъ обезумѣлъ отъ ужаса: скорѣе, скорѣе, нельзя медлить минуты, надо сейчасъ спастись, чтобы не умереть въ грѣхѣ. И тутъ уже никакая цѣна не кажется слишкомъ дорогой, никакая предосторожность излишней, и нѣтъ такого грубаго суевѣрія, которому онъ не былъ бы готовъ слѣдовать, разъ оно стоитъ въ какой-нибудь связи съ представленіемъ о загробной жизни,—тѣмъ болѣе, что, какъ онъ однажды отмѣчаетъ, въ области сверхчувственнаго разумъ и наука безсильны

Съ полной вѣрою, подкрѣпляя каждый параграфъ ссылкой на подтверждающее мѣсто Евангелія, при чемъ евангельскіе тексты толкуются, смотря по надобности, то буквально, то символически, онъ выписываетъ изъ „Теоріи духовѣдѣнія“ Штиллинга:

„Неизмѣримый эѳиръ, наполняющій все пространство нашего мірозданія, есть сфера духовъ, въ которой они и обитаютъ. Особенно оболочка испареній, окружающая нашу землю, и толща послѣдней до ея центра является—всего болѣе ночью — мѣстомъ пребыванія падшихъ ангеловъ и душъ тѣхъ людей, которые умерли необращенными. —

„Предъ наступленіемъ царства Божія воздухъ очистится отъ всѣхъ злыхъ духовъ; они будутъ низвергнуты въ большую пропасть, находящуюся внутри земли.

„Гдѣ ваше сокровище, тамъ ваше сердце. Души, еще не умершія для міра, остаются и внизу въ темныхъ

пространствахъ, и если онѣ покорствовали плотскимъ утѣхамъ, то онѣ осуждены пребывать при своемъ тѣлѣ въ гробу.

„Души истинныхъ христіанъ, шедшихъ здѣсь путемъ совершенствованія и умершихъ съ истинною вѣрою во Іисуса Христа и въ Его милосердіе и съ полнымъ отреченіемъ отъ всего земного, тотчасъ по пробужденіи отъ дремоты смерти воспріемлются ангелами и безъ задержки уводятся ими въ чистыя пространства свѣта, гдѣ вкушаютъ полное блаженство. Напротивъ, души нечестивыхъ тотчасъ по выходѣ изъ тѣла окружаютъ злые духи, которые всячески терзаютъ ихъ; чѣмъ безбожнѣе онѣ были, тѣмъ глубже погружаются онѣ въ пропасть. Ихъ страданія ужасны. Поэтому слѣдуетъ заблаговременно, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, освободиться отъ всякой привязанности къ земному.

„Что же касается легкомыслія, съ которымъ иные отсрочиваютъ свое обращеніе даже до безконечности, то я прошу только подумать, способны ли такія страшныя привидѣнія, являющіяся темною полночью, въ ужасныхъ образахъ, со всѣми признаками жесточайшихъ мукъ и жалобами на свое несчастное состояніе, на свою жизнь въ гробахъ, въ уединенныхъ склепахъ, о-бокъ съ терзающими ихъ злыми духами, побудить и самаго легкомысленнаго отложить свое раскаяніе и обращеніе до тѣхъ поръ, пока и онъ попадетъ въ такое ужасное положеніе?“

Во все это Чаадаевъ теперь твердо вѣритъ. Онъ не допускаетъ и сомнѣнія въ томъ, что души умершихъ людей ведутъ вполнѣ реальное существованіе; онъ вспоминаетъ даже, что смутно чувствовалъ это и раньше:

„Я вспоминаю, что до перемѣны моихъ взглядовъ на христіанство, въ то время, когда я сомнѣвался во всемъ и всего меньше вѣрилъ въ привидѣнія, я тѣмъ не менѣе испытывалъ иногда въ темнотѣ сильнѣйшій страхъ; но то, что бы я въ такія минуты вѣрилъ въ возможность подобныхъ вещей, но я боялся, чтобы воображеніе не представило мнѣ какого-нибудь призрака, какъ нѣчто реальное". Теперь онъ читаетъ у Штиллинга „документально завѣренную" исторію объ одномъ человѣкѣ, который, закопавъ при жизни деньги, уже 120 лѣтъ не находитъ покоя за гробомъ и неотступно преслѣдуетъ дальняго своего потомка мольбою — вырыть изъ земли эти деньги, чтобы его душа наконецъ могла успокоиться,— и страданія этой бѣдной души приводятъ его въ содроганіе. По поводу этой исторіи („Theorie der Geisterkunde" § 182) онъ пишетъ въ дневникѣ: „Единая мысль о состояніи души, сохраняющей за гробомъ привязанность къ мірскимъ вещамъ, которыя она покинула, показалась мнѣ въ разсказѣ § 182 столь устрашающей, что я началъ серьезно наблюдать за моимъ собственнымъ состояніемъ и искоренять въ себѣ первые зародыши всякаго чувства, противнаго единому стремленію, которое непрестанно должна сохранять душа,—стремленію *къ царству Божію и правдѣ Его* (Матѳ. VI. 33)". Онъ замѣчаетъ у Марка II, 10 слова: „Сынъ Человѣческій имѣетъ власть *на земли* прощать грѣхи", вспоминаетъ при этомъ только-что прочитанное у Штиллинга замѣчаніе, что Христосъ выражается точно, не употребляя ни однимъ словомъ больше или меньше, чѣмъ слѣдуетъ, — и, сопоставляя все это съ Лук. XII, 59: „не выйдешь оттуда, пока не

отдашь и послѣдняго обола", приходитъ къ заключенію, „что отпущеніе грѣховъ можетъ быть получено лишь въ настоящей жизни, но что въ будущей придется уплатить до послѣдняго обола". Его умъ парализованъ почти физическимъ страхомъ.

V.

Разсмотрѣнные отрывки дневника писаны Чаадаевымъ, какъ сказано, уже за границею; но судя по нѣкоторымъ намекамъ, мистическія настроенія были въ немъ очень сильны еще задолго до отъѣзда. Онъ упоминаетъ о какихъ-то заблужденіяхъ, внушенныхъ ему духомъ, который весьма явственно господствовалъ надъ нимъ съ 25 декабря 1822 года, при чемъ онъ до 17 апрѣля 1823 года даже нимало не догадывался объ этомъ. Упомянутый выше случай съ какимъ-то авторомъ также относится еще къ веснѣ 1823 года. Мы видѣли выше, что съ сочиненіями Шталлинга Чаадаевъ познакомился въ самомъ началѣ 1822 г.

О заграничномъ путешествіи Чаадаева почти ничего неизвѣстно. Единственный человѣкъ, встрѣчавшійся съ нимъ за границей и оставившій воспоминаніе объ этихъ встрѣчахъ — Д. Н. Свербеевъ, — конечно и не догадывается о душевной драмѣ, которую переживалъ въ это время Чаадаевъ: Чаадаевъ былъ гордъ и великій мастеръ безслѣдно прятать свое личное чувство подъ маскою свѣтской холодности. Недоступность, важность, безукоризненное изящество манеръ и одежды, загадочное молчаніе, презрѣніе ко всему русскому — вотъ черты, ко-

торыми характеризуетъ его Свербеевъ [1]) (они встрѣчались въ Бернѣ осенью 1824 года, т.-е. какъ разъ въ то время, къ которому относится дневникъ Чаадаева); онъ прибавляетъ еще, что Чаадаевъ уже тогда „налагалъ своимъ присутствіемъ каждому какое-то къ себѣ уваженіе. Все передъ нимъ какъ будто преклонялось и какъ бы сговаривалось извинять въ немъ странности его обращенія".

Въ нашемъ распоряженіи находится 26 ненапечатанныхъ доселѣ писемъ Чаадаева къ его брату за время путешествія. Они цѣнны уже тѣмъ, что по нимъ впервые можетъ быть установленъ заграничный маршрутъ Чаадаева [2]).

Онъ ѣхалъ, главнымъ образомъ, по настоянію тетки и брата, съ цѣлью поправить разстроенное здоровье. 2 іюля 1823 г. онъ пишетъ брату изъ Петербурга, что взялъ мѣсто на любекскомъ суднѣ „Hoffnung", имѣющемъ отойти изъ Кронштадта два дня спустя: онъ ѣдетъ въ Гамбургъ, чтобы тамъ, въ сосѣднемъ Куксгавенѣ, мѣсяца полтора купаться въ морѣ; это совѣтуетъ ему петербургскій докторъ Миллеръ, великій человѣкъ, объявившій ему, что въ немъ все нервическое, даже слабость желудка. Но 5-го числа, изъ Кронштадта, онъ сообщаетъ, что любекское судно оказалось грязнымъ и тѣснымъ и что, увидѣвъ здѣсь англійскій корабль, идущій прямо въ Лондонъ, онъ былъ плѣненъ его удобствами и рѣшилъ ѣхать на немъ. „Ты вѣрно спросишь,

---

[1]) *Записки* Д. Н. Свербеева, М., 1899, т. II, стр. 236, 240.

[2]) За сообщеніе этихъ писемъ приношу искреннюю благодарность кн. А. В. Звенигородскому.

что же ванны морскія? Да развѣ въ Англіи нѣтъ моря?"

Морское путешествіе оказалось очень неудачнымъ: въ Балтійскомъ морѣ корабль былъ застигнутъ бурями, 17 дней носился по морю вдоль норвежскихъ и англійскихъ береговъ, и наконецъ, вмѣсто Лондона, присталъ миль за полтораста отъ него, близъ Ярмута, въ графствѣ Норфолькскомъ. Посѣтивъ Лондонъ и не найдя въ немъ ничего любопытнаго, кромѣ его обширности и парковъ, Чаадаевъ поспѣшилъ въ Брайтонъ; но морскія купанья не принесли ему пользы; нѣкоторое время онъ прожилъ въ деревнѣ Сомтингъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Брайтона; здѣсь его здоровье еще больше разстроилось, и онъ переѣхалъ въ сосѣдній городъ Ворзингъ, гдѣ какой-то докторъ его „воскресилъ". Изъ Ворзинга онъ ѣздилъ въ Портсмутъ, на о. Уайтъ и по другимъ живописнымъ мѣстамъ; проживъ въ Ворзингѣ мѣсяцъ, онъ, приблизительно въ началѣ октября, перебрался въ Лондонъ, а въ концѣ года былъ уже въ Парижѣ, гдѣ прожилъ зиму, весну и лѣто. Осенью онъ пустился въ Швейцарію, былъ въ Бернѣ и Женевѣ, отсюда чрезъ Миланъ направился въ Римъ, куда пріѣхалъ въ концѣ марта 1825 г.; здѣсь онъ жилъ вмѣстѣ съ Н. и С. И. Тургеневыми [1]). Сирокко, котораго такъ боялся и Гоголь,

[1]) Въ Тургеневскомъ архивѣ, въ Академіи Наукъ, находится рукоп. письмо Чаадаева къ Н. И. Тургеневу изъ Флоренціи, отъ 6 февраля, безъ сомнѣнія 1825 г.: „Любезный Николай Ивановичъ! Мнѣ сейчасъ сказали, что вы были здѣсь тому мѣсяца два назадъ, а отсюда поѣхали въ Римъ и Неаполь. Мнѣ и въ голову не приходило, что вы странствуете,—съ Петербургомъ я никакого сноше-

выгналъ его изъ Рима; 25 мая онъ пишетъ изъ Флоренціи, что черезъ два дня ѣдетъ на лѣченіе въ Карлсбадъ. Однако во Флоренціи онъ остается двѣ недѣли, оттуда ѣдетъ въ Венецію, затѣмъ въ Верону, черезъ Тироль въ Мюнхенъ, и въ Карлсбадъ попадаетъ только черезъ мѣсяцъ. Здѣсь, живя опять съ Н. И. Тургеневымъ [1]), онъ усердно лѣчился все лѣто, потомъ переѣхалъ для Nachkur въ Дрезденъ, здѣсь расхворался и застрялъ больше, чѣмъ на полгода,—до середины іюня 1826 года, когда, наконецъ, пустился въ обратный путь домой.

Эти письма не содержатъ никакихъ прямыхъ свѣдѣній о душевной борьбѣ Чаадаева, и это объясняется не только ихъ родственно-дѣловымъ характеромъ и обычною скрытностью Чаадаева, но еще и особенной причиной, на которой необходимо остановиться.

Чаадаевъ нѣжно любитъ тетку и брата и до нѣкоторой степени даже чувствуетъ себя виноватымъ передъ ними, въ особенности передъ братомъ, за тревогу, ко-

---

нія не имѣю и писемъ ни откуда не получаю, кромѣ какъ изъ деревни отъ брата.—Скажите, гдѣ можно намъ будетъ свидѣться?—Напишите ко мнѣ, когда гдѣ вы будете; такъ какъ я шатаюсь по свѣту безъ всякой цѣли, то могу пріѣхать куда прикажете. Если назадъ поѣдете чрезъ Флоренцію, то я пожалуй подожду васъ здѣсь; на всякій случай, прежде шести недѣль отсюда не выѣду,—если до того не получу отъ васъ назначенія. На возвратномъ пути не заѣдете ли еще разъ въ Римъ? всего бы лучше намъ тамъ свидѣться,—могли бы побольше побыть вмѣстѣ. Впрочемъ, своего плана для меня ради Бога не нарушайте—у меня никакого нѣтъ, слѣд. мнѣ должно сообразиться съ вашимъ удобствомъ, а не вамъ съ моимъ". — Подписано: „Вашъ старый другъ П. Чаадаевъ".

[1]) „Р. Стар." 1900, декабрь, стр. 588.

торую причиняетъ имъ своимъ отсутствіемъ, и за заботы по присылкѣ денегъ. Его письма полны безпокойства о здоровьѣ брата, объ отсутствіи писемъ и пр. „Повѣришь ли“, пишетъ онъ однажды, „не могу вспомнить про васъ безъ слезъ. Когда хожу по городу въ сумеркахъ, то всякаго человѣка въ длиннополомъ сюртукѣ и въ шапкѣ принимаю за тебя“. Онъ знаетъ, что и они живутъ въ безпрерывной тревогѣ за него, главное— за его здоровье, и потому старается въ письмахъ казаться бодрымъ и даже веселымъ. Поэтому его письма представляютъ собою своего рода систематическій обманъ,— очень обычный спутникъ пугливо-нѣжной семейственности. Разумѣется, этотъ обманъ не всегда удается скрыть: задержался на мѣстѣ лишнихъ два мѣсяца или не писалъ долго по болѣзни,— необходимо сказать настоящую причину: тогда брату приходится читать такія признанія: „Отгадай, мой милый, зачѣмъ къ тебѣ пишу! чтобы сказать тебѣ, что наконецъ я здоровъ. Я писалъ къ вамъ нѣсколько разъ, что здоровье мое поправляется; я васъ обманывалъ, насилу жилъ!“ или: „*Нечего дѣлать*, надобно тебѣ написать, что стало мнѣ хуже“, и т. п. Обыкновенно же его письма — самаго успокоительнаго свойства, о своемъ здоровьѣ онъ пишетъ какъ бы мимоходомъ, увѣряетъ даже, что едва ли не каждый день посѣщаетъ Théâtre Français, и т. д. При такихъ условіяхъ не удивительно, что онъ ничего не говоритъ и о своихъ настроеніяхъ; для тетки и брата это былъ, повидимому, главный предметъ безпокойства.

Но стоитъ вчитаться въ эти письма, и, взятыя въ цѣломъ, они дадутъ ясное понятіе о нравственномъ со-

стоянiи Чаадаева за изучаемый перiодъ. Онъ все время лѣчится, и все безъ успѣха. Галль вылѣчиваетъ его отъ ипохондрiи, а къ концу путешествiя его душевное состоянiе ужасно. Этотъ странный туристъ долгiе мѣсяцы проводитъ въ полномъ уединенiи, притомъ не только въ англiйской деревушкѣ или захолустномъ Ворзингѣ: несмотря на то, что въ Парижѣ множество его знакомыхъ-русскихъ, онъ никого изъ нихъ не видитъ и живетъ „какъ будто на Кисловкѣ". Онъ и въ Италiю ѣдетъ „безъ большой охоты", только чтобы „отдѣлаться". Его гнетутъ какiя-то мучительныя настроенiя. Попавъ наконецъ въ Англiю послѣ опаснаго морского путешествiя, онъ три недѣли не можетъ принудить себя написать домой первое письмо,—вещь совершенно непостижимая, потому что онъ хорошо зналъ, какъ тревожатся о немъ тетка и братъ, прочитавъ въ газетѣ о буряхъ, свирѣпствовавшихъ въ Балтикѣ. „Сознаюсь, что я извергъ, недостойный видѣть день, хотя бы и туманный англiйскiй день. Дай Богъ, чтобы письмо мое дошло къ вамъ прежде газетныхъ извѣстiй": а онъ въ это время ничѣмъ не былъ развлеченъ,—онъ жилъ въ Сомтингѣ. Написавъ въ Лондонѣ письмо къ брату, онъ отсылаетъ его только изъ Парижа, полтора мѣсяца спустя: „Не спрашивай, почему оно не было послано въ свое время. Не знаю, а думаю, что отъ лѣни. Никакъ не умѣлъ всего сказать, что̀ хотѣлъ. Все собирался заключить и не умѣлъ". „Я тебѣ сказалъ", пишетъ онъ въ другой разъ, „что, писавши къ тебѣ, мараю и поправляю, какъ будто пишу къ любовницѣ; ты надъ этимъ смѣешься и приписываешь это тщеславiю. Теперь повторяю тебѣ еще разъ то же самое и увѣряю тебя,

что это письмо начиналъ сто разъ, то по-французски то по-русски. Не хочу тебѣ сказать ничего, кромѣ необходимыхъ вещей и чувствъ самыхъ простыхъ: дружбы и любви, но словъ ни на что не нахожу и съ досадою бросаю перо. Суди это какъ хочешь".

Онъ конечно не напишетъ брату о той страшной душевной пыткѣ, которой полны его дни, но направленіе его мыслей не разъ сказывается въ его письмахъ. „Я знаю, что не стою твоего уваженія, слѣдовательно и дружбы,—я себя разглядѣлъ и вижу, что никуда не гожусь,—но неужто и жалости не стою?" Нѣсколько разъ, говоря о какомъ-нибудь отрадномъ чувствѣ, онъ замѣчаетъ: не знаю, чѣмъ заслужилъ я отъ Бога такую милость. Но всего сильнѣе сказывается, конечно, его сильнѣйшее чувство этого времени: чувство или мысль о смерти. Разсказавъ объ опасности, грозившей ему на морѣ во время долгаго переѣзда изъ Кронштадта въ Англію, онъ прибавляетъ: „Впрочемъ, я почитаю великою милостію Бога, что Онъ мнѣ далъ прожить слишкомъ полмѣсяца съ безпрестанною гибелью передъ глазами!" Годъ спустя онъ пишетъ брату по поводу петербургскаго наводненія 7 ноября 1824 года: „Я здѣсь узналъ про ужасное бѣдствіе, постигшее Петербургъ; волосы у меня стали дыбомъ. Руссо писалъ Волтеру по случаю Лисбонскаго землетрясенія — люди всему сами виноваты; зачѣмъ живутъ они и тѣснятся въ городахъ и въ высокихъ мазанкахъ! Безумная философія! Конечно, не самъ Богъ, — честолюбіе и корыстолюбіе людей воздвигли Петербургъ, но какое дѣло до этого! развѣ тотъ, кто сотворилъ міръ, не можетъ, когда захочетъ, и весь

его превратить въ прахъ! Конечно, мы не должны себя сами губить, но первое наше правило должно быть не бѣды избѣгать, а не заслуживать ее. Я плакалъ, какъ ребенокъ, читая газоты. — Это горе такъ велико, что я было за нимъ позабылъ свое собственное, то-есть твое: но что наше горе передъ этимъ! Страшно подумать,— изъ этихъ тысячъ людей, которыхъ болѣе нѣтъ, сколько погибло въ минуту преступныхъ мыслей и дѣлъ! Какъ явятся они предъ Богомъ!“

Это пишетъ не единомышленникъ Якушкина и Муравьева-Апостола, а ученикъ Штиллинга: въ громадномъ общественномъ бѣдствіи, въ гибели сотенъ людей и разореніи тысячъ, предъ нимъ встаетъ одинъ вопросъ: о Божьемъ гнѣвѣ и загробномъ возмездіи.

VI.

При томъ настроеніи, въ которомъ находился Чаадаевъ, трехлѣтнее заграничное лѣченіе, разумѣется, не принесло ему никакой пользы: онъ возвращался въ Россію больнѣе и горше прежняго. Совмѣстная жизнь съ Н. Тургеневымъ въ Карлсбадѣ, повидимому, на время оживила его, но, переѣхавъ отсюда въ Дрезденъ, онъ окончательно разнемогся. Его письма изъ Дрездена, гдѣ онъ, вмѣсто предположенныхъ шести недѣль, принужденъ былъ провести $^3/_4$ года, полны уже откровенныхъ извѣстій о болѣзняхъ и крайнемъ уныніи. У него открылся ревматизмъ въ головѣ, голова кружится день и ночь, желудокъ не варитъ, его бьетъ лихорадка; въ апрѣлѣ (1826 г.), извиняясь за долгое молчаніе, онъ со-

общаетъ, что былъ „очень боленъ и вовсе не надѣялся выздоровѣть... Увѣряю тебя, что былъ въ такомъ раз слабленіи тѣлесномъ и душевномъ, что точно не былъ въ силахъ къ вамъ писать". Его настроеніе ужасно. „Больше ничего не желалъ бы, какъ столько силы, чтобы до васъ могъ добраться, а тамъ жить съ вами здоровому или больному мнѣ бы было все равно". „Когда я васъ увижу? Почему надѣюсь?—какое имѣю право надѣяться?" „Что чувствую, что перечувствовалъ во все это время — не могу тебѣ сказать; за то, что не впалъ въ отчаяніе, что осталась во мнѣ надежда васъ увидать—остального вѣка не достанетъ на молитвы".

Наконецъ, въ половинѣ іюня онъ выѣхалъ изъ Дрездена, направляясь домой. Послѣднее его письмо къ брату писано съ дороги, изъ Брестъ-Литовска: онъ сообщаетъ, что въ Варшавѣ по болѣзни прожилъ двѣ недѣли и что вотъ уже двѣ недѣли живетъ здѣсь, ожидая возвращенія своихъ бумагъ, взятыхъ у него при обыскѣ.

Напечатанные недавно всеподданнѣйшій рапортъ вел. кн. Константина Павловича отъ 21 іюля 1826 г. и протоколѣ допроса, которому подвергнутъ былъ Чаадаевъ [1]), проливаютъ свѣтъ на этотъ эпизодъ. Оказывается, что великій князь, получивъ отъ варшавской секретной полиціи донесеніе о прибытіи Чаадаева изъ-за границы и зная о его близости съ Тургеневыми и поѣздкѣ въ Троппау, тогда же сообщилъ объ этомъ государю, приказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ учредить за Чаадаевымъ въ Варшавѣ тайный надзоръ, а по пріѣздѣ въ Брестъ-Литовскъ

---

[1]) „Р. Стар." 1900, декабрь, стр. 583 и сл.

тщательно осмотрѣть его бумаги. При обыскѣ въ Брестѣ у Чаадаева были найдены разныя недозволенныя книги, возмутительные стихи и пр., а главное — письма, обнаружившія его связи съ нѣкоторыми обвиняемыми по дѣлу 14 декабря: съ Н. Тургеневымъ, Муравьевыми и кн. Трубецкимъ. Препровождая государю эти письма и списокъ найденныхъ книгъ, великій князь доносилъ, что до разрѣшенія его величества приказалъ не выпускать Чаадаева изъ Брестъ-Литовска и имѣть за нимъ секретный полицейскій надзоръ.

Чаадаеву пришлось долго ждать: его письмо къ брату помѣчено 1 августа, а допросъ съ него былъ снятъ только 26 августа. Его допрашивали объ отношеніяхъ къ разнымъ декабристамъ, о письмахъ Н. Тургенева, о найденныхъ у него стихахъ, объ его участіи въ масонской ложѣ и пр. Кончилось тѣмъ, что Чаадаева освободили, однако московскому военному генералъ-губернатору поручено было имѣть за нимъ бдительный надзоръ. Мало того: нашли нужнымъ произвести обыскъ и у его брата, Михаила Яковлевича [1]). Дальнѣйшихъ послѣдствій это дѣло не имѣло, впрочемъ, ни для того, ни для другого.

VII.

„Возвратясь изъ путешествія, Чаадаевъ поселился въ Москвѣ и вскорѣ, по причинамъ едва ли кому извѣстнымъ, подвергъ себя добровольному затворничеству, не видался ни съ кѣмъ, и нечаянно встрѣчаясь въ еже-

[1]) „Р. Арх." 1875, № 8, стр. 458.

дневныхъ своихъ прогулкахъ по городу съ людьми самыми ему близкими, явно отъ нихъ убѣгалъ или надвигалъ себѣ на лобъ шляпу, чтобы его не узнавали". Это свидѣтельство современника Свербеева [1]) подтверждаютъ и Жихаревъ и Лонгиновъ: въ ближайшіе годы (1826—30) Чаадаевъ поддался мрачному настроенію духа, сдѣлался одинокимъ, угрюмымъ нелюдимомъ, ему грозили помѣшательство и маразмъ [2]). Самъ Чаадаевъ позднѣе признавался гр. Строгонову, что писалъ свое „Философическое письмо" (1829) „по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, во время сумасшествія, въ припадкахъ котораго онъ посягалъ на собственную свою жизнь" [3]).

Мы никогда не узнаемъ, какія муки нервнаго недомоганія, мнительности и отчаянія переживалъ Чаадаевъ въ эти годы. Безъ сомнѣнія, въ немъ продолжалась та тяжкая внутренняя работа, о которой выше шла рѣчь; и къ этой личной причинѣ его страданій присоединилась теперь другая, не личная.

При томъ направленіи, которое приняли мысли Чаадаева съ начала 20-хъ годовъ, общественные интересы, конечно, должны были отойти для него на второй планъ; но заглохнуть совсѣмъ они не могли. Вся психика Чаадаева коренилась въ почвѣ Александровскаго времени

---

[1]) Записки, т. II, стр. 394.

[2]) Жихаревъ въ „В. Евр." 1871, сентябрь, стр. 15; Лонгиновъ въ „Рус. Вѣст." 1862, ноябрь, стр. 141.

[3]) Письмо Д. Давыдова къ Пушкину (цитирую по ст. Лонгинова въ „Русск. Вѣстн." 1860, мартъ I, „Соврем. Лѣт." стр. 22).— Сравн. также письмо Чаадаева къ гр. Строгонову, „В. Евр." 1874, № 7, стр. 86.

и до его зрѣлыхъ лѣтъ питалась тѣми самыми соками, которые взрастили дѣятелей 14 декабря. Люди его поколѣнія, его друзья и сверстники, знали одну страсть, имѣли одну жизненную цѣль—общественность, и мы видѣли, таковъ былъ въ петербургскій періодъ своей жизни и Чаадаевъ. Онъ останется такимъ всю жизнь, и все, что онъ сдѣлаетъ, будетъ имѣть своимъ объектомъ не личность, а общество. Не замерло въ немъ гражданское чувство и тогда, когда онъ весь отдался религіозному исканію: этому порукой его продолжительное сожительство за границей съ Н. И. Тургеневымъ, типичнымъ однодумомъ освободительнаго движенія. У насъ есть и прямое свидѣтельство. Самое яркое воспоминаніе, сохранившееся у Свербеева о его встрѣчахъ съ Чаадаевымъ въ Бернѣ, это—воспоминаніе о страстномъ негодованіи, съ какимъ молчаливый обыкновенно Чаадаевъ „въ немногихъ словахъ“ клеймилъ все русское: „Онъ не скрывалъ въ своихъ рѣзкихъ выходкахъ глубочайшаго презрѣнія ко всему нашему прошедшему и настоящему и рѣшительно отчаявался въ будущемъ. Онъ обзывалъ Аракчеева злодѣемъ, высшихъ властей военныхъ и гражданскихъ — взяточниками, дворянъ—подлыми холопами, духовныхъ — невѣждами, все остальное—коснѣющимъ и пресмыкающимся въ рабствѣ“ [1]); это записано по памяти много лѣтъ спустя, но общее впечатлѣніе несомнѣнно запомнилось вѣрно. Само собой разумѣется, что трехлѣтнее пребываніе въ культурнѣйшихъ странахъ Западной

---

[1]) Ibid., стр. 287.

Европы должно было еще усилить въ Чаадаевѣ этотъ горькій стыдъ за Россію.

Переломъ, совершившійся въ міровоззрѣніи Чаадаева, не заглушилъ въ немъ общественнаго интереса, но направилъ послѣдній по другому, чѣмъ раньше, руслу. Очень вѣроятно, что его уже и прежде не удовлетворяла та узко-раціоналистическая основа, на которую опирался политическій идеализмъ его петербургскихъ друзей, и что онъ сходился съ ними скорѣе въ общихъ практическихъ требованіяхъ, нежели во взглядахъ на сущность прогресса. Теперь, подъ вліяніемъ новыхъ чувствъ и идей, охватившихъ его съ такой силой, этотъ послѣдній вопросъ естественно долженъ былъ пріобрѣсти въ его глазахъ особенное значеніе, и уже очень рано намѣчается путь, по которому онъ придетъ позднѣе къ своей историко-философской теоріи. Среди бумагъ Чаадаева въ Румянцовскомъ музеѣ сохранилось рекомендательное письмо, данное ему 31 января 1825 г. англійскимъ миссіонеромъ Чарльзомъ Кукомъ къ нѣкоему Маріоту въ Лондонѣ; Кукъ рекомендуетъ его, какъ человѣка, ѣдущаго въ Англію съ цѣлью изучить причины нравственнаго благосостоянія Англіи и возможность привитія ихъ къ Россіи (with the intention of examining the causes of our Moral Prosperity, and the possibility of applying them to his native country, Russia). Спрошенный объ этомъ письмѣ на допросѣ въ Брестѣ (оно было найдено у него при обыскѣ), Чаадаевъ показалъ, что познакомился съ Кукомъ во Флоренціи при его проѣздѣ изъ Іерусалима во Францію. „Такъ какъ всѣ его мысли и весь кругъ дѣйствій обращены были къ рели-

гіи, то всѣ разговоры мои съ нимъ относились до сего предмета. Благоденствіе Англіи приписывалъ онъ всеобще распространенному тамъ духу вѣры. Я же съ своей стороны говорилъ ему съ горестію о недостаткѣ вѣры въ народѣ русскомъ, особенно въ высшихъ классахъ. По сему случаю далъ онъ мнѣ письмо къ пріятелю своему въ Лондонъ съ тѣмъ, чтобы онъ могъ познакомить меня болѣе съ нравственнымъ расположеніемъ народа въ Англіи" [1]). Мысль о томъ, что западные народы въ поискахъ царства Божія *попутно* обрѣли и свободу, и благосостояніе, является однимъ изъ основныхъ положеній „Философическихъ писемъ" Чаадаева.

Чаадаевъ вернулся въ Россію тотчасъ послѣ декабрьскаго разгрома, и то, что онъ увидѣлъ здѣсь, должно было казаться ему смертнымъ приговоромъ для всего народа и для него самого. Его ближайшіе друзья были заживо погребены въ тюремныхъ казематахъ. Петербургъ и Москва стали пусты для него; мало того, вмѣстѣ съ этими людьми изъ русской жизни, казалось, было вырвано все, что еще напоминало о запросахъ духа, о жаждѣ высшихъ благъ, даже просто о человѣческомъ достоинствѣ, — остался только тупой и циничный матеріализмъ, равносильный моральному гніенію. Легко понять, какъ задыхался въ этой атмосферѣ Чаадаевъ, съ его тонкой психической организаціей, весь поглощенный интересами духа, и сколько гнѣва и безнадежности должно было

---

[1]) „Р. Стар." 1900, декабрь, стр. 586. Чаадаевъ послѣ того уже не ѣздилъ въ Англію, и письмо осталось у него. Оно, очевидно, было возвращено ему послѣ допроса.

накопиться въ его сердцѣ,—если даже у человѣка, несравненно болѣе родственнаго окружающему быту, у П. А. Вяземскаго, могло вырваться въ 1828 году замѣчаніе, что истинный русскій патріотизмъ въ настоящее время можетъ заключаться только въ ненависти къ Россіи, какою она сейчасъ представляется [1]. За четыре года мрачнаго затворничества, 1826—1830, Чаадаевъ имѣлъ довольно времени, чтобы подвести итогъ и прошлому Россіи, и собственному будущему, и если остатокъ мужества удержалъ его отъ самоубійства, то у него хватило храбрости и на то, чтобы прямо взглянуть въ глаза истинѣ и, увидавъ въ нихъ смерть, прочитать отходную себѣ и Россіи.

Въ концѣ этого періода, вѣроятно въ 1829 и 30 гг., были написаны его знаменитыя философскія письма. *Въ нихъ скрестились тѣ два теченія, которыя мы прослѣдили въ исторіи молодости Чаадаева: напряженный общественный интересъ людей 14-го декабря, и увлеченіе христіанской мистикой.* Міровоззрѣніе Чаадаева приходится характеризовать терминомъ, въ двухъ частяхъ котораго скрывается на видъ непримиримое противорѣчіе,—терминомъ: *соціальный мистицизмъ.*

VIII.

Какъ извѣстно, философскихъ писемъ Чаадаева сохранилось четыре: они помѣщены въ книгѣ „Oeuvres choisies de Pierre Tchadaief“, изданной въ Парижѣ, въ

---

[1]) Письмо къ А. И. Тургеневу, *Остаф. арх.* III. 181.

1862 г., іезуитомъ Гагаринымъ. Нумеромъ 1-мъ у Гагарина помѣчено знаменитое письмо, напечатанное въ 1836 г. въ „Телескопѣ“, затѣмъ слѣдуютъ два обширныхъ письма историко-философскаго содержанія—№№ 2 и 3, и, наконецъ, подъ № 4 помѣщено короткое письмо или отрывокъ письма — объ архитектурѣ [1]). Всѣ четыре письма адресованы дамѣ и у Гагарина имѣютъ видъ какъ бы послѣдовательнаго ряда главъ, за что, повидимому, и принималъ ихъ самъ Гагаринъ, судя по его предисловію.

Но достаточно только съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочитать письма, чтобы убѣдиться въ произвольности такой разстановки. Сразу бросается въ глаза, что первое, знаменитое письмо формально вовсе не стоитъ въ связи съ дальнѣйшими, что, напротивъ, второе и третье письма неразрывно связаны между собою, но представляютъ лишь продолженіе какого-то утеряннаго для насъ начала, и что, наконецъ, четвертое письмо, иллюстрирующее основную мысль Чаадаева примѣромъ изъ исторіи искусства, опять-таки формально не примыкаетъ ни къ первому письму, ни ко второму съ третьимъ. Предъ нами, очевидно, два по своему законченныхъ наброска (письмо № 1 и письмо № 4) и одинъ обширный отрывокъ изъ какого-то большого систематическаго цѣлаго (№№ 2—3). Это явствуетъ, повторяю, непосредственно изъ самихъ писемъ,—и этотъ выводъ подтверждается какъ имѣющимися свѣдѣніями объ исторіи ихъ возникновенія, такъ и болѣе детальнымъ изученіемъ ихъ текста.

[1]) „Письма“ писаны по-французски. Ниже, въ Приложеніи, читатель найдетъ русскій переводъ всѣхъ четырехъ писемъ.

Необходимо, прежде всего, твердо установить тотъ фактъ, что первое письмо (именно прославившееся впослѣдствіи) было не литературнымъ произведеніемъ въ эпистолярной формѣ, какъ обыкновенно думаютъ, а дѣйствительно и въ самомъ точномъ смыслѣ слова письмомъ. Изъ свидѣтельства самого Чаадаева извѣстно, что оно было адресовано Екат. Дм. Пановой, съ которой онъ познакомился въ 1827 году въ подмосковной (т.-е. вѣроятно въ имѣніи тетки, Дмитровскаго уѣзда), гдѣ она и ея мужъ были ему сосѣдями; онъ часто видался съ нею и здѣсь, и на другой годъ въ Москвѣ, куда, вслѣдъ за нимъ, переѣхали жить и они; въ Москвѣ же получилъ онъ отъ нея письмо, на которое отвѣчалъ знаменитымъ „Философическимъ письмомъ",—но къ ней его не послалъ, потому что, говоритъ онъ, писалъ его довольно долго, а тѣмъ временемъ знакомство прекратилось [1]).

Это письмо Пановой сохранилось и приводится въ „Приложеніи". Если читатель, имѣя подъ рукою „Философическое письмо" Чаадаева, дастъ себѣ трудъ пробѣжать оба эти письма параллельно, онъ убѣдится, что чаадаевское письмо не только представляетъ собою прямой отвѣтъ на письмо Пановой, но въ нѣкоторыхъ частяхъ даже и не можетъ быть понято безъ послѣдняго. Содержаніе письма Пановой вкратцѣ слѣдующее. Повидимому, я утратила ваше старое расположеніе. Я знаю: вы думаете, что проявленный мною предъ вами интересъ къ вопросамъ религіи былъ притворенъ. Это невѣрно; ваше

[1]) Письмо 1837 г. къ моск. об.-полицеймейстеру Цынскому, „В. Евр." 1871, ноябрь, стр. 328.

пламенное увлеченіе религіозными идеями увлекло и меня,—и я отдалась этимъ новымъ для меня чувствамъ со всей страстностью моего пылкаго характера. Слушая васъ, я вѣрила беззавѣтно; но когда затѣмъ я осталась одна, мною снова овладѣли сомнѣнія и меня стало мучить раскаяніе въ томъ, что я склоняюсь къ католичеству. Эти волненія, которыхъ я не въ силахъ была подавить, значительно разстроили мое здоровье. Пишу вамъ теперь съ единственной цѣлью увѣрить васъ, что я всегда была искренна съ вами. Не смѣю надѣяться,— но если вы напишете мнѣ нѣсколько словъ въ отвѣтъ, я буду счастлива.

На это Чаадаевъ отвѣчаетъ: „Ваши строки крайне удивили меня. Мое мнѣніе о васъ противоположно тому, которое вы предполагаете во мнѣ: я люблю и цѣню въ васъ именно вашу искренность, и только она побуждала меня говорить съ вами о религіи". Затѣмъ онъ говоритъ о ея душевныхъ страданіяхъ: пусть она безбоязненно отдастся чувствамъ, пробужденнымъ въ ней религіозными идеями; ей нечего бояться своего влеченія къ католичеству, потому что это влеченіе должно оставаться чисто-духовнымъ и не проявляться во внѣ. Далѣе онъ указываетъ ей тѣ средства, которыя неминуемо должны дать ей душевный миръ (соблюденіе обрядовъ, предписываемыхъ церковью, и серьезная, благочестивая жизнь), — и здѣсь нечаянно, къ слову, затрогиваетъ предметъ, надолго овладѣвающій его вниманіемъ; въ результатѣ письмо чудовищно разростается и получаетъ характеръ историко-публицистической статьи. Но по существу и всѣ эти дальнѣйшія страницы неразрывно связаны съ письмомъ Пановой; онѣ—не что

иное, какъ попытка отвѣтить на естественный вопросъ, поднятый ея письмомъ въ Чаадаевѣ: почему пробужденіе религіознаго чувства принесло ей не миръ и свѣтлую радость, а грусть, томленіе, почти угрызенія совѣсти? Отвѣтъ для Чаадаева былъ ясенъ: это—роковое дѣйствіе русской атмосферы, вліяніе тѣхъ темныхъ силъ, которыя властвуютъ у насъ надо всѣми, отъ высшихъ членовъ общества до раба; а отъ такого отвѣта естественъ былъ переходъ къ характеристикѣ русскаго общества, разумѣется обличительной, и сравненію его съ западно-европейскими. Эта сравнительная оцѣнка должна была, конечно, опираться на какой-нибудь общій критерій, — и пиши Чаадаевъ статью, онъ безъ сомнѣнія и началъ бы съ формулировки своей руководящей историко-философской идеи. Здѣсь онъ этого не сдѣлалъ: онъ пишетъ такъ, какъ пишутъ къ близкому человѣку письмо на жгучую тему; его основные принципы сквозятъ въ каждой строкѣ, частично онъ много разъ возвращается къ нимъ, но въ цѣломъ они являются какъ-бы давно рѣшенной между собесѣдниками истиной, и ему и на мысль не приходитъ систематически изложить ихъ. Что̀ изъ нихъ попутно понадобится ему въ этомъ частномъ разговорѣ, то выскажется; что нѣтъ—то нѣтъ.

Таково знаменитое „Философическое письмо“ Чаадаева, и онъ самъ впослѣдствіи справедливо писалъ брату: „Письмо написано было не для публики... *и это видно изъ каждой строки онаго*“ [1]). Кто приметъ его не за то,

---

[1]) Письмо отъ 5 янв. 1837 г., „Вѣстн. Евр.“ 1871, ноябрь, стр. 327.

что оно есть на самомъ дѣлѣ, т.-е. не за частное письмо на специальную тему, а за публичное profession de foi, за изложенiе цѣльной доктрины, тотъ неизбѣжно, во-первыхъ, многаго въ немъ не пойметъ, во-вторыхъ, остальное пойметъ превратно. Онъ не пойметъ, зачѣмъ понадобились автору первыя шесть страницъ письма (разумѣю по Гагаринскому изданiю), не пойметъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, цѣлой страницы 11—12, гдѣ рѣчь идетъ о какихъ-то choses extérieures (Чаадаевъ отвѣчаетъ здѣсь на сомнѣнiя Пановой касательно католицизма) и пр., и пр. А главное, при такомъ взглядѣ неминуемо исказится внутренняя перспектива письма, т.-е. получится совершенно ложное представленiе о роли, которую тотъ или другой отдѣльный тезисъ Чаадаева играетъ въ цѣломъ его мiровоззрѣнiи.

Письмо помѣчено: Nécropolis („городъ мертвыхъ", т.-е. Москва), 1 декабря 1829 года. Какъ уже сказано, оно осталось непосланнымъ, хотя еще по послѣднимъ извинительнымъ строкамъ его видно, что Чаадаевъ собирался его отослать. Какъ бы то ни было, оно вышло мало похожимъ на обыкновенное письмо, и Чаадаевъ имѣлъ основанiя быть имъ доволенъ. Онъ, очевидно, уже и раньше пробовалъ излагать свои мысли, притомъ въ систематической формѣ: на это указываетъ приводимая имъ въ концѣ письма длинная выписка изъ какого-то болѣе ранняго его произведенiя. Теперь случайно найденная форма показалась ему настолько удобной и самая работа — такъ увлекательной, что онъ не мѣшкая сталъ продолжать ее. Въ первомъ письмѣ онъ успѣлъ высказать лишь небольшую часть того, что имѣлъ

сказать, и—главное—только мимоходомъ и безпорядочно затронулъ основные пункты своей историко-философской системы; теперь ему необходимо было обстоятельно выяснить именно эти основныя начала, и первое письмо, какъ-разъ въ виду своей непринужденной суммарности, могло служить отличнымъ введеніемъ къ такому изложенію. И вотъ, въ ближайшіе годы возникаетъ цѣлый рядъ „философическихъ“ писемъ, о которыхъ онъ показывалъ позднѣе, что всѣ они „написаны какъ-будто къ той же женщинѣ, но г-жа Панова объ нихъ даже не слыхала“ [1]). Это были уже настоящія статьи, только облеченныя въ эпистолярную форму.

Болѣе того: можно съ увѣренностью утверждать, что эти дальнѣйшія письма представляли собою послѣдовательный рядъ статей, въ которыхъ Чаадаевъ стремился, хотя и свободно на видъ, какъ того требовала форма дружескаго письма, но въ сущности строго-систематически, изложить все свое ученіе. На эту мысль наводитъ чтеніе 2-го и 8-го писемъ. Что № 8—непосредственное продолженіе № 2-го, это ясно съ перваго взгляда: во 2-мъ авторъ намѣчаетъ планъ провѣрки нѣкоторыхъ историческихъ репутацій (Моисей, Давидъ, Сократъ, Маркъ Аврелій и др.), въ 8-мъ онъ, послѣ обширнаго введенія, выполняетъ эту программу, начиная прямой ссылкою на письмо № 2 [2]). Не менѣе очевидно

---

[1]) В. Евр. 1871, ноябрь, стр. 828.

[2]) „Mais revenons, madame, à ces grands personnages de l'histoire, dont je vous disais l'autre jour“ etc., *Oeuvres choisies*, p. 96.

и то, что оба эти письма въ совокупности представляютъ собою продолженіе: это явствуетъ изъ прямыхъ ссылокъ на предыдущія письма [1]. Мы легко можемъ догадаться и о содержаніи этихъ предшествовавшихъ писемъ: №№ 2 и 3 содержатъ философію исторіи Чаадаева; имъ должно было предшествовать изложеніе его исходныхъ принциповъ, т.-е. его религіозно-философскихъ воззрѣній, которыя онъ, дѣйствительно, и резюмируетъ кратко въ началѣ № 2-го. Такимъ образомъ, ученіе Чаадаева дошло до насъ, такъ сказать, обезглавленнымъ—обстоятельство первостепенной важности, оставшееся донынѣ не замѣченнымъ: оно было одною изъ главныхъ причинъ возникновенія легенды объ историческомъ скептицизмѣ Чаадаева [2].

Очень вѣроятно, что на ряду съ этой систематической

---

[1]) *O. ch.*, p. 44—45, 90.

[2]) Позднѣе, на допросѣ въ 1836 г., Надеждинъ показалъ, что первое философическое письмо Чаадаевъ рекомендовалъ ему „какъ введеніе ко всѣмъ прочимъ“, что Чаадаевъ лично доставилъ ему переводъ еще двухъ писемъ, „именно *третьяго* и *четвертаго*“, и на его вопросъ о *второмъ* письмѣ, „которое слѣдовало бы помѣстить за первымъ для порядка, онъ сказалъ, что этого второго письма онъ печатать не намѣренъ и что это, впрочемъ, не нарушитъ связи писемъ“ (М. К. Лемке, *Чаадаевъ* и *Надеждинъ*, „М. Божій“ 1905, XI, 138—139). Изъ того, что Надеждинъ разсказываетъ далѣе о содержаніи *третьяго* письма (ibid. 148, 150), явствуетъ: 1) что оно до насъ не дошло, 2) что оно заключало въ себѣ изложеніе основной религіозной идеи Чаадаева (объ уничтоженіи личной воли человѣка) и слѣдовательно принадлежало къ первой, догматической серіи писемъ, за которою уже слѣдовали тѣ, гдѣ онъ излагалъ свою философію исторіи.

серіей у Чаадаева были и отдѣльныя письма на темы, такъ сказать, эпизодическаго свойства: таково, напримѣръ, сохранившееся письмо № 4. Сколько писемъ того и другого рода пропало — неизвѣстно; возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ еще найдутся въ неразобранныхъ пока архивахъ А. И. Тургенева и др. Пропали два письма, читанныя Чаадаевымъ у Свербеевыхъ и, повидимому, ближайшимъ образомъ примыкавшія къ первому, знаменитому письму [1]); пропало письмо о свободѣ церкви и о догматѣ filioque [2]), тожественное, можетъ быть, съ однимъ изъ этихъ двухъ; наконецъ, пропали упомянутыя выше основоположныя письма, на которыя Чаадаевъ ссылается въ первыхъ строкахъ письма № 2.

---

[1]) *O. ch.*, p. 187—8.

[2]) Объ этомъ письмѣ мы узнаемъ изъ рукописнаго отвѣта на него, неизвѣстно чьей руки, хранящагося среди бумагъ Чаадаева въ Румянцовскомъ музеѣ. Вотъ начало этого отвѣта: „Вы сообщили мнѣ Ваше письмо къ одной дамѣ съ тѣмъ, чтобы я откровенно сказалъ свое мнѣніе о взглядахъ въ немъ изложенныхъ на два дѣйствительно существенные и важные вопроса христіанской церкви: о свободѣ церковной и о догматѣ *filioque*, послужившемъ одною изъ причинъ несчастнаго раздѣленія церквей -- Восточной и Западной...— Вы начинаете письмо отрывкомъ изъ проповѣди Массильона, произнесенной въ Версали въ присутствіи короля французскаго, въ которой ораторъ напоминаетъ ему, что власть королю дается народомъ и потому его жизнь и дѣйствія должны быть посвящены благу народному... Вы разсматриваете... его... слова, какъ смѣлый поступокъ, возможный единственно при свободѣ церковной, которая въ свой чередъ возможна только тогда, какъ Вы полагаете, когда церковь имѣетъ свое самостоятельное средоточіе, являющееся въ лицѣ верховнаго Первосвятителя или Папы“; и т. д.

Первое письмо, какъ уже сказано, помѣчено и въ „Телескопѣ", и въ изданіи Гагарина 1 декабря 1829 г., третье — несомнѣнно ошибочно — помѣчено у Гагарина 16 февраля этого же года. Это письмо № 8 увезъ съ собою изъ Москвы Пушкинъ весною 1831 года, и въ іюнѣ Чаадаевъ, прося его о скорѣйшемъ возвращеніи своей рукописи, писалъ ему: „Я, мой другъ, окончилъ все, все высказалъ, что имѣлъ высказать; мнѣ бы теперь поскорѣй хотѣлось имѣть все это подъ руками" [1]); эти слова заставляютъ думать, что къ половинѣ 1831 года главныя письма (скорѣе всего, вся систематическая серія) уже были написаны. Однако, Чаадаевъ и позднѣе писалъ философическія письма какъ будто къ той же дамѣ (до насъ дошелъ отрывокъ такого письма еще отъ 1854 года). и—главное—подвергалъ сильной переработкѣ написанныя раньше [2]). Во всякомъ случаѣ, тѣ три уцѣлѣвшихъ письма, которыя одни имѣютъ для насъ значеніе, т. е. №№ 1, 2 и 3 гагаринскаго изданія, несомнѣнно были написаны на близкомъ разстояніи другъ къ другу (1829 — 1831 гг.) и, слѣдовательно, должны быть изучаемы заодно.

---

[1]) *Бумаги А. С. Пушкина*, изд. Рус. Архива, в. I, Москва, 1881, стр. 151; что переписка шла о письмѣ № 3, показываетъ отвѣтное письмо Пушкина. „Соч." п. ред. Ефремова, VII, стр. 419.

[2]) Напр. *O. ch.*, pp. 170. 188. Сравн. письмо № 4 (объ архитектурѣ) въ *Телескопѣ*, № 11 за 1832 г., съ текстомъ этого письма въ изд. Гагарина.

IX.

Итакъ, предъ нами только часть ученія Чаадаева, и этого ни на минуту нельзя упускать изъ виду при изложеніи его идей. Онъ—христіанскій философъ, а мы очень мало знаемъ какъ-разъ о его пониманіи христіанства. Въ первой части своей работы онъ долженъ былъ трактовать (и, какъ показываютъ его ссылки, дѣйствительно трактовалъ) основные вопросы всякаго религіознаго міровоззрѣнія — объ отношеніи человѣка къ Богу, о загробной жизни, о благодати, грѣхѣ и искупленіи; онъ долженъ былъ, наконецъ, дать тамъ религіозную космогонію; но именно эта часть погибла, и до насъ дошла только вторая половина его работы—его философія исторіи. Но не надо забывать и того, что именно въ философіи исторіи—центръ тяжести его ученія.

Прежде, чѣмъ обратиться къ содержанію послѣдняго, мы должны отвѣтить на одинъ естественно возникающій вопросъ: въ какой зависимости стоитъ Чаадаевъ отъ современныхъ ему западныхъ мыслителей? Съ перваго взгляда ясно, что католическая философія 20-хъ годовъ оказала на него весьма сильное вліяніе. Онъ заимствовалъ изъ нея свои главныя двѣ идеи: идею исторической преемственности—у де-Местра, идею воспитанія человѣчества Богомъ—у Бональда. Бональду, какъ доказалъ П. Н. Милюковъ [1]), Чаадаевъ обязанъ и многими от-

---

[1]) Милюковъ, *Главныя теченія рус. историч. мысли*, I, М. 1898, стр. 377 и сл.

дѣльными своими мыслями. Такимъ образомъ, его прямая связь съ этой школою, какъ и вообще съ традиціонной католической философіей исторіи, не подлежитъ сомнѣнію, и конечно, это обстоятельство представляетъ крупный историко-литературный интересъ.

Но историко-психологическому изслѣдованію съ такими фактами нечего дѣлать; притомъ же, достаточно самаго поверхностнаго сравненія, чтобы замѣтить, что Чаадаевъ отнюдь не сливается ни съ де-Местромъ, ни съ Бональдомъ. Позаимствовавъ у нихъ многое, и еще больше отвергнувъ, онъ *въ цѣломъ* остался безусловно оригинальнымъ; онъ взялъ у нихъ то, что отвѣчало его духовнымъ запросамъ, и заимствованную идею переработалъ въ себѣ такъ органически, что она стала въ немъ плодоносной. Будь онъ эклектикъ, она осталась бы безплодной; и будь онъ эклектикъ, откуда бы онъ взялъ это могучее волненіе, чисто-личное, неповторяемое, которое проникаетъ всю его доктрину и сообщаетъ такую неотразимую убѣдительность его слову? Изъ чужой мысли нельзя черпать вдохновенія, и поддѣлать его невозможно, а Чаадаевъ—именно философъ-поэтъ: въ желѣзной и вмѣстѣ свободной послѣдовательности его умозаключеній столько сдержанной страсти, такая чудесная экономія силъ, что и помимо множества блестящихъ характеристикъ и художественныхъ эпитетовъ, за одинъ этотъ строгій паѳосъ мысли его „Философическія письма“ должны быть отнесены къ области словеснаго творчества наравнѣ съ Пушкинской элегіей или повѣстью Толстого. Чаадаевъ любилъ готическій стиль; его философія—словесная готика. Во всемірной литературѣ немного най-

дется произведеній, гдѣ такъ ясно чувствовались бы стихійность и вмѣстѣ гармоничность человѣческой логики.

X.

Въ утраченныхъ письмахъ Чаадаевъ, слѣдуя Бональду, апріорно устанавливалъ слѣдующія посылки [1]: 1) первыя свои идеи и знанія человѣческій разумъ получилъ непосредственно отъ Бога; 2) Божій промыслъ продолжаетъ вліять на человѣческій разумъ и во все продолженіе исторіи; 3) по своей природѣ это постоянное дѣйствіе высшаго разума на человѣка вполнѣ однородно съ первоначальнымъ внушеніемъ; 4) наконецъ, оно должно осуществляться такимъ образомъ, чтобы человѣческій разумъ тѣмъ не менѣе оставался совершенно свободнымъ и могъ развивать всю свою дѣятельность.—На этихъ основныхъ тезисахъ Чаадаевъ и строитъ свою философію исторіи.

Вся она—и въ этомъ ядро его ученія—сводится къ одной мысли: что исторія рода человѣческаго есть не что иное, какъ его постепенное воспитаніе Божьимъ промысломъ, имѣющее конечной цѣлью водвореніе царства Божія на землѣ и совершающееся при полной свободѣ человѣческаго разума. Подъ царствіемъ Божьимъ Чаадаевъ разумѣетъ не общее благоденствіе и не торжество нравственнаго закона, а единственно и безусловно—внутреннее сліяніе человѣчества съ Богомъ. Его идеалъ—

---

[1]) Онъ резюмируетъ ихъ въ началѣ письма № 2, т.-е. переходя къ изложенію своей философіи исторіи.

чисто-мистическій: свободное онѣмѣніе свободнаго человѣческаго разума въ Божествѣ [1]). Человѣчество, созданное Богомъ, должно вернуться въ Его лоно путемъ побѣды надъ матеріальной стихіей въ себѣ; но такъ какъ человѣческій разумъ свободенъ, то для полнаго торжества духа необходимо, чтобы матеріальный элементъ въ человѣчествѣ осуществилъ всѣ свои потенціи, достигъ наивысшей сложности и силы, и былъ претворенъ духомъ, такъ сказать, во всю свою глубину. Само собою разумѣется, что полное сліяніе съ Богомъ невозможно ни для цѣлаго человѣчества, ни для отдѣльнаго человѣка; возможно лишь безконечное приближеніе къ идеалу. На этомъ пути человѣчество прошло двѣ стадіи и теперь проходитъ третью, послѣднюю, по существу безконечную: первоначально духъ человѣка въ своей дѣвственной чистотѣ былъ всецѣло устремленъ къ небу; затѣмъ матеріальная сторона человѣческой природы расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ, и онъ прилѣпился къ землѣ;

---

[1]) Вотъ какъ Надеждинъ передаетъ содержаніе одного изъ недошедшихъ до насъ „Философическихъ писемъ“: „оно все говоритъ о покорности, объ уничтоженіи личной воли человѣка, о безусловной преданности закону, не нашимъ произволомъ выдуманному, а внѣ насъ находящемуся. Въ этой покорности, въ этомъ самоуничтоженіи, въ этой безусловной преданности авторъ письма полагаетъ послѣднюю степень совершенства человѣческаго и говоритъ, что человѣкъ, совершенно уничтожившій въ себѣ порывы личнаго своеволія, убившій свое *я* на землѣ еще, создаетъ для себя небо.“ (М. К. Лемке, указ. м., 148, и ниже, стр. 150: „... гдѣ авторъ говоритъ *о покорности*, какъ о единственномъ условіи *существованія на землѣ царства Божія*“).

наконецъ всемогущая десница Христа снова и уже безвозвратно кинула его къ небу.

Чаадаевъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы показать, насколько безсмысленно ученіе о „естественномъ“ совершенствованіи человѣческой природы, осуществляемомъ будто бы исключительно ея динамической силою, безъ какого-либо участія высшей воли. Что можетъ человѣческій разумъ, предоставленный самому себѣ? Его прогрессъ отнюдь не безграниченъ. Онъ способенъ развиваться лишь до извѣстнаго предѣла, послѣ чего неизбѣжно останавливается и цѣпенѣетъ; и какъ ни жаждетъ онъ вырваться изъ своей земной сферы, онъ можетъ лишь время отъ времени на мигъ подниматься вверхъ, чтобы тотчасъ упасть еще въ глубочайшую бездну: самъ въ себѣ онъ не носитъ залога ни прочности, ни непрерывности развитія.

Лучшее тому доказательство—исторія древняго міра. Его разрушили не варвары: это былъ уже разлагающійся трупъ. Дѣло въ томъ, что античная древность была подготовительнымъ воспитаніемъ человѣчества, именно періодомъ господства матеріальныхъ интересовъ. Земное благополучіе и земная красота—вотъ въ чемъ заключалось жизненное начало древности; даже прославленное искусство грековъ, ихъ поэзія—это апоѳеозъ матеріи, обожествленіе грѣха, торжество чувственности. А на этой основѣ возможенъ лишь ограниченный и временный прогрессъ,—и ко времени пришествія Христа матеріальный интересъ, составлявшій ось античной культуры, уже исполнилъ свою задачу и выдохся. Вотъ почему древній міръ кончилъ глубокимъ одичаніемъ, и почему случилось,

что со всей своей красотой, мудростью и могуществомъ онъ распался въ прахъ. И грубой ошибкой было бы думать, что наша цивилизація представляетъ собою прямое продолженіе древней: мы, конечно, приняли все, что добыла она, но современное общество могло стать такимъ, каково оно есть, лишь вслѣдствіе событія вполнѣ сверхъестественнаго, не стоящаго ни въ какой связи съ историческимъ ходомъ развитія, т. е. благодаря пришествію Христа. Чѣмъ стало бы оно безъ этого толчка, показываетъ примѣръ Индіи и Китая: разъ общество основано не на истинѣ, исходящей непосредственно отъ Высшаго Разума, его неизбѣжно постигаетъ рано или поздно духовный параличъ или смерть.

Только христіанское общество хранитъ въ себѣ реальный принципъ непрерывнаго развитія и прочности. Несмотря на всѣ потрясенія, постигшія его, оно не только не утратило своей жизнеспособности, но съ каждымъ днемъ въ немъ рождаются новыя силы. На равномъ приблизительно протяженіи времени сколько обществъ погибло въ древнемъ мірѣ,—а въ исторіи новыхъ народовъ мы видимъ лишь перекрестки географическихъ границъ, самое же общество и народы остаются невредимыми, и впереди имъ не грозитъ ни китайскій застой, ни греко-римскій упадокъ, а полное исчезновеніе нашей культуры возможно развѣ только въ случаѣ новаго мірового катаклизма. Тайна этой прочности въ томъ, что только христіанское общество дѣйствительно одушевлено интересомъ мысли. Матеріальный интересъ всецѣло подчиненъ въ немъ одной могучей идеѣ — религіозной, которая царитъ на протяженіи всей его двадцативѣко-

вой исторіи и опредѣляетъ все добро и все зло его жизни.

Ибо христіанство—не только вѣроученіе, формулированное человѣческимъ умомъ: оно *космическая* сила, непреоборимо дѣйствующая въ человѣчествѣ; оно имманентно и стихійно. Это — центральный пунктъ мистическаго міросозерцанія Чаадаева, ключъ ко всей его системѣ: христіанство—прежде всего *объективный* историческій факторъ, а не только субъективное настроеніе. Поэтому въ исторіи христіанства, говоритъ онъ, надо строго различать двѣ стороны: его прямое вліяніе на индивидуальный разумъ, и его стихійное дѣйствіе въ вѣкахъ. Вся жизнь христіанскаго общества съ перваго дня нашей эры есть какъ бы одинъ колоссальный механизмъ, направляемый всемогущей рукою Христа. Сознательно или безсознательно, дѣлу Христа служатъ всѣ нравственныя силы человѣчества, ибо достиженіе конечной цѣли — установленіе царствія Божьяго — должно явиться результатомъ безчисленныхъ комбинацій умственныхъ, нравственныхъ и соціальныхъ, въ которыхъ нашла бы себѣ полный просторъ безусловная свобода человѣческаго духа. Ничто не доказываетъ въ такой степени божественнаго происхожденія христіанства, какъ эта его всеобщность. Всевозможными путями оно проникаетъ во всѣ души, покоряетъ себѣ ихъ безъ ихъ вѣдома даже тогда, когда онѣ на видъ всего упорнѣе противятся ему, и заставляетъ ихъ служить себѣ, не посягая на ихъ свободу и не парализуя ихъ природныхъ силъ, но, напротивъ, до безконечности обогащая ихъ. Оно указываетъ каждой индивидуальности ея мѣсто въ общей и единой

работѣ, и ни одинъ моральный элементъ не остается празднымъ: оно равно пользуется энергичной сосредоточенностью мысли и страстнымъ порывомъ чувства, героизмомъ сильнаго духа и кроткой покорностью женственной души. Оно сродни каждому, оно сливается со всякимъ біеніемъ нашего сердца, оно увлекаетъ за собою все попутное, какъ и встрѣчное, и самыя препятствія только даютъ ему новую силу. Сколько ни есть въ обществѣ разнообразныхъ духовныхъ силъ, онѣ всѣ дѣлаютъ одно это дѣло. И еще удивительнѣе вліяніе христіанства на общество въ цѣломъ: озирая весь ходъ развитія новаго міра, мы видимъ, что христіанство превращаетъ всѣ интересы людей въ орудія для достиженія своей цѣли. Вся исторія христіанскихъ народовъ есть въ сущности религіозная исторія и не въ меньшей степени заслуживаетъ названія священной, нежели та, которая изложена въ Библіи. Ошибочно было бы думать, что эти народы искали богатства и свободы; нѣтъ, они искали истины, но по пути нашли и благосостояніе, потому что громадное развитіе и напряженіе всѣхъ умственныхъ силъ, обусловленное божественнымъ духомъ христіанства, который дѣйствуетъ въ нихъ, естественно должно было обогатить ихъ и всевозможными земными благами.

Такъ, руководимое самимъ Богомъ, неуклонно, но свободно движется человѣчество къ своей предустановленной цѣли. Еще путь далекъ; надъ христіанскимъ обществомъ еще властвуетъ, черпая силу въ порочности нашей природы, соблазнъ земного благополучія и чувственной красоты, — это пагубное наслѣдіе античной древности. Но божественный процессъ совершается неудержимо. Бла-

женны тѣ, кто въ этой общей работѣ исполняетъ свою часть сознательно. Массы движутся слѣпо, не сознавая силъ, приводящихъ ихъ въ движеніе, и не провидя цѣли, къ которой направляются. Но долгъ каждаго человѣка— стремиться стать активнымъ орудіемъ Провидѣнія. Достигнуть этого лучше всего помогаетъ намъ исторія. Единство рода человѣческаго и единство совершающагося въ исторіи процесса должны внѣдриться въ человѣка не какъ отвлеченная идея, а какъ регулятивное чувство, такъ, чтобы онъ непрестанно чувствовалъ себя не отдѣльной особью, а лишь частью великаго моральнаго цѣлаго, и чтобы онъ во всемъ былъ вынужденъ дѣйствовать согласно закону развитія этого цѣлаго. Въ этомъ истребленіи личнаго своего существа и замѣнѣ его существомъ вполнѣ безличнымъ, соціально-историческимъ, заключается назначеніе человѣка на землѣ.

Точно также и цѣлый народъ только въ исторіи можетъ почерпнуть сознаніе предназначенной ему доли. Народъ есть сложная моральная личность; чтобы опредѣлить роль, указанную ему во всемірно-исторической работѣ, онъ долженъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, во-первыхъ, уразумѣть цѣль и ходъ послѣдней, и во-вторыхъ, ясно сознать свое „я“, узнать свои пороки и добродѣтели, чтобы научиться впредь преодолѣвать первые и утверждать въ себѣ вторыя ради приближенія къ общечеловѣческой цѣли. А это самосознаніе дается исторіей: только уразумѣвъ жизнь человѣчества и свое собственное прошлое, народъ можетъ трезво понять свое настоящее и до извѣстной степени догадаться о направленіи, въ которомъ ему предназначено идти.

Этотъ долгъ лежитъ и на насъ, русскихъ. Посмотримъ же, кто мы и куда мы идемъ.

XI.

Страшно и горько признаться: въ то время, какъ западные народы прошли уже значительную часть пути, ведущаго къ предустановленной цѣли,—мы, русскіе, даже еще не вступили на этотъ путь. Каждый изъ тѣхъ народовъ уже болѣе или менѣе ясно созналъ свое частное призваніе въ общемъ дѣлѣ, намъ же преждевременно и задаваться такимъ вопросомъ; намъ въ пору только спросить себя, какъ случилось, что, несмотря на тысячелѣтнюю нашу принадлежность къ христіанству, мы остались такъ совершенно чужды общей жизни христіанскаго міра.

Да и можетъ ли быть рѣчь о сознательномъ историческомъ служеніи, когда даже ежедневный бытъ нашъ еще такъ хаотиченъ, что мы похожи больше на дикую орду, нежели на культурное общество. Взгляните вокругъ себя: какое безотрадное зрѣлище! У насъ нѣтъ ничего налаженнаго, прочнаго, систематическаго, нѣтъ моральной, почти даже физической осѣдлости; то, что у другихъ народовъ давно стало культурными навыками, которые усваиваются безсознательно и дѣйствуютъ какъ инстинктъ, то для насъ еще теорія. Идеи порядка, долга, права, составляющія какъ бы атмосферу Запада, намъ чужды, и все въ нашей частной и общественной жизни случайно, разрозненно и нелѣпо. И тотъ же хаосъ въ

нашихъ головахъ. Нашъ умъ лишенъ дисциплины западнаго ума, западный силлогизмъ намъ неизвѣстенъ; въ нашихъ мысляхъ нѣтъ ничего общаго—все въ нихъ частно и къ тому же невѣрно. Наше нравственное чувство крайне поверхностно и шатко, мы почти равнодушны къ добру и злу, истинѣ и лжи, и даже въ нашемъ взглядѣ,—прибавляетъ Чаадаевъ,—я нахожу что-то чрезвычайно неопредѣленное и холодное, напоминающее физіономію полудикихъ народовъ.

Таково наше настоящее: неудивительно, что и наше прошлое подобно пустынѣ. Все въ немъ нѣмо, безцвѣтно и уныло; ни чарующихъ воспоминаній, ни поэтическихъ образовъ, ни краснорѣчивыхъ обломковъ, ни памятниковъ, внушающихъ благоговѣніе. За всю нашу долгую жизнь мы не обогатили человѣчество ни одной мыслью, но лишь искажали идеи, заимствованныя у другихъ. И для насъ самихъ это прошлое мертво. Между нимъ и нашимъ настоящимъ нѣтъ никакой связи; что перестало быть настоящимъ, то мгновенно пропадаетъ для насъ, исчезаетъ безвозвратно. Это результатъ полнаго отсутствія самобытной духовной жизни: такъ какъ вся наша культура основана на подражаніи, то ростъ идеи не проводитъ неизгладимыхъ бороздъ въ нашемъ умѣ, и такъ какъ всякая новая идея у насъ не вытекаетъ изъ старой, а является Богъ вѣсть откуда, то она выметаетъ старую безслѣдно, какъ соръ. Такъ мы живемъ въ одномъ тѣсномъ настоящемъ, безъ прошлаго и безъ будущаго,—идемъ, никуда не направляясь, и растемъ, не созрѣвая.

Въ чемъ же разгадка нашей странной и печальной судьбы? Исторія западно-европейскихъ народовъ пока-

зываетъ, что христіанство—сильнѣйшее въ мірѣ пластическое начало, но вѣдь и мы христіане; почему же для насъ какъ бы отмѣненъ законъ дѣйствія христіанской идеи и ея сѣмя осталось въ нашей почвѣ безплоднымъ?

Мы видѣли, въ чемъ сущность христіанства: она сводится къ сліянію всѣхъ моральныхъ силъ человѣчества въ одну мысль и одно чувство, такъ, чтобы исчезло всякое раздѣленіе, т.-е. всякая индивидуальность, и хаосъ противорѣчивыхъ человѣческихъ идей и желаній уступилъ мѣсто божественной гармоніи. Такимъ образомъ, высшій принципъ христіанства — единство. Смертный грѣхъ нашей исторіи и заключается въ томъ, что мы съ самаго начала отвергли принципъ единства.

Западные народы подвигались въ вѣкахъ рука объ руку; несмотря на глубокія расовыя различія между ними, ихъ исторія представляетъ собою какъ бы исторію одной семьи, и несмотря на реформацію, ихъ фамильное сходство и нынѣ ясно для всякаго. Въ теченіе пятнадцати вѣковъ они признавали надъ собою одну духовную власть, молились на одномъ языкѣ, всѣ въ одинъ и тотъ же день и часъ тѣми же словами славословили Господа; въ теченіе пятнадцати вѣковъ они считали себя нравственно однимъ цѣлымъ, политически раздѣленнымъ на государства, и это цѣлое было одушевлено одной и той же идеей, двигалось однимъ и тѣмъ же стремленіемъ. Ихъ прогрессъ—послѣдовательное движеніе, обусловленное прямымъ и явнымъ дѣйствіемъ одного моральнаго начала; у нихъ у всѣхъ одна исторія: это исторія христіанской идеи.

Поэтому ихъ жизнь была настоящимъ воспитаніемъ,

какъ будто всѣ они на всемъ протяженіи столѣтій — одинъ и тотъ же человѣкъ, переживающій возрастъ за возрастомъ. Все здѣсь цѣльно и послѣдовательно, все основано на строгой преемственности идей. Не трудно понять, какое могучее воспитательное вліяніе долженъ былъ имѣть этотъ цѣльный и послѣдовательный историческій процессъ на западное общество и на отдѣльную личность въ немъ. Онъ все дисциплинировалъ, во все внесъ порядокъ, поставилъ всякую моральную силу на надлежащее мѣсто въ общей работѣ; подъ его вліяніемъ выработались регулятивныя идеи, умъ человѣческій развернулъ новыя силы, нравы смягчились, а главное — въ каждаго отдѣльнаго человѣка внѣдрилось сознаніе его неразрывной связи со всѣмъ христіанскимъ міромъ въ прошломъ и настоящемъ, всего вѣрнѣе истребляющее анти-христіанскій духъ индивидуализма.

Мы жили внѣ этого благодатнаго единства; мы были и остаемся донынѣ отщепенцами христіанской семьи народовъ. Виною въ этомъ церковный расколъ: мы приняли христіанскую идею не въ чистомъ ея видѣ, а искаженную человѣческой страстью, — отрѣшенную отъ принципа единства, который составляетъ ея ядро. Эта обособленность сдѣлала насъ тѣмъ, что мы есть, — какимъ-то грустнымъ историческимъ недоразумѣніемъ. Конечно, это случилось не безъ участія Божьяго промысла, чьи пути намъ невѣдомы; но какъ во всемъ, что совершается въ нравственномъ мірѣ, такъ и здѣсь вина падаетъ частью на людей. Нашъ долгъ, очевидно, исправить ошибку предковъ: разъ единство, въ которомъ живутъ западные народы и которое является

главнымъ условіемъ водворенія царства Божія на землѣ, есть результатъ вліянія на нихъ религіи, и разъ мы до сихъ поръ стояли внѣ этого единства, то очевидно, что или наша вѣра слаба, или наши догматы ошибочны. Наше спасеніе, слѣдовательно, въ томъ, чтобы оживить въ себѣ вѣру и выйти на правильный христіанскій путь. Да это и случится неизбѣжно, все равно — хотимъ мы того или нѣтъ. Западно-европейское общество идетъ во главѣ человѣчества; оно—какъ бы фокусъ, откуда, захватывая все дальше окрестъ, распространяется дѣйствіе христіанской истины. Изгнаны мавры изъ Европы, уничтожены языческія культуры Америки, сломлено владычество татаръ; недолго ждать уже и крушенія Оттоманскаго царства, а тамъ настанетъ чередъ и другихъ нехристіанскихъ народовъ по всему лицу земли до отдаленнѣйшихъ ея предѣловъ. Ничто не можетъ устоять предъ божественной силой Христова духа,—и нынѣ уже такъ велико вліяніе той передовой группы на все остальное человѣчество, что не миновать и намъ быть вскорѣ вовлеченными въ этотъ вихрь. Силою вещей мы, безъ сомнѣнія, будемъ введены въ христіанское единство; но кто знаетъ, сколько времени понадобится на это и сколькихъ еще страданій это будетъ намъ стоить? Не разумнѣе ли во-время отказаться отъ своего обособленія и сознательно содѣйствовать достиженію общей цѣли, нежели быть безсознательнымъ орудіемъ Провидѣнія? [1]).

. . . .

[1]) Чаадаевъ былъ убѣжденъ, что близится новый, послѣдній катаклизмъ, имѣющій обновить міръ. „Но какъ и когда это совершится? Однимъ ли сильнымъ умомъ, нарочно посланнымъ на сіе Провидѣніемъ, или рядомъ событій, которыя оно вызоветъ для просвѣщенія

Слѣдующія слова Чаадаева очень точно формулируютъ смыслъ его „Философическихъ писемъ“ [1]): „Если правда, что христіанство въ томъ видѣ, какъ оно соорудилось на Западѣ, было принципомъ, подъ вліяніемъ котораго тамъ все развернулось и созрѣло, то должно быть, что страна, не собравшая всѣхъ плодовъ этой религіи, хотя и подчинившаяся ея закону, до нѣкоторой степени ея не признала, въ чемъ-нибудь ошиблась насчетъ ея настоящаго духа, отвергла нѣкоторыя изъ ея существенныхъ истинъ. Послѣдующаго вывода никакъ, слѣдовательно, нельзя было отдѣлить отъ первоначальнаго принципа, и то, что было причиной воспроизведенія принципа, вынудило также и обнаруженіе послѣдствія“.

человѣчества? Не вѣдаю. Но какое-то смутное чутье говоритъ мнѣ, что скоро имѣетъ явиться человѣкъ, повѣдать намъ истину, потребную времени. Кто знаетъ, быть можетъ это будетъ, во-первыхъ, нѣчто въ родѣ политической религіи, что Сенъ-Симонъ теперь проповѣдуетъ въ Парижѣ; либо католицизмъ новаго рода, какимъ нѣкоторые дерзновенные священники хотятъ замѣнить католицизмъ созданный и освященный вѣками. Отчего и не такъ? Какое дѣло, тѣмъ ли, инымъ ли способомъ будетъ данъ первый толчокъ тому движенію, которое долженствуетъ завершить судьбы человѣчества! Многое предшествовавшее тому великому моменту, въ который Божественный Посланникъ нѣкогда возвѣстилъ міру *благую вѣсть*, было предназначено приготовить міръ; многому подобному суждено, безъ сомнѣнія, совершиться и въ наши дни, прежде чѣмъ и намъ будетъ принесено *новое благовѣстіе* съ небесъ. Будемъ ждать“ (*Бумаги А. С. Пушкина*, стр. 158, письмо Ч. къ Пушкину отъ 18 сент. 1831 г.).

[1]) Письмо къ кн. С. С. Мещерской отъ 15 окт. 1836 г., съ франц., „Вѣстн. Евр.“ 1874, Іюль, стр. 84.

XII.

Таково ученіе Чаадаева; намъ нужно теперь уяснить себѣ его историко-психологическій смыслъ.

Мы знаемъ, что „философическія“ письма были плодомъ религіознаго перелома, пережитого Чаадаевымъ въ 20-хъ годахъ. Скудость матеріаловъ не позволяетъ намъ опредѣлить ближайшимъ образомъ, какъ мистицизмъ въ духѣ Шеллинга, съ годами, подъ вліяніемъ мышленія и чтенія, утратилъ въ немъ свой личный и патологическій характеръ. Но для всякаго ясно, что философія исторіи, изложенная въ этихъ письмахъ, представляетъ собою чистѣйшій мистицизмъ; это, какъ мы видѣли,—ученіе объ имманентномъ дѣйствіи духа Божія въ человѣчествѣ и о сліяніи человѣчества съ Богомъ, какъ конечной цѣли историческаго процесса. А за этой мистической философіей исторіи мы должны предполагать столь же мистическую метафизику. Ибо исходной точкой этой теоріи является, очевидно, противопоставленіе эмпирическому міру случайныхъ и противорѣчивыхъ явленій — другого, идеальнаго міра, гдѣ эти явленія пріобрѣтаютъ смыслъ и единство, причемъ оба эти міра предполагаются не разобщенными, а находящимися въ состояніи непрерывнаго взаимодѣйствія: эта живая связь между ними, т.-е. между Богомъ и міромъ, навѣки установлена Христомъ, воплотившимъ непреходящую сущность въ конечномъ явленіи. Что Чаадаевъ строго стоялъ на почвѣ этой, мистической κατ' ἐξοχήν, идеи воплощенія и искупленія, на это

у насъ есть и прямое доказательство — его письмо къ М. Ѳ. Орлову, вѣроятно 1837 года; вотъ этотъ краснорѣчивый отрывокъ, гдѣ въ немногихъ строкахъ выражена вся сущность христіанскаго мистицизма: „Ты имѣешь несчастіе вѣровать въ смерть: для тебя небо не знаю гдѣ, гдѣ-то за предѣлами могилы. Ты изъ числа тѣхъ, которые еще думаютъ, что жизнь не есть нѣчто цѣльное, что она переломлена на двѣ части и что между этими двумя частями существуетъ бездна. Ты забываешь, что скоро уже восемнадцать съ половиною вѣковъ, какъ эта бездна наполнена; наконецъ, ты думаешь, что между тобою и небомъ—лопата могильщика. Печальныя вѣрованія, которыя не хотятъ понять, что вѣчность не иное что, какъ жизнь праведника, — та жизнь, образецъ которой принесъ намъ Сынъ человѣческій, что она можетъ, что она должна начинаться въ этомъ мірѣ, что она въ самомъ дѣлѣ зачнется съ того дня, когда мы дѣйствительно захотимъ, чтобы она началась; которыя воображаютъ, что міръ насъ окружающій есть тотъ міръ, какой существуетъ въ дѣйствительности; которыя не видятъ, что этотъ существующій міръ изготовленъ нашими руками, и что только отъ насъ зависитъ привести его въ ничтожество; которыя себѣ воображаютъ, какъ маленькія дѣти, что небо—это голубой сводъ, раскинутый надъ нашими головами, и что нѣтъ средства взойти на эту высоту! Роковое наслѣдіе вѣковъ, когда земля, не освященная еще жертвоприношеніемъ, не была еще примирена съ небомъ!“ [1]).

[1]) „В. Евр.“ 1874, іюль, стр. 87, съ французскаго; подлинникъ въ Румянц. музеѣ.

Да, Чаадаевъ—мистикъ, и, надо прибавить, мистикъ послѣдовательный до конца. Видя въ религіи опредѣленіе отношеній человѣка къ Богу, онъ уже безусловно исключаетъ изъ нея нравственность, опредѣляющую только взаимныя отношенія людей между собою, и въ этой исключительности онъ не останавливается ни передъ какимъ выводомъ.

Вотъ замѣчательный отрывокъ изъ недошедшаго до насъ „Философическаго“ письма, сохранившійся случайно [1]): „Намъ предписано любить ближняго; но для чего?—Чтобы отклонить любовь нашу отъ самихъ себя.—Это не мораль, а просто логика.—Что бы я ни дѣлалъ, между мною и истиною вѣчно становится что-то постороннее: и это постороннее—это я самъ, Я самъ отъ себя заслоняю истину. Одно, слѣдовательно, средство открыть ее: отстранить свое *я*. Потому, мнѣ кажется, хорошо бы было, еслибъ мы часто повторяли самимъ себѣ то, что Діогенъ сказалъ Александру: *посторонись, ты заслоняешь мнѣ солнце!*“—Поразительная мысль и поразительная послѣдовательность въ развитіи мистической идеи! И ту же точку зрѣнія проводитъ Чаадаевъ въ своей философіи исторіи.

Такъ, говоря о Моисеѣ, безпощадно истреблявшемъ десятки тысячъ людей, и объ упрекахъ, которые дѣлаютъ ему за это историки, онъ замѣчаетъ: естественно, что человѣкъ, котораго Провидѣніе избрало исполнителемъ своей воли, долженъ былъ дѣйствовать, какъ оно, какъ природа; его призваніемъ было—не явить міру обра-

[1]) *Телескопъ* 1832 г. № 11, стр. 354, „Нѣчто изъ переписки NN“.

зецъ справедливости и нравственнаго совершенства, а внѣдрить въ человѣческій духъ неизмѣримую идею, которой человѣческій духъ не въ силахъ былъ самъ родить изъ себя. Въ другой разъ, говоря о Магометѣ, онъ спокойно констатируетъ, что божественный духъ христіанства для достиженія своей цѣли сочетается, если надо, и съ ложью;—и забавно видѣть, какъ Вагнеръ-Гагаринъ въ страхѣ зажмуриваетъ глаза передъ этой смѣлой послѣдовательностью и набожно открещивается примѣчаніемъ: невозможно-де допустить такой случай, когда бы истинѣ должно было сочетаться съ ложью.

Итакъ, міровоззрѣніе Чаадаева — мистицизмъ чистой воды. На этомъ основаніи мы должны, казалось бы, ожидать, что онѣ обратитъ свою рѣчь исключительно къ отдѣльной личности, ибо что можетъ быть интимнѣе, индивидуальнѣе мистической религіи, вся сущность которой—въ перерожденіи отдѣльнаго человѣка? Такой проповѣдью дѣйствительно является вся мистическая литература новаго времени отъ болгарскаго „Добротолюбія" до поученій г-жи Гюйонъ. Мало того: онъ пережилъ религіозный кризисъ; было бы естественно, если бы онъ взялся за перо для того, чтобы разсказать людямъ о пережитой имъ внутренней борьбѣ, подѣлился съ ними своимъ пламеннымъ душевнымъ опытомъ; такъ сдѣлалъ въ наши дни гр. Толстой, и такъ въ другую индивидуалистическую эпоху сдѣлалъ блаж. Августинъ. Но то, что написалъ Чаадаевъ, меньше всего есть исповѣдь и только съ натяжкою можетъ быть названо проповѣдью: это своего рода „Теологико-политическій трактатъ".

Дѣло въ томъ, что его мистицизмъ—совсѣмъ особаго

рода: какъ это ни странно, индивидуалистическое начало играетъ въ немъ ничтожную роль. Читатель, конечно, замѣтилъ, что идея личнаго спасенія — эта основная идея практическаго мистицизма всѣхъ вѣковъ—совершенно чужда Чаадаеву: по его теоріи, спасеніе есть дѣло всего человѣчества на всемъ протяженіи исторіи, и отдѣльная личность всецѣло поглощается этимъ всемірно-историческимъ процессомъ. Такимъ образомъ, идеѣ личнаго спасенія, какъ безсмысленной и неосуществимой, противопоставляется чисто-соціальная идея коллективнаго спасенія; иначе говоря—передъ нами теорія *соціальнаго мистицизма*.

Вотъ гдѣ, больше чѣмъ на какомъ-нибудь отдѣльномъ вопросѣ, можетъ быть опредѣлена степень зависимости Чаадаева отъ французской католической школы мыслителей, отъ Балланша, де-Местра, Бональда и друг. Въ ихъ ученіяхъ религія также носитъ вполнѣ соціальный, анти-индивидуалистическій характеръ; это было результатомъ отраженія въ религіозной сферѣ того могучаго соціальнаго движенія, которое 19-й вѣкъ унаслѣдовалъ отъ 18-го и которое какъ разъ въ эпоху реставраціи Контъ теоретически освятилъ формулой: личность—ничто, истинной реальностью обладаетъ только общество. Сходство несомнѣнно, но о заимствованіи не можетъ быть рѣчи: въ то время, какъ у французскихъ мыслителей, безъ исключенія у всѣхъ, религія является лишь орудіемъ политическаго самосохраненія, т.-е. служитъ соціальной цѣли,—у Чаадаева, наоборотъ, общество, также какъ и личность, служитъ религіозной цѣли, понятой абсолютно. Одного этого достаточно, чтобы признать уче-

ніе Чаадаева вполнѣ самобытнымъ. Намъ уже извѣстны элементы, изъ которыхъ оно возникло; это—своеобразный плодъ мистической идеи на почвѣ исключительно-соціальнаго настроенія русскаго передового общества 20-хъ годовъ; это—міровоззрѣніе декабриста, ставшаго мистикомъ.

И такимъ оно является во всѣхъ своихъ чертахъ. Оно аскетично по существу; оно предаетъ проклятію всѣ утѣхи жизни—„пагубный героизмъ страстей, соблазнительный идеалъ красоты, необузданную любовь къ землѣ"; оно требуетъ беззавѣтнаго служенія идеѣ, суля въ награду не довольство народное, не личное счастіе, даже не личное спасеніе, этотъ загробный гедонизмъ, — а только сознаніе исполненнаго долга. Не этой ли аскетической строгостью запечатлѣны молодыя лица будущихъ декабристовъ, не такъ ли, сознательно-обреченные, шли они и на безнадежный подвигъ 14 декабря?

Дальше, когда, ознакомившись съ грандіозной концепціей „философическихъ писемъ", мы попытаемся отдать себѣ отчетъ въ качествахъ создавшаго или—все равно—воспринявшаго ее ума, насъ прежде всего поразитъ его необычайная систематичность. Это умъ, не могущій жить внѣ теоретическаго міровоззрѣнія, притомъ очень близкаго къ схемѣ. Чаадаевъ по природѣ не выноситъ ничего туманнаго, неопредѣленнаго, безпорядочнаго, ему во всемъ нужны стройность и единство. Мало того: единство, да еще преемственность — это двѣ основныя категоріи его мышленія, два орудія, которыми онъ дисциплинируетъ буйный хаосъ явленій. Мысль Герцена, что исторія никуда не идетъ или идетъ всюду, куда ей укажутъ, показалась бы Чаадаеву дикой нелѣпостью, и точно такъ же

онъ не въ состояніи представить себѣ сложную эволюцію, текущую сразу по нѣсколькимъ русламъ. Его уму равно претитъ и множественность цѣлей, и безцѣльность: міръ долженъ имѣть цѣль, и притомъ одну.

Чаадаеву посчастливилось найти то, что ему было нужно, — единую всеобъемлющую идею, — и любопытно видѣть, съ какимъ самодовольствомъ онъ говоритъ объ этомъ: по всей вѣроятности, онъ считаетъ эту черту признакомъ совершеннаго ума. „О чемъ же мы станемъ бесѣдовать?—пишетъ онъ однажды Пушкину.—У меня, вы знаете, всего одна идея, и если бы ненарокомъ въ моемъ мозгу оказались еще какія-нибудь идеи, онѣ, конечно, тотчасъ прилѣпились бы къ той одной: удобно ли это для васъ?“ И мы видѣли — онъ дѣйствительно весь въ одной мысли; его міровоззрѣніе централизовано до мелочей, оно спаяно такъ крѣпко, что, признавъ за истину его исходный пунктъ, вы уже до конца въ его власти.

Притомъ, его мысль никогда не обращается противъ самой себя. Можно удивиться этой наивной дерзости человѣка, который мнитъ себя повѣреннымъ Божьихъ думъ: кто открылъ ему міровую тайну? Но Чаадаевъ не колеблется ни минуты и, приписавъ Богу свою собственную мысль, мгновенно смиряется предъ ея объективной божественностью. Надо замѣтить также, что мы знаемъ его мысль не всю: въ утраченныхъ письмахъ онъ, безъ сомнѣнія, объяснялъ и актъ творенія, какъ начальное звено всей системы, иначе оставалось бы непонятнымъ, зачѣмъ нужна Богу вся эта гегеліанская игра—создавать существа, которыя должны сквозь грѣхъ и муку возвращаться въ Его же лоно? Называть Чаадаева въ какомъ

бы то ни было отношеніи скептикомъ, значитъ ставить истину на голову: бо́льшаго догматизма мысли нельзя себѣ и представить.

Таковы формальныя свойства его мышленія: это типичный по свойствамъ (но не по размѣрамъ) умъ человѣка 20-хъ годовъ, умъ декабриста, — положительный, ясный, склонный къ схематизму и, если можно такъ выразиться, идеологически-страстный.

XIII.

По чудовищному, хотя и очень понятному недоразумѣнію, русское образованное общество искони чтитъ въ Чаадаевѣ одного изъ піонеровъ своего освободительнаго движенія. Историки русской общественности безтрепетной рукой занесли его имя на скрижали нашего политическаго подвижничества, такъ что, напримѣръ, едва ли не самую дѣльную библіографію о Чаадаевѣ можно найти въ справочной книжкѣ по исторіи революціонныхъ движеній въ Россіи „За сто лѣтъ", изданной В. Л. Бурцевымъ въ Лондонѣ. Родоначальникомъ этой легенды надо признать Герцена, который въ своей извѣстной книгѣ *Du développement des idées révolutionnaires en Russie* (1851) отвелъ Чаадаеву одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи русской революціонной мысли. Съ тѣхъ поръ эта репутація твердо держится за Чаадаевымъ, и существо дѣла нисколько не измѣнилось отъ того, что Пыпинъ присвоилъ ему новую кличку— родоначальника нашего историческаго скептицизма.

Эта легенда возникла еще при жизни Чаадаева, конечно не среди людей, близко знавших его, а въ кругу широкой публики, знавшей о немъ лишь по наслышкѣ. Его философскія письма были прочитаны немногими, а изъ читавшихъ, какъ увидимъ дальше, большинствомъ не поняты; общественное же мнѣніе основало свою оцѣнку на внѣшнихъ наблюденіяхъ. Чаадаевъ былъ умենъ, остеръ на языкъ и саркастиченъ; онъ былъ недоволенъ почти всѣмъ, что дѣлалось вокругъ него; онъ держался независимо и жилъ внѣ службы; наконецъ, онъ былъ другъ декабристовъ и опальнаго Пушкина и за его статью былъ закрытъ журналъ. Такихъ данныхъ, пожалуй, и теперь было бы достаточно, чтобы составить человѣку репутацію либерала. Самъ Чаадаевъ еще въ 1835 году писалъ по этому поводу въ письмѣ къ пріятелю—А. И. Тургеневу: „Что я сдѣлалъ, что я сказалъ такого, чтобы меня можно было причислить къ оппозиціи? Я ничего другого не говорю и не дѣлаю, я только повторяю, что все стремится къ одной цѣли, и что эта цѣль—царство Божіе“ [1]).

Разбирать подробно Чаадаевскую легенду и опровергать ее по частямъ было бы и скучно, и безполезно, потому что главнымъ доводомъ противъ нея является духъ, проникающій ученіе Чаадаева въ цѣломъ. Но два пункта требуютъ, кажется, детальнаго разъясненія,—именно тѣ, гдѣ теоретическія идеи Чаадаева близко соприкасаются съ практикой: это вопросы о его политическихъ взглядахъ и о его отношеніи къ русскому правительству. Оба

[1]) *O. ch.*, 17:.

они, разумѣется, предрѣшались основнымъ убѣжденіемъ Чаадаева, но не вполнѣ, и потому намъ необходимо пренебречь апріорнымъ путемъ и привести прямыя свидѣтельства.

Всего яснѣе политическіе взгляды Чаадаева выражены въ цитированномъ выше письмѣ его къ А. И. Тургеневу [1]). „У насъ, — пишетъ онъ, — господствуетъ, какъ мнѣ кажется, странное заблужденіе. Мы во всемъ обвиняемъ правительство. Но правительство просто дѣлаетъ свое дѣло — вотъ и все: будемъ-те же и мы дѣлать свое дѣло, будемъ исправляться. Большая ошибка считать безграничную свободу непремѣннымъ условіемъ умственнаго развитія. Вспомните Востокъ: это ли не классическая страна деспотизма? Между тѣмъ оттуда міръ получилъ все свое просвѣщеніе. Вспомните арабовъ: догадывались ли они о благахъ представительнаго правленія? Между тѣмъ мы обязаны имъ доброй частью нашихъ познаній. Вспомните средніе вѣка: имѣли ли они хоть отдаленное представленіе о неизрѣченныхъ прелестяхъ золотой середины? Между тѣмъ, именно въ средніе вѣка человѣческій духъ развилъ наибольшую энергію. Наконецъ, думаете ли вы, что цензура, кинувшая Галилея въ темницу, была мягче цензуры г. Уварова съ товарищами? Но не вертится ли съ тѣхъ поръ земля, приведенная въ движеніе толчкомъ ноги Галилея? Итакъ, будьте геніальны, и все устроится“.

Само собою разумѣется, что всякое революціонное движеніе Чаадаевъ считалъ безусловно пагубнымъ. Вотъ

---

[1]) Тамъ же, 179.

его отзывъ о 14 декабря, находящійся въ первомъ, знаменитомъ „философическомъ письмѣ“: „пройдя побѣдителями просвѣщеннѣйшія страны міра, мы принесли домой лишь идеи и стремленія, плодомъ которыхъ было безмѣрное несчастіе, отодвинувшее насъ вспять на полъвѣка“ [1]). Іюльская революція повергла его въ скорбь и ужасъ, и онъ удивлялся Жуковскому, который можетъ оставаться спокойнымъ, „когда валится цѣлый міръ“. „Недавно,—такъ онъ съ сокрушеніемъ писалъ Пушкину въ половинѣ сентября 1831 года [2]),—всего какой-нибудь годъ тому назадъ, міръ жилъ себѣ съ чувствомъ спокойной увѣренности въ своемъ настоящемъ и будущемъ, мирно припоминая свое прошедшее и поучаясь имъ. Духъ возрождался въ спокойствіи, память человѣческая обновлялась, мнѣнія примирялись, стихала страсть, раздраженія не находили себѣ пищи, честолюбіе получало удовлетвореніе въ прекрасныхъ трудахъ, всѣ потребности человѣка мало-по-малу сводились въ предѣлы умственной сферы, всѣ интересы были готовы сойтись на единомъ интересѣ всеобщаго прогресса разума. Для меня это было—вѣра, довѣрчивость безконечная! Въ этомъ счастливомъ мирѣ міра, въ этомъ будущемъ я обрѣталъ и мой собственный миръ, видѣлъ мое собствен-

[1]) Сравн. отзывъ о декабристахъ въ запискѣ графу Бенкендорфу, составленной, по преданію, Чаадаевымъ для И. В. Кирѣевскаго (О. ch. 158 и сл.). Мы не считали возможнымъ пользоваться этой запиской, такъ какъ неизвѣстно, какую роль игралъ въ ея составленіи Чаадаевъ.

[2]) „Бумаги А. С. Пушкина“, изд. Р. Арх., М. 1881, съ франц., стр. 157.

ное будущее. И случилась вдругъ глупость одного человѣка, одного изъ тѣхъ людей, которые, невѣдомо для нихъ самихъ, бываютъ призваны управлять человѣческими дѣлами, и вотъ: спокойствіе, миръ, будущее, все вдругъ разлетѣлось прахомъ... У меня, я чувствую, слезы навертываются, когда погляжу на это великое бѣдствіе стараго, моего стараго общества. Это всеобщее горе, обрушившееся столь внезапно на мою Европу, усугубило мое личное горе".

Ниже мы увидимъ, какъ держался самъ Чаадаевъ по отношенію къ русскому правительству. Каковы бы ни были личные мотивы, руководившіе имъ при этомъ,— нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ выражалъ свое искреннее убѣжденіе, когда писалъ царю (1833 г.): „Но прежде всего я глубоко убѣжденъ, что для насъ невозможенъ никакой прогрессъ иначе, какъ при условіи полнаго подчиненія чувства всѣхъ вѣрноподданныхъ чувствамъ государя", [1]) или когда кончалъ (тогда же) письмо къ Бенкендорфу такими строками: „Впрочемъ, какое бы мнѣніе Ваше Сіятельство по сему обо мнѣ не возымѣли, въ моихъ понятіяхъ долгъ святой каждаго гражданина покорность безусловная властямъ. Провидѣніемъ поставленнымъ, а Вы, облеченные довѣріемъ самодержца, представляете въ глазахъ моихъ власть Его. Всякому Вашему рѣшенію смиренно повиноваться буду" [2]). Правда, Чаадаевъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на крѣпостное

---

[1]) Цит. по М. К. Лемке, *Чаадаевъ и Надеждинъ*, „М. Бож." 1905 г., сент., стр. 21.

[2]) Ibid., стр. 20. Сравн. предисловіе Гагарина къ *O. ch.*, стр. 2.

право [1]), осуждалъ порабощеніе церкви въ Россіи свѣтской властью [2]), осуждалъ и, главное, осмѣивалъ, конечно, и многое другое. Но все это были мелочи, не идущія въ счетъ, какъ ихъ не ставили ему въ строку и высшія московскія власти, съ которыми онъ до смерти находился въ наилучшихъ отношеніяхъ. Если Бенкендорфъ и самъ Николай относились къ Чаадаеву подозрительно, то это имѣло совсѣмъ другія основанія: голосъ умственной силы, какъ бы униженно онъ ни звучалъ, отвратительно дѣйствуетъ на нервы деспотовъ, потому что они верхнимъ слухомъ тотчасъ чуятъ ея царственную, непокорную природу. Это та самая нервная дрожь, которая въ „Deutschland“ Г. Гейне заставляетъ тѣнь императора вдругъ накинуться на поэта со словами:

Es regt mir die innerste Galle auf,
Wenn ich dich höre sprechen,
Dein Odem schon ist Hochverrat
Und Majestätsverbrechen!

XIV.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ отношеніи Чаадаева къ католицизму.

Оно не совсѣмъ ясно. Видя весь смыслъ христіанства въ единствѣ и считая цѣлью христіанства постепенное образованіе единой соціальной системы или цер-

---

[1]) См., напр., „Записки“ Д. Н. Свербеева, II, стр. 407; сравн. записку для И. Кирѣевскаго, O. ch., стр. 157.

[2]) См. выше.

кви, долженствующей воцарять истину среди людей, Чаадаевъ теоретически долженъ былъ, конечно, признавать истинной религіей католичество, основанное на принципѣ единства и прямой передачи истины въ непрерывномъ ряду смѣняющихъ другъ друга первосвященниковъ. Мало того, онъ убѣжденъ, что царство духа на землѣ можетъ быть обезпечено лишь воплощеніемъ истины въ видимой, такъ сказать, осязательной формѣ,— другими словами, онъ безусловный сторонникъ церковной организаціи: „Развѣ мы уже на небѣ, что можемъ безнаказанно пренебрегать условіями земной экономіи? И что же есть эта экономія, какъ не сочетаніе чистой идеи разумнаго существа съ непреложными нуждами его существованія? А первая изъ этихъ нуждъ есть жизнь въ обществѣ, соприкосновеніе умовъ, сліяніе идей и чувствъ; лишь удовлетворивъ этой потребности, истина становится живою и изъ области умозрѣнія нисходитъ въ область реальнаго". Исходя изъ этой мысли, онъ высмѣиваетъ протестантовъ съ ихъ „невидимой" церковью—„дѣйствительно невидимой, какъ ничто"; онъ признаетъ, что папство, какъ внѣшній знакъ единства, безусловно соотвѣтствуетъ духу христіанскаго ученія, и что оно въ общемъ превосходно исполняло свою роль на протяженіи вѣковъ, централизуя христіанское общество и христіанское мышленіе; наконецъ, онъ полагаетъ, что всѣ другія христіанскія вѣроученія представляютъ собою уклоненія отъ истинной религіи, которой является католичество, и что ихъ долгъ—вернуться въ его лоно, дабы возстановить первоначальное единство церкви.

Между тѣмъ на практикѣ Чаадаевъ нигдѣ, даже въ

частныхъ письмахъ, не высказывается за подчиненіе русской церкви папѣ и вообще за какое бы то ни было соединеніе церквей. Возможно, разумѣется, что объ этомъ была рѣчь въ одномъ изъ его утраченныхъ философскихъ писемъ, но намекъ долженъ бы найтись и въ знаменитомъ письмѣ,—а здѣсь лишь глухо говорится о необходимости для насъ „дать себѣ истинно-христіанскій импульсъ". Для уясненія его мысли чрезвычайно важно замѣтить слѣдующее: онъ противопоставляетъ намъ, между прочимъ, Англію, какъ страну, жившую настоящей христіанской жизнью,—несмотря на то, что Англія давнымъ давно порвала связь съ католичествомъ и свергла власть папы; все дѣло въ томъ, что англійская исторія, въ противоположность русской, по его мнѣнію, вся разыгралась на почвѣ религіознаго интереса. И если въ другомъ мѣстѣ—въ частномъ письмѣ къ кн. Мещерской (1841 г.) [1]—онъ высказывается за прямое возвращеніе Англія въ лоно католичества, то, безъ сомнѣнія, лишь потому, что считалъ Англію плотью отъ плоти католической Европы; для Россіи же, которая, по его мнѣнію, еще и не начинала жить европейской, т. е. католической жизнью, онъ не могъ рекомендовать такого героическаго средства. Въ общемъ его мысль можно формулировать, кажется, такъ: ближайшій и неотложный долгъ Россіи—всѣми силами оживить въ себѣ вѣру и сдѣлать ее средоточіемъ жизни; этимъ она вступитъ на истинно-христіанскій, или, что то же, западно-европейскій путь, который, въ концѣ концовъ, неминуемо приведетъ ее къ

[1]) O. Ch., стр. 197 и сл.

церковному слiянiю со старымъ христiанскимъ, т. е. съ католическимъ обществомъ.

Самъ Чаадаевъ никогда не переходилъ въ католичество,—и это была, разумѣется, вопiющая непослѣдовательность. На вопросъ Пановой, какъ ей поступать въ отношенiи католичества, онъ въ знаменитомъ письмѣ отвѣчалъ: вы должны вѣрить, что католичество, какъ воплощенiе высшаго христiанскаго начала — единства, есть истинная религiя; но именно ради принципа единства вы не должны обнаруживать этого убѣжденiя предъ лицомъ свѣта (чтобы не вносить разлада въ семью и общество); пусть оно будетъ только внутреннимъ свѣтильникомъ вашей вѣры.—Иначе оправдываетъ онъ самого себя въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, 1835 г.: „Вы ошиблись, назвавъ меня настоящимъ католикомъ. Я не отрекаюсь отъ своихъ вѣрованiй,—да и не пристало мнѣ теперь, когда моя голова уже бѣлѣетъ, измѣнять убѣжденiямъ цѣлой жизни; но признаюсь вамъ, я не хотѣлъ бы найти дверь больницы запертой, когда мнѣ придется — не въ долгомъ уже времени—постучаться въ нее“ [1]).

XV.

Бiографiя Чаадаева со времени его возвращенiя изъ-за границы естественно дѣлится на три перiода: 1) годы уединеннаго сосредоточенiя и творчества, 1826—30,

[1]) O. Ch., стр. 180.

2) возвращеніе въ общество и соотвѣтственный пересмотръ доктрины, 1831—37, наконецъ 3) періодъ неподвижности и старчества, 1838—56. Плодомъ перваго періода были „Философическія письма", плодомъ второго — „Апологія сумасшедшаго", третій остался литературно безплоднымъ.

Мы переходимъ теперь ко второму періоду.

Чаадаевъ 30-хъ годовъ во многомъ непохожъ на автора „Философическихъ писемъ". Эта разница—прежде всего внѣшняя. По словамъ Жихарева, Чаадаевъ до-нельзя надоѣлъ лечившему его проф. Альфонскому своей мнительностью и капризами, и такъ какъ онъ въ сущности былъ совершенно здоровъ, то Альфонскій кончилъ тѣмъ, что однажды чуть не насильно свезъ его въ Англійскій клубъ; здѣсь Чаадаевъ встрѣтилъ множество старыхъ знакомыхъ и былъ радушно принятъ ими. Это случилось въ маѣ или іюнѣ 1831 года; съ этого дня Чаадаевъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ клуба, сталъ бывать въ знакомыхъ домахъ, началъ и у себя принимать, словомъ — былъ возвращенъ обществу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и здоровье его замѣтно поправилось, хотя мнительность и нервозность, повидимому, никогда не оставляли его.

Въ эти годы жилъ въ Москвѣ и единственный его братъ Михаилъ, тоже рано потерпѣвшій крушеніе, ожесточенный и замкнувшійся въ себѣ. А въ глухой усадьбѣ Дмитровскаго уѣзда непрестанно томилась тревогою за нихъ старая воспитательница-тетка, княжна Щербатова, и усердно ползли въ Москву ея чудовищно-безграмотныя письма, въ которыхъ трогательно слиты наивность по-

нятій, нѣжная заботливость и старомодная учтивость maнepъ. Она матерински любитъ обоихъ, но Михаилъ ей ближе, съ нимъ она можетъ просто говорить, а Петръ внушаетъ ей какое-то суевѣрное почтеніе. Да онъ почти и не пишетъ; зато Михаилъ Яковлевичъ съ педантической аккуратностью отвѣчаетъ на каждое ея письмо. „Любезный мой другъ, Михайла Яковлевичъ!— обыкновенно пишетъ она [1]).—Давно не имѣю никакого свѣдѣнія о васъ, заключаю, что ты не имѣешь ничего сказать пріятнаго, потому и не пишешь", и т. д.; и затѣмъ: „остаюсь съ искренней моей преданностью любящая тебя покорная услужница и тетка кн. А. Щербатова". И онъ отвѣчаетъ примѣрно въ такомъ родѣ: „Милостивая Государыня, любезная тетушка. Письмо ваше отъ 22 ноября честь имѣлъ получить. Имѣю удовольствіе васъ увѣдомить, что здоровье брата Петра Яковлевича примѣтно поправляется, и кажется, можно надѣяться", и т. д., а въ заключеніе неизмѣнно: „Впрочемъ, честь имѣю быть съ чувствами истиннаго почтенія и преданности, милостивая государыня любезная тетушка, вашъ покорнѣйшій слуга и племянникъ Михайло Чаадаевъ". Цѣлые дни сидитъ старушка за пяльцами у окна, вышивая то „мамелюка" для Михаила Яковлевича, то коверъ къ именинамъ для Петра, — „но немного не достало шерсти, всего 6 золотниковъ, но ни въ одной лавкѣ нѣту; къ 29-му ежели добуду, то будетъ кончено"; „а вечеромъ, — пишетъ она, — моя Анетка мнѣ читаетъ и потомъ мы играемъ въ шахъ и матъ, и она

[1]) Всѣ письма, цитируемыя въ этой главѣ, воспроизводятся съ рукописныхъ подлинниковъ.

играетъ лучше меня“... „И теперь взяла я книгу у Норовыхъ, *Семейство Холмскихъ*, которую тебѣ рекомендую. Не можешь себѣ представить, какъ интересно, а кто авторъ, неизвѣстно“. Книги доставляетъ ей обыкновенно Михаилъ Яковлевичъ — французскіе романы изъ библіотеки Семена, гдѣ онъ держитъ для этого полугодовой абонементъ, и каждый разъ, когда кончается срокъ абонемента, она проситъ больше не присылать ей книгъ: „и такъ ужъ ты меня одолжилъ, что не знаю, какъ тебя и благодарить: въ скукѣ моей, конечно, великая отрада, но надо и совѣсть имѣть: въ годъ это дѣлаетъ сумму, а я знаю, что ты и самъ нуждаешься“. Анна Михайловна живетъ однообразно; изрѣдка навѣщаютъ ее сосѣди, чаще другихъ (но больше для того, чтобы поѣсть) — Бахметевы, и сама она изрѣдка ѣздитъ къ Норовымъ, къ тѣмъ же Бахметевымъ, а весною и осенью распутица, зимою стужа и мятели надолго отрѣзываютъ ее отъ міра. Зато бываютъ у нея и банкеты. „Завтра у меня grand diner на случай дорогого моего имянинника, съ чѣмъ и тебя поздравляю и увѣрена, что сей день проведешь съ любезнымъ твоимъ братомъ, а я со своими сосѣдями, а именно Малиновскимъ, Норовыми и Бахметевыми, и твоимъ шампанскимъ будемъ пить за здравіе любезнаго моего племянника“. Переписка съ Михаиломъ Яковлевичемъ. да рѣдкія свиданія съ нимъ и съ Петромъ Яковлевичемъ — ея единственная отрада, ихъ здоровье и дѣла — ея главная забота. Ее томятъ предчувствія, мучитъ неизвѣстность о нихъ: „Стараюсь какъ можно болѣе заняться. Нѣтъ минуты, чтобы я была не въ дѣйствіи, развлечь себя отъ мыслей, которыя во мнѣ

производятъ такое біеніе въ сердцѣ. Только и въ головѣ, что вы". У нея, разумѣется, есть безконечная тяжба съ какою-то помѣщицей, и это дѣло часто фигурируетъ въ ея письмахъ; разъ тоже поинтересовалась она спросить о московскихъ балахъ, на что угрюмый Михаилъ Яковлевичъ отвѣчаетъ ей сухо: „Насчетъ здѣшнихъ увеселеній по случаю пребыванія здѣсь императорской фамиліи могу вамъ сказать только то, что нѣсколько дней тому назадъ, ѣхавъ отъ брата, видѣлъ, что по Петровкѣ горятъ плошки, а по какому случаю, мнѣ неизвѣстно". Обычно же ея письма исчерпываются вопросами о здоровьи Петра Яковлевича, выраженіями сочувствія, совѣтами и пр. Очень тревожатъ ее денежныя дѣла братьевъ, впрочемъ лишь смутно извѣстныя ей. „Дѣла его,—пишетъ она о Петрѣ Яковлевичѣ, — кажется, не такъ исправны, все нуждается въ деньгахъ, а куда проживаетъ, не вѣдаю, но, кажется, онъ очень разстроенъ въ своихъ финансахъ". Она узнала, что всѣ имѣнія Панова, которому Петръ Яковлевичъ ссудилъ изрядную сумму, давно заложены; „напрасно онъ вѣрилъ такому вертопраху; онъ судитъ по своей душѣ и всякому вѣритъ". Михаилъ Яковлевичъ пишетъ ей: „Изъ деревни меня увѣдомляютъ, что хлѣбъ совсѣмъ не родился, едва на сѣмена собрали и оброка платить нечѣмъ"; на это старушка отвѣчаетъ, что это-де несомнѣнно „предлогъ ихъ, чтобы не платить. Имѣвъ во владѣніи всю землю, какимъ же образомъ могутъ отказаться платить что̀ слѣдуетъ? и неужели всѣ откажутся крестьяне платить своимъ господамъ? поэтому всѣ дворяне будутъ банкруты и всѣ имѣнія опишутъ". Въ своей материнской заботли-

ности она усердно хлопочетъ, чтобы оба брата жили въ любви и дружбѣ. Такъ, она пишетъ Михаилу Яковлевичу: „Братъ твой меня увѣдомляетъ о твоемъ здоровьи и между тѣмъ, что вы живете между собою въ совершенной дружбѣ, чему я истинно порадовалась. Вы оба намѣреваетесь перемѣнить квартиру по близости другъ отъ друга, что для васъ будетъ весьма пріятно". „Къ крайнему моему сожалѣнію, — пишетъ она въ другой разъ, — потеряла всю надежду васъ видѣть у себя, но истинно не сѣтую на тебя: присутствіе твое нужно брату твоему, въ его положеніи великое удовольствіе раздѣлять время съ тобою. Не можешь себѣ представить, сколько мнѣ пріятно ваше дружелюбіе"; и каждый разъ, поздравляя Михаила съ днемъ рожденія или именинами Петра, она не забываетъ прибавить: „и надѣюсь, что ты проведешь сей день съ нимъ; увѣрена, что ты ему сдѣлаешь большое удовольствіе".

А отношенія между братьями какъ разъ въ это время начали портиться и, повидимому, безъ всякой опредѣленной причины. Петръ былъ капризенъ, Михаилъ Яковлевичъ становился все нелюдимѣе и раздражительнѣе, оба съ годами черствѣли, а умственной связи между ними не было никакой. Еще осенью 1830 года братья обмѣнивались нѣжными письмами. Въ Москвѣ тогда была холера, и Михаилъ Яковлевичъ, гостившій у тетки, сильно тревожился за брата; вотъ нѣсколько строкъ изъ его письма къ Петру Яковлевичу отъ 12-го октября: „Ты пишешь, что всегда меня любилъ, что мы могли доставить другъ другу болѣе утѣшенія въ жизни, но любить болѣе другъ друга не могли. За эти мнѣ не-

оцѣненныя отъ тебя слова наградить тебя собственное твое чувство. Я не берусь тебѣ сказать, какое они на меня дѣлаютъ и всегда будутъ дѣлать дѣйствіе. Ты увѣренъ, что я тебя люблю, потому ты самъ можешь понять. Могу тебѣ только сказать, что это правда и что я это знаю, и что мнѣ это величайшее утѣшеніе". Охлажденіе началось, повидимому, особенно съ того времени, когда Петръ Яковлевичъ сталъ снова бывать въ обществѣ, и оно характерно отражалось въ письмахъ Михаила Яковлевича къ теткѣ.

Эти письма вообще недурно живописуютъ будничную физіономію П. Я. Чаадаева въ моментъ его перехода изъ мрачнаго затворничества въ свѣтскую жизнь. Въ февралѣ 1831 года М. Я. пишетъ Аннѣ Михайловнѣ: „Могу васъ увѣдомить, что братъ теперешнимъ состояніемъ здоровья своего очень доволенъ въ сравненіи съ прежнимъ, даже полагаетъ, что онъ отъ жестокихъ припадковъ (геморроидальныхъ), которыми страдалъ, совсѣмъ избавился. Аппетитъ у него очень, даже мнѣ кажется—слишкомъ хорошъ, спокойствіе духа, снисходительность, кротость—какія въ послѣдніе три года рѣдко въ немъ видѣлъ. Цвѣтъ лица, нахожу, гораздо лучше прежняго, хотя все еще очень худъ, но съ виду кажется совсѣмъ старикомъ, потому что почти всѣ волосы на головѣ вылѣзли. Я живу очень отъ него близко и почти каждый день у него обѣдаю и провожу у него большую часть дня". Въ апрѣлѣ онъ извѣщаетъ тетку, что братъ здоровъ, собирается прожить лѣто у нея въ Алексѣевскомъ и даже думаетъ построить себѣ тамъ флигель по своему вкусу, на что старушка спѣшитъ от-

вѣчать: „Принимая искреннее участіе о васъ, можешь себѣ вообразить мое удовольствіе, что здоровье Петра Яковлевича поправляется, и прошу Бога, чтобъ совершенно возстановилось. О намѣреніи его пріѣхать пожить въ Алексѣевское почту себѣ за счастье. видя его, буду гораздо спокойнѣе. Что же касается до постройки флигеля для него, чтобъ онъ былъ увѣренъ, что я препятствовать не буду, его воля, какъ пожелаетъ, такъ и строить, а мнѣ будетъ удовольствіе его присутствіе. Ежели бъ получила свои деньги отъ Колтовской, то давно бы построила для вашего пріѣзда и не допустила бы его убыточиться. Но ты, любезный мой другъ, могу ли я надѣяться и тебя видѣть въ Алексѣевскомъ? то бы совершенно было для меня благополучіе при старости лѣтъ моихъ". 11 іюня М. Я. пишетъ: „О братѣ честь имѣю донести, что онъ, какъ говоритъ лѣкарь, не столько боленъ геморроидомъ, сколько воображеніемъ, хотя нельзя сказать, чтобы онъ былъ совершенно и здоровъ".

Тутъ-то и случилось упомянутое выше происшествіе: первый выѣздъ Чаадаева въ свѣтъ. Пушкинъ уѣхалъ изъ Москвы въ половинѣ мая, а 17 іюня Чаадаевъ пишетъ ему, что съ нѣкотораго времени началъ ѣздить, „куда бы вы думали?—въ Англійскій клубъ". Пора отшельничества, видно. прошла для него безвозвратно: стоило ему однажды снова вкусить общенія съ людьми, и оно сдѣлалось для него неодолимой потребностью. Онъ съ перваго же дня, повидимому, сдѣлался ежедневнымъ посѣтителемъ клуба и остался на все лѣто въ Москвѣ, обманувъ надежды Анны Михайловны. Въ половинѣ августа П. В. Нащокинъ пишетъ Пушкину про

Чаадаева, что онъ „нынѣ пустился въ люди — всякій день въ клубѣ“, а въ концѣ сентября сообщаетъ: „Чаадаевъ всякой день въ клубѣ, всякій разъ обѣдаетъ; въ обхожденіи и въ платьѣ перемѣнилъ фасонъ, и ты его не узнаешь [1]). Тетка, узнавъ о перемѣнѣ, происшедшей въ образѣ жизни Петра Яковлевича, была чрезмѣрно довольна. 28 іюня она пишетъ Михаилу, что, долго не получая писемъ, начала уже безпокоиться о здоровьи П. Я.; „но къ моему счастію Норова была въ Москвѣ, и такъ какъ она любитъ твоего брата, то и освѣдомлялась о немъ; по возвращеніи ея увѣдомила меня, что слава Богу здоровъ, и тотъ день, который она посылала къ нему, онъ былъ въ Англійскомъ клубѣ, чему я очень порадовалась, что не убѣгаетъ людей, и успокоилась о его здоровьи“.

Дѣйствительно, самочувствіе П. Я. подъ вліяніемъ этой внѣшней перемѣны, какъ и естественно, быстро улучшилось, но, очевидно, онъ уже такъ сжился съ мыслью о своихъ мнимыхъ недугахъ, что никакъ не рѣшался сразу признать себя здоровымъ, и обижался, если другіе объявляли его здоровымъ. Въ іюлѣ Мих. Яковл. пишетъ: „Хотя и давно мнѣ кажется изъ словъ лѣкарей и изъ всѣхъ обстоятельствъ, что братъ больше боленъ воображеніемъ, нежели чѣмъ другимъ, но его ипохондрія и меня сбивала. Теперь же я совершенно убѣжденъ, потому что лѣкаря и не-лѣкаря, и тѣ, у ко-

[1]) Письмо Н. къ Пушкину 18 августа 1831 г., Н. А. Шляпкинъ, „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, Спб. 1903, стр. 150; письмо 30 сент. того же года въ „Русск. Арх.“, 1904 г., № 11, стр. 440.

торыхъ та же самая болѣзнь бывала, утверждаютъ, что братнино состояніе здоровья едва ли и болѣзнью можно назвать, и что на его мѣстѣ всякій другой не обращалъ бы даже на это никакого вниманія... Теперь и братъ начинаетъ успокаиваться, и съ этимъ вмѣстѣ и здоровье его примѣтно поправляется, потому что нельзя не признаться, что отъ ипохондріи онъ дѣйствительно очень былъ разстроенъ. Аппетитъ, сонъ, лѣкаря говорятъ, что пульсъ и языкъ, онъ имѣетъ въ самомъ лучшемъ состояніи и всегда имѣлъ, но прежде почиталъ это все дурными знаками. Теперь, по крайней мѣрѣ, онъ видитъ, что нѣтъ причины безпокоиться". Однако, недолго спустя, очевидно, случился новый припадокъ ипохондріи. „Вы точно отгадали, — пишетъ М. Я. теткѣ 30 сентября, — что я вамъ потому не писалъ, что не имѣлъ сообщить ничего пріятнаго. Ипохондрія братнина, хотя уже недѣли двѣ или три какъ стала уменьшаться, но почему знать было, что это не промежутокъ. Но теперь, кажется, она совсѣмъ его оставила. Онъ безъ всякаго сравненія спокойнѣе прежняго. Самъ онъ полагаетъ, что оттого сталъ спокоенъ, что чувствуетъ облегченіе въ своей болѣзни, а мнѣ кажется, что болѣзнь его, которая сама почти ничего не значитъ, отъ того для него стала сноснѣе, что онъ объ ней меньше думаетъ. Какъ бы то ни было, достовѣрно то, что онъ много измѣнилъ прежній свой родъ жизни. Вы знаете, можетъ быть, что онъ съ нѣкотораго времени въ числѣ членовъ Англійскаго клуба. Тамъ онъ бываетъ всякій вечеръ и два раза въ недѣлю обѣдаетъ. Онъ возобновилъ нѣкоторыя старыя и сдѣлалъ нѣкоторыя новыя знакомства, почти всякое утро выѣз-

жаетъ въ гости, часто въ гостяхъ обѣдаетъ или у него обѣдаютъ. Продолжится ли это, — кажется, можно надѣяться". Петръ Яковлевичъ, узнавшій объ этихъ успокоительныхъ бюллетеняхъ брата изъ писемъ къ себѣ тетки, повидимому, былъ ими недоволенъ, и М. Я., теряя терпѣніе, писалъ Аннѣ Михайловнѣ: „Если ему писать трудно, то лучше бы всего, если бы онъ мнѣ сообщалъ, что именно донести вамъ о его здоровьѣ, и я бы это и дѣлалъ безъ всякой перемѣны. Теперь же о его здоровьѣ васъ увѣдомлять уже и потому мнѣ мудрено, что по большей части мнѣ кажется, что онъ здоровъ, а ему самому объ себѣ кажется, что онъ боленъ. Свое ли мнѣніе вамъ о его здоровьѣ сообщать, или его собственное, не знаю".

Это письмо было писано въ декабрѣ 1831 года; въ ближайшіе затѣмъ годы П. Я. окончательно акклиматизировался въ образованномъ московскомъ обществѣ, а М. Я. все больше уходилъ въ свою скорлупу. 1 марта 1834 г., М. Я. пишетъ Аннѣ Михайловнѣ: „Въ письмѣ вашемъ отъ 18 февраля вы изволите писать, что такъ какъ братъ меня посѣщаетъ, то я могу отъ него слышать о новостяхъ. На это могу вамъ донести, что я совершенно ничего не знаю, что дѣлается, что говорится, что пишется новаго, а у брата я былъ 23 декабря прошлаго 1833-го года на новой его квартирѣ, и съ тѣхъ поръ, слѣдовательно теперь уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, его не видалъ, но знаю, что онъ здоровъ и выѣзжаетъ". Это извѣстіе сильно опечалило старушку: „Я весьма огорчилась, что ты рѣдко видишь твоего брата; ежели между вами и было какое незначительное неудовольствіе,

примиритесь и живите дружелюбно. Согласіе между столь ближнихъ родственниковъ есть самое благополучіе". Но въ серединѣ этого года Мих. Як., давно уже жившій съ дочерью своего камердинера, Ольгой Захаровной, окончательно переѣхалъ на жительство изъ Москвы въ наслѣдственное помѣстье Чаадаевыхъ, с. Хрипуново, Ардатовскаго уѣзда Нижегородской губ. Здѣсь онъ нелюдимо и почти безвыѣздно прожилъ до смерти своей, въ 1866 году.

XVI.

Вернувшись въ общество, Чаадаевъ очень скоро выработалъ себѣ тотъ образъ жизни, которому оставался вѣренъ уже до самой смерти, въ теченіе 25-ти лѣтъ. Въ концѣ 1833 года онъ переѣхалъ и на ту квартиру, гдѣ прожилъ затѣмъ до конца жизни, во флигель большого дома своихъ хорошихъ знакомыхъ, Левашовыхъ, на Новой Басманной: отнынѣ его жизнь—если не считать кратковременнаго и не оставившаго слѣдовъ перерыва, вызваннаго напечатаніемъ его статьи въ „Телескопѣ" 1836 года, остается вполнѣ неизмѣнной. Онъ дѣлитъ свое время между кабинетнымъ трудомъ и обществомъ; онъ завсегдатай Англійскаго клуба, почетный гость гостиныхъ и салоновъ; его можно видѣть всюду, гдѣ собирается лучшее московское общество,—на гуляньяхъ, первыхъ представленіяхъ въ театрѣ, на публичной лекціи въ университетѣ,—и разъ въ недѣлю онъ принимаетъ у себя. Его привычки ненарушимы; находясь въ гостяхъ, онъ ровно въ 10½ час. откланивается, чтобы ѣхать домой.

Чаадаевъ сразу занялъ очень видное мѣсто въ образованномъ московскомъ обществѣ: уже въ половинѣ 30-хъ годовъ онъ былъ однимъ изъ его „львовъ". Когда въ 1836 году петербургскія власти заинтересовались Чаадаевымъ, начальникъ московской жандармеріи, генералъ Перфильевъ, такъ—не совсѣмъ грамотно, но зато художественно-вѣрно—характеризовалъ его положеніе въ свѣтѣ и личность: „Чеодаевъ (sic) особенно привлекалъ къ себѣ вниманіе дамъ, доставлялъ удовольствіе въ бесѣдахъ и передавалъ все читаемое имъ въ иностранныхъ газетахъ и журналахъ и вообще вновь выходящихъ сочиненіяхъ—съ возможною отчетливостью, имѣя щастливую память и обладая даромъ слова. Когда нарождался разговоръ общій, Чеодаевъ разрѣшалъ вопросъ, при сужденіяхъ о политикѣ, религіи и подобныхъ предметахъ, со свойственнымъ уму образованному, обилующему матеріалами, убѣжденіемъ. Знакомство онъ имѣетъ большое; въ короткихъ же связяхъ замѣчается: съ И. И. Дмитріевымъ, М. Ѳ. Орловымъ, Масловымъ, А. И. Тургеневымъ, княгинею С. С. Мещерскою... Чеодаевъ часто бываетъ: у Е. О. Муравьевой, Ушаковой, Нарышкиной, Пашковой, Раевской и у многихъ другихъ... Образъ жизни Чеодаевъ ведетъ весьма скромный, страстей не имѣетъ, но честолюбивъ выше мѣры. Сіе то самое и увлекаетъ его иногда съ надлежащаго пути, благоразуміемъ предписываемаго"[1]).

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Чаадаеву было 36—37 лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, очень худъ,

[1]) М. К. Лемке, „Чаадаевъ и Надеждинъ" „Міръ Божій", 1905. октябрь, стр. 155—6.

строенъ, всегда безукоризненно одѣтъ. Строгое изящество его костюма и изысканность манеръ вошли въ поговорку; графъ Поццо-ди-Борго, человѣкъ компетентный въ этомъ дѣлѣ, замѣтилъ однажды, что, будь на то его власть, онъ заставилъ бы Чаадаева безпрестанно разъѣзжать по Европѣ, чтобы показывать европейцамъ „un russe parfaitement comme il faut“ [1]). Въ его наружности была какая-то рѣзкая своеобразность, сразу выдѣлявшая его даже среди многолюднаго общества; такъ же оригинально было и его лицо, нѣжное, блѣдное, какъ бы изъ мрамора, безъ усовъ и бороды, съ голымъ черепомъ, съ иронической и вмѣстѣ доброй улыбкой на тонкихъ губахъ, съ холоднымъ взглядомъ сѣро-голубыхъ глазъ. Въ неподвижности его тонкихъ чертъ было что-то мертвенное, говорившее о перегорѣвшихъ страстяхъ и о долгомъ навыкѣ скрывать отъ толпы пламенное волненіе духа; Тютчеву это лицо казалось однимъ изъ тѣхъ, которыя можно назвать медалями въ человѣчествѣ,— такъ старательно и искусно отдѣланы они Творцомъ и такъ непохожи на обычный типъ людей, эту ходячую монету человѣчества. Онъ былъ всегда холоденъ и серьезенъ, вѣжливъ со всѣми, сдержанъ въ жестахъ и выраженіяхъ, никогда не возвышалъ голоса и охотно бесѣдовалъ съ женщинами. Герценъ говоритъ о его прямо смотрящихъ глазахъ и печальной усмѣшкѣ, Хомякова удивляло въ немъ соединеніе бодрости живого ума съ какою-то постоянной печалью [2]). Въ дружескомъ кругу

---

[1]) Рукоп. копія Жихаревской біографіи Чаадаева: одно изъ мѣстъ, опущенныхъ при печатаніи въ „Вѣсти. Европы“.

[2]) См. „Библіограф. Зап.“ 1861 г., № 1, стр. 6; „Русск. Вѣстн.“

онъ, повидимому, не избѣгалъ ни легкой шутки, ни сарказма, и его необыкновенно мѣткія „крылатыя слова", образчики которыхъ сохранилъ намъ Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ, переходили въ Москвѣ изъ устъ въ уста [1]). Но обыкновено его рѣчь была аподиктична и напыщена. На тѣхъ, кто слышалъ Чаадаева впервые, этотъ проповѣдническій тонъ производилъ, видимо, отталкивающее впечатлѣніе: такъ, Надеждину, познакомившемуся съ Чаадаевымъ въ 1832 или 1833 году, онъ показался послѣ перваго разговора тяжелымъ и сухимъ человѣкомъ [2]). Но люди, хорошо знавшіе его и привыкшіе къ его манерѣ, прощали ему и эту напыщенность рѣчи, какъ прощали его тщеславіе, доходившее въ своей безмѣрности до ребяческаго хвастовства.

Онъ быстро занялъ въ московскомъ обществѣ то

1887, октябрь, стр. 697; „Русск. Арх." 1900, № 11, стр. 412 Сочин. А. И. Герцена, Спб. 1905 г., т. II, стр. 404, и т. I, стр. 84 (о Трензинскомъ ср. VI, 379).

[1]) Вотъ одно изъ нихъ, въ передачѣ Герцена. „Въ Москвѣ, говаривалъ Чаадаевъ, каждаго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку и большой колоколъ. Пушку, изъ которой стрѣлять нельзя, и колоколъ, который свалился прежде, чѣмъ звонилъ. Удивительный городъ, въ которомъ достопримѣчательности отличаются нелѣпостью; или, можетъ, этотъ большой колоколъ безъ языка—іероглифъ, выражающій эту огромную нѣмую страну, которую заселяетъ племя, назвавшее себя *славянами*, какъ будто удивляясь, что имѣетъ слово человѣческое". „Въ дополненіе къ тому,—говорилъ онъ Герцену въ присутствіи Хомякова,—они хвастаются даромъ слова, а во всемъ племени говоритъ одинъ Хомяковъ". Чаадаеву же принадлежитъ извѣстная острота о „національномъ" костюмѣ К. Аксакова, что народъ на улицахъ принимаетъ его „за персіянина".

[2]) М. К. Лемке, ibid., стр. 127.

своеобразное положеніе, которое удержалъ до конца своихъ дней,—положеніе вполнѣ свѣтскаго человѣка и вмѣстѣ учителя; и если наиболѣе блестящій періодъ его дѣятельности приходится на 40-ые годы, то его учительная роль вполнѣ опредѣлилась уже теперь, въ первой половинѣ 30-хъ годовъ. Среди его бумагъ сохранилось два женскихъ письма къ нему (оба, вѣроятно, до 1836 г.), не свободныхъ отъ экзальтаціи, но въ своей свѣжей непосредственности какъ нельзя лучше обрисовывающихъ и роль, которую онъ присвоилъ себѣ въ обществѣ, и отношеніе къ нему этого общества, и чувства, которыя онъ внушалъ отдѣльнымъ чуткимъ натурамъ, особенно изъ числа женщинъ. Первое письмо содержитъ въ себѣ совѣты, повидимому, насчетъ отношеній Чаадаева къ Норовой: „Вы живете среди людей,—пишетъ ему неизвѣстная корреспондентка [1]), — и этого не слѣдуетъ забывать. Большинство изъ нихъ безпрестанно слѣдятъ за малѣйшими вашими поступками и зорко наблюдаютъ всякое ваше движеніе въ надеждѣ подмѣтить что-нибудь, что хоть до нѣкоторой степени поставило бы васъ на одинъ уровень съ ними. Это печальный результатъ уязвленнаго самолюбія, какъ бы моральная лѣнь, предпочитающая унизить васъ до себя, нежели самой возвыситься по вашимъ слѣдамъ. Поэтому вы должны чрезвычайно внимательно взвѣшивать каждый вашъ поступокъ... Провидѣніе вручило вамъ безцѣнный кладъ: этотъ кладъ—вы сами. Вашъ долгъ—не только не дѣлать ничего недостойнаго, но и всѣми воз-

[1]) Это и слѣдующія два письма—въ подлинникѣ по-французски; подлинники—въ Румянцовскомъ музеѣ.

можными способами внушать людямъ уваженіе къ той, если можно такъ выразиться, вполнѣ интеллектуальной добродѣтели, которою надѣлило васъ Провидѣніе. Вы не должны допускать, чтобы злословіе или клевета какимъ-либо образомъ запятнали ее", и т. д. Другое письмо принадлежитъ перу Е. Г. Левашовой, близкаго друга Чаадаева, замѣчательной женщины, которой Герценъ посвятилъ теплыя строки въ „Быломъ и Думахъ", а Огаревъ — задушевное стихотвореніе. „Искусный врачъ,— пишетъ она, — снявъ катаракту, надѣваетъ повязку на глаза больного; если же онъ не сдѣлаетъ этого, больной ослѣпнетъ навѣки. Въ нравственномъ мірѣ—то же, что въ физическомъ; человѣческое сознаніе также требуетъ постепенности. Если Провидѣніе вручило вамъ свѣтъ слишкомъ яркій, слишкомъ ослѣпительный для нашихъ потемокъ, не лучше ли вводить его понемногу, нежели ослѣплять людей какъ бы Ѳаворскимъ сіяніемъ и заставлять ихъ падать лицомъ на землю? Я вижу ваше назначеніе въ иномъ; мнѣ кажется, что вы призваны протягивать руку тѣмъ, кто жаждетъ подняться, и пріучать ихъ къ истинѣ, не вызывая въ нихъ того бурнаго потрясенія, которое не всякій можетъ вынести. Я твердо убѣждена, что именно таково ваше призваніе на землѣ; иначе зачѣмъ ваша наружность производила бы такое необыкновенное впечатлѣніе даже на дѣтей? зачѣмъ были бы даны вамъ такая сила внушенія, такое краснорѣчіе, такая страстная убѣжденность, такой возвышенный и глубокій умъ? Зачѣмъ такъ пылала бы въ васъ любовь къ человѣчеству? Зачѣмъ ваша жизнь была бы полна столькихъ треволненій? Зачѣмъ столько тайныхъ страданій,

столько разочарованій?... И можно ли думать, что все это случилось безъ предустановленной цѣли, которой вамъ суждено достигнуть, никогда не падая духомъ и не теряя терпѣнія, ибо съ вашей стороны это значило бы усомниться въ Провидѣніи? Между тѣмъ уныніе и нетерпѣніе — двѣ слабости, которымъ вы часто поддаетесь, тогда какъ вамъ стóитъ только вспомнить эти слова Евангелія, какъ бы нарочно обращенныя къ вамъ: будьте мудры какъ змій, и чисты, какъ голубь". Левашова кончаетъ свое письмо (оно посылалось тутъ же, изъ большого дома во флигель) слѣдующими трогательными словами: „До свиданія. Чтò ждетъ васъ сегодня въ клубѣ? Очень возможно, что вы встрѣтите тамъ людей, которые поднимутъ цѣлое облако пыли, чтобы защититься отъ слишкомъ яркаго свѣта. Чтò вамъ до этого? Пыль неріятна, но она не преграждаетъ пути".

На почвѣ такого преклоненія предъ личностью и призваніемъ Чаадаева разыгрался въ эти годы его единственный романъ, романъ односторонній, безъ страсти и безъ интриги. Повидимому, еще въ концѣ 20-хъ годовъ, когда, по возвращеніи изъ-за-границы, онъ жилъ временами у тетки Щербатовой въ Дмитровскомъ уѣздѣ, сблизился онъ съ семьею Норовыхъ, чья усадьба Надеждино находилась по близости. Въ этой семьѣ было нѣсколько сыновей (одинъ изъ нихъ—Абрамъ Сергѣевичъ—позднѣе былъ министромъ народнаго просвѣщенія) и двѣ дочери. Изъ нихъ старшая, Авдотья Сергѣевна, полюбила Чаадаева. По словамъ Жихарева, это была болѣзненная дѣвушка, не думавшая о замужествѣ, но безотчетно и открыто отдавшаяся своему чувству,

которое и свело ее въ могилу. Чаадаевъ отвѣчалъ ей, повидимому, дружескимъ расположеніемъ; можно думать, что онъ и вообще никогда не зналъ влюбленности, хотя и былъ безпрестанно окруженъ женскимъ поклоненіемъ [1]). Письма Норовой къ Чаадаеву сохранились. Въ нихъ дышатъ глубокая религіозность и самоотреченіе безъ границъ, при ясномъ и развитомъ умѣ. Въ ея любви къ Чаадаеву нѣтъ страсти, но ничего не можетъ быть трогательнѣе этого сочетанія безконечной нѣжности къ любимому человѣку съ благоговѣніемъ предъ его душевнымъ величіемъ. Вотъ на удачу конецъ одного ея письма, помѣченаго 28 декабря:

„Уже поздно, я долго просидѣла за этимъ длиннымъ письмомъ, а теперь, передъ его отправкою, мнѣ кажется, что его лучше было бы разорвать. Но я не хочу совсѣмъ не писать къ вамъ сегодня, не хочу отказать себѣ въ удовольствіи поздравить васъ съ Рождествомъ нашего Спасителя Іисуса Христа и съ наступающимъ новымъ годомъ.

„Покажется ли вамъ страннымъ и необычнымъ, что я хочу просить вашего благословенія? У меня часто бываетъ это желаніе, и, кажется, рѣшись я на это, мнѣ было бы такъ отрадно принять его отъ васъ, колѣнопреклоненной, со всѣмъ благоговѣніемъ, какое я питаю къ вамъ. Не удивляйтесь и не отрекайтесь отъ моего глубокаго благоговѣнія — вы не властны уменьшить его во мнѣ. Благословите же меня на наступающій годъ, все

---

[1]) Есть, кажется, основанія предполагать, что онъ страдалъ врожденной атрофіей полового инстинкта; сравн. Жихаревъ, „Вѣстн. Европы“ 1871, іюль, стр. 188, прим.

равно, будетъ ли онъ послѣднимъ въ моей жизни, или за нимъ послѣдуетъ еще много другихъ. Для себя я призываю на васъ всѣ благословенія Всевышняго. Да, благословите меня—я мысленно становлюсь предъ вами на колѣни—и просите за меня Бога, чтобы Онъ сдѣлалъ меня такою, какою мнѣ слѣдуетъ быть".

Норова умерла лѣтомъ 1835 года [1]). Въ іюлѣ этого года тетка пишетъ М. Я. Чаадаеву въ его нижегородское уединеніе, что, по дошедшимъ до нея свѣдѣніямъ. Петръ Яковлевичъ былъ очень огорченъ смертью Норовой, „которая его очень любила".—За то, что она его очень любила, онъ въ завѣщаніи, составленномъ двадцать лѣтъ спустя, просилъ, если возможно, похоронить его въ Донскомъ монастырѣ близъ могилы А. С. Норовой [2]). Его воля была исполнена.

XVII.

Начало 80-хъ годовъ отмѣчено въ жизни Чаадаева не только возвращеніемъ въ общество, но и другимъ, болѣе страннымъ его шагомъ: попыткою снова вступить въ службу. Эта мысль, безъ сомнѣнія, была внушена ему отчасти и прямой денежной нуждою. Въ концѣ 1832 года опекунскій совѣтъ по третьей закладной пустилъ съ торговъ послѣднее имѣніе Чаадаева, какое еще числилось за нимъ послѣ раздѣла съ братомъ [3]), и теперь у него

[1]) „Русскій Архивъ", 1900, № 2, стр. 205.

[2]) „Русск. Мысль", 1896, № 4, стр. 158.

[3]) Онъ былъ долженъ въ опекунскій совѣтъ по займу 1827 г.—61.000 руб., по займу 1828 г.—30.200 и по займу 1829 г.—15.250.

оставались на прожитокъ лишь тѣ 7.000 р. ассигн., которые ежегодно уплачивалъ ему братъ по раздѣльному акту. При его непрактичности и барскихъ привычкахъ (онъ держалъ, напримѣръ, собственныхъ лошадей) этихъ денегъ, конечно, не могло хватать, и тетка уже заранѣе сокрушалась, „что долженъ будетъ себя лишать въ своихъ удовольствіяхъ, что для него очень тяжело".

Но главной причиной было, разумѣется, не это. Съ того дня, когда Чаадаевъ впервые охотно покинулъ свое затворничество, процессъ его внутренняго роста можетъ считаться законченнымъ. Въ тишинѣ и уединеніи созрѣлъ его духъ, создалось и даже формулировалось его ученіе; теперь для него наступилъ тотъ моментъ, когда въ человѣкѣ съ элементарной силой просыпается жажда дѣятельности, жажда внѣшняго творчества по готовымъ уже внутреннимъ мѣриламъ; вотъ почему Чаадаева инстинктивно потянуло въ свѣтъ, и почему онъ сознательно рѣшилъ вступить въ службу. Мы увидимъ дальше, что въ это же самое время (1832 г.) онъ дѣлаетъ и другую аналогичную попытку: напечатать по-русски нѣкоторыя изъ своихъ „Философическихъ" писемъ.

Но было бы наивно думать, что Чаадаевъ мечталъ о карьерѣ чиновника. Нѣтъ, ему мерещилась иная роль, болѣе достойная его,—роль совѣтника власти, вдохновляющаго ея политику въ какой-нибудь одной отрасли управленія. И съ этимъ-то Платоновскимъ предложеніемъ о союзѣ философіи съ правительственной силой онъ обращается—къ кому же?—къ имп. Николаю и Бенкендорфу. Отсюда завязывается переписка, типичная въ своемъ комизмѣ, какъ иной эпизодъ изъ „Донъ-Кихота".

Рѣшивъ искать службы, Чаадаевъ въ началѣ 1833 г. написалъ объ этомъ своему бывшему начальнику, графу Васильчикову, съ которымъ оставался, повидимому, въ дружескихъ отношеніяхъ. 4-го мая Васильчиковъ отвѣчалъ ему [1]), что всѣ начальники вѣдомствъ, къ которымъ онъ обращался, вполнѣ признавая достоинства Чаадаева, затрудняются однако предоставить ему подобающее мѣсто по причинѣ его невысокаго чина (онъ былъ всего только гвардіи ротмистромъ), но что Бенкендорфъ изъявилъ готовность всячески содѣйствовать ему, лишь только Чаадаевъ сообщитъ, какой службы онъ желалъ бы. Итакъ, 1-го іюня Чаадаевъ пишетъ Бенкендорфу. Въ самыхъ вѣрноподданныхъ выраженіяхъ и нимало не подозрѣвая чудовищной дерзости своихъ строкъ, онъ заявляетъ о своихъ намѣреніяхъ [2]). „Прискорбныя обстоятельства,— пишетъ онъ,—заставили меня долго жить внѣ службы, и тѣмъ лишили права на вниманіе правительства; между тѣмъ, я имѣю все же смѣлость надѣяться, что если бы Его Величество удостоилъ вспомнить обо мнѣ, то, быть

---

[1]) Французскій подлинникъ этого письма находится въ Румянцовскомъ музеѣ. Судя по письму, Чаадаевъ въ предшествующемъ (1832) году видѣлся съ Васильчиковымъ, пріѣзжавшимъ въ Москву для леченія водами.

[2]) Это и слѣдующія письма, относящіяся къ попыткѣ Чаадаева поступить на службу, найдены М. К. Лемке въ архивѣ III-го отдѣленія, и приведены въ его статьѣ „Чаадаевъ и Надеждинъ", „Міръ Божій", 1905 г., сентябрь, стр. 17—22; онѣ писаны частью по-русски, частью по-французски. Сравн. объ этомъ эпизодѣ „Изв. Отд. русскаго языка и слов. Имп. Акад. Наукъ", 1896 г., т. I, кн. 2, въ статьѣ А. Н. Кирпичникова, стр. 382 и сл., и „Неизд. Рукоп. П. Я. Чаадаева" въ „Вѣстн. Европы" 1871 г., ноябрь, стр. 325.

можетъ, онъ вспомнилъ бы также, что я не совсѣмъ недостоинъ его снисхожденія и предоставленія мнѣ возможности доказать свою преданность и употребить свои способности на службу Его Величеству". Прежде всего онъ считаетъ долгомъ заявить, что, будучи мало знакомъ съ условіями гражданской службы, онъ желалъ бы получить должность по дипломатической части; поэтому онъ и просилъ генерала Васильчикова „сообщить министру иностранныхъ дѣлъ нѣкоторыя соображенія, которыя, какъ мнѣ кажется, могли бы найти примѣненіе при теперешнемъ положеніи Европы, а именно: о необходимости особенно наблюдать за движеніемъ идей въ Германіи". Но онъ понимаетъ, что такое дѣло можетъ быть поручено лишь человѣку, достаточно зарекомендованному въ глазахъ правительства. Поэтому у него сейчасъ только одно желаніе, — чтобы Государь узналъ его. „Къ числу изумительныхъ вещей настоящаго достославнаго царствованія, въ которое осуществилось столько нашихъ надеждъ и было выполнено столько нашихъ желаній, принадлежитъ выборъ людей, призываемыхъ къ дѣламъ"; и если умѣніе находить людей есть одно изъ главныхъ качествъ монарха, то, съ другой стороны, каждый изъ подданныхъ въ правѣ разсчитывать, — если только онъ стремится обратить на себя вниманіе своего государя, — что его усилія не останутся незамѣченными. Итакъ, онъ отдаетъ себя вполнѣ въ распоряженіе Его Величества.

Такъ могъ писать какой-нибудь философъ въ отвѣтъ на приглашеніе Екатерины II, переданное Гриммомъ, или, напротивъ, наскучивъ ждать приглашенія; но Бенкендорфъ и самъ имп. Николай, которому Бенкендорфъ въ подлин-

никѣ представилъ письмо Чаадаева, навѣрное еще никогда не читали такихъ „прошеній". Нетрудно представить себѣ, какъ покоробило ихъ отъ этого резонерскаго тона и самой готовности оригинальнаго просителя предоставить себя временно на пробу. Какъ бы то ни было, на первый разъ дѣло сошло Чаадаеву съ рукъ, и въ концѣ іюня Бенкендорфъ сухо сообщилъ ему, что царь изъявилъ согласіе принять его на службу по министерству финансовъ. Въ отвѣтъ на это извѣщеніе Чаадаевъ немедленно отправилъ Бенкендорфу *запечатанное* письмо на имя царя и въ сопроводительной запискѣ объяснялъ, что пишетъ государю по-французски вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ русскимъ языкомъ: „Это новое тому доказательство, что я въ письмѣ своемъ говорю Его Величеству о несовершенствѣ нашего образованія. Я самъ живой и жалкій примѣръ этого несовершенства"

На этотъ разъ Николаевскій царедворецъ-бюрократъ не вынесъ дерзкой фамильярности просителя и рѣшилъ круто оборвать его. Возвращая Чаадаеву его письмо къ царю нераспечатаннымъ, онъ писалъ, что ради его собственной пользы не рѣшился представить это письмо государю, усмотрѣвъ изъ письма къ себѣ, что въ томъ обращеніи на Высочайшее имя онъ, Чаадаевъ, упоминаетъ о несовершенствѣ нашего образованія: „ибо Его Величество конечно бы изволилъ удивиться, найдя диссертацію о недостаткахъ нашего образованія тамъ, гдѣ вѣроятно ожидалъ одного лишь изъявленія благодарности и скромной готовности самому образоваться въ дѣлахъ, вамъ вовсе незнакомыхъ. Одна лишь служба, и служба долговременная, даетъ намъ право и возможность

судить о дѣлахъ государственныхъ, и потому я боялся, чтобы Его Величество, прочитавъ Ваше письмо, не получилъ о васъ мнѣніе, что вы, по примѣру легкомысленныхъ французовъ, принимаете на себя судить о предметахъ, вамъ не извѣстныхъ".

Выслушавъ эту грубую нотацію на тему о „beschränkter Unterthanenverstand",' Чаадаевъ все-таки еще не понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и разсыпаясь въ благодарностяхъ, отвѣчалъ Бенкендорфу съ изысканной усмѣшкой (наивная тонкость философа передъ лицомъ русскаго жандарма!). Онъ тронутъ заботливымъ вниманіемъ графа, чьей благосклонностью сохраненъ отъ невыгоднаго Его Величества о немъ понятія, но рѣшается снова послать ему свое письмо къ государю, чтобы графъ могъ убѣдиться, что это письмо не заключаетъ въ себѣ разсужденій о государственныхъ дѣлахъ „и что въ особенности нѣтъ въ немъ ничего похожаго на преступныя дѣйствія французовъ, которыми болѣе кого-либо гнушаюсь" (извѣстно, какъ вообще смотрѣлъ Чаадаевъ на революцію 1830 года). „Осмѣлюсь только сказать въ оправданіе свое ищетъ того выраженія, которое показалось вамъ предосудительнымъ, что мнѣ кажется, что состояніе образованности народной не есть вещь государственная, и что можно судить о образованности своего отечества не отважившись мѣшаться въ дѣла правительственныя, потому что всякой по собственному опыту знать можетъ, какіе способы и средства въ его отечествѣ для ученія употребляются, а глядя вокругъ себя—оцѣнить степень просвѣщенія въ ономъ".—Онъ и теперь еще продолжаетъ разсуждать! Самая мысль о томъ, чтобы

отвѣтъ Бенкендорфа могъ быть просто окрикомъ, такъ чужда ему, что онъ спѣшитъ разъяснить происшедшее будто бы недоразумѣніе.

Это запечатанное письмо Чаадаева къ имп. Николаю сохранилось. Пространно объяснивъ свою непригодность для службы по финансовой части, коснувшись попутно возвышенныхъ взглядовъ, которые вноситъ государь во всѣ отрасли управленія, и опредѣливъ великую идею, проникающую все его царствованіе, онъ продолжаетъ: „Много размышляя о состояніи просвѣщенія въ Россіи, я пришелъ къ убѣжденію, что могъ бы именно въ этой области быть полезнымъ, выполняя обязанности, удовлетворяющія требованія Вашего правительства. Мнѣ кажется, что въ этой области можно сдѣлать многое именно въ духѣ той идеи, которая, какъ я думаю, является идеей Вашего Величества"; и затѣмъ онъ излагаетъ свои мысли объ общемъ направленіи, которое должно быть дано русской образованности,—приблизительно такъ, какъ это сдѣлалъ бы Лейбницъ въ письмѣ къ Петру Великому или Дидро въ письмѣ къ Екатеринѣ II. „Я полагаю, что просвѣщеніе въ Россіи должно носить такой-то характеръ"…. „я нахожу, что мы должны быть…, и русская нація должна, какъ мнѣ кажется", и т. д. — и въ заключеніе коротко и ясно: „*Если бы эти взгляды оказались отвѣчающими взглядамъ Вашего Величества*, то для меня было бы несказаннымъ счастьемъ, еслибъ я могъ содѣйствовать реализаціи ихъ въ нашей странѣ".

Но на русскомъ престолѣ сидѣлъ не Петръ Великій, не Екатерина II, даже не Діонисій Старшій. Россійскаго Платона не пожелали и выслушать: ему просто не отвѣ-

чали. Чаадаевъ еще разъ написалъ Бенкендорфу, но такъ же безуспѣшно. Тогда онъ обратился къ министру юстиціи Дашкову, съ которымъ издавна былъ знакомъ, и, по докладѣ его просьбы царю, разрѣшено было принять его на службу въ этомъ министерствѣ. Почему Чаадаевъ не принялъ этого предложенія и, кажется, даже не отвѣчалъ на извѣщеніе Дашкова [1]), мы не знаемъ. Такъ кончилась эта классическая исторія о наивномъ философѣ и грубомъ капралѣ; но ничего нѣтъ мудренаго, если въ Петербургѣ уже теперь зародилось подозрѣніе насчетъ нормальности умственныхъ способностей Чаадаева.

XVIII.

А Чаадаевъ, дѣйствительно, чувствовалъ себя носителемъ нѣкоторой высокой и благодѣтельной истины; онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ своей миссіи. Еще въ 1831 году онъ заявлялъ, что хотя главная задача его жизни—вполнѣ уяснить и раскрыть эту истину въ глубинѣ своей души и завѣщать ее потомству, онъ, тѣмъ не менѣе, не прочь нѣсколько выйти изъ своей безвѣстности: „это помогло бы дать ходъ идеѣ, которую я считаю себя призваннымъ передать міру“ [2]). Онъ, безъ сомнѣнія, не расчитывалъ на успѣхъ своей проповѣди въ полу-образованномъ и нравственно-равнодушномъ рус-

---

[1]) См. отрывокъ изъ письма Дашкова среди Чаадаевскихъ бумагъ въ Румянц. музеѣ.

[2]) Письмо къ Пушкину, „Бумаги А. С. Пушкина“, изд. „Русск. Арх.“ Москва, 1881 г., стр. 151.

скомъ обществѣ, и не понималъ даже, какъ можно писать для такой публики, какъ наша („все равно обращаться къ рыбамъ морскимъ, къ птицамъ небеснымъ“); но ему мерещилось „сладостное удовлетвореніе“—собрать вокругъ себя небольшое число прозелитовъ, „нѣсколько теплыхъ и чистыхъ душъ, чтобы вмѣстѣ съ ними призывать дары неба на человѣчество и на отчизну“ [1]. Этой цѣли онъ старался достигнуть неустанной устной пропагандой въ дружескомъ кругу, чему свидѣтельствомъ служатъ письма Пановой, Левашовой и пр.

Самой завѣтной его мечтой было, повидимому, обратить въ свою вѣру Пушкина и сдѣлать его, владѣющаго могучимъ оружіемъ слова, глашатаемъ вѣчной истины о царствѣ Божіемъ на землѣ. До насъ дошло его письмо къ Пушкину, писанное въ тѣ дни, когда изъ глубины отчаянія передъ нимъ взошло лучезарное солнце этой истины, въ мартѣ или апрѣлѣ 1829 г., т.-е. за полгода до написанія перваго философическаго письма. Ничего не можетъ быть прекраснѣе и трогательнѣе этого призыва къ другу, къ генію, этой мольбы отдаться благовѣствованію истины ради нея самой, ради Россіи, ради собственнаго призванія или хотя бы только собственной славы. Вотъ эти строки [2].

„Самое пламенное мое желаніе, мой другъ,—видѣть васъ посвященнымъ въ тайну временъ. Нѣтъ болѣе при-

[1]) Письмо къ М. Ѳ. Орлову, 1837 г., „Вѣстн. Европы“, 1874 г., іюль, стр. 87.

[2]) Подлинникъ письма—по-франц.; за сообщеніе его приношу благодарность В. И. Саитову.

скорбнаго зрѣлища въ нравственномъ мірѣ, какъ геніальный человѣкъ, не постигшій своего вѣка и своего предназначенія. Когда видишь, что тотъ, кто долженъ былъ бы властвовать надъ умами, самъ подчиняется власти привычекъ и рутинѣ толпы, тогда чувствуешь себя самъ задержаннымъ въ своемъ движеніи; тогда говоришь себѣ: зачѣмъ этотъ человѣкъ, который долженъ бы вести меня, мѣшаетъ мнѣ идти впередъ? Именно это я испытываю каждый разъ, когда думаю о васъ, и я думаю объ этомъ такъ часто, что это меня совершенно удручаетъ. Не мѣшайте же мнѣ идти, прошу васъ. Если у васъ не хватаетъ терпѣнія ознакомиться съ тѣмъ, что́ совершается въ мірѣ, уйдите въ себя и изъ собственныхъ нѣдръ вынесите тотъ свѣтъ, который неизбѣжно есть во всякой душѣ, подобной вашей. Я убѣжденъ, что вы могли бы сдѣлать безмѣрное благо этой бѣдной Россіи, заблудившейся на землѣ. Не обманывайте своей судьбы, мой другъ. Послѣднее время по-русски читаютъ всюду; вы знаете, что Булгарина перевели и поставили рядомъ съ Жуи, что же коснется васъ, то нѣтъ нумера журнала, гдѣ бы о васъ не было рѣчи. Я нашелъ имя моего друга Гульянова упомянутымъ съ почтеніемъ въ толстой книгѣ, а знаменитый Клапротъ въ знакъ признанія подарилъ ему египетскую корону; можно сказать, онъ потрясъ пирамиды на ихъ основахъ. Видите, какъ много славы вы можете себѣ добыть. *Киньте крикъ къ небу* — оно вамъ отвѣтитъ.

„Я говорю вамъ все это, какъ видите, по поводу книги, которую посылаю вамъ. Такъ какъ въ ней говорится по немногу обо всемъ, то она, можетъ быть, про-

будитъ въ васъ нѣсколько добрыхъ мыслей. Простите, мой другъ. Я говорю вамъ, какъ Магометъ арабамъ,— о, если бы вы знали!"

Онъ возвращался къ этому потомъ еще не разъ [1]); въ 1831 г. онъ писалъ Пушкину: „Несчастіе, другъ мой, что не пришлось намъ съ вами тѣснѣе сойтись въ жизни. Я по прежнему стою на томъ, что мы съ вами должны были идти вмѣстѣ и что изъ этого вышло бы что-нибудь полезное и для самихъ насъ, и для ближняго."

Но само собою разумѣется, что непосредственнымъ личнымъ вліяніемъ Чаадаевъ не могъ довольствоваться. Какъ и естественно, у него рано должно было зародиться желаніе дать огласку своимъ „Философическимъ письмамъ".

Дѣйствительно, онъ сталъ распространять ихъ обычнымъ тогда рукописнымъ путемъ тотчасъ послѣ того, какъ они были написаны,—притомъ, кажется, не только среди ближайшихъ друзей, какимъ былъ, напримѣръ, Пушкинъ; по крайней мѣрѣ, Погодинъ, тогда мало знакомый съ Чаадаевымъ, читалъ одно изъ нихъ (вѣроятно, первое), уже весною 1830 года [2]). Позднѣе, въ половинѣ 30-хъ годовъ, они ходили по рукамъ уже во многихъ спискахъ и иногда читались даже—повидимому, самимъ Чаадаевымъ—въ салонахъ знакомыхъ дамъ [3]).

Разумѣется, эта случайная и ограниченная публич-

---

[1]) См. письма Чаадаева къ Пушкину,—„Рус. Арх." 1881, ч. I.

[2]) Соч. А. С. Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, 1903, т. VII, стр. 347.

[3]) У Свербеевой, Oeuvres choisies, стр. 187.

ность не могла удовлетворять его; какъ и всякій писатель, Чаадаевъ стремился распространить свои идеи путемъ печати, и онъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи съ большой настойчивостью. Съ половины 1831 года до катастрофы 1836 г. мы можемъ прослѣдить четыре такихъ попытки, всѣ четыре — неудачныхъ. Любопытно видѣть, къ какимъ разнообразнымъ средствамъ онъ прибѣгалъ съ цѣлью добраться, наконецъ, до печатнаго станка. Весною 1831 года Пушкинъ увезъ изъ Москвы въ Петербургъ „Философическое письмо“ № 3; изъ писемъ къ нему Чаадаева видно, что поэтъ долженъ былъ пристроить это письмо въ печати, притомъ на французскомъ языкѣ (у французскаго книгопродавца Белизара), и что Чаадаевъ сгоралъ нетерпѣніемъ напечатать его „вмѣстѣ съ другими своими писаніями“ [1]).

Годъ спустя, онъ дѣлаетъ новую попытку: на этотъ разъ онъ пробуетъ издать у московскаго типографа Семена *по-русски* два законченныхъ отрывка изъ 2-го и 3-го писемъ, но духовная цензура Троицкой академіи отказывается разрѣшить ихъ къ печати [2]). Затѣмъ, въ 1835 или 1836 г. онъ отдаетъ цѣлыхъ два письма, составлявшихъ какъ бы продолженіе знаменитаго впослѣдствіи, въ только-что народившійся „Московскій Наблю-

---

[1]) „Бумаги А. С. Пушкина“, стр. 150 и 151.—Соч. Пушкина, VII, стр. 419.—„Старина и Новизна“, кн. XII, стр. 326.

[2]) Заключеніе духовной цензуры отъ 31-го янв. 1833 г., въ статьѣ проф. Кирпичникова, въ „Р. М.“ 1896 г., № 4, стр. 149—151. Это были конецъ 2-го письма (опроверженіе мнѣній протестантовъ о католицизмѣ, по изд. Гагарина, стр. 78—86) и часть 3-го (о Моисеѣ, стр. 96—105). См. *О. ch.* 183.

датель", но и здѣсь безуспѣшно [1]); наконецъ, вѣроятно, въ 1836 г., онъ съ оказіей посылаетъ какую-то свою рукопись А. И. Тургеневу въ Парижъ, для напечатанія въ одномъ изъ французскихъ журналовъ [2]). Очень возможно, что этими четырьмя попытками, о которыхъ случайно сохранились указанія въ перепискѣ Чаадаева, дѣло и не ограничивалось. Только однажды, и совершенно безъ его вѣдома, проникла въ печать небольшая часть написаннаго имъ: въ 1832 году кто-то [3]) прислалъ Надеждину, для напечатанія въ „Телескопѣ", нѣсколько отрывковъ изъ „Философическихъ писемъ", съ объясненіемъ, что это—отрывки изъ переписки одного русскаго, и что эта переписка „представляетъ развитіе одной полной, глубоко обдуманной системы". Это было 4-е „Философическое письмо" (объ архитектурѣ) и шесть небольшихъ выдержекъ-афоризмовъ, размѣромъ отъ 8 до 30 строкъ. Все это, включая сопроводительную записку, Надеждинъ и напечаталъ въ № 11 „Телескопа" за 1832 годъ, подъ заглавіемъ: „Нѣчто изъ переписки NN (съ французскаго)", и только послѣ этого, встрѣтившись съ Чаадаевымъ въ Англійскомъ клубѣ, узналъ отъ него, что онъ и есть авторъ напечатанныхъ отрывковъ [4]). По своей

---

[1]) *O. ch.* 187.

[2]) *O. ch.*, стр. 188. Инипіалы въ этомъ письмѣ означаютъ, Meyendorf и les Circourts (см. подлинникъ письма, въ Тургеневскомъ архивѣ въ Академіи Наукъ).

[3]) Это былъ, можетъ быть, Александръ С. Норовъ, братъ Авдотьи С., см. Лемке, „М. Бож." 1905, окт., 149.

[4]) Показаніе Надеждина въ 1836 г., см. Лемке, „М. Бож." 1905, окт., стр. 126.

случайности и краткости они прошли, разумѣется, незамѣченными.

И вдругъ, послѣ стольких безплодныхъ стараній, безъ всякаго участія со стороны Чаадаева, появляется въ русскомъ журналѣ та часть его работы, которая имѣла меньше всего шансовъ пройти черезъ цензуру: въ 15-мъ нумерѣ того же „Телескопа", вышедшемъ въ концѣ сентября 1836 года, было напечатано безъ имени автора первое „Философическое" письмо,—единственное, гдѣ шла рѣчь о Россіи.

Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ появилось это письмо (переведенное на русскій яз. Н. Х. Кетчеромъ), и какую бурю оно вызвало и въ обществѣ, и въ правительственныхъ сферахъ. Починъ гоненія принадлежалъ, по всей видимости, министру народн. просв. Уварову ¹), но въ то время, какъ Главное управленіе цензуры по его инициативѣ высказалось лишь за прекращеніе „Телескопа" съ 1-го января слѣдующаго года и за удаленіе цензора Болдырева, пропустившаго статью, царь лично измѣнилъ эту резолюцію въ томъ смыслѣ, чтобы журналъ запретить сейчасъ, отрѣшить отъ должности не

---

¹) „Р. Стар." 1903, мартъ, стр. 582; сравн. запись въ дневникѣ Бодянскаго, „Р. Стар.", 1889 г., окт., стр. 187.—Важнѣйшія данныя по дѣлу о запрещеніи „Телескопа": М. К. Лемке въ „М. Бож.", 1905, окт., 141 и сл.; ноябрь 187 и сл.; „Р. Стар." 1903, III, 580 и сл.; „Р. Арх.", 1884, № 4, стр. 457 и сл.; „Р. Стар.", 1887, окт., 221; „Р. Стар.", 1870, т. I, изд. 3, стр. 586—590; кромѣ того, въ біографіи Жихарева, въ письмахъ самого Чаадаева въ „В. Европы" за 1871 г. и пр.

только цензора Болдырева, который былъ ректоромъ московскаго университета, но и Надеждина, занимавшаго каѳедру въ этомъ университетѣ, и обоихъ вызвать въ Петербургъ къ отвѣту. При этомъ о самой статьѣ Николай въ своей помѣткѣ выразился такъ: „Прочитавъ статью, нахожу, что содержаніе оной—смѣсь дерзостной безсмыслицы, достойной умалишеннаго". Это случайно подвернувшееся слово показалось чрезвычайно удачнымъ, и 22-го октября Бенкендорфъ, будучи позванъ къ царю, получилъ приказаніе составить соотвѣтственное „отношеніе" къ московскому ген.-губ. кн. Голицыну. Проектъ, представленный въ тотъ же день, удостоился высочайшаго одобренія: Николай собственноручно написалъ на немъ: „очень хорошо". Этотъ документъ, конечно, заслуживаетъ мѣста въ біографіи Чаадаева, какъ яркая черта эпохи: болѣе циничнаго издѣвательства торжествующей физической силы надъ мыслью, надъ словомъ, надъ человѣческимъ достоинствомъ не видѣла даже Россія. „Въ послѣднемъ № 15 журнала „Телескопъ",—гласила бумага [1]),—помѣщена статья подъ названіемъ Философическія Письма, коей сочинитель есть живущій въ Москвѣ г. Чеодаевъ. Статья сія, конечно уже вашему сіятельству извѣстная, возбудила въ жителяхъ московскихъ всеобщее удивленіе. Въ ней говорится о Россіи, о народѣ Русскомъ, его понятіяхъ, вѣрѣ и исторіи съ такимъ презрѣніемъ, что непонятно даже, какимъ образомъ Русскій могъ унизить себя до такой степени, чтобъ

---

[1]) „Р. Арх.", 1885, № 1, стр. 182.

нѣчто подобное написать. Но жители древней нашей столицы, всегда отличающіеся чистымъ здравымъ смысломъ и будучи преисполнены чувствомъ достоинства Русскаго народа, тотчасъ постигли, что подобная статья не могла быть писана соотечественникомъ ихъ, сохранившимъ полный свой разсудокъ, и потому, какъ дошли сюда слухи, не только не обратили своего негодованія противъ г. Чеодаева, но, напротивъ, изъявляютъ искреннее сожалѣніе свое о постигшемъ его разстройствѣ ума, которое одно могло быть причиною написанія подобныхъ нелѣпостей. Здѣсь получены свѣдѣнія, что чувство состраданія о несчастномъ положеніи г. Чеодаева единодушно раздѣляется всею московскою публикою. Вслѣдствіе сего государю императору угодно, чтобы ваше сіятельство, по долгу званія вашего, приняли надлежащія мѣры къ оказанію г. Чеодаеву возможныхъ попеченій и медицинскихъ пособій. Его Величество повелѣваетъ, дабы вы поручили лѣченіе его искусному медику, вмѣнивъ сему послѣднему въ обязанность непремѣнно каждое утро посѣщать г. Чеодаева, и чтобъ сдѣлано было распоряженіе, дабы г. Чеодаевъ не подвергалъ себя вредному вліянію нынѣшняго сырого и холоднаго воздуха, однимъ словомъ, чтобъ были употреблены всѣ средства къ возстановленію его здоровья".

Какъ извѣстно, „Телескопъ" былъ тотчасъ запрещенъ, Надеждинъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, Болдыревъ отставленъ отъ должности, журналамъ и газетамъ приказано не упоминать о Чаадаевской статьѣ. У самого Чаадаева былъ сдѣланъ обыскъ и взяты для отправки въ III-е отдѣленіе всѣ его бумаги, а 1-го ноября онъ былъ

приглашенъ къ оберъ-полицеймейстеру для объявленія ему царскаго приказа о признаніи его умалишеннымъ. Чаадаевъ сначала, повидимому, растерялся и обнаружилъ большое малодушіе: бросился къ Строгонову, потомъ еще написалъ ему, написалъ послѣ допроса и оберъ-полицеймейстеру, самъ послѣ обыска доставилъ ему двѣ свои рукописи, бывшія въ день обыска внѣ его квартиры,— и все это съ цѣлью доказать властямъ, „сколь мало онъ раздѣляетъ мнѣнія нынѣ бредствующихъ умствователей" [1]). Медико-полицейскій надзоръ за нимъ выражался въ запрещеніи выѣзжать, въ ежедневныхъ посѣщеніяхъ полицейскаго лекаря и обычномъ надзорѣ полиціи, причемъ Чаадаевъ могъ совершать прогулки и принимать у себя кого угодно. 8 ноября, т.-е. чрезъ два дня по объявленіи Чаадаеву кары, А. И. Тургеневъ писалъ Вяземскому изъ Москвы: „Сказываютъ, что Чаадаевъ сильно потрясенъ постигшимъ его наказаніемъ; отпустилъ лошадей, сидитъ дома, похудѣлъ вдругъ страшно и какія-то пятна на лицѣ. Его кузины навѣщали его и сильно поражены его положеніемъ. Докторъ пріѣзжаетъ навѣдываться о его офиціальной болѣзни". 7 ноября онъ же пишетъ: „Докторъ ежедневно навѣщаетъ Чаадаева. Онъ никуда изъ дома не выходитъ. Боюсь, чтобы онъ и въ самомъ дѣлѣ не помѣшался", а спустя еще четыре дня Тургеневъ извѣщаетъ, что былъ у Чаадаева и засталъ его „болѣе въ ажитаціи, нежели прежде. Посѣщеніе док-

[1]) См. письма Ч. въ „В. Европы", 1871 и 74 гг.; Жихаревъ въ „В. Европы" 1871, сент., стр. 36; „Ост. Арх.", III, 343, 345, 349, 352, 354, 359.

тора очень больно ему"[1]). Жихаревъ разсказываетъ, что сначала Чаадаева, по предписанію начальства, посѣщалъ штабъ-лекарь той части, гдѣ онъ жилъ, человѣкъ нетрезвый и очень досаждавшій Чаадаеву. Послѣдній пожаловался на это оберъ-полицеймейстеру, и съ обоюднаго согласія пьянчужку замѣнили пріятелемъ Чаадаева, извѣстнымъ въ Москвѣ докторомъ Гульковскимъ, тоже состоявшимъ по полиціи. Ежедневные визиты врача однако скоро прекратились, а годъ спустя (въ октябрѣ 1837 г.) медико-полицейскій надворъ и вовсе былъ снятъ съ Чаадаева, подъ условіемъ „не смѣть ничего писать", т.-е. печатать[2]).

XIX.

Статья Чаадаева вызвала, какъ извѣстно, большой шумъ въ обществѣ. „Ужасная суматоха", „такой трезвонъ, что ужасъ", „остервенѣніе", „большіе толки"— такими словами опредѣляютъ современники произведенное ею впечатлѣніе. Послѣдовавшій вскорѣ разгромъ „Телескопа" особенно обострилъ интересъ къ преступной статьѣ; она распространилась во множествѣ рукописныхъ копій и, какъ показываетъ примѣръ Герцена, проникла даже въ глухіе провинціальные углы. Больше всего толковъ и споровъ было, конечно, въ московскихъ салонахъ,

---

[1]) „Остаф. Арх.", указ. стр.

[2]) „М. Бож." 1905, дек., стр. 94. Герценъ говоритъ, что каждую субботу къ Чаадаеву пріѣзжали докторъ и *полицеймейстеръ*, свидѣтельствовали его и составляли донесеніе.

въ кругу ближайшихъ друзей Чаадаева. 26-го октября А. И. Тургеневъ писалъ изъ Москвы Вяземскому: „Ежедневно, съ утра до шумнаго вечера (который проводятъ у меня въ сильномъ и громогласномъ спорѣ Чаадаевъ, Орловъ, Свербеевъ, Павловъ и прочіе), оглашаемъ я преніями собственными и сообщаемыми изъ другихъ салоновъ объ этой филиппикѣ“ [1]); Баратынскій и Хомяковъ собирались печатно полемизировать съ Чаадаевымъ, и онъ самъ, можетъ быть въ шутку, хотѣлъ отвѣчать себѣ языкомъ и мнѣніями М. Θ. Орлова. Немногіе, какъ Герценъ и его вятскіе друзья, горячо рукоплескали Чаадаеву, но огромное большинство голосовъ было противъ него: „на автора возстало все и всѣ съ небывалымъ до того ожесточеніемъ“, разсказываетъ современникъ; самъ Чаадаевъ свидѣтельствуетъ о томъ, что еще до кары нѣкоторые члены московскаго общества высказывались за высылку его изъ столицы, а его пріятель Тургеневъ по поводу этой кары писалъ Вяземскому: „Но чего же опасаться, если всѣ, особливо пріятели его, такъ сильно возстали на него?“ [2]).

За что же рукоплескали одни, и за что негодовали другіе?

Мы видѣли: въ религіозно-исторической доктринѣ „Философическихъ писемъ“ сужденіе Чаадаева о Россіи не играетъ никакой существенной роли; оно представляетъ собою лишь выводъ изъ его религіозно-философ-

---

[1]) „Ост. Арх.“, III, стр. 337.

[2]) „Записки“ Д. Н. Свербеева, II, 305; „В. Европы“, 1874, іюль. стр. 81; „Ост. Арх.“, III, 354.

скаго догмата,—выводъ, который по существу стоитъ и падаетъ съ этимъ основнымъ положеніемъ. Этого не поняль почти никто; почти никто не замѣтилъ его тезиса,—всѣмъ одинаково, и рукоплескавшимъ, и остервенившимся, бросился въ глаза только выводъ, касавшійся Россіи, и всѣ, не задумываясь, придали ему абсолютный смыслъ. Россія—пробѣлъ разумѣнія, наше настоящее ничтожно, прошедшаго у насъ совсѣмъ нѣтъ, намъ чужды руководящія идеи долга, порядка и права, мы равнодушны къ добру и истинѣ, намъ нужно переначать для себя воспитаніе рода человѣческаго, и т. п., и т. п.: вотъ все, что вычитали въ Чаадаевской статьѣ ея читатели, и за это-то порицаніе Россіи одни привѣтствовали, другіе осуждали автора.

Молодой Герценъ, политическій ссыльный, рукоплескалъ потому, что услыхалъ въ письмѣ Чаадаева „безжалостный крикъ боли и упрека Петровской Россіи“, „мрачный обвинительный актъ противъ Россіи, протестъ личности, которая за все вынесенное хочетъ высказать часть накопившагося на сердцѣ“ [1]). Очевидно, настроеніе автора совпало съ настроеніемъ читателя, и читатель даже не заподозрилъ, что настроеніе автора обусловлено совсѣмъ иными причинами, нежели его собственное. Герценъ говоритъ: „Это былъ выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь“; да, но Герценъ, не справившись, кто и въ кого стрѣляетъ, мгновенно рѣшилъ, что это — союзникъ, и что выстрѣлъ направленъ противъ общаго врага. А общаго только и было, что настроеніе: боль и упрекъ.

---

[1]) Соч. Герцена, 1905, т. II, стр. 403. Сравн. его же „Du dévelop. des idées révolut. en Russie“, Paris, 1851, стр. 109—110.

Напротивъ, Вигель пришолъ въ негодованіе и поспѣшилъ съ доносомъ потому, что „многочисленнѣйшій народъ въ мірѣ, въ теченіе вѣковъ существовавшій, препрославленный, къ коему, по увѣренію автора статьи, онъ самъ принадлежитъ, поруганъ имъ, униженъ до невѣроятности" [1]); другой сикофантъ, Татищевъ, былъ возмущенъ статьею потому, что „подъ прикрытіемъ проповѣди въ пользу папизма авторъ излилъ на свое собственное отечество такую ужасную ненависть, что она могла быть внушена ему только адскими силами" [2]); наконецъ, Вяземскій, умный Вяземскій, съ непринужденностью свѣтскаго человѣка и царедворца какъ разъ въ это время сочинялъ доносъ (который Пушкинъ снабдилъ глубокоприскорбными примѣчаніями), гдѣ писалъ: „Письмо Чаадаева не что иное, въ сущности своей, какъ отрицаніе той Россіи, которую съ подлинника списалъ Карамзинъ" (т.-е. основанной на трехъ Уваровскихъ началахъ) [3]).

---

[1]) Доносъ Ф. Ф. Вигеля—„Русск. Стар.", 1870 г., т. I, изд. 3-е стр. 586.

[2]) М. К. Лемке, тамъ-же, стр. 145.

[3]) „Проектъ письма къ мин. нар. просв. гр. С. С. Уварову съ замѣтками А. С. Пушкина", Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, 1879 г., т. II, стр. 211 и дал. Тотъ же Вяземскій, въ частномъ письмѣ къ А. Тургеневу о „Философ. письмѣ", 28 окт. 1836 г. писалъ, что видитъ тутъ со стороны Чаадаева только „непомѣрное самолюбіе, раздраженную жажду театральной эффектности и большую неясность, зыбкость и туманность въ понятіяхъ". „Что за глупость пророчествовать о прошедшемъ!.. И думать, что народъ скажетъ за это спасибо, за то, что выводятъ по старымъ счетамъ изъ него не то что ложное число а просто нуль! Такого рода парадоксы хороши у камина для оживленія разговора, но далѣе пускать

Словомъ, и поклонники, и хулители вырвали изъ контекста средній членъ: „Россія, какъ она есть, равна нулю“, отбросивъ все остальное. Съ какой точки зрѣнія авторъ призналъ ее равной нулю, это никого не интересовало: утвержденію придали безусловный характеръ, или, вѣрнѣе, его наполнили обычнымъ публицистическимъ содержаніемъ. Современники окарнали мысль Чаадаева и грубо вульгаризировали ту часть ея, которая одна оказалась имъ по плечу. Мы видѣли, что этому способствовала самая форма знаменитаго письма; но главная причина недоразумѣнія коренилась, конечно, въ умственномъ складѣ тогдашняго общества.

Понялъ вполнѣ, повидимому, только одинъ человѣкъ: это былъ, какъ и слѣдовало ожидать, Пушкинъ. Если бы изъ всего, созданнаго Пушкинымъ, до насъ дошло только письмо, написанное имъ по полученіи отъ Чаадаева оттиска статьи изъ „Телескопа“, — этихъ трехъ страницъ было бы достаточно, чтобы признать его замѣчательнѣйшимъ человѣкомъ тогдашней Россіи: такъ много въ нихъ ума, такъ высоко и пламенно дышащее въ нихъ чувство. Онъ сразу уловилъ самую сердцевину ученія Чаадаева—идею имманентнаго дѣйствія духа Божія въ исторіи человѣчества—и возражаетъ ему, становясь на его собственную точку зрѣнія. Наша обособленность отъ Европы, вызванная религіозными причинами, не была,— говоритъ онъ, — несчастной исторической случайностью;

ихъ нельзя, особенно же у насъ, гдѣ умы не приготовлены и не обдержаны преніями противоположныхъ мнѣній“. На это Тургеневъ отвѣчаетъ: „Я совершенно согласенъ съ тобою во мнѣніи о Чаадаевѣ“. („Остаф. Арх.“, III, 341, 345).

у насъ было особенное призваніе, которое только подъ этимъ условіемъ и могло осуществиться: Россіи было предназначено спасти христіанскую цивилизацію отъ татарскаго разгрома,—вотъ почему она *должна была* по волѣ Провидѣнія, исповѣдуя христіанство, жить отдѣльно отъ христіанскаго міра, „чтобы наше мученичество ни на минуту не нарушило энергическаго развитія католической Европы".—Какова бы ни была фактическая цѣнность этого довода, во всякомъ случаѣ, онъ билъ прямо въ цѣль. Такъ же мѣтки дальнѣйшія, частныя возраженія Пушкина—касательно Византіи и ея вліянія на русскую церковь и касательно нашего историческаго ничтожества. Во всемъ, что относится къ характеристикѣ современнаго русскаго общества, онъ вполнѣ соглашается съ Чаадаевымъ, и эти строки поразительны по страстной горечи и силѣ языка; но этотъ пунктъ, какъ и слѣдовало, занимаетъ въ его отвѣтѣ лишь частное мѣсто, не застилая основной, несравненно болѣе широкой темы спора [1]).

[1]) Соч. А. С. Пушкина, изд. подъ ред. П. А. Ефремова, 1903, т. VII, стр. 662 — 664 (сравн. чрезвычайно любопытный черновой набросокъ, тамъ же, стр. 664—5). Письмо писано 19 октября, и не было отправлено по назначенію, какъ думаютъ, потому, что Пушкинъ тѣмъ временемъ узналъ о карѣ, постигшей Чаадаева; на послѣдней страницѣ своего письма Пушкинъ написалъ шотландскую пословицу: „Воронъ ворону глаза не выклюетъ". Объ исторіи этого письма см. „Русск. Арх.", 1884, № 4, стр. 453, „Русск. Стар.", 1903 г., октябрь, стр. 185—6; А. Н. Веселовскій, В. А. Жуковскій, Спб., 1904 г., стр. 395 и прим.

XX.

Чаадаевъ, несомнѣнно, былъ вполнѣ правъ, утверждая позднѣе, что напечатаніе его письма въ „Телескопѣ“ было для него самого неожиданностью: Надеждинъ, раздобывъ гдѣ-то копію письма, обратился къ нему за дозволеніемъ печатать только тогда, когда статья была уже разрѣшена цензоромъ и даже набрана, и онъ далъ согласіе — „увидя въ самой чрезвычайности этого случая какъ бы намекъ Провидѣнія“ [1]). И дѣйствительно, было бы болѣе чѣмъ странно, если бы онъ самъ вздумалъ напечатать это письмо. Во-первыхъ, оно было писано не для публики и въ отдѣльности не имѣло смысла; во-вторыхъ—теперь, въ 1836 году, онъ на многое смотрѣлъ иначе, нежели шесть лѣтъ назадъ, когда оно писалось, особенно какъ разъ на тотъ предметъ, который былъ главной темою этого письма,—на характеръ и назначеніе Россіи. Эту перемѣну въ своихъ взглядахъ онъ самъ открыто удостовѣрилъ въ письмѣ къ гр. Строгонову, писанномъ тотчасъ послѣ кары; да и со стороны она

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1871 г., ноябрь, стр. 326. Сравн. противоположное показаніе Надеждина, сдѣланное на допросѣ („Міръ Божій“, 1905 г., ноябрь, стр. 138—139); оно не заслуживаетъ никакого довѣрія какъ по общему своему характеру, такъ и по сравненію съ показаніемъ Чаадаева въ нѣсколькихъ *частныхъ* письмахъ (къ брату и т. п.). Главное — то, что Чаадаевъ, который вообще, какъ мы видѣли, добивался напечатанія своихъ „Философ. писемъ“, какъ разъ не имѣлъ никакихъ основаній желать обнародованія этого *перваго* письма.

была настолько ясна, что, напримѣръ, А. И. Тургеневъ немало удивился, увидѣвъ въ „Телескопѣ“ Чаадаевскую статью,—потому что Чаадаевъ-де „уже давно *своихъ* мнѣній самъ не имѣетъ и измѣнилъ ихъ существенно“ [1]).— Мы теперь, имѣя въ рукахъ цѣлый рядъ писемъ Чаадаева за промежуточные годы, безъ труда можемъ возстановить ходъ развитія его мысли, приведшій къ этой перемѣнѣ.

Изъ этихъ писемъ прежде всего съ полной очевидностью явствуетъ, что апріорныя и историко-философскія убѣжденія Чаадаева остались неизмѣнными, какъ и вообще періодъ идейнаго творчества окончательно завершился для него къ тому моменту, когда онъ вернулся въ общество. Перемѣна коснулась (если не считать мелкихъ поправокъ) только частнаго пункта, какимъ былъ его прикладной выводъ относительно Россіи.

Когда въ „Философическихъ письмахъ“ Чаадаевъ утверждалъ, что исторія Россіи, стоявшей внѣ общехристіанскаго единства, сдѣлалась вслѣдствіе этого какой-то чудовищной аномаліей и сама Россія представляетъ въ настоящую минуту unicum среди европейскихъ народовъ, то при тогдашнемъ его настроеніи это установленіе факта естественно приняло судебный характеръ, т.-е. превратилось въ осужденіе прошлаго Россіи и обличеніе ея настоящаго. Но при болѣе спокойномъ отношеніи къ дѣлу этотъ самый фактъ могъ быть истолкованъ и иначе; естественно было сказать себѣ, что ты-

---

[1]) „Остаф. Арх.“, III, 354. Письмо къ гр. Строгонову въ „Вѣстн. Европы“, 1874 г., іюль. стр. 85—86.

отечественная исторія огромнаго народа не можетъ быть сплошной ошибкою, что, напротивъ, въ своеобразіи его судьбы—разгадка и залогъ его исключительнаго предназначенія.—Мы видѣли, что именно такъ поступилъ Пушкинъ; и телеологическая точка зрѣнія, на которой стоялъ Чаадаевъ, какъ разъ и требовала такой *объективной* оцѣнки факта. Характерно, что въ знаменитомъ „Философическомъ письмѣ" Чаадаевъ едва касается вопроса о будущемъ Россіи, поглощенный живописаніемъ ея прошлаго и настоящаго, тогда какъ его письма 30-хъ годовъ наполнены разсужденіями о будущности русскаго народа. Тогда, угрюмый отшельникъ, выброшенный изъ жизни, онъ являлся судьею-обвинителемъ своей родины,—а судить можно только прошлое и настоящее; теперь, успокоившись и вернувшись въ дѣйствительность, онъ почувствовалъ себя гражданиномъ, и его мысль направилась впередъ, на будущее. Если, такимъ образомъ, источникъ перемѣны, происшедшей во взглядахъ Чаадаева, былъ не столько логическаго, сколько психологическаго свойства, то, съ другой стороны, очень вѣроятно, какъ думаетъ П. Н. Милюковъ [1]), что содержаніе его новой мысли было до извѣстной степени опредѣлено тѣмъ умственнымъ теченіемъ, которое онъ встрѣтилъ по вступленіи въ московское общество. Не то чтобы на него оказалъ прямое вліяніе „московскій шеллингизмъ", но онъ попалъ здѣсь въ атмосферу, насыщенную историко-философскими идеями особаго рода: здѣсь съ живымъ увлеченіемъ дебатировались вопросы о всемірно-исторической

---

[1]) „Главныя теченія русск. ист. мысли", стр. 886 и сл.

роли народовъ, о провиденціальной миссіи, о понятіи національности и пр., и эти категоріи мышленія, нечуждыя ему и до сихъ поръ, но затмеваемыя его религіозно-исторической концепціей, не могли не отразиться на дальнѣйшемъ развитіи его ученія.

Новая мысль Чаадаева созрѣла не сразу, и, по счастью, мы можемъ прослѣдить ея послѣдовательные этапы. Первый изъ нихъ закрѣпленъ въ книгѣ, написанной не Чаадаевымъ. Въ 1833 году (цензурная помѣта—24 марта) вышло въ Москвѣ вторымъ, совершенно переработаннымъ изданіемъ сочиненіе д-ра Ястребцова: „О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, назначаемымъ къ образованнѣйшему классу общества". Въ этой книгѣ страницы, посвященныя характеристикѣ Россіи, представляютъ собою изложеніе мыслей Чаадаева, какъ о томъ добросовѣстно заявляетъ самъ авторъ. Когда позднѣе надъ Чаадаевымъ разразилась гроза изъ-за „Философическаго письма", онъ, чтобы оправдать себя, послалъ Строгонову книгу Ястребцова, прося его прочитать „эти страницы, писанныя подъ мою диктовку, въ которыхъ мои мысли о будущности моего отечества изложены въ выраженіяхъ довольно опредѣленныхъ, хотя неполныхъ" [1]).

---

[1]) Письмо къ гр. Строгонову отъ 8 ноября 1836 г., „Вѣстн. Европы", 1874 г., іюль, стр. 85. Сравн. также въ письмѣ къ И. Д. Якушкину, ibid., 89. То же писалъ А. И. Тургеневъ Вяземскому, конечно со словъ Чаадаева: „Онъ (Чаадаевъ) писалъ третьяго дня къ графу Строгонову и послалъ ему книгу Ястребцова, гдѣ о немъ и почти его словами говорится.. и все въ пользу Россіи и въ надеждѣ ея быстраго усовершенствованія" („Остаф. Арх.", III, 359)

Эти страницы, внушенныя Чаадаевымъ, представляютъ развитіе и обоснованіе тезиса, что „Россія способна къ великой силѣ просвѣщенія“. Исходная точка— та же, что и въ „Философическомъ письмѣ“, именно указаніе на полную историческую изолированность Россіи; но эта изолированность, служившая тамъ главной уликой противъ Россіи, теперь освѣщается совершенно иначе: она оказывается вѣрнѣйшимъ залогомъ грядущаго совершенствованія нашей родины.

Этотъ выводъ основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Культура, представляя собою плодъ коллективной работы всѣхъ предшествующихъ поколѣній, достается каждому новому пришельцу даромъ. Поэтому счастливъ народъ, родившійся поздно: онъ наслѣдуетъ всѣ сокровища, накопленныя человѣчествомъ; онъ безъ труда и страданій пріобрѣтаетъ средства матеріальнаго благосостоянія, средства умственнаго и даже нравственнаго развитія, добытыя цѣною безчисленныхъ ошибокъ и жертвъ, и даже самыя заблужденія прошедшихъ временъ могутъ служить ему полезными уроками. Таково положеніе Россіи: она во многихъ отношеніяхъ молода по сравненію со старой Европой и, подобно Сѣверной Америкѣ, можетъ даромъ наслѣдовать богатства европейской культуры. Притомъ, молодость—возрастъ, наиболѣе благопріятствующій и усвоенію навыковъ и знаній, и быстрому развитію собственнаго духа, пластическій по преимуществу.

Но въ наслѣдствѣ, которое досталось Россіи, истина смѣшана съ заблужденіемъ. Его нельзя принять безъ разбора; необходимо отдѣлить плевелы отъ истиннаго добра и воспользоваться только послѣднимъ. И здѣсь-то

главное основаніе нашей патріотической надежды: великая выгода Россіи не только въ томъ, что она можетъ присвоить себѣ плоды чужихъ трудовъ, но въ томъ, что она можетъ заимствовать съ полной свободой выбора, что ничто не мѣшаетъ ей, принявъ доброе, отвергнуть дурное. Народы съ богатымъ прошлымъ лишены этой свободы, ибо прошедшая жизнь народа глубоко вліяетъ на его настоящую жизнь. Пережитыя событія, страсти и мнѣнія образуютъ въ душѣ народа могучія пристрастія или наклонности, налагающія печать на все его существованіе, создающія въ немъ, такъ сказать, психическую атмосферу, изъ которой онъ не можетъ вырваться даже тогда, когда чувствуетъ ея вредъ. Эти „предубѣжденія" дѣйствуютъ помимо сознанія, входятъ въ самое существо человѣка, отравляютъ кровь, — и даже умы наиболѣе сильные и независимые, несмотря на всѣ свои старанія, не могутъ совершенно избѣгнуть дѣйствія этой отравы. Разумѣется, преданіе имѣетъ и другую сторону: оно является, вмѣстѣ съ тѣмъ, могущественнымъ орудіемъ культурнаго развитія. Но оно равно служитъ и добру, и злу, и въ послѣднемъ случаѣ его вліяніе чрезвычайно вредно.

Россія свободна отъ пристрастій, потому что прошлое какъ бы не существуетъ для нея; живыхъ преданій у нея почти нѣтъ, а мертвыя преданія безсильны: „Какъ сердце отрока, не измученное еще и не воспитанное ни любовью, ни ненавистью, но къ той и другой готовое, она расположена ко всѣмъ впечатлѣніямъ. Разсудокъ ея не увлекается постороннею силою и имѣетъ, слѣдовательно, полную свободу принять одно полезное и отбросить все вредное. На все, свершившееся до нея и

свершающееся передъ нею, она смотритъ еще безпристрастными, хладнокровными глазами, и можетъ устроить участь свою обдуманно,—въ чемъ и состоитъ назначеніе и торжество ума".

Такова новая мысль Чаадаева. Очевидно, неизмѣннымъ осталось не только его представленіе о прошломъ Россіи, но и его представленіе объ ея будущемъ, увѣренность въ томъ, что ей предстоитъ пережить — можетъ быть, только въ болѣе стройной формѣ — все развитіе христіанскаго, т.-е. западно-европейскаго міра. Новаго въ этой его новой мысли — только ея оптимистическая окраска, заставляющая его находить въ прошломъ опору для надежды на будущее; но отсюда возникаетъ новый взглядъ на настоящее состояніе Россіи: ея психическая необремененность выставляется какъ ея главная отличительная черта и важное преимущество.

Дальнѣйшій шагъ напрашивался теперь самъ собою. Чѣмъ болѣе Чаадаевъ вдумывался въ эту вновь открытую имъ особенность русскаго духа, тѣмъ неизбѣжнѣе было для него, по свойствамъ его мышленія, видѣть въ ней не просто эмпирическій продуктъ стихійныхъ историческихъ силъ, а нѣчто провиденціальное; и чѣмъ болѣе онъ убѣждался въ томъ, что эта необремененность—дѣйствительно самая разительная черта нашей соціальной физіономіи, тѣмъ полнѣе должна была созрѣвать въ немъ увѣренность, что Россія—не чета западно-европейскимъ странамъ, что ей предначертана совершенно исключительная миссія, о чемъ-де ясно свидѣтельствуетъ исключительность ея развитія. Само собою разумѣется, что свое представленіе объ этой миссіи Чаадаевъ долженъ

былъ почерпнутъ изъ своей общей историко-философской концепціи; а, какъ мы знаемъ, назначеніемъ человѣчества онъ считалъ осуществленіе христіанскаго мистическаго идеала, или водвореніе на землѣ царствія Божія.

Такъ рисуется намъ мысль Чаадаева въ его письмахъ 1835—37 гг. [1]). Онъ исходитъ изъ стараго своего тезиса о прошломъ Россіи. Онъ повторяетъ, что въ то время, какъ вся исторія западно-европейскихъ народовъ представляла собою осуществленіе и развитіе нѣкой единой идеи, ввѣренной имъ съ самаго начала, и потому ихъ жизнь была полна движенія и смысла, богата творчествомъ и открытіями,—нашей исторіи чуждъ самый принципъ ихъ культуры, да чужда и вообще всякая руководящая идея, и потому наше прошлое безплодно и пустынно. Но теперь онъ видитъ въ этомъ различіи прямое проявленіе Божьей воли. Онъ говоритъ себѣ: недаромъ Провидѣніе ведетъ Россію особеннымъ путемъ; очевидно, Оно готовитъ русскій народъ къ иному служенію, нежели прочіе христіанскіе народы.

Отсюда съ логической необходимостью вытекаетъ рядъ чрезвычайно важныхъ послѣдствій. Прежде всего, разъ наша изолированность отъ остальныхъ европейскихъ націй есть не печальная историческая случайность или

---

[1]) См. особенно „Oeuvres choisies", стр. 172—184, и „Вѣстн. Европы" 1874, іюль, стр. 85—88.—Эти же мысли выражены уже въ цитированномъ выше письмѣ Чаадаева къ имп. Николаю отъ 1833 г., хотя возможно, что здѣсь національный элементъ выдвинутъ на первый планъ отчасти и въ угоду адресату.

результатъ человѣческихъ ошибокъ, а органически входитъ въ планъ нашихъ судебъ, предначертанный Верховнымъ Разумомъ, то совершенно ясно, что всякая попытка съ нашей стороны ассимилироваться съ Европой, подражать ей или усвоивать ея цивилизацію, идетъ въ разрѣзъ съ нашимъ назначеніемъ — и потому нелѣпа и вредна. Напротивъ, нашъ долгъ—какъ можно глубже и яснѣе опредѣлить наше *я*, проникнуться сознаніемъ нашего національнаго своеобразія, честно и безъ иллюзій отдать себѣ отчетъ въ нашихъ достоинствахъ и недостаткахъ, словомъ — выйти изъ лжи и стать на почву истины. Только тогда мы сознательно и быстро двинемся по предназначенному намъ пути. Спрашивается: какова же наша миссія, отличная отъ общей миссіи западныхъ христіанскихъ народовъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Чаадаевъ выставляетъ три посылки. Изъ нихъ двѣ уже намъ знакомы. Первая — это указаніе на дѣвственность русскаго духа. Старое европейское общество несетъ на себѣ бремя всего своего прошлаго; былыя страсти и волненія оставили глубокіе слѣды въ его психикѣ и донынѣ властвуютъ надъ нимъ въ видѣ пристрастій, предразсудковъ, косныхъ навыковъ, не дающихъ ему свободно слѣдовать внушеніямъ разума. Оттого его жизнь далеко отстаетъ позади его сознанія. Россія, напротивъ, чужда страстей, обуревающихъ тамъ умы, ея взглядъ не затуманенъ вѣковыми предразсудками и эгоизмами; русскій умъ безличенъ по существу, абсолютно свободенъ отъ предвзятости; онъ можетъ, слѣдовательно, спокойно и безпри-

страстно разобраться въ вопросахъ, болѣзненно задѣвающихъ душу западнаго человѣка.

Второе преимущество Россіи передъ западными народами заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, что она родилась позже ихъ, и что, слѣдовательно, къ ея услугамъ весь ихъ опытъ и вся работа вѣковъ. Третьей же и главной посылкой является указаніе на особенный характеръ православія: въ Россіи,—говоритъ Чаадаевъ,—христіанство осталось чистымъ отъ соприкосновенія съ людскими страстями и земными интересами; здѣсь оно, подобно своему божественному основателю, только молилось и смирялось.

Эти три соображенія приводятъ Чаадаева къ мысли, что Россіи суждено раньше всѣхъ странъ на свѣтѣ провозгласить тѣ великія и святыя истины, которыя затѣмъ должна будетъ принять вся вселенная—послѣднія истины христіанства. Ея юный, непредубѣжденный умъ отвѣтитъ на всѣ вопросы, раздирающіе европейскій міръ, и рѣшитъ загадку всемірной исторіи; и это будетъ результатомъ не вѣковыхъ исканій, а одного могучаго порыва, который сразу вознесетъ ее на вершину, пока еще недосягаемую для европейскихъ народовъ. Настанетъ день, когда мы займемъ въ духовной жизни Европы такое же важное мѣсто, какое мы сейчасъ занимаемъ въ ея политической жизни, и въ той сферѣ наше вліяніе будетъ еще несравненно могущественнѣе, нежели въ этой. Таковъ будетъ естественный результатъ нашего долгаго уединенія, ибо все великое зрѣетъ въ одиночествѣ и молчаніи. Итакъ, Россія совершенно откалывается отъ Европы. Конечная цѣль остается у нихъ одна: осу-

ществленіе христіанскаго завѣта; но теперь Чаадаевъ уже не скажетъ (какъ говорилъ еще такъ недавно, въ книгѣ Ястребцова), что Европа показываетъ путь къ этой цѣли, и что Россіи остается только обдуманно слѣдовать ей. Нѣтъ, въ его доктринѣ явилось дѣйствительно новое звено. По смыслу „Философическихъ писемъ", путь осуществленія христіанскаго идеала ведетъ черезъ раскрытіе всѣхъ матеріальныхъ потенцій, чрезъ проникновеніе духа въ отдаленнѣйшіе закоулки плотскаго бытія. Это и есть путь, которымъ идетъ Европа. Теперь Чаадаевъ какъ будто говоритъ: Россіи незачѣмъ продѣлывать для себя эту работу сначала; Европа исполнила уже значительную часть задачи, и Россія должна—и, благодаря своей свѣжей воспріимчивости, *можетъ*—просто взять готовый плодъ ея усилій; это дастъ намъ возможность затѣмъ съ такой быстротой приблизиться къ конечной цѣли, что мы далеко опередимъ исторически-прогрессивную Европу.

Теперь Чаадаевъ еще съ большей доказательностью, чѣмъ раньше, настаиваетъ на важности яснаго національнаго самосознанія. Попытки зарождающагося славянофильства возсоздать по даннымъ исторіи русскій національный обликъ, повергаютъ его въ уныніе. Онъ видитъ тутъ двойную опасность: эта узкая патріотическая идея не только противорѣчитъ общехристіанскому идеалу сліянія народовъ, но и въ корнѣ искажаетъ понятіе нашей миссіи. Залогъ нашего будущаго — не въ нашемъ прошломъ, которое безжизненно и пустынно, а въ современной нашей позиціи по отношенію къ окружающему насъ міру. Національный эгоизмъ намъ не присталъ—для этого

Россія - слишкомъ могущественна. Она призвана вести общечеловѣческую политику; слава Александру I, понявшему это! Россіи, разъ она сознала свое призваніе, надлежитъ брать на себя починъ всѣхъ благородныхъ идей, потому что она свободна отъ страстей, предразсудковъ и корыстей Европы. Намъ надо понять, что Провидѣніе поставило насъ внѣ игры національныхъ интересовъ и ввѣрило намъ интересы всего человѣчества, что къ этому фокусу должны сходиться и изъ него исходить всѣ наши идеи въ практической жизни, въ наукѣ и искусствѣ, что мы — чудо въ этомъ мірѣ, лишенное тѣсной связи съ его прошлымъ и сейчасъ стоящее въ немъ особнякомъ; наконецъ, что въ этой задачѣ — вся наша будущность, и что если мы не признаемъ своей миссіи, если будемъ ее игнорировать, то обречемъ себя на уродливое и безсмысленное существованіе.

Письмо къ А. И. Тургеневу 1835 года, гдѣ высказаны изложенныя сейчасъ мысли Чаадаева, кончается тѣмъ же молитвеннымъ возгласомъ, который стоитъ въ эпиграфѣ его знаменитаго (перваго) „Философическаго письма“: „Adveniat regnum tuum!—Да пріидетъ царствіе Твое!“ Его вѣра осталась та же, измѣнился только его взглядъ на роль Россіи въ осуществленіи царствія Божія.

Эта перемѣна была обусловлена его новымъ представленіемъ о православіи, и къ этому пункту, едва затронутому выше, намъ надо теперь вернуться.

Чаадаевъ остался при старомъ своемъ убѣжденіи, что католичество съ лежащимъ въ его основѣ дѣйствен-

нымъ, соціальнымъ началомъ, представляетъ собою, такъ сказать, наиболѣе цѣлесообразную форму христіанства: оно лучше всѣхъ другихъ христіанскихъ исповѣданій поняло человѣческую природу, въ которой нераздѣльно слиты внѣшнее съ внутреннимъ, вещественное съ духовнымъ, форма съ сущностью, какъ тому учитъ насъ Евангеліе, обоготворяющее тѣло человѣческое въ тѣлѣ Христовомъ, предсказывающее воскресеніе нашихъ тѣлъ и устами апостола гласящее, что тѣло наше—храмъ живого Бога. Католицизмъ понялъ, что для того, чтобы онъ могъ исполнить свою задачу—цивилизовать христіанскій міръ, ему необходимо было войти въ соціальную жизнь и овладѣть ею; ударься онъ въ фанатическій спиритуализмъ или узкій аскетизмъ, замкнись онъ наглухо въ святилищѣ, — онъ былъ бы пораженъ безплодіемъ и никогда не совершилъ бы своего дѣла. Такимъ образомъ, только въ нѣдрахъ католической церкви, какою мы ее знаемъ, христіанство могло расцвѣсти и формулироваться, только она могла завоевать ему міръ [1]).

Все это—мысли, знакомыя намъ уже по „Философическимъ письмамъ". Но теперь въ представленіи Чаадаева рядомъ съ католицизмомъ стало, какъ равноправная форма, православіе, какъ рядомъ съ дѣйствіемъ созерцаніе: „Наша церковь по существу—церковь аскетическая,—писалъ онъ позднѣе Сиркуру,—какъ ваша по существу соціальная: отсюда равнодушіе одной ко всему, что совершается внѣ ея, и живое участіе другой ко

---

[1]) „Oeuvres ch.", 185, 199—201; „Вѣстн. Европы" 1871, ноябрь, 333.

всему на свѣтѣ. *Это-то и есть два полюса христіанской сферы, вращающейся вокругъ оси своей безусловной, своей дѣйствительной истины*". Больше того: Чаадаевъ теперь, какъ мы видѣли, склоненъ даже отдавать преимущество православію, которое, благодаря своей отрѣшенности отъ міра, сохранило духъ христіанства болѣе чистымъ, нежели трудившееся въ міру католичество,—не вступало въ компромиссъ съ людскими страстями, не сочеталось съ земными интересами [1]).—Представленіе вполнѣ славянофильское, хотя сразу видно и различіе: по ученію славянофиловъ, православіе *изначала* выше прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, потому что оно одно содержитъ въ себѣ истинное христіанство; „намъ,—писалъ Хомяковъ,—по милости Божіей дано было христіанство во всей его чистотѣ, въ его братолюбивой сущности". Чаадаевъ какъ разъ въ цитированномъ сейчасъ письмѣ къ Сиркуру ѣдко осмѣиваетъ эти притязанія православныхъ публицистовъ на монопольное обладаніе истиной.

Мечталъ ли онъ теперь о соединеніи обѣихъ церквей?—Онъ нигдѣ не говоритъ объ этомъ. Но, исходя изъ общаго смысла его идей, можно думать, что идеальная церковь, церковь будущаго,—та, которая и водворитъ на землѣ царство Божіе, „всѣ прочія царства въ себѣ заключающее",—представлялась ему именно какъ сочетаніе этихъ двухъ необходимыхъ элементовъ христіанской религіи: соціальнаго и аскетическаго. Могучая централи-

---

[1]) Письмо къ М. Ѳ. Орлову, 1837 г., „Вѣстн. Европы" 1874, іюль, 36.

зованность католической церкви и ея чудесно налаженный практически-религіозный механизмъ съ одной стороны, и чистый духъ христіанства, съ другой,—эти два фактора должны слиться и взаимно проникнуть другъ друга, чтобы повести человѣчество къ осуществленію его послѣднихъ судебъ. И ему кажется, какъ мы знаемъ, что солнце вселенской правды впервые озаритъ *нашу* землю: такъ какъ здѣсь христіанство, подобно самому Христу, только смирялось и молилось, то вѣроятно, говоритъ онъ, „что за это именно здѣсь оно и будетъ осѣнено своими послѣдними и самыми могущественными вдохновеніями“ [1]).

Мы видѣли, какъ послѣдовательно развивалась мысль Чаадаева о Россіи: „Философическое письмо“ писано въ 1829 году, книга Ястребцова—въ 1832-мъ, письмо къ Тургеневу — въ 1835-мъ. Послѣднимъ его этапомъ на этомъ пути является „Апологія сумасшедшаго“, написанная, безъ сомнѣнія, въ 1837 году.

Эта блестящая по формѣ „Апологія“ осталась неоконченной, вѣрнѣе—едва начатой; по крайней мѣрѣ, то, что дошло до насъ, представляетъ не что иное, какъ предисловіе pro domo sua, за которымъ, судя по его заключительнымъ строкамъ, должно было слѣдовать систематическое разсужденіе по существу. „Апологія“ писана, какъ показываетъ самое ея заглавіе, тотчасъ послѣ объявленія Чаадаева сумасшедшимъ; онъ преслѣдовалъ здѣсь двойственную задачу: оправдаться предъ высшей вла-

---

[1]) Тамъ же, стр. 88.

стью"— и разбить своихъ теоретическихъ противниковъ. Случайность обѣихъ этихъ цѣлей—виною въ томъ, что „Апологія" по содержанію устарѣла гораздо больше „Философическихъ писемъ". Здѣсь много полемики противъ взглядовъ, теперь уже давно забытыхъ, много детальныхъ поправокъ къ письму, напечатанному въ „Телескопѣ", много мѣстъ — какъ замѣтилъ уже А. Н. Пыпинъ,—написанныхъ въ намѣренно-охранительнмъ тонѣ; основныя же идеи Чаадаева о Россіи выступаютъ лишь попутно и, разумѣется, безъ всякой послѣдовательности. Все это течетъ въ непринужденномъ монологѣ однимъ плавнымъ потокомъ; но мы не будемъ излагать „Апологію" въ цѣломъ, предпочитая для ознакомленія съ нею отослать читателя къ ея подлинному тексту [1]). Насъ занимаетъ здѣсь только ея положительная историко-философская часть: разсѣянныя въ ней мысли Чаадаева о Россіи.

Въ общемъ онѣ не измѣнились по сравненію съ письмомъ къ Тургеневу 1835 года. На первомъ планѣ—тѣ же три тезиса: 1) прошлое Россіи равно нулю; 2) въ настоящемъ у нея два громадныхъ преимущества предъ западной Европой: незасоренность психики и возможность использовать опытъ старшихъ братьевъ; 3) въ будущемъ ея призваніе—указать остальнымъ народамъ путь къ разрѣшенію высшихъ вопросовъ бытія. Условія для осуществленія этой миссіи—ясно сознать исключительность своего призванія и въ полной мѣрѣ усвоить умственное богатство Запада. Только вполнѣ отрѣшив-

[1]) См. *Приложеніе.*

шись отъ нашего прошлаго и воспринявъ своимъ свѣжимъ разумомъ послѣднее слово западной цивилизаціи, мы можемъ достигнуть предуказанной намъ цѣли. Итакъ, намъ, по мысли Чаадаева, грозятъ двѣ великія опасности. Одна — если мы пойдемъ не своимъ особымъ, еще невиданнымъ путемъ, этой горной тропинкой народа, не имѣющаго исторіи, а захотимъ идти торной дорогой западныхъ народовъ; они правы, когда выводятъ каждый свою идею изъ своего прошлаго, но насъ, чья исторія — пустое мѣсто, этотъ путь можетъ привести лишь къ фикціямъ и самообману. Другая опасность — если мы будемъ игнорировать западный опытъ, ибо этимъ мы лишаемъ себя драгоцѣннаго подспорья.

Мысль Чаадаева, оставаясь въ существѣ тою же, достигла, такимъ образомъ, гораздо большей опредѣленности. Центральное мѣсто въ ней занялъ вопросъ объ отношеніи Россіи къ западной Европѣ. Чаадаевъ строго-логически вывелъ изъ своихъ посылокъ такой отвѣтъ на этотъ вопросъ: жить на свой манеръ, не подражая Европѣ, но непрерывно пользуясь плодами ея долгаго опыта, какъ научилъ насъ Петръ Великій; иными словами — твердое сознаніе нашей національной самобытности и тѣсное культурное общеніе съ западными народами. Съ этой точки зрѣнія Петровская реформа получала новый, неожиданный смыслъ: Петръ, именно, понялъ, что путь нормальнаго, *историческаго* развитія, какимъ шли западные народы, — не нашъ путь; онъ и отрѣзалъ Россію отъ ея прошлаго, прививъ ей западную образованность, — не для того, чтобы она стала похожа на Западъ, а какъ-разъ съ обратной цѣлью, — чтобы она, па-

стью"— и разбить своихъ теоретическихъ противниковъ. Случайность обѣихъ этихъ цѣлей—виною въ томъ, что „Апологія" по содержанію устарѣла гораздо больше „Философическихъ писемъ". Здѣсь много полемики противъ взглядовъ, теперь уже давно забытыхъ, много детальныхъ поправокъ къ письму, напечатанному въ „Телескопѣ", много мѣстъ — какъ замѣтилъ уже А. Н. Пыпинъ, — написанныхъ въ намѣренно-охранительнымъ тонѣ; основныя же идеи Чаадаева о Россіи выступаютъ лишь попутно и, разумѣется, безъ всякой послѣдовательности. Все это течетъ въ непринужденномъ монологѣ однимъ плавнымъ потокомъ; но мы не будемъ излагать „Апологію" въ цѣломъ, предпочитая для ознакомленія съ нею отослать читателя къ ея подлинному тексту [1]). Насъ занимаетъ здѣсь только ея положительная историко-философская часть: разсѣянныя въ ней мысли Чаадаева о Россіи.

Въ общемъ онѣ не измѣнились по сравненію съ письмомъ къ Тургеневу 1835 года. На первомъ планѣ—тѣ же три тезиса: 1) прошлое Россіи равно нулю; 2) въ настоящемъ у нея два громадныхъ преимущества предъ западной Европой: незасоренность психики и возможность использовать опытъ старшихъ братьевъ; 3) въ будущемъ ея призваніе—указать остальнымъ народамъ путь къ разрѣшенію высшихъ вопросовъ бытія. Условія для осуществленія этой миссіи—ясно сознать исключительность своего призванія и въ полной мѣрѣ [illegible] умственное богатство Запада. Только въ [illegible]

---

1) См. *Приложеніе*.

[illegible] чтъ нашего прошлаго и [illegible] разумомъ послѣднее слово [illegible] мы можемъ достигнуть предуказанной [illegible] по мысли Чаадаева, грозить двѣ [illegible]. Одна — если мы пойдемъ не [illegible] путемъ, этой горной [illegible] исторіи, а захотимъ идти [illegible] народомъ; они правы, когда [illegible] свои идеи изъ своего прошлаго, но насъ [illegible] мѣсто, этотъ путь можетъ привести [illegible] и самообману. Другая опасность — [illegible] игнорировать западный опытъ, [illegible] себя драгоцѣннаго подспорья.

Мысль Чаадаева, оставаясь въ существѣ [illegible] стала, такимъ образомъ, гораздо большей [illegible] ности. Центральное мѣсто въ ней заняль [illegible] отношенія Россіи къ западной Европѣ. Чаадаевъ [illegible] логически вывелъ изъ своихъ посылокъ такой [illegible] этотъ вопросъ: жить на свой манеръ, [illegible] Европѣ, но непрерывно пользуясь плодами [illegible] опыта, какъ научилъ насъ Петръ Великій [illegible] —твердое сознаніе нашей національной самобытности и тѣсное культурное общеніе съ западными народами. Съ этой точки зрѣнія Петровская реформа [illegible] чала новый, неожиданный смыслъ: Петръ, [illegible] что путь нормальн[illegible] шли западные [illegible] Россію отъ [illegible] [illegible]ность, [illegible] надъ, о[illegible]

конецъ, начала жить своей особой, не исторической жизнью; такъ что не обезличить насъ могла его реформа, не стереть нашу національную идею, а именно только открыть ей путь къ осуществленію.

XXI.

Этимъ убѣжденіямъ Чаадаевъ остался вѣренъ уже до конца своей жизни. Здѣсь представляется умѣстнымъ кратко резюмировать всю систему его идей въ ея окончательномъ видѣ, какъ она отразилась, между прочимъ, въ его частныхъ письмахъ 40-хъ и 50-хъ годовъ, особенно въ замѣчательномъ письмѣ 1846 года, вѣроятно къ Сиркуру [1]).

Итакъ, исходный пунктъ Чаадаева, его основное и крѣпчайшее убѣжденіе—то, что въ человѣкѣ, рядомъ съ божественнымъ, безличнымъ началомъ, дѣйствуетъ начало личное, источникъ слѣпоты и корысти. Въ преодолѣніи этого личнаго начала, въ искорененіи этой „самости" и заключается единственная цѣль всемірной исторіи, больше того—ея единственное содержаніе. Вся жизнь человѣчества—одинъ грандіозный процессъ преображенія. Эту одну работу дѣлаетъ нашъ духъ въ высшихъ сферахъ своего существованія. Ни любовь, ни знанія, ни красота не имѣютъ самостоятельной цѣнности: ихъ смыслъ лишь въ томъ, что они отвращаютъ человѣка отъ него самого и

[1]) См. ниже, *Приложеніе*.

погружаютъ его въ сферу безкорыстнаго, безличнаго. Но и вся матеріальная жизнь только съ виду довлѣетъ себѣ; на дѣлѣ и она служитъ всецѣло той же задачѣ.

Ибо человѣческій разумъ свободенъ, и только добровольное его согласіе можетъ доставить торжество божественному началу въ насъ; а для этого нужно, чтобы онъ раскрылъ всѣ потенціи нашей личной, плотской стихіи, осуществилъ всѣ ея возможности и, доведя ее до наивысшей сложности и силы, пропиталъ ее духомъ, такъ сказать, до самаго дна. Отсюда вся сложность человѣческой исторіи; и все это громадное развитіе матеріальныхъ силъ, эта необозримая махровость человѣческой культуры съ ея безчисленными формами, интересами, взаимодѣйствіями, антагонизмами—ничто иное, какъ одинъ колоссальный механизмъ для овеществленія плотскаго начала въ насъ, безъ чего невозможно его полное претвореніе духомъ.

Этотъ стихійный религіозный процессъ совершается съ самаго начала человѣческой исторіи, но въ послѣднюю, высшую свою стадію онъ вступилъ только съ пришествіемъ Христа; тутъ онъ принялъ форму самостоятельнаго нравственнаго акта, путемъ котораго человѣкъ изъ *объекта* становится *дѣлателемъ* божьяго дѣла. Чрезъ Христа человѣкъ непосредственно соприкасается съ безконечной сущностью, въ любви къ нему онъ добровольно отрекается отъ личной воли. Только въ этомъ одномъ истинный смыслъ христіанства; ибо если Христосъ велитъ намъ любить ближнихъ, какъ самихъ себя, то это имѣетъ лишь ту цѣль, чтобы отклонить нашу любовь отъ самихъ себя. И христіанство могучимъ ферментомъ вошло въ

жизнь человѣчества. Глубокая ошибка видѣть въ немъ только систему вѣрованій или субъективное настроеніе; нѣтъ, христіанство—имманентная божественная сила, дѣйствующая въ человѣчествѣ какъ стихія,—его внутреннее пластическое начало.

Ясно, что въ чистомъ своемъ видѣ христіанская идея есть высшая степень самоотреченія, т.-е. аскетизмъ; но такъ какъ ей предназначено завоевать весь міръ, то она неминуемо должна была выйти изъ этой хризолиды и принять соціальный характеръ. Такимъ образомъ, для полноты христіанства равно необходимы и элементъ аскетическій, и элементъ соціальный. Вся жизнь человѣка—постоянное сочетаніе его чистой мысли съ необходимыми условіями его существованія. А первое изъ этихъ условій—общество, взаимодѣйствіе умовъ, сліяніе мыслей и чувствованій; только удовлетворивъ этому условію, истина становится живою, изъ области умозрѣнія нисходитъ въ міръ реальностей, превращается въ силу природы и начинаетъ дѣйствовать такъ же неотразимо, какъ всякая другая стихійная сила. Этимъ путемъ должна была пойти и христіанская идея. Уйди она въ узкій аскетизмъ или безусловный спиритуализмъ, замкнись она навѣки въ храмѣ, она была бы поражена безплодіемъ и никогда не исполнила бы своего назначенія. Безъ сомнѣнія, ставъ соціальной силой, она утратила часть своей первоначальной чистоты; но у нея не было другого пути; она должна была дѣлать свое дѣло, комбинируясь всегда съ реальными условіями времени, не брезгая никакой возможностью, спускаясь въ самую бездну порочности,—куда бы ни велъ ее свободный разумъ человѣка.

Это превосходно поняла католическая церковь. Она одна съ самаго начала взглянула на царство Божіе не только какъ на идею, но и какъ на фактъ, и препоясалась въ путь, чтобы просвѣтить міръ свѣтомъ Христовымъ. Въ ней нашла себѣ наиболѣе полное воплощеніе дѣйственная, соціальная сторона христіанства.

Въ этомъ пунктѣ начинается у Чаадаева его философія русской исторіи. Для него русская исторія по самому существу своему—религіозная исторія, — до такой степени, что всѣ особенности русскаго быта въ прошломъ и настоящемъ онъ выводитъ изъ характера, который носитъ въ Россіи христіанство.

Его мысль сводится къ слѣдующему. Россія приняла христіанство отъ Византіи, гдѣ оно носило еще свой первоначальный, аскетическій характеръ; аскетическимъ стало оно и у насъ. Благодаря этому христіанская идея сохранила въ православіи ту чистоту, которую она неизбѣжно должна была утратить на Западѣ; но зато она осталась втунѣ, не сдѣлалась, какъ тамъ, дрожжами соціальной жизни. Политически это выразилось въ томъ, что западная церковь, какъ сила соціальная, сразу поставила себя независимо отъ свѣтской власти, а потомъ и подчинила ее себѣ, восточная же, проникнутая аскетическимъ духомъ, отреклась не только отъ власти надъ міромъ, но даже и отъ собственной свободы. Итакъ, здѣсь дѣйственная сила христіанства была парализована, и въ результатѣ получилось чудовищное уродство: получилась тысячелѣтняя исторія огромнаго народа, абсолютно лишеннаго соціальной жизни, не подвинувшагося ни на

пядь въ дѣлѣ раскрытія матеріальнаго начала и пропитанія его началомъ Христовымъ; получилось какое-то запоздалое младенчество, невинное, но и немощное, прозябающее среди братьевъ, живущихъ полной жизнью, и способное только рабски подражать имъ.

Отсюда Чаадаевъ съ неотразимою послѣдовательностью выводитъ былое и будущее Россіи. Въ прошломъ— соціальное безсиліе нравственной идеи, и оттого порабощеніе личности и мысли, однообразные вѣка безъ всякаго движенія, бытъ скудный и пустынный, надъ которымъ, какъ духъ Божій надъ первобытнымъ хаосомъ, виталъ духъ аскетизма. Наперекоръ своей активной природѣ христіанское начало было заточено, и это не только помѣшало ему исполнить его назначеніе въ русскомъ народѣ, но даже исказило его прямое дѣйствіе на жизнь: одностороннее самоотреченіе сдѣлалось принципомъ русской жизни, такъ что, напримѣръ, крѣпостное право явилось у насъ—страшно сказать—органическимъ слѣдствіемъ народнаго развитія.

Ясно, въ чемъ намъ слѣдуетъ искать спасенія. Россія еще не начинала жить настоящей жизнью, т.-е. жизнью религіозно-общественной. Она владѣетъ неоцѣненнымъ сокровищемъ. христіанской истиной въ ея чистѣйшей формѣ; пусть же она внесетъ эту нравственную идею въ соціальную жизнь, пусть освободитъ ее отъ подчиненія земнымъ властямъ, и, напротивъ, пусть все подчинится ей, какъ силѣ внутренно-зиждущей, которая только тогда можетъ воздвигнуть изъ земныхъ элементовъ царство Божіе, когда ея дѣйствіе проникнетъ всюду и не будетъ встрѣчать никакихъ преградъ. Только въ синтезѣ аске-

тическаго начала съ соціальнымъ — истинный смыслъ христіанской идеи. Поймемъ же, что намъ нужно не продолжать наше прошлое, безплодное въ религіозномъ отношеніи, а начать новую, христіански-соціальную жизнь. Западные народы уже вѣка живутъ такой жизнью; но избави насъ Богъ подражать имъ. Они развивались и продолжаютъ развиваться послѣдовательно, мы же совсѣмъ не развивались; ихъ путь—эволюціонный, нашъ—революціонный, потому что мы должны, въ противоположность имъ, круто порвать съ нашимъ прошлымъ; намъ надо не усвоивать ихъ культуру въ цѣломъ для того, чтобы разрабатывать ее дальше (да это и невозможно), а пользуясь ихъ опытомъ и знаніями, создать свою особую цивилизацію. И у насъ есть всѣ основанія думать, что, вступивъ на этотъ путь, мы опередимъ нашихъ старшихъ братьевъ, т.-е. что именно намъ предназначено осуществить высшіе завѣты христіанства.

Таково въ главныхъ чертахъ полное ученіе Чаадаева. Своеобразно преломившись сквозь призму славянофильства, оно воскресло затѣмъ, какъ идея вселенской теократіи—у Вл. Соловьева, и какъ идея русской всечеловѣчности—у Достоевскаго. Въ какой мѣрѣ ученіе Чаадаева *непосредственно* повліяло на Соловьева,—этого, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, пока рѣшить нельзя; но никто не будетъ отрицать, что нѣкоторыя основныя положенія Соловьева — поразительно, до полнаго тожде-

ства, совпадаютъ съ доктриной Чаадаева. Вотъ что̀ писалъ Соловьевъ въ 1883 году [1]).

„Церковный принципъ православнаго Востока есть неприкосновенность святыни, неизмѣнность данной божественной основы. Принципъ вѣрный, но недостаточный... Мы должны заботиться о томъ, чтобы на̀ богодатной основѣ Церкви воздвигалось зданіе истинно-христіанской, не западной и не восточной, а вселенской богочеловѣческой культуры. А для дѣла этого созиданія съ человѣческой стороны необходимо не одно только *сохраненіе церковной истины*, но и *организація церковной дѣятельности*... Сохраненіе церковной истины было преимущественною задачей православнаго Востока; организація церковной дѣятельности подъ руководствомъ единой и безусловно самостоятельной духовной власти являлась преимущественной задачей католическаго Запада. Мы рѣшительно не можемъ допустить, чтобы эти двѣ задачи исключали другъ друга, чтобы одна мѣшала другой; напротивъ, и логическое разсужденіе, и историческій опытъ ясно показываютъ намъ, что *полнота* церковной жизни требуетъ одинаковаго вниманія къ обѣимъ задачамъ".

Это не только мысль Чаадаева—это почти его слова.

Если въ Соловьевѣ мы имѣемъ преемство религіозной мысли Чаадаева, то столь же полно—и здѣсь уже завѣдомо непосредственно—перешла другая часть его ученія въ міровоззрѣніе Герцена. Герценъ усвоилъ мысль Чаадаева о своеобразномъ характерѣ русской исторіи и о

[1]) „Великій споръ и христіанская политика", *Собр. соч.*, т. IV, стр. 102.

свойствахъ русскаго народа, устранивъ ея религіозное истолкованіе и переведя ее на позитивный, соціологическій языкъ. Слѣдуя Чаадаеву, онъ призналъ за русскимъ народомъ два великихъ преимущества передъ западными: незасоренность психики („русскій человѣкъ— самый свободный человѣкъ въ мірѣ“) и возможность сразу использовать все культурное богатство, накопленное Западомъ. И далѣе онъ совершенно повторяетъ ходъ мысли Чаадаева объ исключительномъ призваніи русскаго народа и объ особенномъ всемірно-историческомъ началѣ, котораго этотъ народъ служитъ хранителемъ, съ той разницей, что этимъ палладіумомъ является у него не чистота христіанской идеи (православіе), какъ у Чаадаева, а безсознательный соціализмъ (община); община и есть то сокровище, которое вынесъ изъ своего печальнаго прошлаго русскій народъ и которымъ будетъ спасено человѣчество.

Такъ мысль Чаадаева просочилась чрезъ Герцена въ народничество, чрезъ Соловьева—въ современное движеніе христіанской общественности. О прямомъ заимствованіи не можетъ быть рѣчи ни тамъ, ни здѣсь, но преемственно оба эти движенія во всякомъ случаѣ восходятъ къ ученію Чаадаева.

XXII.

Въ тѣ самые годы, когда міровоззрѣніе Чаадаева приняло свой окончательный видъ, на глазахъ Чаадаева складывалось и формулировалось славянофильство. Исходя

изъ иныхъ основъ, оно выставило тѣ же два положенія— о полномъ своеобразіи русскаго народа и о его провиденціальной роли. Но это совпаденіе между обѣими доктринами осталось совершенно формальнымъ. Ученіе Чаадаева съ ученіемъ славянофиловъ роднитъ не эта внѣшняя черта сходства, а тотъ общій имъ обоимъ духъ, которымъ, между прочимъ, было обусловлено и это совпаденіе: общность навѣяннаго съ Запада умозрительнаго направленія, тождество философско-историческихъ категорій, опредѣлявшихъ самую постановку вопросовъ (всемірно-историческая точка зрѣнія, *идея* націи и пр.). И точно такъ же, ни въ одномъ изъ частныхъ, хотя бы принципіальныхъ разногласій между Чаадаевымъ и славянофильствомъ нельзя видѣть корень спора: онъ глубже ихъ и всѣ ихъ обусловливаетъ.

Мы видѣли: сужденіе Чаадаева о Россіи—послѣднее звено строго-логической цѣпи, прикладной выводъ изъ общаго принципа. Въ 1847 году, какъ и въ 1829-мъ, это сужденіе во всѣхъ своихъ частяхъ обусловливалось основной религіозно-исторической точкой зрѣнія Чаадаева; это былъ полный силлогизмъ, гдѣ первая, общая посылка опредѣляла религіозную идею человѣчества; вторая, частная, устанавливала фактическое состояніе Россіи въ прошломъ и настоящемъ по отношенію къ той идеѣ, и гдѣ, наконецъ, умозаключеніе опредѣляло шансы и условія служенія Россіи той же идеѣ въ будущемъ. Чаадаевъ въ 1829 году проклиналъ Россію за то, что она никогда не жила религіозной жизнью, и въ 1837-мъ благословлялъ потому, что сталъ видѣть въ ней благодатную, нетронутую почву для Христовой жатвы; ея

прошлое сначала казалось ему безотрадной пустыней, потому что оно не было одухотворено постепеннымъ раскрытіемъ религіозной идеи, и въ этой же пустынности прошлаго онъ потомъ видѣлъ ея преимущество опять-таки ради интересовъ религіи, и т. д.

Какъ извѣстно, тотъ же фундаментъ подвели подъ свою систему и славянофилы—правда, довольно поздно, только въ концѣ 40-хъ годовъ. Православіемъ, какъ истинной вѣрою, они мотивировали свое поклоненіе русскому народу, какъ носителю этой вѣры, и Хомяковъ выработалъ умозаключеніе, аналогичное Чаадаевскому, — что если вѣра, вложенная промысломъ Божіимъ въ русскій народъ, одна только вмѣщаетъ въ себѣ всю полноту истины, то мы должны дорожить бытомъ и мыслью нашего народа, которые неизбѣжно хотя бы отчасти истекли изъ этого высшаго начала. Таково было *логическое* построеніе славянофильства въ его окончательномъ видѣ; но *психологическій* процессъ, приведшій къ нему, несомнѣнно шелъ какъ разъ въ обратномъ направленіи. Дѣло началось съ чувства — съ влюбленія въ русскій народъ, и кончилось доказательствомъ, что русскій народъ—лучше всѣхъ другихъ, такъ какъ онъ одинъ, въ православіи, обладаетъ истиной. Обыкновенная исторія: сначала „по-милу хорошъ", а потомъ уже и „по-хорошу милъ". Неотразимая критика Влад. Соловьева окончательно рѣшила вопросъ о взаимномъ отношеніи религіознаго и національнаго элементовъ въ славянофильствѣ. „Та доктрина, которая сама себя опредѣлила какъ *русское направленіе* и выступила во имя *русскихъ началъ*, тѣмъ самымъ признала, что для нея всего важнѣе, до-

роже и существеннѣе національный элементъ, а все остальное, между прочимъ и религія, можетъ имѣть только подчиненный и условный интересъ. Для славянофильства православіе есть аттрибутъ русской народности: оно есть истинная религія, въ концѣ концовъ, лишь потому, что его исповѣдуетъ русскій народъ. Для однихъ изъ славянофиловъ требованіе быть православнымъ или „жить въ церкви“ прямо входило какъ составная часть въ болѣе общее и основное требованіе: слиться съ жизнью русской земли. Въ умѣ другихъ эта зависимость религіозной истины отъ факта народной вѣры принимала болѣе тонкій и сложный, но въ сущности, столь же нерелигіозный образъ“. И конечный выводъ Соловьева гласитъ: „въ *системѣ* славянофильскихъ воззрѣній нѣтъ законнаго мѣста для религіи *какъ таковой*, и если она туда попала, то лишь по недоразумѣнію и, такъ сказать, съ чужимъ паспортомъ“ [1]).

Вотъ гдѣ корень разногласій между Чаадаевымъ и славянофилами. Это были два разныхъ міровоззрѣнія и два патріотизма, основанныхъ на разныхъ началахъ: у Чаадаева—сознательная любовь къ своему лишь поскольку оно хорошо, у славянофиловъ—любовь къ своему безусловная и безпричинная. Чаадаева не могло не раздражать въ славянофилахъ это неосмысленное хвастовство своей народностью, только для вида прикрывавшееся религіозной санкціей, а славянофиловъ естественно возмущалъ его разсудочный и условный патріотизмъ. Когда

---

[1]) „Національный вопросъ въ Россіи“, вып. II, Собр. соч. Вл. С. Соловьева, т. V, стр. 167.

въ половинѣ 40-хъ годовъ поэтъ Языковъ вздумалъ отъ имени всего славянофильскаго круга изобличить Чаадаева, оказалось, что за подсудимымъ числится одно только, но страшное преступленіе: предпочтеніе чужого своему, родному:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна;
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.
Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю папъ...
Почтенныхъ предковъ сынъ ослушный,
Всего чужого гордый рабъ!
Ты все свое презрѣлъ и выдалъ,
И ты еще не сокрушенъ...

и т. д. въ томъ же духѣ. Легко понять, какъ нелѣпо должно было казаться это обвиненіе человѣку, писавшему, что любовь къ отечеству — вещь прекрасная, но есть нѣчто еще болѣе высокое, именно — любовь къ истинѣ.

При такой разности міровоззрѣній обѣ стороны должны были, очевидно, далеко расходиться въ своихъ историко-философскихъ взглядахъ. Оцѣнка нашей до-Петровской старины и оцѣнка Петровской реформы; сравнительное опредѣленіе славянскаго и западно-европейскаго духа; характеристика современнаго состоянія Европы; указаніе пути, на который слѣдуетъ отнынѣ перевести Россію,— таковы были конкретные пункты разногласія между Чаадаевымъ и славянофилами. Ни съ той, ни съ другой стороны здѣсь не было ни случайности, ни произвола: это были двѣ органически-цѣльныя системы, непреложно

обусловленныя, одна—религіозно-исторической идеей Чаадаева, другая—пламеннымъ національнымъ чувствомъ славянофиловъ. Если въ одномъ пунктѣ обѣ системы совпадали, именно въ признаніи всемірно-исторической миссіи русскаго народа, то это была та точка сліянія, въ которой встрѣчаются двѣ пересѣкающіяся линіи, чтобы затѣмъ снова разойтись подъ прежнимъ угломъ. Чаадаевъ говорилъ: Россія не дала еще никакихъ доказательствъ своего высокаго призванія, но, судя по ея нынѣшнему состоянію, она *способна* современемъ стать во главѣ человѣчества, если будетъ исполнено такое-то условіе; славянофилы, напротивъ, утверждали, что прошлое Россіи представляетъ такихъ доказательствъ въ избыткѣ, и что она *уже*—и искони—владѣетъ той силой, которая имѣетъ освободить родъ людской (гармоническимъ сочетаніемъ разума и чувства въ противоположность западному раціонализму), такъ что все дѣло только въ одномъ отрицательномъ условіи; и ихъ условіе (отказъ отъ пути, на который вывелъ Россію Петръ Великій) было, какъ мы знаемъ, діаметрально-противоположно Чаадаевскому.

Письма Чаадаева за послѣднія пятнадцать лѣтъ его жизни показываютъ его намъ всецѣло поглощеннымъ борьбою съ славянофильствомъ. Онъ говоритъ о немъ всегда, по всякому поводу и совсѣмъ безъ повода, во всѣхъ тонахъ, отъ трагическаго и кончая шутливымъ. Пишетъ ли онъ Шеллингу,—его выспренняя рѣчь тотчасъ сбивается на жалостное повѣствованіе объ этомъ „умственномъ кризисѣ“, объ этомъ „пагубномъ ученіи“ русскихъ націоналистовъ. По поводу Шевыревскаго курса исторіи

русской литературы онъ пишетъ Сиркуру пространное (въ пять убористыхъ печатныхъ страницъ) письмо, гдѣ тонко отточеннымъ сарказмомъ препарируетъ всю нелѣпость славянофильскаго ученія, какъ студентъ-медикъ— мускулатуру руки. Нѣтъ надобности цитировать эти письма: въ нихъ нѣтъ ничего существенно-новаго; Чаадаевъ скорбитъ о національномъ самообманѣ, высмѣиваетъ *ретроспективную утопію* славянофиловъ, ихъ пренебрежительное отношеніе къ западной Европѣ, и пр.,— словомъ, все, что мы знаемъ. Иронія была, вѣроятно, его излюбленнымъ полемическимъ средствомъ и въ прямомъ, т.-е. устномъ спорѣ съ ними. О тонѣ его полемикѣ мы можемъ догадаться по немногимъ сохранившимся его запискамъ къ Хомякову и Кирѣевскому. Вотъ что, напримѣръ, онъ писалъ Хомякову, благодаря за присылку его статьи о Θеодорѣ Іоанновичѣ: „Спасибо вамъ за клеймо, положенное вами на преступное чело царя, развратителя своего народа (т.-е. Іоанна Грознаго), спасибо за то, что вы въ бѣдствіяхъ, постигшихъ послѣ него Россію, узнали его наслѣдіе. Я увѣренъ, что на просторѣ вы бы нашли слѣды его нашествія и въ дальнѣйшемъ отъ него разстояніи. Въ наше, народною спесью околдованное время, утѣшительно встрѣтить строгое слово объ этомъ славномъ витязѣ славнаго прошлаго, произнесенное однимъ изъ умнѣйшихъ представителей современнаго стремленія. Разногласіе ваше въ этомъ случаѣ съ вашими поборниками подаетъ мнѣ самыя сладкія надежды. Я увѣренъ, что вы современемъ убѣдитесь и въ томъ, что точно такъ же, какъ кесари римскіе возможны были въ одномъ языческомъ Римѣ, такъ и это чудовище возможно было

въ той странѣ, гдѣ оно явилось. Потомъ останется только показать прямое его исхожденіе изъ нашей народной жизни, изъ того семейнаго, общиннаго быта, который ставитъ насъ выше всѣхъ народовъ въ мірѣ и къ возвращенію котораго мы всѣми силами должны стремиться. Въ ожиданіи этого вывода,—не возврата,—благодарю васъ еще разъ за вашу статью", и т. д. [1]).

Это было очень зло, но и очень мѣтко.

Однако, главной мишенью его нападокъ были не историческія ошибки и реакціонныя вожделѣнія славянофиловъ: его ужасала больше всего та атмосфера національнаго самодовольства, въ которую они погрузили общество. Онъ, любившій въ Россіи только ея будущее, т.-е. ея возможный прогрессъ, не могъ безъ боли смотрѣть на эту духовную сытость, въ корнѣ враждебную всякому прогрессивному движенію и искажавшую народный характеръ. Это настроеніе умовъ кажется ему смертельной болѣзнью, грозящей подкосить всю будущность русскаго народа, и онъ не устаетъ слѣдить за ея проявленіями, за ея гибельнымъ дѣйствіемъ на все общество въ цѣломъ и на отдѣльныхъ членовъ его. „Не повѣрите, до какой степени люди въ краю нашемъ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ облеклись этой народною гордынею, невѣдомой боголюбивымъ отцамъ нашимъ": эта

[1]) „Вѣстн. Европы", 1871, ноябрь, стр. 340.—Упомянутое выше письмо къ Сиркуру — „Вѣстн. Европы" 1874, іюль, стр. 91 и сл. (или 1900 г., дек., 472), письмо къ Шеллингу—въ „Oeuvres ch.", стр. 203, и въ другой, болѣе пространной редакціи—у Лонгинова, „Русск. Вѣстн.", 1862, ноябрь, стр. 159 и сл.

жалоба двадцать лѣтъ не умолкаетъ въ его письмахъ. Потому что въ прошломъ—это надо замѣтить—онъ не находитъ у насъ даже признаковъ національной кичливости: „Мы искони были люди смирные и умы смиренные",—говоритъ онъ;—и этому смиренію „обязаны мы всѣми лучшими народными свойствами своими, своимъ величіемъ, всѣмъ тѣмъ, что отличаетъ насъ отъ прочихъ народовъ и творитъ судьбы наши" [1]). Самодовольствомъ отравили насъ уже только славянофилы.

Среди нѣсколькихъ замѣчательныхъ писемъ Чаадаева, которыми отмѣчены для насъ послѣдніе годы его жизни, первое мѣсто безспорно принадлежитъ тому письму 1847 года, гдѣ онъ изложилъ свои мысли о „Перепискѣ съ друзьями". Историко-литературная оцѣнка, которую Чаадаевъ даетъ здѣсь книгѣ Гоголя, остается непревзойденной и донынѣ, какъ по вѣрности въ цѣломъ, такъ и по тонкости психологическихъ наблюденій. Основная мысль этого разбора—та, что въ недостаткахъ книги виноватъ не самъ Гоголь, а окружающая его среда, другими словами—славянофилы.

„Какъ вы хотите, чтобъ въ наше надменное время, напыщенное народною спесью, писатель даровитый, закуренный ладаномъ съ ногъ до головы, не зазнался, чтобъ голова у него не закружилась? Это просто невозможно. Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ роднымъ, домашнимъ, такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся

[1]) Письмо къ Вяземскому, „Вѣстн. Европы", 1871, ноябрь, стр. 339.

своимъ будущимъ, что чувство всеобщаго самодовольства невольно переносится и къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Коли народъ русскій лучше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то само собою разумѣется, что и каждый даровитый русскій человѣкъ лучше всѣхъ даровитыхъ людей прочихъ народовъ. У народовъ, у которыхъ народное чванство искони въ обычаѣ, гдѣ оно, такъ сказать, поневолѣ вышло изъ событій историческихъ, гдѣ оно въ крови, гдѣ оно вещь пошлая, тамъ оно по этому самому принадлежитъ толпѣ и на умъ высокій никакого дѣйствія имѣть уже не можетъ; у насъ же слабость эта вдругъ развернулась, наперекоръ всей нашей жизни, всѣхъ нашихъ вѣковыхъ привычекъ и понятій, самымъ неожиданнымъ образомъ, такъ что всѣхъ застала врасплохъ, и умныхъ, и глупыхъ: мудрено ли, что и люди, одаренные дарами необыкновенными, отъ нея дурѣютъ! Стòитъ только посмотрѣть около себя, сейчасъ увидишь, какъ это народное чванство, намъ доселѣ чуждое, вдругъ изуродовало лучшіе умы наши, въ какомъ самодовольномъ упоеніи они утопаютъ съ тѣхъ поръ, какъ совершили свой мнимый подвигъ, какъ открыли свой новый міръ ума и духа“ (т.-е. міръ до-Петровской Руси) [1]).

При всемъ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что Чаадаевъ и славянофильство взаимно оказали другъ на друга глубокое вліяніе.

Литературное наслѣдство, оставленное намъ Чаадаевымъ, представляетъ собою торсъ безъ головы и ногъ: утрачены первыя его письма, гдѣ были изложены его

[1]) Тамъ же, стр. 336.

апріорныя утвержденія о Богѣ и человѣкѣ, и утрачены, очевидно, многія письма 40-хъ и 50-хъ годовъ, напримѣръ къ Тютчеву или И. Кирѣевскому, по которымъ мы могли бы ближе опредѣлить характеръ его основныхъ *практическихъ* пожеланій въ связи съ его окончательнымъ взглядомъ на Россію. Не дошли до насъ и письма славянофиловъ къ нему [1]). Между тѣмъ, если не считать устныхъ бесѣдъ, письма представляли собою, по цензурнымъ условіямъ того времени, единственную форму, въ которую могла облекаться его полемика съ славянофилами. Такимъ образомъ, вопросъ о его прямомъ вліяніи на славянофильство и обратно можетъ быть рѣшенъ только въ самомъ общемъ видѣ, да и то лишь предположительно. Именно, исходя отъ сущности того и другого ученія, можно предполагать, что на развитіе славянофильскихъ идей должна была повліять универсальная постановка религіозной проблемы у Чаадаева, тогда какъ Чаадаеву естественно было усвоить нѣкоторыя обобщенія славянофиловъ въ области русской исторіи. Первую догадку высказалъ П. Н. Милюковъ, говоря, что Чаадаевъ „едва ли не первый открылъ славянофиламъ глаза на общую связь идей христіанской исторической философіи, а только въ этой связи православная религіозная идея получала всемірно-историческое значеніе“ [2]). Наоборотъ, Чаадаевъ, какъ мы видѣли, свое новое истолкованіе православной религіозной идеи заимствовалъ, въ

---

[1]) Исключая четырехъ писемъ Ѳ. И. Тютчева, напечатанныхъ въ „Русск. Арх.“ за 1900 г., № 11.

[2]) „Главныя теченія“ etc., стр. 394.

роятно, у славянофиловъ. „Смиреніе", какъ отличительная черта „нашихъ боголюбивыхъ предковъ" на всемъ протяженіи русской исторіи, и какъ результатъ вліянія ихъ религіи, „глубоко пропитанной созерцаніемъ и аскетизмомъ", — это чисто-славянофильскія представленія, органически вошедшія въ систему идей Чаадаева.

XXIII.

Намъ остается досказать исторію личной жизни Чаадаева [1]).

Приключеніе 1836 года было последнимъ событіемъ этой жизни. Нарушенное имъ равновѣсіе скоро возстановилось и больше уже ничѣмъ не было нарушено до смерти Чаадаева, въ 1856 году. Эти двадцать лѣтъ онъ прожилъ жизнью мудрыхъ, жизнью Канта и Шопенгауэра, въ размѣренномъ кругу однообразныхъ интересовъ, привычекъ и дѣлъ. Левашовы давно продали свой домъ какому-то обрусѣлому нѣмцу; флигель, гдѣ жилъ Чаадаевъ, съ годами пришелъ въ полную ветхость, осѣлъ и покосился снаружи, но Чаадаевъ продолжалъ жить въ немъ до смерти, и все не могъ собраться перекрасить у себя полы и стѣны, поправить печи. Онъ и лѣто проводилъ въ Москвѣ, и, говорятъ, за тридцать лѣтъ ни разу не переночевалъ внѣ города, хотя родные и друзья настой-

[1]) О жизни Чаадаева въ 40-хъ и 50-хъ годахъ см. у Жихарева, Лонгинова, Свербеева, въ „Быломъ и Думахъ" Герцена, гл. XXX, въ „Собр. соч. П. А. Вяземскаго", т. VIII, стр. 287 и сл., въ воспоминаніяхъ Ольги N., „Русск. Вѣстн.", 1887, октябрь.

чиво приглашали его въ свои подмосковныя. Его обычное распредѣленіе дня было, вѣроятно, то же въ 1855 году, что и въ 1840-мъ. За день до смерти онъ обѣдалъ въ томъ же ресторанѣ Шевалье, о которомъ Герценъ за десять лѣтъ до этого острилъ, что тамъ сегодня подавали супъ printanière, котлеты, спаржу и Чаадаева. И такъ во всемъ: та же вѣрность Англійскому клубу, тѣ же споры и поученія въ салонахъ Свербеевой, Елагиной, Орловой, тотъ же обширный кругъ знакомыхъ, тѣ же пріемы у себя на Новой-Басманной по понедѣльникамъ отъ часа до четырехъ. А жизнь понемногу уходила, какъ песокъ изъ стклянки песочныхъ часовъ.

Чаадаевъ, безъ сомнѣнія, глубоко таилъ горечь своей неудавшейся жизни, этой „смѣшной" жизни, какъ онъ однажды обмолвился уже незадолго до смерти; но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что минутами ему казался яснымъ провиденціальный смыслъ его существованія,—и тогда освѣщалось и то странное дѣло, которое онъ дѣлалъ. Онъ разговаривалъ и спорилъ—можно ли это назвать дѣломъ? Но любопытно, что современники, говоря о его словоохотливой праздности, незамѣтно для самихъ себя характеризуютъ ее какъ *дѣятельность* и даже какъ *призваніе*. Вяземскій называетъ Чаадаева „преподавателемъ съ подвижной каѳедры, которую онъ переносилъ изъ салона въ салонъ"; Лонгиновъ говоритъ по поводу изящества его личности, одежды и манеръ: „Это изящество во всемъ было необходимо для той роли, оригинальной и трудной, которую суждено было ему играть въ обществѣ, обращающемъ такъ много вниманія на внѣшность".

Здѣсь сказалось инстинктивное впечатлѣніе, какое

производила фигура Чаадаева на фонѣ московскаго образованнаго общества. Онъ не смѣшивался, не сливался съ этимъ обществомъ—это сразу чувствовалъ всякій. Онъ былъ въ немъ какъ рѣка, которая, вливаясь въ море, сохраняетъ особый цвѣтъ своей воды. И каждый понималъ, что это—не внѣшнее своеобразіе, а естественная замкнутость чрезвычайно оригинальнаго и личнаго міровоззрѣнія, продуманнаго до конца и принятаго безповоротно. Чаадаевъ былъ не просто человѣкъ съ убѣжденіями, а человѣкъ, безъ остатка слившій свою личность со своимъ убѣжденіемъ. Эта-то сознательная цѣльность съ одной стороны давала ему власть надъ обществомъ, съ другой—сообщала его разговорамъ ту цѣлесообразность и то единство, которыя превращали ихъ изъ салонной causerie въ пропаганду. Самъ Чаадаевъ игралъ свою роль не только серьезно, но даже торжественно, что дало поводъ Вяземскому сказать о немъ: „Онъ былъ гораздо умнѣе того, чѣмъ онъ прикидывался. Природный умъ его былъ чище того систематическаго и поучительнаго ума, который онъ на него нахлобучилъ“ [1]).

Герценъ картинно изобразилъ Чаадаева, какъ онъ долгіе годы „стоялъ, сложа руки, гдѣ-нибудь у колонны, у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, въ клубѣ,—

---

[1]) Денисъ Давыдовъ высмѣялъ эту торжественность въ своей „Современной пѣснѣ“, изобразивъ появленіе Чаадаева:

Всѣ кричатъ ему привѣтъ
Съ оханьемъ и пискомъ,
А онъ важно имъ въ отвѣтъ:
„Dominus vobiscum!“

и воплощеннымъ veto, живой протестаціей смотрѣлъ на вихрь лицъ, безсмысленно вертѣвшихся около него... Старикамъ и молодымъ было неловко съ нимъ, не по себѣ; они, Богъ знаетъ отчего, стыдились его неподвижнаго лица, его прямо смотрящаго взгляда, его печальной насмѣшки, его язвительнаго снисхожденія". И все-таки вся образованная и свѣтская Москва ухаживала за нимъ, усиленно зазывала къ себѣ и по понедѣльникамъ наполняла его скромный кабинетъ. Кто не бывалъ здѣсь, начиная отъ *американца* Толстого и кончая Гоголемъ? Здѣсь на нейтральной почвѣ встрѣчались Грановскій и Шевыревъ, Хомяковъ и Герценъ, Тютчевъ и Н. Ф. Павловъ; здѣсь перебывали всѣ извѣстные иностранцы, за двадцать лѣтъ посѣтившіе Москву,—Кюстинъ, Могенъ, Мармье, Сиркуръ, Мериме, Листъ, Берліозъ, Гакстгаузенъ,—и ему самому еще довелось читать, что писали о немъ за границей Кюстинъ и Гакстгаузенъ, Жюльвекуръ и Мишле. Говорить нечего, что въ Россіи среди образованныхъ круговъ его имя было широко извѣстно. Это была невольная дань большой и, что не менѣе важно, сосредоточенной духовной мощи. Какъ велико воспитательное дѣйствіе такой силы, понятно само собою. Она не только импонируетъ, но и влечетъ за собою; она воспитываетъ, можно сказать, одним своимъ присутствіемъ. Это и хотѣлъ засвидѣтельствовать Жихаревъ, говоря, что Чаадаевъ былъ въ высшей степени anregend, что „его разговоръ и даже одно его присутствіе дѣйствовали на другихъ, какъ дѣйствуетъ шпора на благородную лошадь. При немъ какъ-то нельзя, неловко было отдаваться ежедневной пошлости".

Мы говорили уже, что характеръ Чаадаева былъ не изъ пріятныхъ. Лесть, которую ему расточали, сознаніе своей власти въ обществѣ и своего значенія, а съ другой стороны, сознаніе мизерности этого общества и безсильный стыдъ за свою все-таки вѣдь праздную жизнь,— все это, въ соединеніи съ нервозностью, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе питало въ немъ эгоизмъ, тщеславіе и капризность. Онъ былъ чрезвычайно обидчивъ, зорко слѣдилъ за тѣмъ, не манкируетъ ли кто изъ знакомыхъ его понедѣльниками, и т. п. А. И. Тургеневъ то и дѣло жаловался Вяземскому, что Чаадаевъ „все считается визитами и мѣстничествомъ за обѣдами и на канапе", и что вообще „les petitesses Чаадаева мѣшаютъ наслаждаться его рѣдкими и хорошими качествами" [1]). За эти рѣдкія качества ему легко прощали и притязательность, и капризы. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые „für die Besten ihrer Zeit gelebt", и это—на протяженіи всей своей зрѣлой жизни, т.-е. 40 слишкомъ лѣтъ. Его любили лучшіе люди двухъ или трехъ поколѣній: И. Д. Якушкинъ, Муравьевы, Н. Тургеневъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, И. Кирѣевскій, Хомяковъ и Герценъ. Ѳ. И. Тютчевъ, споривщій съ нимъ до ярости, говорилъ, что любитъ его „больше всѣхъ". Баратынскій, навѣстивъ его разъ на Страстной недѣлѣ, сказалъ ему, что въ эти святые дни не находитъ болѣе достойнаго употребленія времени, какъ общеніе съ нимъ [2]).

Сороковые годы были разгаромъ славянофильства и

---

[1]) 1842 г. Остаф. Арх., IV, 161 и 167.

[2]) Жихаревъ, въ „Вѣстн. Европы" 1871, сент., стр. 52.

разгаромъ его борьбы съ этимъ, какъ онъ выражался, „возвратнымъ“, т.-е. реакціоннымъ движеніемъ. Онъ уважалъ всякую мысль, потому что зналъ цѣну своей; при такой широкой умственной терпимости ему нетрудно было поддерживать самыя теплыя личныя отношенія со своими противниками. Онъ былъ друженъ со многими изъ славянофиловъ, и даже готовъ былъ сходиться съ ними на почвѣ совмѣстной культурной работы, такъ что, напримѣръ, Погодинъ, возобновляя „Москвитянинъ“, счелъ возможнымъ обратиться къ нему съ просьбой о сотрудничествѣ, а въ 1846 году, когда вышелъ первый „Московскій Сборникъ“, Н. М. Языковъ писалъ брату, что сборникъ всѣ хвалятъ, и даже Чаадаевъ хочетъ дать статью въ него [1]). Шевыревъ, открывая курсъ публичныхъ лекцій, посылаетъ ему билетъ на право входа, и Чаадаевъ пишетъ ему въ отвѣтъ: „Покорнѣйше благодарю васъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, за вашъ подарокъ и за доброе слово, его сопровождающее. Вы меня увидите на вашихъ лекціяхъ прилежнымъ и покорнымъ слушателемъ. Будьте увѣрены, что если во всѣхъ мнѣніяхъ вашихъ сочувствовать не могу, то въ томъ, чтобъ чрезъ изученіе нашего прекраснаго прошлаго сотворить любезному отечеству нашему благо, совершенно съ вами сочувствую“ [2]).

Чаадаевъ былъ хорошъ и съ Филаретомъ, и запросто бывалъ у него; одну его бесѣду онъ даже перевелъ

[1]) „Русск. Стар.“ 1903, мартъ, стр. 588.
[2]) Рукоп. письмо въ И. Публ. Библ.

на французскій языкъ, и этотъ переводъ былъ помѣщенъ Сиркуромъ въ журналѣ „Le Semeur“ [1]).

Если въ концѣ 30-хъ годовъ онъ стоялъ одинъ на защитѣ европейской культуры, то теперь у него явились въ Москвѣ соратники: кружокъ Герцена—Огарева и молодые профессора, съ Грановскимъ во главѣ. Но эти союзники были частью хуже враговъ. Славянофилы, по крайней мѣрѣ, формально признавали суверенитетъ религіозной проблемы, а молодые западники были позитивисты пасквовъ; дѣйствительно, что общаго между религіозно-исторической концепціей Чаадаева и матеріализмомъ „Писемъ объ изученіи природы“ или даже гуманитарной телеологіей Грановскаго? Эта молодежь бывала у него и чтила въ немъ какъ бы ветерана, но Грановскому у него „скучно“, а Герцену его сужденія о католицизмѣ и современности кажутся голосомъ изъ гроба, и послѣ одного такого разговора онъ записываетъ въ дневникъ, что ему даже было жаль „употреблять всѣ средства“, потому что въ Чаадаевѣ все-таки „какъ-то благородно воплотилась разумная сторона католицизма“.

Потомъ и этотъ кругъ распался, Герценъ уѣхалъ за границу, борьба съ славянофилами стала вялѣе, да и бóльшая часть ихъ разбрелась—кто въ сумракъ Оптиной пустыни, кто на хозяйственную работу въ деревнѣ; насту-

---

[1]) Лонгиновъ въ „Современникѣ“ 1856 г., т. 58, отд. V, стр. 6. По словамъ Лонгинова, Чаадаевъ и самъ сочинилъ въ 1849 году проповѣдь подъ заглавіемъ: „Воскресная бесѣда сельскаго священника Пермской губерніи, села Новыхъ Рудниковъ“, рукопись которой подарилъ ему, Лонгинову („Русск. Вѣстн.“, т. 42, 1862 г., № 11, стр. 155, прим.).

пили пятидесятые годы. Въ 1851 году Чаадаевъ жалуется Жуковскому: „Ни въ печатномъ, ни въ разговорномъ кругѣ не осталось никого болѣе изъ той кучки людей почетныхъ, которые недавно еще начальствовали въ обществѣ и имъ руководили, а если кто и уцѣлѣлъ, то дряхлѣетъ въ одиночествѣ ума и сердца“ [1]). Онъ самъ дряхлѣлъ въ одиночествѣ ума и сердца. Съ 1847 года, когда ему пришлось одно время лечиться отъ нервнаго разстройства, говорятъ даже—близкаго къ сумасшествію [2]), онъ, кажется, ничѣмъ больше не болѣлъ до самаго конца. Его денежныя обстоятельства были очень плохи. Онъ по-прежнему (по крайней мѣрѣ, еще до 1852 года) получалъ отъ брата каждую треть года по 2.334 руб. 50 коп. (667 руб. сер.), но этой суммы ему, конечно, не хватало. Самъ онъ уже ничего не имѣлъ. Когда, въ январѣ 1852 года, умерла тетка Анна Михайловна, братъ отказался въ его пользу отъ своей доли наслѣдства; но унаслѣ-

---

[1]) „Извѣстія Отд. русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ“, 1896 г., т. I, кн. 2-я, стр. 387.

[2]) Письмо Хомякова, „Русск. Арх.“, 1884 г., кн. 4-ая, стр. 282; ср. Русск. Арх. 1900 г., кн. 11, стр. 414. Плодомъ этой болѣзненности надо, повидимому, считать письмо Ч. къ Шевыреву, подлинникъ котораго хранится въ И. Публ. Библ. Оно помѣчено: „Басманная, 20 іюля“. Ч. проситъ Шевырева навѣстить его, такъ какъ онъ боленъ и не выходитъ изъ дому; кромѣ того, онъ желалъ бы о многомъ поговорить: „Я оставляю Москву. Надобно ее оставить не съ пустыми руками. Остальные, немногіе предсмертные дни хотѣлъ бы провести въ трудѣ полезномъ, а для этого нужно или укрѣпиться въ своихъ убѣжденіяхъ, или уступить потоку времени и принять другія. Ваша теплая душа пойметъ, что съ сомнѣніями тяжело умирать, какія бы они ни были“.

дованныя отъ тетки деревни, повидимому, цѣликомъ ушли на уплату долговъ, и четыре года спустя его дѣла опять были уже настолько запутаны, что, по свидѣтельству Свербеева, только помощь издавна расположеннаго къ нему графа А. А. Закревскаго, московскаго генералъ-губернатора, вывела его передъ самой смертью изъ безнадежнаго положенія. Его денежныя отношенія вообще и къ брату въ особенности, какъ ихъ (можетъ быть, преувеличенно) изобразилъ Жихаревъ, рисуютъ Чаадаева въ крайне непривлекательномъ свѣтѣ.

До какого самозабвенія онъ могъ доходить въ эгоизмѣ, показываетъ другой эпизодъ изъ исторіи его послѣднихъ лѣтъ, разсказанный тѣмъ же Жихаревымъ [1]). Въ 1851 году вышла въ Парижѣ извѣстная брошюра Герцена (на французскомъ языкѣ) „О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи". Герценъ, глубоко уважавшій Чаадаева и гордившійся его расположеніемъ, отвелъ знаменитому „Философическому письму" видное мѣсто въ исторіи русскаго освободительнаго движенія. О выходѣ этой книжки Чаадеву сообщилъ всемогущій тогда гр. А. Ѳ. Орловъ, бывшій проѣздомъ въ Москвѣ и, по обыкновенію, навѣстившій его; кромѣ того, онъ, вѣроятно, слышалъ о ней и отъ другихъ. Въ тотъ же или на слѣдующій день онъ обратился съ письмомъ къ Орлову, гдѣ писалъ, что такъ какъ, по слухамъ, въ книгѣ Герцена ему приписываются „мнѣнія, которыя никогда не были и никогда не будутъ" его мнѣніями, то онъ желалъ бы представить ему, графу.

---

[1]) Жихаревъ былъ его племянникъ и въ послѣдніе годы — ближайшій къ нему человѣкъ.

опровержение этой наглой клеветы, а может быть и всей книги; но для этого ему нужна самая книга, которую он может получить, разумѣется, только черезъ графа. „Каждый русскій,—писалъ онъ дальше,—каждый вѣрноподданный царя, въ которомъ весь міръ видитъ Богомъ призваннаго спасителя общественнаго порядка въ Европѣ, долженъ гордиться быть орудіемъ, хотя и ничтожнымъ, его высокаго священнаго призванія; какъ же остаться равнодушнымъ, когда наглый бѣглецъ, гнуснымъ образомъ искажая истину, приписываетъ намъ собственныя свои чувства, и кидаетъ на имя наше собственный свой позоръ?“

Что Герценъ исказилъ правду, приписавъ Чаадаеву свои собственныя чувства и мнѣнія ему чуждыя, это была, какъ мы знаемъ, совершенная правда; безъ сомнѣнія также, Чаадаевъ вполнѣ искренно сочувствовалъ политикѣ имп. Николая по отношенію къ революціоннымъ движеніямъ на Западѣ и его поведенію въ венгерскомъ мятежѣ 1849 года. И при всемъ томъ, это письмо Чаадаева, конечно, ложится пятномъ на его память. Правда, время было крутое, а Чаадаевъ никогда не отличался большимъ *физическимъ* мужествомъ. Надо замѣтить, что въ томъ же 1851 году Чаадаевъ единственный разъ писалъ Герцену за границу [1],—и съ такой нѣжностью, съ такой теплой любовью, какъ бы старшій братъ. Въ этомъ письмѣ онъ благодаритъ Герцена „за извѣстныя строки“: „можетъ быть, придется вамъ скоро сказать еще

---

[1]) Это письмо напечатано въ „Пол. Зв.“, кн. 5, стр. 221. Сравн. „Сочин. Герцена“, женев. изд., VII, 263.

нѣсколько словъ объ томъ же человѣкѣ", добавляетъ онъ, разумѣя, очевидно, самого себя и свою близкую смерть. За какія строки онъ благодарилъ Герцена? Неужели за тѣ самыя страницы въ „Du développement", которыми было вызвано его письмо къ гр. Орлову?—Трудно повѣрить, а доказать въ этомъ дѣлѣ ничего нельзя; письмо къ Герцену писано въ іюлѣ, но мы не знаемъ ни даты письма къ Орлову, ни даже времени появленія брошюры Герцена.

Жихаревъ разсказываетъ, что Чаадаевъ прислалъ ему копію со своего письма къ гр. Орлову. Возвращая ему на слѣдующій день бумажку, Жихаревъ выразилъ удивленіе, зачѣмъ онъ сдѣлалъ такую „ненужную гадость" (bassesse gratuite); „Чаадаевъ взялъ письмо, бережно его сложилъ въ маленькій портфельчикъ, который всегда носилъ при себѣ и, помолчавъ съ полминуты, сказалъ: „Mon cher, on tient à sa peau".

Передъ нами синій листокъ почтовой бумаги (Чаадаевъ любилъ писать на бумагѣ этого цвѣта), исписанный странными клиновидными письменами, которыя съ перваго взгляда можно принять за грамоту VI-го вѣка. Наверху надпись по-русски: „Выписка изъ письма неизвѣстнаго къ неизвѣстной, 1854"; затѣмъ слѣдуетъ текстъ письма по-французски, все его собственной рукой [1]). Это — послѣднія строки Чаадаева, дошедшія до насъ. Рѣчь идетъ о Крымской войнѣ. Сенаторъ К. Н. Лебедевъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что въ 1855

[1]) Этотъ листокъ сохранился среди бумагъ Екат. Ник. Орловой, вдовы Мих. Ѳед.; Чаадаевъ, какъ мы знаемъ, былъ дружески близокъ съ ними,—и съ Екат. Ник. послѣ смерти мужа.

году въ Петербургѣ, среди другихъ политическихъ памфлетовъ, ходила по рукамъ записка „О политической жизни Россіи“, которую приписывали Чаадаеву [1]). Не есть-ли наше письмо отрывокъ изъ той записки?

„Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, — писалъ Чаадаевъ, — не такъ мы въ молодости любили нашу родину. Мы хотѣли ея благоденствія, мы желали ей хорошихъ учрежденій и подчасъ осмѣливались даже желать ей, если возможно, нѣсколько больше свободы; мы знали, что она велика и могущественна и богата надеждами; но мы не считали ее ни самой могущественной, ни самой счастливой страною въ мірѣ. Намъ и на мысль не приходило, чтобы Россія олицетворяла собою нѣкій отвлеченный принципъ, заключающій въ себѣ конечное рѣшеніе соціальнаго вопроса, — чтобы она сама по себѣ составляла какой-то особый міръ, являющійся прямымъ и законнымъ наслѣдникомъ славной восточной имперіи, равно какъ и всѣхъ ея правъ и достоинствъ, — чтобы на ней лежала нарочитая миссія вобрать въ себя всѣ славянскія народности и этимъ путемъ совершить обновленіе рода человѣческаго; въ особенности же мы не думали, что Европа готова снова впасть въ варварство, и что мы призваны спасти цивилизацію посредствомъ крупицъ этой самой цивилизаціи, которыя недавно вывели насъ самихъ изъ нашего вѣкового оцѣпенѣнія. Мы относились къ Европѣ вѣжливо, даже почтительно, такъ какъ мы знали, что она выучила насъ многому, и между прочимъ — нашей собственной исторіи. Когда намъ случалось нечаянно одерживать надъ

[1]) „Русск. Арх.“ 1898 г., № 8, стр. 285 — 6.

нею верхъ, какъ это было съ Петромъ Великимъ, — мы говорили: этой побѣдой мы обязаны вамъ, господа. Результатъ былъ тотъ, что въ одинъ прекрасный день мы вступили въ Парижъ, и намъ оказали извѣстный вамъ пріемъ, забывъ на минуту, что мы въ сущности — не болѣе, какъ молодые выскочки, и что мы еще не внесли никакой лепты въ общую сокровищницу народовъ, будь то хотя бы какая-нибудь крохотная солнечная система, по примѣру подвластныхъ намъ поляковъ, или какая-нибудь плохонькая алгебра, по примѣру этихъ нехристей-арабовъ, съ нелѣпой и варварской религіей которыхъ мы боремся теперь. Къ намъ отнеслись хорошо, потому что мы держали себя какъ благовоспитанные люди, потому что мы были учтивы и скромны, какъ приличествуетъ новичкамъ, не имѣющимъ другихъ правъ на общее уваженіе, кромѣ стройнаго стана. Вы повели все это по иному,—и пусть; но дайте мнѣ любить мое отечество по образцу Петра Великаго, Екатерины и Александра. Я вѣрю, недалеко то время, когда, можетъ быть, признáютъ, что этотъ патріотизмъ не хуже всякаго другого.

„Замѣтьте, что всякое правительство, безотносительно къ его частнымъ тенденціямъ, инстинктивно ощущаетъ свою природу, какъ сила одушевленная и сознательная, предназначенная жить и дѣйствовать; такъ, напримѣръ, оно чувствуетъ или не чувствуетъ за собою поддержку своихъ подданныхъ. И вотъ, русское правительство чувствовало себя на этотъ разъ въ полнѣйшемъ согласіи съ общимъ желаніемъ страны; этимъ въ большой мѣрѣ объясняется роковая опрометчивость его политики въ настоящемъ кризисѣ. Кто не знаетъ, что мнимо-націо-

нальная реакція дошла у нашихъ новыхъ учителей до степени настоящей мономаніи? Теперь уже дѣло шло не о благоденствіи страны, какъ раньше, не о цивилизаціи, не о прогрессѣ въ какомъ-либо отношеніи; довольно было быть русскимъ: одно это званіе вмѣщало въ себѣ всѣ возможныя блага, не исключая и спасенія души. Въ глубинѣ нашей богатой натуры они открыли всевозможныя чудесныя свойства, невѣдомыя остальному міру; они отвергали всѣ серьезныя и плодотворныя идеи, которыя сообщила намъ Европа; они хотѣли водворить на русской почвѣ совершенно новый моральный строй, который отбрасывалъ насъ на какой-то фантастическій христіанскій Востокъ, придуманный единственно для нашего употребленія, нимало не догадываясь, что, обособляясь отъ европейскихъ народовъ морально, мы тѣмъ самымъ обособляемся отъ нихъ и политически, что разъ будетъ порвана наша братская связь съ великой семьей европейской, ни одинъ изъ этихъ народовъ не протянетъ намъ руки въ часъ опасности. Наконецъ, храбрѣйшіе изъ адептовъ новой національной школы не задумались привѣтствовать войну, въ которую мы вовлечены, видя въ ней осуществленіе своихъ ретроспективныхъ утопій, начало нашего возвращенія къ хранительному строю, отвергнутому нашими предками въ лицѣ Петра Великаго. Правительство было слишкомъ невѣжественно и легкомысленно, чтобы оцѣнить, или даже только понять эти ученыя галюцинаціи. Оно не поощряло ихъ, я знаю; иногда даже оно наудачу давало грубый пинокъ ногою наиболѣе зарвавшимся или наименѣе осторожнымъ изъ ихъ блаженнаго сонма; тѣмъ не менѣе, оно было убѣ-

ждено, что какъ только оно броситъ перчатку нечестивому и дряхлому Западу, къ нему устремятся симпатіи всѣхъ новыхъ патріотовъ, принимающихъ свои неоконченныя изысканія, свои безсвязныя стремленія и смутныя надежды за истинную національную политику, равно какъ и покорный энтузіазмъ толпы, которая всегда готова подхватить любую патріотическую химеру, если только она выражена на томъ банальномъ жаргонѣ, какой обыкновенно употребляется въ такихъ случаяхъ. Результатъ былъ тотъ, что въ одинъ прекрасный день авангардъ Европы очутился въ Крыму"...

Свербеевъ разсказываетъ, что событія 1853—55 гг. ложились на Чаадаева тяжелымъ бременемъ, что ему были горьки и начало, и конецъ этой войны. Вѣсть о мирѣ онъ принялъ съ живѣйшей радостью. „Послѣдними его любимыми мыслями были, — говоритъ Свербеевъ, — радость о заключенномъ мирѣ, надежда на прогрессъ Россіи и вмѣстѣ опасеніе, наводимое на него противниками благодатнаго мира. Народная и религіозная нетерпимость извѣстныхъ мыслителей, какъ грозная тѣнь, преслѣдовала его всюду".

Чаадаевъ умеръ, какъ предчувствовалъ, скоропостижно. Еще за три дня до смерти онъ былъ въ клубѣ, наканунѣ обѣдалъ у Шевалье. Дѣло было на Страстной недѣлѣ; онъ собирался говѣть, и не успѣлъ, но, почувствовавъ себя плохо, въ послѣдній день пригласилъ священника, исповѣдался и пріобщился Тайнъ. Послѣ ухода священника онъ сталъ пить чай, а тѣмъ временемъ велѣлъ заложить пролетку, чтобы выѣхать; онъ сидѣлъ въ

креслѣ, разговаривая съ нѣмцемъ, хозяиномъ дома, и среди бесѣды умолкъ навѣки; была Страстная суббота, 14-го апрѣля 1856 года, четвертый часъ дня. Хоронили его на Пасхѣ, 18-го, въ чудный весенній день; его могила—въ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ могилою А. С. Норовой. Завѣщаніе—„на случай скоропостижной смерти"—онъ составилъ еще въ августѣ предшествовавшаго года [1]).

Всѣ они ушли какъ-то цѣлою толпой, онъ и люди смежные съ нимъ по жизни или духу: въ октябрѣ 1855 года умеръ Грановскій, въ мартѣ 1856-го—Вигель, въ апрѣлѣ—Чаадаевъ, въ іюнѣ—И. Кирѣевскій, въ октябрѣ—П. Кирѣевскій, и т. д.

Михаилъ Яковлевичъ Чаадаевъ пережилъ брата на цѣлыхъ десять лѣтъ. Онъ жилъ, бездѣтный, со своей женою, дочерью своего камердинера, въ нижегородской родовой вотчинѣ Чаадаевыхъ, съ 1834 года вплоть до смерти, т.-е. тридцать два года,—жилъ угрюмо и нелюдимо, не знаясь съ сосѣдями помѣщиками и по цѣлымъ годамъ не заглядывая даже въ свой уѣздный городъ Ардатовъ, отстоявшій отъ него въ восьми верстахъ,—а болѣе дальній Арзамасъ онъ за все время посѣтилъ только однажды, и тутъ, въ пути, говорятъ, единственный разъ въ жизни ударилъ по шеѣ своего кучера. О немъ разсказываютъ еще, что, напуганный дѣломъ 14-го декабря, онъ всю жизнь боялся звона колокольчика: все думалъ, не ѣдутъ ли съ обыскомъ. Онъ былъ, повиди-

---

[1]) Оно напечатано въ статьѣ проф. Кирпичникова, въ „Рус. Мысли", 1896, № 4, стр. 158—4.

мому, чрезвычайно нервенъ. Какъ и П. Я., онъ носилъ ермолку, которую, говорятъ, скидывалъ, когда былъ раздраженъ. Въ 1865 г. Жихаревъ, написавъ ту біографію П. Я. Чаадаева, которая потомъ (въ 1871 г.) была напечатана въ „Вѣстн. Европы“, послалъ копію со своей рукописи Михаилу Яковлевичу, прося поправокъ и указаній, но прошелъ цѣлый годъ, и онъ не получилъ отвѣта. Онъ еще многократно писалъ старику, все безъ успѣха, пока, наконецъ, не собрался съѣздить къ нему; но это свиданіе, кажется, оказалось безплоднымъ для біографа. М. Я. Чаадаевъ умеръ въ октябрѣ 1866 года.

Пережилъ Чаадаева и его старый камердинеръ Титъ Лаврентьевичъ. Когда въ маѣ 1861 г. Жихаревъ поставилъ памятникъ на могилѣ П. Я. въ Донскомъ монастырѣ, стоимостью въ сто рублей сер.,—онъ написалъ Михаилу Яковлевичу: не пожелаетъ ли онъ эту сумму или часть ея прислать Титу, который живетъ въ большой нуждѣ.—А Титъ Лаврентьевичъ много лѣтъ служилъ Чаадаеву и былъ, вѣроятно, послѣдней крѣпостной „душой“ изъ многихъ, имъ заложенныхъ и прожитыхъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. Письмо Е. Д. Пановой къ Чаадаеву.

Il y a bien longtemps, Monsieur, que je désirais vous écrire, la crainte d'être importune, l'idée que vous ne prenez plus aucun intérêt à ce qui me concerne, m'a reténue, mais enfin j'ai résolu de vous envoyer encore cette lettre qui probablement sera la dernière que vous recevrez de moi.

Je vois malheureusement que j'ai perdu la bienveillance que vous me témoignez autrefois vous croyez, je le sais, qu'il y avait de la fausseté de ma part dans le désir que je vous montrais de m'instruire en matière de religion; cette pensée m'est insupportable; sans doute j'ai beaucoup de défauts, mais jamais, je vous l'assure, l'idée de feindre n'a eu un moment place dans mon coeur; je vous voyais si entièrement absorbé dans les idées religieuses que c'est mon admiration, ma profonde estime pour votre caractère qui m'inspirèrent le besoin de m'occuper des mêmes pensées que vous; ce fut avec toute la chaleur, tout l'enthousiasme de mon caractère que je me livrais à des sentiments si nouveaux pour moi. En vous écoutant parler je croyais; il me semblait dans ces moments qu'il ne manquait rien à mon entière persuasion, mais ensuite quand je me retrouvais seule, je reprenais des doutes, j'éprouvais des remords de pencher vers le culte Catholique, je me disais que je n'avais d'autre conviction que celle de me répéter que vous ne pouviez pas être dans l'erreur, c'était en effet ce qui faisait le plus d'impression sur ma croyance et ce motif était purement humain. Croyez-moi, Monsieur, quand je vous assure que toutes ces différentes émotions que je n'avais pas la force de modérer ont *considérablement* attéré ma santé, j'étais dans un continuel état d'agitation et toujours mécontente de moi-même, j'ai dû bien souvent vous paraître extravagante et exagérée... vous avez naturellement beaucoup de sévérité dans le caractère... je remarquais dans les derniers temps que vous vous éloigniez davantage de notre société, mais je n'en devinais pas le motif. Un *mot que vous*

avez dit à mon mari m'a éclairée à cet égard. Je ne vous dirais pas combien j'ai souffert en pensant à l'opinion que je vous avais donnée de moi; c'était la cruelle mais juste punition du mépris que j'avais toujours eu pour l'opinion du monde... Mais il est temps de finir cette lettre; puisse-t-elle atteindre son but, celui de vous convaincre que je n'ai rien feint, que je ne pensais pas à jouer un rôle pour mériter votre amitié, que si j'ai perdu votre estime, rien au monde ne pourra me dédomager de cette perte, pas même le sentiment que je n'ai rien fait qui ait pu m'attirer ce malheur. Adieu, Monsieur, si vous m'écriviez quelques mots de réponse, j'en serais bien heureuse, mais je n'ose vraiment m'en flatter.

C. Panoff.

Наши свѣдѣнія о корреспонденткѣ Чаадаева скудны. Лонгиновъ, у котораго вообще много достовѣрныхъ свѣдѣній объ интимной жизни Чаадаева, называетъ Панову „молодою, любезною женщиной, жившей въ сосѣдствѣ Ч." и ея отношенія къ Ч. — „близкой пріязнью". „Они встрѣтились нечаянно. Чаадаевъ увидѣлъ существо, томившееся пустотой окружавшей среды, безсознательно понимавшее, что жизнь его чѣмъ-то извращена, инстинктивно искавшее выхода изъ заколдованнаго круга душившей его среды. Чаадаевъ не могъ не принять участія въ этой женщинѣ; онъ былъ увлеченъ непреодолимымъ желаніемъ подать ей руку помощи, объяснить ей, чего именно ей недоставало, къ чему она стремилась невольно, не опредѣляя себѣ точно цѣли. Домъ этой женщины былъ почти единственнымъ привлекавшимъ его мѣстомъ, и откровенныя бесѣды съ ней проливали въ сердце Чаадаева ту отраду, которая", и пр. Все это очень правдоподобно и подтверждается тономъ и содержаніемъ сохранившихся писемъ. Но пушкинскій Соболевскій (впрочемъ, циникъ большой руки), которому Жихаревъ счелъ нужнымъ въ рукописи представить на критическій просмотръ свою біографію Чаадаева, въ отвѣтномъ письмѣ біографу (рукоп. Румянц. муз.) писалъ: „Екатерина Панова (урожд. Улыбышева) была *гадкая* собою, глупая bas bleu и страшная б.... Я до сихъ поръ не могу понять, какъ могъ Чаадаевъ *компрометироваться* письмомъ къ ней и даже признаваться въ ея знакомствѣ". Возможно, что Соболевскій зналъ Панову позже и что въ молодости, въ періодъ ея близости съ Чаадаевымъ, она была лучше, нежели какъ онъ ее рисуетъ. Въ концѣ 1836 г. московское губ. правленіе, по просьбѣ мужа, свидѣтельствовало умственныя способности Пановой. Изъ ея отвѣтовъ видно, что ей было тогда 32 года, замужемъ она пятнадцать лѣтъ, дѣтей не имѣетъ, живетъ всегда въ Москвѣ, лѣтомъ же иногда въ

деревнѣ, гдѣ владѣетъ 150 душами. На вопросъ: „довольна ли она мѣстомъ своего жительства", она отвѣчала: „Я самая счастливая женщина во всемъ мірѣ и всѣмъ была довольна". На вопросъ: „чтитъ ли и исполняетъ ли она законы какъ духовные, такъ и гражданскіе?" она отвѣчала: „Въ законахъ гражданскихъ я какъ республиканка, по религіи же я такъ же исповѣдую законы духовные, какъ и вы всѣ, господа, а когда была польская война, то я молилась Богу, чтобы Онъ полякамъ ниспослалъ побѣду". Когда же ей сказали, что она сдѣлала бы лучше, если бы молилась за русскихъ, она отвѣтила: „молилась Богу за поляковъ потому, что они сражались за вольность". О своихъ нервахъ она заявила, что они „до того раздражительны, что я дрожу до отчаянія, до изступленія, а особенно когда начинаютъ меня бить и вязать".—Губ. правленіе признало ее ненормальной и присудило помѣстить въ лечебное заведеніе, какъ о томъ ходатайствовалъ ея мужъ [1]).

---

[1]) Лемке, *Чаадаевъ и Надеждинъ*, М. Божій, 1905, декабрь, стр. 91—92.

II. Философическія письма.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Adveniat regnum tuum.

Сударыня,

Именно ваше чистосердечіе и ваша искренность нравятся мнѣ всего болѣе, именно ихъ я всего болѣе цѣню въ васъ. Судите же, какъ должно было удивить меня ваше письмо. Этими прекрасными качествами вашего характера я былъ очарованъ съ первой минуты нашего знакомства, и они-то побуждали меня говорить съ вами о религіи. Все вокругъ васъ могло заставить меня только молчать. Посудите же, еще разъ, каково было мое изумленіе, когда я получилъ ваше письмо! Вотъ все, что я могу сказать вамъ по поводу мнѣнія, которое, какъ вы предполагаете, я составилъ себѣ о вашемъ характерѣ. Но не будемъ больше говорить объ этомъ и перейдемъ не медля къ серьезной части вашего письма.

Во-первыхъ, откуда эта смута въ вашихъ мысляхъ, которая васъ такъ волнуетъ и такъ изнуряетъ, что, по вашимъ словамъ, отразилась даже на вашемъ здоровьѣ? Ужели она— печальное слѣдствіе нашихъ бесѣдъ? Вмѣсто мира и успокоенія, которые должно было бы принести вамъ новое чувство, пробужденное въ вашемъ сердцѣ,—оно причинило вамъ тоску, безпокойство, почти угрызенія совѣсти. И однако, долженъ ли я этому удивляться? Это—естественное слѣдствіе того печальнаго порядка вещей, во власти котораго находятся у насъ всѣ сердца и всѣ умы. Вы только поддались вліянію

силъ, господствующихъ здѣсь надо всѣми, отъ высшихъ вершинъ общества до раба, живущаго лишь для утѣхи своего господина.

Да и какъ могли бы вы устоять противъ этихъ условій? Самыя качества, отличающія васъ отъ толпы, должны дѣлать васъ особенно доступной вредному вліянію воздуха, которымъ вы дышите. То немногое, что я позволилъ себѣ сказать вамъ, могло ли дать прочность вашимъ мыслямъ среди всего, что васъ окружаетъ? Могъ ли я очистить атмосферу, въ которой мы живемъ? Я долженъ былъ предвидѣть послѣдствія, и я ихъ дѣйствительно предвидѣлъ Отсюда тѣ частыя умолчанія, которыя, конечно, всего менѣе могли внести увѣренность въ вашу душу и естественно должны были привести васъ въ смятеніе. И не будь я увѣренъ, что, какъ бы сильны ни были страданія, которыя можетъ причинить не вполнѣ пробудившееся въ сердцѣ религіозное чувство, подобное состояніе все же лучше полной летаргіи,— мнѣ оставалось бы только раскаяться въ моемъ рвеніи. Но я надѣюсь, что облака, застилающія сейчасъ ваше небо, претворятся современемъ въ благодатную росу, которая оплодотворитъ сѣмя, брошенное въ ваше сердце, а дѣйствіе, произведенное на васъ нѣсколькими незначительными словами, служитъ мнѣ вѣрнымъ залогомъ тѣхъ еще болѣе важныхъ послѣдствій, которыя безъ сомнѣнія повлечетъ за собою работа вашего собственнаго ума. Отдавайтесь безбоязненно душевнымъ движеніямъ, которыя будетъ пробуждать въ васъ религіозная идея: изъ этого чистаго источника могутъ вытекать лишь чистыя чувства.

Что касается внѣшнихъ условій, то довольствуйтесь пока сознаніемъ, что ученіе, основанное на верховномъ принципѣ *единства* и прямой передачи истины въ непрерывномъ ряду его служителей, конечно, всего болѣе отвѣчаетъ истинному духу религіи; ибо онъ всецѣло сводится къ идеѣ слiянія всѣхъ существующихъ на свѣтѣ нравственныхъ силъ въ одну мысль, въ одно чувство, и къ постепенному установленію такой соціальной системы или *церкви* которая должна водворить царство истины среди людей. Всякое другое ученіе уже самымъ фактомъ своего отпаденія отъ первоначальной доктрины заранѣе отвергаетъ дѣйствіе высокаго завѣта Спасителя: *Отче*

святый, соблюди ихъ, да будутъ едино, якоже и мы [1]), и не стремится къ водворенію царства Божія на земле. Изъ этого однако не следуетъ, чтобы вы были обязаны исповедовать эту истину передъ лицомъ света: не въ этомъ, конечно, ваше призваніе. Наоборотъ, самый принципъ, изъ котораго эта истина исходитъ, обязываетъ васъ, въ виду вашего положенія въ обществе, признавать въ ней только внутренній светочъ вашей веры, и ничего более. Я счастливъ, что способствовалъ обращенію вашихъ мыслей къ религіи; но я былъ бы весьма несчастливъ, если бы вместе съ темъ повергъ вашу совесть въ смущеніе, которое съ теченіемъ времени неминуемо охладило бы вашу веру.

Я, кажется, говорилъ вамъ однажды, что лучшій способъ сохранить религіозное чувство—это соблюдать все обряды, предписываемые церковью. Это упражненіе въ покорности, которое заключаетъ въ себе больше, чемъ обыкновенно думаютъ, и которое величайшіе умы возлагали на себя сознательно и обдуманно, есть настоящее служеніе Богу. Ничто такъ не укрепляетъ духъ въ его верованіяхъ, какъ строгое исполненіе всехъ относящихся къ нимъ обязанностей. Притомъ, большинство обрядовъ христіанской религіи, внушенныхъ высшимъ разумомъ, обладаютъ настоящей животворной силой для всякаго, кто умеетъ проникнуться заключенными въ нихъ истинами. Существуетъ только одно исключеніе изъ этого правила, имеющаго въ общемъ безусловный характеръ,—именно, когда человекъ ощущаетъ въ себе верованія высшаго порядка сравнительно съ теми, которыя исповедуетъ масса,—верованія, возносящія духъ къ самому источнику всякой достоверности, и въ то же время нисколько не противоречащія народнымъ верованіямъ, а, наоборотъ, ихъ подкрепляющія; тогда, и только тогда, позволительно пренебрегать внешнею обрядностью, чтобы свободнее отдаваться более важнымъ трудамъ [2]). Но горе тому, кто иллюзія своего тщеславія или заблужденія своего ума принялъ бы за высшее просветленіе, которое будто бы освобождаетъ его отъ

---

[1]) Іоанн. XVII, 11.

[2]) Эта фраза была опущена въ рускомъ переводе, напечатанномъ въ *Телескопе*. *Прим. М. Г.*

общаго закона! Вы же, сударыня, что вы можете сдѣлать лучшаго, какъ не облечься въ одежду смиренія, которая такъ къ лицу вашему полу? Повѣрьте, это всего скорѣе умиротворитъ вашъ взволнованный духъ и прольетъ тихую отраду въ ваше существованіе.

Да и мыслимъ ли, скажите, даже съ точки зрѣнія свѣтскихъ понятій, болѣе естественный образъ жизни для женщины, развитой умъ которой умѣетъ находить прелесть въ познаніи и въ величавыхъ эмоціяхъ созерцанія, нежели жизнь сосредоточенная и посвященная въ значительной мѣрѣ размышленію и дѣламъ религіи? Вы говорите, что при чтеніи ничто не возбуждаетъ такъ сильно вашего воображенія, какъ картины мирной и серьезной жизни, которыя, подобно виду прекрасной сельской мѣстности на закатѣ дня, вливаютъ въ душу миръ и на минуту уносятъ насъ отъ горькой или пошлой дѣйствительности. Но эти картины—не созданія фантазіи; отъ васъ одной зависитъ осуществить любой изъ этихъ плѣнительныхъ вымысловъ; и для этого у васъ есть все необходимое. Вы видите, я проповѣдую не слишкомъ суровую мораль: въ вашихъ склонностяхъ, въ самыхъ привлекательныхъ грезахъ вашего воображенія я стараюсь найти то, что способно дать миръ вашей душѣ.

Въ жизни есть извѣстная сторона, касающаяся не физическаго, а духовнаго бытія человѣка. Не слѣдуетъ ею пренебрегать; для души точно такъ же существуетъ извѣстный режимъ, какъ и для тѣла; надо умѣть ему подчиняться. Это—старая истина, я знаю; но мнѣ думается, что въ нашемъ отечествѣ она еще очень часто имѣетъ всю цѣнность новизны. Одна изъ наиболѣе печальныхъ чертъ нашей своеобразной цивилизаціи заключается въ томъ, что мы еще только открываемъ истины, давно уже ставшія избитыми въ другихъ мѣстахъ и даже среди народовъ, во многомъ далеко отставшихъ отъ насъ. Это происходитъ оттого, что мы никогда не шли объ руку съ прочими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣческаго рода; мы не принадлежимъ ни къ Западу, ни къ Востоку, и у насъ нѣтъ традицій ни того, ни другого. Стоя какъ бы внѣ времени, мы не были затронуты всемірнымъ воспитаніемъ человѣческаго рода.

Эта дивная связь человѣческихъ идей на протяженіи вѣковъ, эта исторія человѣческаго духа, вознесшія его до той высоты, на которой онъ стоитъ теперь во всемъ остальномъ мірѣ,—не оказали на насъ никакого вліянія. То, что въ другихъ странахъ уже давно составляетъ самую основу общежитія, для насъ—только теорія и умозрѣніе. И вотъ примѣръ: вы, обладающая столь счастливой организаціей для воспріятія всего, что есть истиннаго и добраго въ мірѣ, вы, кому самой природой предназначено узнать все, что даетъ самыя сладкія и самыя чистыя радости душѣ,—говоря откровенно, чего вы достигли при всѣхъ этихъ преимуществахъ? Вамъ приходится думать даже не о томъ, чѣмъ наполнить жизнь, а чѣмъ наполнить день. Самыя условія, составляющія въ другихъ странахъ необходимую рамку жизни, въ которой такъ естественно размѣщаются всѣ событія дня, и безъ чего такъ же невозможно здоровое нравственное существованіе, какъ здоровая физическая жизнь безъ свѣжаго воздуха,— у васъ ихъ нѣтъ и въ поминѣ. Вы понимаете, что рѣчь идетъ еще вовсе не о моральныхъ принципахъ и не о философскихъ истинахъ, а просто о благоустроенной жизни, о тѣхъ привычкахъ и навыкахъ сознанія, которые сообщаютъ непринужденность уму и вносятъ правильность въ душевную жизнь человѣка.

Взгляните вокругъ себя. Не кажется ли, что всѣмъ намъ не сидится на мѣстѣ? Мы всѣ имѣемъ видъ путешественниковъ. Ни у кого нѣтъ опредѣленной сферы существованія, ни для чего не выработано хорошихъ привычекъ, ни для чего нѣтъ правилъ; нѣтъ даже домашняго очага; нѣтъ ничего, что привязывало бы, что пробуждало бы въ васъ симпатію или любовь, ничего прочнаго, ничего постояннаго; все протекаетъ, все уходитъ, не оставляя слѣда ни внѣ, ни внутри васъ. Въ своихъ домахъ мы какъ будто на постоѣ, въ семьѣ имѣемъ видъ чужестранцевъ, въ городахъ кажемся кочевниками, и даже больше, нежели тѣ кочевники, которые пасутъ свои стада въ нашихъ степяхъ, ибо они сильнѣе привязаны къ своимъ пустынямъ, чѣмъ мы къ нашимъ городамъ. И не думайте, пожалуйста, что предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, не важенъ. Мы и безъ того обижены судьбою,—не станемъ же прибавлять къ прочимъ нашимъ бѣдамъ ложнаго

представленія о самихъ себѣ, не будемъ притязать на чисто-духовную жизнь; научимся жить разумно въ эмпирической дѣйствительности.—Но сперва поговоримъ еще немного о нашей странѣ; мы не выйдемъ изъ рамокъ нашей темы. Безъ этого вступленія вы не поняли бы того, что я имѣю вамъ сказать.

„У каждаго народа бываетъ періодъ бурнаго волненія, страстнаго безпокойства, дѣятельности необдуманной и безцѣльной. Въ это время люди становятся скитальцами въ мірѣ, физически и духовно. Это—эпоха сильныхъ ощущеній, широкихъ замысловъ, великихъ страстей народныхъ. Народы мечутся тогда возбужденно, безъ видимой причины, но не безъ пользы для грядущихъ поколѣній. Черезъ такой періодъ прошли всѣ общества. Ему обязаны они самыми яркими своими воспоминаніями, героическимъ элементомъ своей исторіи, своей поэзіей, всѣми наиболѣе сильными и плодотворными своими идеями; это—необходимая основа всякаго общества. Иначе въ памяти народовъ не было бы ничего, чѣмъ они могли бы дорожить, что могли бы любить; они были бы привязаны лишь къ праху земли, на которой живутъ. Этотъ увлекательный фазисъ въ исторіи народовъ есть ихъ юность, эпоха, въ которую ихъ способности развиваются всего сильнѣе и память о которой составляетъ радость и поученіе ихъ зрѣлаго возраста. У насъ ничего этого нѣтъ. Сначала—дикое варварство, потомъ грубое невѣжество, затѣмъ свирѣпое и унизительное чужеземное владычество, духъ котораго позднѣе унаслѣдовала наша національная власть,—такова печальная исторія нашей юности. Этого періода бурной дѣятельности, кипучей игры духовныхъ силъ народныхъ, у насъ не было совсѣмъ. Эпоха нашей соціальной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, была заполнена тусклымъ и мрачнымъ существованіемъ, лишеннымъ силы и энергіи, которое ничто не оживляло, кромѣ злодѣяній, ничто не смягчало, кромѣ рабства. Ни плѣнительныхъ воспоминаній, ни граціозныхъ образовъ въ памяти народа, ни мощныхъ поученій въ его преданіи. Окиньте взглядомъ всѣ прожитые нами вѣка, все занимаемое нами пространство,—вы не найдете ни одного привлекательнаго воспоминанія, ни одного почтеннаго памятника, который властно говорилъ бы вамъ о прошломъ, который возсоздавалъ бы его предъ вами живо и картинно. Мы живемъ однимъ настоя-

щимъ въ самыхъ тѣсныхъ его предѣлахъ, безъ прошедшаго и будущаго, среди мертваго застоя. И если мы иногда волнуемся, то отнюдь не въ надеждѣ или разсчетѣ на какое-нибудь общее благо, а изъ дѣтскаго легкомыслія, съ какимъ ребенокъ силится встать и протягиваетъ руки къ погремушкѣ, которую показываетъ ему няня.

Истинное развитіе человѣка въ обществѣ еще не началось для народа, если жизнь его не сдѣлалась болѣе благоустроенной, болѣе легкой и пріятной, чѣмъ въ неустойчивыхъ условіяхъ первобытной эпохи. Какъ вы хотите, чтобы сѣмена добра созрѣвали въ какомъ-нибудь обществѣ, пока оно еще колеблется безъ убѣжденій и правилъ даже въ отношеніи повседневныхъ дѣлъ и жизнь еще совершенно не упорядочена? Это—хаотическое броженіе въ мірѣ духовномъ, подобное тѣмъ переворотамъ въ исторіи земли, которые предшествовали современному состоянію нашей планеты. Мы до сихъ поръ находимся въ этой стадіи.

Годы ранней юности, проведенные нами въ тупой неподвижности, не оставили никакого слѣда въ нашей душѣ, и у насъ нѣтъ ничего индивидуальнаго, на что могла бы опереться наша мысль; но, обособленные странной судьбой отъ всемірнаго движенія человѣчества, мы также ничего не восприняли и изъ *преемственныхъ* идей человѣческаго рода. Между тѣмъ, именно на этихъ идеяхъ основывается жизнь народовъ; изъ этихъ идей вытекаетъ ихъ будущее, исходитъ ихъ нравственное развитіе. Если мы хотимъ занять положеніе, подобное положенію другихъ цивилизованныхъ народовъ, мы должны нѣкоторымъ образомъ повторить у себя все воспитаніе человѣческаго рода. Для этого къ нашимъ услугамъ исторія народовъ и передъ нами плоды движенія вѣковъ. Конечно, эта задача трудна и, быть можетъ, въ предѣлахъ одной человѣческой жизни не исчерпать этотъ обширный предметъ; но прежде всего надо узнать, въ чемъ дѣло, что представляетъ собою это воспитаніе человѣческаго рода, и каково мѣсто, которое мы занимаемъ въ общемъ строѣ.

Народы живутъ лишь могучими впечатлѣніями, которыя оставляютъ въ ихъ душѣ протекшіе вѣка, да общеніемъ съ другими народами. Вотъ почему каждый отдѣльный человѣкъ проникнутъ сознаніемъ своей связи со всѣмъ человѣчествомъ.

Что такое жизнь человѣка, говоритъ Цицеронъ, если память о прошлыхъ событiяхъ не связываетъ настоящаго съ прошедшимъ! Мы же, придя въ мiръ, подобно незаконнымъ дѣтямъ, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, жившими на землѣ раньше насъ, мы не хранимъ въ нашихъ сердцахъ ничего изъ тѣхъ уроковъ, которые предшествовали нашему собственному существованiю. Каждому изъ насъ приходится самому связывать порванную нить родства. Что у другихъ народовъ обратилось въ привычку, въ инстинктъ, то намъ приходится вбивать въ головы ударами молота. Наши воспоминанiя не идутъ далѣе вчерашняго дня; мы, такъ сказать, чужды самимъ себѣ. Мы такъ странно движемся во времени, что съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ прошедшiй мигъ исчезаетъ для насъ безвозвратно. Это—естественный результатъ культуры, всецѣло основанной на заимствованiи и подра-
4. жанiи. „У насъ совершенно нѣтъ внутренняго развитiя, естественнаго прогресса; каждая новая идея безслѣдно вытѣсняетъ старыя, потому что она не вытекаетъ изъ нихъ, а является къ намъ Богъ вѣсть откуда. Такъ какъ мы воспринимаемъ всегда лишь готовыя идеи, то въ нашемъ мозгу не образуются тѣ неизгладимыя борозды, которыя послѣдовательное развитiе проводитъ въ умахъ и которыя составляютъ ихъ силу. Мы растемъ, но не созрѣваемъ; движемся впередъ, но по кривой линiи, т.-е. по такой, которая не ведетъ къ цѣли." Мы подобны тѣмъ дѣтямъ, которыхъ не прiучили мыслить самостоятельно; въ перiодъ зрѣлости у нихъ не оказывается ничего своего; все ихъ знанiе—въ ихъ внѣшнемъ бытѣ, вся ихъ душа—внѣ ихъ. Именно таковы мы.

Народы—въ такой же мѣрѣ существа нравственныя, какъ и отдѣльныя личности. Ихъ воспитываютъ вѣка, какъ отдѣльныхъ людей воспитываютъ годы. Но мы, можно сказать, нѣкоторымъ образомъ — народъ исключительный. Мы 5.
принадлежимъ къ числу тѣхъ нацiй, которыя какъ бы не входятъ въ составъ человѣчества, а существуютъ лишь для того, чтобы дать мiру какой-нибудь важный урокъ. Наставленiе, которое мы призваны преподать, конечно, не будетъ потеряно; но кто можетъ сказать, когда мы обрѣтемъ себя среди человѣчества и сколько бѣдъ суждено намъ испытать, прежде чѣмъ исполнится наше предназначенiе?"

Всѣ народы Европы имѣютъ общую физіономію, нѣкоторое семейное сходство. Вопреки огульному раздѣленію ихъ на латинскую и тевтонскую расы, на южанъ и сѣверянъ—все же есть общая связь, соединяющая ихъ всѣхъ въ одно цѣлое и хорошо видимая всякому, кто поглубже вникъ въ ихъ общую исторію. Вы знаете, что еще сравнительно недавно вся Европа называлась христіанскимъ міромъ, и это выраженіе употреблялось въ публичномъ правѣ. Кромѣ общаго характера, у каждаго изъ этихъ народовъ есть еще свой частный характеръ, но и тотъ, и другой всецѣло сотканы изъ исторіи и традиціи. Они составляютъ преемственное идейное наслѣдіе этихъ народовъ. Каждый отдѣльный человѣкъ пользуется тамъ своею долей этого наслѣдства; безъ труда и чрезмѣрныхъ усилій онъ набираетъ себѣ въ жизни запасъ этихъ знаній и навыковъ и извлекаетъ изъ нихъ свою пользу. Сравните сами и скажите, много ли мы находимъ у себя въ повседневномъ обиходѣ элементарныхъ идей, которыми могли бы съ грѣхомъ пополамъ руководствоваться въ жизни? И замѣтьте, здѣсь идетъ рѣчь не о пріобрѣтеніи знаній и не о чтеніи, не о чемъ-либо касающемся литературы или науки, а просто о взаимномъ общеніи умовъ, о тѣхъ идеяхъ, которыя овладѣваютъ ребенкомъ въ колыбели, окружаютъ его среди дѣтскихъ игръ и передаются ему съ ласкою матери, которыя въ видѣ различныхъ чувствъ проникаютъ до мозга его костей вмѣстѣ съ воздухомъ, которымъ онъ дышетъ, и создаютъ его нравственное существо еще раньше, чѣмъ онъ вступаетъ въ свѣтъ и общество. Хотите ли знать, что это за идеи? Это—идеи долга, справедливости, права, порядка. Онѣ родились изъ самыхъ событій, образовавшихъ тамъ общество, онѣ входятъ необходимымъ элементомъ въ соціальный укладъ этихъ странъ.

Это и составляетъ атмосферу Запада; это—больше, нежели исторія, больше, чѣмъ психологія: это—физіологія европейскаго человѣка. Чѣмъ вы замѣните это у насъ? Не знаю, можно ли изъ сказаннаго сейчасъ вывести что-нибудь вполнѣ безусловное и извлечь отсюда какой-либо непреложный принципъ; но нельзя не видѣть, что такое странное положеніе народа, мысль котораго не примыкаетъ ни къ какому ряду идей, постепенно развившихся въ обществѣ и медленно выроставшихъ одна изъ другой, и участіе котораго въ общемъ

поступательномъ движеніи человѣческаго разума ограничивалось лишь слѣпымъ, поверхностнымъ и часто неискуснымъ подражаніемъ другимъ націямъ, должно могущественно влiять на духъ каждаго отдѣльнаго человѣка въ этомъ народѣ.

Вслѣдствіе этого вы найдете, что всѣмъ намъ недостаетъ извѣстной увѣренности, умственной методичности, логики. Западный силлогизмъ намъ незнакомъ. Наши лучшіе умы страдаютъ чѣмъ то большимъ, нежели простая неосновательность. Лучшія идеи, за отсутствіемъ связи или послѣдовательности, замираютъ въ нашемъ мозгу и превращаются въ безплодные призраки. Человѣку свойственно теряться, когда онъ не находитъ способа привести себя въ связь съ тѣмъ, что ему предшествуетъ, и съ тѣмъ, что за нимъ слѣдуетъ. Онъ лишается тогда всякой твердости, всякой увѣренности. Не руководимый чувствомъ непрерывности, онъ видитъ себя заблудившимся въ мірѣ. Такіе растерянные люди встрѣчаются во всѣхъ странахъ; у насъ же это общая черта. Это вовсе не то легкомысліе, въ которомъ когда-то упрекали французовъ и которое въ сущности представляло собою не что иное, какъ способность легко усваивать вещи, не исключавшую ни глубины, ни широты ума, и вносившую въ обращеніе необыкновенную прелесть и изящество; это—безпечность жизни, лишенной опыта и предвидѣнія, не принимающей въ разсчетъ ничего, кромѣ мимолетнаго существованія особи, оторванной отъ рода, жизни, не дорожащей ни честью, ни успѣхами какой-либо системы идей и интересовъ, ни даже тѣмъ родовымъ наслѣдіемъ и тѣми безчисленными предписаніями и перспективами, которыя въ условіяхъ быта, основаннаго на памяти прошлаго и предусмотрѣнія будущаго, составляютъ и общественную, и частную жизнь. Въ нашихъ головахъ нѣтъ рѣшительно ничего общаго; все въ нихъ индивидуально и все шатко и неполно. Мнѣ кажется даже, что въ нашемъ взглядѣ есть какая-то странная неопредѣленность, что-то холодное и неувѣренное, напоминающее отчасти физіономію тѣхъ народовъ, которые стоятъ на низшихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы. Въ чужихъ странахъ, особенно на югѣ, гдѣ физіономіи такъ выразительны и такъ оживленны, не разъ, сравнивая лица моихъ соотечественниковъ съ лицами туземцевъ, я поражался этой нѣмотой нашихъ лицъ.

Иностранцы ставятъ намъ въ достоинство своего рода безшабашную отвагу, встрѣчаемую особенно въ низшихъ слояхъ народа; но имѣя возможность наблюдать лишь отдѣльныя проявленія національнаго характера, они не въ состояніи судить о цѣломъ. Они не видятъ, что то же самое начало, благодаря которому мы иногда бываемъ такъ отважны, дѣлаетъ насъ всегда неспособными къ углубленію и настойчивости; они не видятъ, что этому равнодушію къ житейскимъ опасностямъ соотвѣтствуетъ въ насъ такое же полное равнодушіе къ добру и злу, къ истинѣ и ко лжи, и что именно это лишаетъ насъ всѣхъ могущественныхъ стимуловъ, которые толкаютъ людей по пути совершенствованія; они не видятъ, что именно благодаря этой безпечной отвагѣ даже высшіе классы у насъ, къ прискорбію, несвободны отъ тѣхъ пороковъ, которые въ другихъ странахъ свойственны лишь самымъ низшимъ слоямъ общества; они не видятъ, наконецъ, что если намъ присущи кое-какія добродѣтели молодыхъ и малоразвитыхъ народовъ, мы не обладаемъ зато ни однимъ изъ достоинствъ, отличающихъ народы зрѣлые и высоко культурные.

Я не хочу сказать, конечно, что у насъ одни пороки, а у европейскихъ народовъ однѣ добродѣтели; избави Богъ! Но я говорю, что для правильнаго сужденія о народахъ слѣдуетъ изучать общій духъ, составляющій ихъ жизненное начало, ибо только онъ, а не та или иная черта ихъ характера, можетъ вывести ихъ на путь нравственнаго совершенства и безконечнаго развитія.

Народныя массы подчинены извѣстнымъ силамъ, стоящимъ вверху общества. Онѣ не думаютъ сами; среди нихъ есть извѣстное число мыслителей, которые думаютъ за нихъ, сообщаютъ импульсъ коллективному разуму народа и двигаютъ его впередъ. Между тѣмъ какъ небольшая группа людей мыслитъ, остальные чувствуютъ, и въ итогѣ совершается общее движеніе. За исключеніемъ нѣкоторыхъ отупѣлыхъ племенъ, сохранившихъ лишь внѣшній обликъ человѣка, сказанное справедливо въ отношеніи всѣхъ народовъ, населяющихъ землю. Первобытные народы Европы—кельты, скандинавы, германцы—имѣли своихъ друидовъ, скальдовъ и бардовъ, которые были по-своему сильными мыслителями. Взгля-

ните на племена Сѣверной Америки, которыя такъ усердно старается истребить матеріальная культура Соединенныхъ Штатовъ: среди нихъ встрѣчаются люди удивительной глубины.

И вотъ я спрашиваю васъ, гдѣ наши мудрецы, наши мыслители? Кто когда-либо мыслилъ за насъ, кто теперь за насъ мыслитъ? А вѣдь, стоя между двумя главными частями міра, Востокомъ и Западомъ, упираясь однимъ локтемъ въ Китай, другимъ въ Германію, мы должны были бы соединять въ себѣ оба великихъ начала духовной природы: воображеніе и разсудокъ, и совмѣщать въ нашей цивилизаціи исторію всего земного шара. Но не такова роль, опредѣленная намъ Провидѣніемъ. Больше того: оно какъ бы совсѣмъ не было озабочено нашей судьбой. Исключивъ насъ изъ своего благодѣтельнаго дѣйствія на человѣческій разумъ, оно всецѣло предоставило насъ самимъ себѣ, отказалось какъ бы то ни было вмѣшиваться въ наши дѣла, не пожелало ничему насъ научить. Историческій опытъ для насъ не существуетъ; поколѣнія и вѣка протекли безъ пользы для насъ. Глядя на насъ, можно было бы сказать, что общій законъ человѣчества отмѣненъ по отношенію къ намъ. Одинокіе въ мірѣ, мы ничего не дали міру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи въ массу идей человѣческихъ, ничѣмъ не содѣйствовали прогрессу человѣческаго разума, и все, что намъ досталось отъ этого прогресса, мы исказили. Съ первой минуты нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на безплодной почвѣ нашей родины; ни одна великая истина не вышла изъ нашей среды; мы не дали себѣ труда ничего выдумать сами, а изъ того, что выдумали другіе, мы перенимали только обманчивую внѣшность и безполезную роскошь.

Странное дѣло: даже въ мірѣ науки, обнимающемъ все, наша исторія ни къ чему не примыкаетъ, ничего не уясняетъ, ничего не доказываетъ. Если бы дикія орды, возмутившія міръ, не прошли по странѣ, въ которой мы живемъ, прежде чѣмъ устремиться на Западъ, намъ едва ли была бы отведена страница во всемірной исторіи. Если бы мы не раскинулись отъ Берингова пролива до Одера, насъ и не замѣтили бы. Нѣкогда великій человѣкъ захотѣлъ просвѣтить

насъ, и для того, чтобы пріохотить насъ къ образованію, онъ кинулъ намъ плащъ цивилизаціи; мы подняли плащъ, но не дотронулись до просвѣщенія. Въ другой разъ, другой великій государь, пріобщая насъ къ своему славному предназначенію, провелъ насъ побѣдоносно съ одного конца Европы на другой; вернувшись изъ этого тріумфальнаго шествія чрезъ просвѣщеннѣйшія страны міра, мы принесли съ собою лишь идеи и стремленія, плодомъ которыхъ было громадное несчастіе, отбросившее насъ на полвѣка назадъ. Въ нашей крови есть нѣчто, враждебное всякому истинному прогрессу. И въ общемъ мы жили и продолжаемъ жить лишь для того, чтобы послужить какимъ-то важнымъ урокомъ для отдаленныхъ поколѣній, которыя сумѣютъ его понять; нынѣ же мы, во всякомъ случаѣ, составляемъ пробѣлъ въ нравственномъ міропорядкѣ. Я не могу вдоволь надивиться этой необычайной пустотѣ и обособленности нашего соціальнаго существованія. Разумѣется, въ этомъ повиненъ отчасти неисповѣдимый рокъ, но, какъ и во всемъ, что совершается въ нравственномъ мірѣ, здѣсь виноватъ отчасти и самъ человѣкъ. Обратимся еще разъ къ исторіи: она—ключъ къ пониманію народовъ.

Что мы дѣлали о ту пору, когда въ борьбѣ энергическаго варварства сѣверныхъ народовъ съ высокою мыслью христіанства складывалась храмина современной цивилизаціи? Повинуясь нашей злой судьбѣ, мы обратились къ жалкой, глубоко презираемой этими народами Византіи за тѣмъ нравственнымъ уставомъ, который долженъ былъ лечь въ основу нашего воспитанія. Волею одного честолюбца [1]) эта семья народовъ только-что была отторгнута отъ всемірнаго братства, и мы восприняли, слѣдовательно, идею, искаженную человѣческою страстью. Въ Европѣ все одушевлялъ тогда животворный принципъ единства. Все исходило изъ него и все сводилось къ нему. Все умственное движеніе той эпохи было направлено на объединеніе человѣческаго мышленія; всѣ побужденія коренились въ той властной потребности отыскать всемірную идею, которая является геніемъ-вдохновителемъ новаго времени. Непричастные этому чудотворному началу, мы сдѣлались жертвою завоеванія. Когда же мы свергли чужеземное иго и

[1]) Фотія.

только наша оторванность отъ общей семьи мѣшала намъ воспользоваться идеями, возникшими за это время у нашихъ западныхъ братьевъ,—мы подпали еще болѣе жестокому рабству, освященному, притомъ, фактомъ нашего освобожденія.

Сколько яркихъ лучей уже озаряло тогда Европу, на видъ окутанную мракомъ! Бо́льшая часть знаній, которыми теперь гордится человѣкъ, уже были предугаданы отдѣльными умами; характеръ общества уже опредѣлился, а пріобщившись къ міру языческой древности, христіанскіе народы обрѣли и тѣ формы прекраснаго, которыхъ имъ еще недоставало. Мы же замкнулись въ нашемъ религіозномъ обособленіи, и ничто изъ происходившаго въ Европѣ не достигало до насъ. Намъ не было никакого дѣла до великой міровой работы. Высокія качества, которыя религія принесла въ даръ новымъ народамъ и которыя въ глазахъ здраваго разума настолько же возвышаютъ ихъ надъ древними народами, насколько послѣдніе стояли выше готтентотовъ и лапландцевъ; эти новыя силы, которыми она обогатила человѣческій умъ; эти нравы, которые, вслѣдствіе подчиненія безоружной власти, сдѣлались столь же мягкими, какъ раньше были грубы, — все это насъ совершенно миновало. Въ то время, какъ христіанскій міръ величественно шествовалъ по пути, предначертанному его божественнымъ основателемъ, увлекая за собою поколѣнія,—мы, хотя и носили имя христіанъ, не двигались съ мѣста. Весь міръ перестраивался заново, а у насъ ничего не созидалось; мы по-прежнему прозябали, забившись въ свои лачуги, сложенныя изъ бревенъ и соломы. Словомъ, новыя судьбы человѣческаго рода совершались помимо насъ. Хотя мы и назывались христіанами, плодъ христіанства для насъ не созрѣвалъ.

Спрашиваю васъ, не наивно ли предполагать, какъ это обыкновенно дѣлаютъ у насъ, что этотъ прогрессъ европейскихъ народовъ, совершившійся столь медленно и подъ прямымъ и очевиднымъ воздѣйствіемъ единой нравственной силы, мы можемъ усвоить сразу, не давъ себѣ даже труда узнать, какимъ образомъ онъ осуществлялся?

Совершенно не понимаетъ христіанства тотъ, кто не видитъ, что въ немъ есть чисто историческая сторона, которая является однимъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ догмата и которая заключаетъ въ себѣ, можно сказать, всю филосо-

фію христіанства, такъ какъ показываетъ, что оно дало людямъ и что дастъ имъ въ будущемъ. Съ этой точки зрѣнія христіанская религія является не только нравственной системою, заключенной въ преходящія формы человѣческаго ума, но вѣчной божественной силой, дѣйствующей универсально въ духовномъ мірѣ и чье явственное обнаруженіе должно служить намъ постояннымъ урокомъ. Именно таковъ подлинный смыслъ догмата о вѣрѣ въ единую Церковь, включеннаго въ символъ вѣры. Въ христіанскомъ мірѣ все необходимо должно способствовать — и дѣйствительно способствуетъ — установленію совершеннаго строя на землѣ; иначе не оправдалось бы слово Господа, что Онъ пребудетъ въ Церкви своей до скончанія вѣка. Тогда новый строй,—царство Божіе,—который долженъ явиться плодомъ искупленія, ничѣмъ не отличался бы отъ стараго строя,—отъ царства зла,—который искупленіемъ долженъ быть уничтоженъ, и намъ опять-таки оставалась бы лишь та призрачная мечта о совершенствѣ, которую лелѣютъ философы и которую опровергаетъ каждая страница исторіи,—пустая игра ума, способная удовлетворять только матеріальныя потребности человѣка и поднимающая его на извѣстную высоту лишь затѣмъ, чтобы тотчасъ низвергнуть въ еще болѣе глубокія бездны.

Однако, скажете вы, развѣ мы не христіане? и развѣ немыслима иная цивилизація, кромѣ европейской?—Безъ сомнѣнія, мы христіане; но не христіане ли и абиссинцы? Конечно, возможна и образованность отличная отъ европейской; развѣ Японія не образована, притомъ, если вѣрить одному изъ нашихъ соотечественниковъ, даже въ большей степени, чѣмъ Россія? Но неужто вы думаете, что тотъ порядокъ вещей, о которомъ я только-что говорилъ, и который является конечнымъ предназначеніемъ человѣчества, можетъ быть осуществленъ абиссинскимъ христіанствомъ и японской культурой? Неужто вы думаете, что небо сведутъ на землю эти нелѣпыя уклоненія отъ божескихъ и человѣческихъ истинъ?

Въ христіанствѣ надо различать двѣ совершенно разныя вещи: его дѣйствіе на отдѣльнаго человѣка и его вліяніе на всеобщій разумъ. То и другое естественно сливается въ высшемъ разумѣ и неизбѣжно ведетъ къ одной и той же цѣли. Но срокъ, въ который осуществляются вѣчныя предначерта-

нія божественной мудрости, не можетъ быть охваченъ нашимъ ограниченнымъ взглядомъ. И потому мы должны отличать божественное дѣйствіе, проявляющееся въ какое-нибудь опредѣленное время въ человѣческой жизни, отъ того, которое совершается въ безконечности. Въ тотъ день, когда окончательно исполнится дѣло искупленія, всѣ сердца и умы сольются въ одно чувство, въ одну мысль, и тогда падутъ всѣ стѣны, разъединяющія народы и исповѣданія. Но теперь каждому важно знать, какое мѣсто отведено ему въ общемъ призваніи христіанъ, т.-е. какія средства онъ можетъ найти въ самомъ себѣ и вокругъ себя, чтобы содѣйствовать достиженію цѣли, поставленной всему человѣчеству.

Отсюда необходимо возникаетъ особый кругъ идей, въ которомъ и вращаются умы того общества, гдѣ эта цѣль должна осуществиться, т.-е. гдѣ идея, которую Богъ открылъ людямъ, должна созрѣть и достигнуть всей своей полноты. Этотъ кругъ идей, эта нравственная сфера въ свою очередь естественно обусловливаютъ опредѣленный строй жизни и опредѣленное міровоззрѣніе, которые, не будучи тождественными для всѣхъ, тѣмъ не менѣе создаютъ у насъ, какъ и у всѣхъ европейскихъ народовъ, одинаковый бытовой укладъ, являющійся плодомъ той огромной 18-вѣковой духовной работы, въ которой участвовали всѣ страсти, всѣ интересы, всѣ страданія, всѣ мечты, всѣ усилія разума.

Всѣ европейскіе народы шли впередъ въ вѣкахъ рука объ руку; и какъ бы ни старались они теперь разойтись каждый своей дорогой,—они безпрестанно сходятся на одномъ и томъ же пути. Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ родственно развитіе этихъ народовъ, нѣтъ надобности изучать исторію; прочтите только Тасса, и вы увидите ихъ всѣ простертыми ницъ у подножья Іерусалимскихъ стѣнъ. Вспомните, что въ теченіе пятнадцати вѣковъ у нихъ былъ одинъ языкъ для обращенія къ Богу, одна духовная власть и одно убѣжденіе. Подумайте, что въ теченіе пятнадцати вѣковъ, каждый годъ въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ, они въ однихъ и тѣхъ словахъ возносили свой голосъ къ верховному существу, прославляя его за величайшее изъ его благодѣяній. Дивное созвучіе, въ тысячу кратъ болѣе величественное, чѣмъ всѣ гармоніи физическаго міра! Итакъ, если эта сфера, въ кото-

рой живутъ европейцы и въ которой въ одной человѣческій родъ можетъ исполнить свое конечное предназначеніе, есть результатъ вліянія религіи, и если, съ другой стороны, слабость нашей вѣры или несовершенство нашихъ догматовъ до сихъ поръ держали насъ въ сторонѣ отъ этого общаго движенія, гдѣ развилась и формулировалась соціальная идея христіанства, и низвели насъ въ сонмъ народовъ, коимъ суждено лишь косвенно и поздно воспользоваться всѣми плодами христіанства, то ясно, что намъ слѣдуетъ прежде всего оживить свою вѣру всѣми возможными способами и дать себѣ истинно-христіанскій импульсъ, такъ какъ на Западѣ все создано христіанствомъ. Вотъ что я подразумѣвалъ, говоря, что мы должны отъ начала повторить на себѣ все воспитаніе человѣческаго рода.

Вся исторія новѣйшаго общества совершается на почвѣ мнѣній; такимъ образомъ, она представляетъ собою настоящее воспитаніе. Утвержденное изначала на этой основѣ, общество шло впередъ лишь силою мысли. Интересы всегда слѣдовали тамъ за идеями, а не предшествовали имъ; убѣжденія никогда не возникали тамъ изъ интересовъ, а всегда интересы рождались изъ убѣжденій. Всѣ политическія революціи были тамъ въ сущности духовными революціями: люди искали истину и попутно нашли свободу и благосостояніе. Этимъ объясняется характеръ современнаго общества и его цивилизаціи; иначе его совершенно нельзя было бы понять.

Религіозныя гоненія, мученичество за вѣру, проповѣдь христіанства, ереси, соборы—вотъ событія, наполняющія первые вѣка. Все движеніе этой эпохи, не исключая и нашествія варваровъ, связано съ этими первыми, младенческими усиліями новаго мышленія. Слѣдующая затѣмъ эпоха занята образованіемъ іерархіи, централизаціей духовной власти и непрерывнымъ распространеніемъ христіанства среди сѣверныхъ народовъ. Далѣе слѣдуетъ высочайшій подъемъ религіознаго чувства и упроченіе религіозной власти. Философское и литературное развитіе ума и улучшеніе нравовъ подъ державой религіи довершаютъ эту исторію новыхъ народовъ, которую съ такимъ же правомъ можно назвать священной, какъ и исторію древняго избраннаго народа. Наконецъ, новый религіозный поворотъ, новый размахъ, сообщенный религіей человѣче-

скому духу, опредѣлялъ и теперешній укладъ общества. Такимъ образомъ, главный и, можно сказать, единственный интересъ новыхъ народовъ всегда заключался въ идеѣ. Всѣ положительные, матеріальные, личные интересы поглощались ею.

Я знаю—вмѣсто того, чтобы восхищаться этимъ дивнымъ порывомъ человѣческой природы къ возможному для нея совершенству, въ немъ видѣли только фанатизмъ и суевѣріе; но что бы ни говорили о немъ, судите сами, какой глубокій слѣдъ въ характерѣ этихъ народовъ должно было оставить такое соціальное развитіе, всецѣло вытекавшее изъ одного чувства, безразлично—въ добрѣ и во злѣ. Пусть поверхностная философія вопіетъ, сколько хочетъ, по поводу религіозныхъ войнъ и костровъ, зажженныхъ нетерпимостью,—мы можемъ только завидовать долѣ народовъ, создавшихъ себѣ въ борьбѣ мнѣній, въ кровавыхъ битвахъ за дѣло истины, цѣлый міръ идей, котораго мы даже представить себѣ не можемъ, не говоря уже о томъ, чтобы перенестись въ него тѣломъ и душой, какъ у насъ объ этомъ мечтаютъ.

Еще разъ говорю: конечно, не все въ европейскихъ странахъ проникнуто разумомъ, добродѣтелью и религіей,—далеко нѣтъ. Но все въ нихъ таинственно повинуется той силѣ, которая властно царитъ тамъ уже столько вѣковъ, все порождено той долгой послѣдовательностью фактовъ и идей, которая обусловила современное состояніе общества. Вотъ одинъ изъ примѣровъ, доказывающихъ это. Народъ, физіономія котораго всего рѣзче выражена и учрежденія всего болѣе проникнуты духомъ новаго времени,—англичане,—собственно говоря, не имѣютъ иной исторіи, кромѣ религіозной. Ихъ послѣдняя революція, которой они обязаны своей свободою и своимъ благосостояніемъ, такъ же какъ и весь рядъ событій, приведшихъ къ этой революціи, начиная съ эпохи Генриха VIII,—не что иное, какъ фазисъ религіознаго развитія. Во всю эту эпоху интересъ собственно-политическій является лишь второстепеннымъ двигателемъ и временами исчезаетъ вовсе или приносится въ жертву идеѣ. И въ ту минуту, когда я пишу эти строки [1]), все тотъ же религіозный интересъ волнуетъ эту избранную страну. Да и вообще, какой изъ евро-

[1]) 1829.

пейскихъ народовъ не нашелъ бы въ своемъ національномъ сознаніи, если бы далъ себѣ трудъ разобраться въ немъ, того особеннаго элемента, который въ формѣ религіозной мысли неизмѣнно являлся животворнымъ началомъ, душею его соціальнаго тѣла, на всемъ протяженіи его бытія?

Дѣйствіе христіанства отнюдь не ограничивается его прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ на духъ человѣка. Огромная задача, которую оно призвано исполнить, можетъ быть осуществлена лишь путемъ безчисленныхъ нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ комбинацій, гдѣ должна найти себѣ полный просторъ безусловная свобода человѣческаго духа. Отсюда ясно, что все совершившееся съ перваго дня нашей эры, или, вѣрнѣе, съ той минуты, когда Спаситель сказалъ своимъ ученикамъ: *Идите по міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари,*—включая и всѣ нападки на христіанство,—безъ остатка покрывается этой общей идеей его вліянія. Стоитъ лишь обратить вниманіе на то, какъ власть Христа непреложно осуществляется во всѣхъ сердцахъ,—съ сознаніемъ или безсознательно, по доброй волѣ или принужденію,—чтобы убѣдиться въ исполненіи его пророчествъ. Поэтому, несмотря на всю неполноту, несовершенство и порочность, присущія европейскому міру въ его современной формѣ, нельзя отрицать, что царство Божіе до извѣстной степени осуществлено въ немъ, ибо онъ содержитъ въ себѣ начало безконечнаго развитія и обладаетъ въ зародышахъ и элементахъ всѣмъ, что необходимо для его окончательнаго водворенія на землѣ.

Прежде чѣмъ закончить эти размышленія о роли, которую играла религія въ исторіи общества, я хочу привести здѣсь то, что говорилъ объ этомъ когда-то въ сочиненіи, вамъ неизвѣстномъ.

Несомнѣнно, писалъ я, что пока мы не научимся узнавать дѣйствіе христіанства повсюду, гдѣ человѣческая мысль какимъ бы то ни было образомъ соприкасается съ нимъ, хотя бы съ цѣлью ему противоборствовать,—мы не имѣемъ о немъ яснаго понятія. Едва произнесено имя Христа, одно это имя увлекаетъ людей, что бы они ни дѣлали. Ничто не обнаруживаетъ такъ ясно божественнаго происхожденія христіанской религіи, какъ эта ея безусловная универсальность, сказывающаяся въ томъ, что она проникаетъ въ души всевоз-

можными путями, овладѣваетъ умомъ безъ его вѣдома, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, повидимому, всего болѣе ей противится, подчиняетъ его себѣ и властвуетъ надъ нимъ, внося при этомъ въ сознаніе истины, которыхъ тамъ раньше не было, пробуждая ощущенія въ сердцахъ, дотолѣ имъ чуждыя, и внушая намъ чувства, которыя безъ нашего вѣдома вводятъ насъ въ общій строй. Такъ опредѣляетъ она роль каждой личности въ общей работѣ и заставляетъ все содѣйствовать одной цѣли. При такомъ пониманіи христіанства всякое пророчество Христа получаетъ характеръ осязательной истины. Тогда начинаешь ясно различать движеніе всѣхъ рычаговъ, которые его всемогущая десница пускаетъ въ ходъ, дабы привести человѣка къ его конечной цѣли, не посягая на его свободу, не умерщвляя ни одной изъ его природныхъ способностей, а наоборотъ, удесятеряя ихъ силу и доводя до безмѣрнаго напряженія ту долю мощи, которая заложена въ немъ самомъ. Тогда видишь, что ни одинъ нравственный элементъ не остается бездѣйственнымъ въ новомъ строѣ, что самыя энергичныя усилія ума, какъ и горячій порывъ чувства, героизмъ твердаго духа, какъ и покорность кроткой души — все находитъ въ немъ мѣсто и примѣненіе. Доступная всякому разумному существу, сочетаясь съ каждымъ біеніемъ нашего сердца, о чемъ бы оно ни билось, христіанская идея все увлекаетъ за собою, и самыя препятствія, встрѣчаемыя ею, помогаютъ ей расти и крѣпнуть. Съ геніемъ она подымается на высоту, недосягаемую для остальныхъ людей; съ робкимъ духомъ она движется ощупью и идетъ впередъ мѣрнымъ шагомъ; въ созерцательномъ умѣ она безусловна и глубока; въ душѣ, подвластной воображенію, она воздушна и богата образами; въ нѣжномъ и любящемъ сердцѣ она разрѣшается въ милосердіе и любовь;—и каждое сознаніе, отдавшееся ей, она властно ведетъ впередъ, наполняя его жаромъ, ясностью и силой. Взгляните, какъ разнообразны характеры, какъ множественны силы, приводимыя ею въ движеніе, какіе несходные элементы служатъ одной и той же цѣли, сколько разнообразныхъ сердецъ бьется для одной идеи! Но еще болѣе удивительно вліяніе христіанства на общество въ цѣломъ. Разверните вполнѣ картину эволюціи новаго общества, и вы увидите, какъ христіанство претворяетъ всѣ интересы людей въ

свои собственные, замѣняя всюду матеріальную потребность потребностью нравственной и возбуждая въ области мысли тѣ великіе споры, какихъ до него не знало ни одно время, ни одно общество, тѣ страшныя столкновенія мнѣній, когда вся жизнь народовъ превращалась въ одну великую идею, одно безграничное чувство; вы увидите, какъ все становится имъ, и только имъ,—частная жизнь и общественная, семья и родина, наука и поэзія, разумъ и воображеніе, воспоминанія и надежды, радости и печали. Счастливы тѣ, кто носитъ въ сердцѣ своемъ ясное сознаніе части, ими творимой въ этомъ великомъ движеніи, которое сообщилъ міру самъ Богъ. Но не всѣ суть дѣятельныя орудія, не всѣ трудятся сознательно; необходимыя массы движутся слѣпо, не зная силъ, которыя приводятъ ихъ движенія, и не провидя цѣли, къ которой они влекутся, — бездушные атомы, косныя громады.

Но пора вернуться къ вамъ, сударыня. Признаюсь, мнѣ трудно оторваться отъ этихъ широкихъ перспективъ. Въ картинѣ, открывающейся моимъ глазамъ съ этой высоты, — все мое утѣшеніе, и сладкая вѣра въ будущее счастье человѣчества одна служитъ мнѣ убѣжищемъ, когда, удрученный жалкой дѣйствительностью, которая меня окружаетъ, я чувствую потребность подышать болѣе чистымъ воздухомъ, взглянуть на болѣе ясное небо. Однако я не думаю, что злоупотребилъ вашимъ временемъ. Мнѣ надо было показать вамъ ту точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на христіанскій міръ и на нашу роль въ немъ. То, что я говорилъ о нашей странѣ, должно было показаться вамъ исполненнымъ горечи; между тѣмъ я высказалъ одну только правду, и даже не всю. Притомъ, христіанское сознаніе не терпитъ никакой слѣпоты, а національный предразсудокъ является худшимъ видомъ ея, такъ какъ онъ всего болѣе разъединяетъ людей.

Мое письмо растянулось, и, думаю, намъ обоимъ нуженъ отдыхъ. Начиная его, я полагалъ, что сумѣю въ немногихъ словахъ изложить то, что хотѣлъ вамъ сказать; но, вдумываясь глубже, я вижу, что объ этомъ можно написать цѣлый томъ. По сердцу ли это вамъ? Буду ждать вашего отвѣта. Но, во всякомъ случаѣ, вы не можете избѣгнуть еще одного письма отъ меня, потому что мы едва лишь приступили къ разсмотрѣнію нашей темы. А пока я былъ бы чрезвы-

чайно признателенъ вамъ, если бы вы соблаговолили пространностью этого перваго письма извинить то, что я такъ долго заставилъ васъ ждать его. Я сѣлъ писать вамъ въ тотъ же день, когда получилъ ваше письмо; но грустныя и тягостныя заботы поглотили меня тогда всецѣло, и мнѣ надо было избавиться отъ нихъ, прежде чѣмъ начать съ вами разговоръ о столь важныхъ предметахъ; затѣмъ нужно было переписать мое маранье, которое было совершенно неразборчиво. На этотъ разъ вамъ не придется долго ждать: завтра же снова берусь за перо.

Некрополь, 1-го декабря 1829 г.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

> Можно спросить, какимъ образомъ среди столькихъ потрясеній, гражданскихъ войнъ, заговоровъ, преступленій и безумій—въ Италіи, а потомъ и въ прочихъ христіанскихъ государствахъ находилось столько людей, трудившихся на поприщѣ полезныхъ или пріятныхъ искусствъ; въ странахъ, подвластныхъ туркамъ, мы этого не видимъ.
>
> Вольтеръ, *Опытъ о нравахъ*.

Сударыня,

Въ предыдущихъ моихъ письмахъ вы видѣли, какъ важно правильно понять развитіе мысли на протяженіи вѣковъ; но вы должны были найти въ нихъ еще и другую мысль: разъ проникшись этой основной идеей, что въ человѣческомъ духѣ нѣтъ никакой иной истины, кромѣ той, которую своей рукою вложилъ въ него Богъ, когда извлекалъ его изъ небытія,—уже невозможно разсматривать движеніе вѣковъ такъ, какъ это дѣлаетъ обиходная исторія. Тогда становится ясно, что не только нѣкое провидѣніе или нѣкій совершенно мудрый разумъ руководитъ ходомъ явленій, но и что онъ оказываетъ прямое и непрерывное дѣйствіе на духъ человѣка. Въ самомъ дѣлѣ: если только допустить, что разумъ твари, чтобы придти въ

движеніе, долженъ былъ первоначально получить толчокъ, исходившій не изъ его собственной природы, что его первыя идеи и первыя знанія не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ чудесными внушеніями высшаго разума, то не слѣдуетъ ли отсюда, что эта сформировавшая его сила должна была и на всемъ протяженіи его развитія оказывать на него то самое дѣйствіе, которое она произвела въ ту минуту, когда сообщила ему его первое движеніе?

Такое представленіе объ исторической жизни разумнаго существа и его прогрессѣ должно было, впрочемъ, стать для васъ совершенно привычнымъ, если вы вполнѣ усвоили себѣ тѣ идеи, относительно которыхъ мы съ вами предварительно условились. Вы видѣли, что чисто-метафизическое разсужденіе безусловно доказываетъ непрерывность внѣшняго воздѣйствія на человѣческій духъ. Но въ этомъ случаѣ даже не было надобности прибѣгать къ метафизикѣ: выводъ неоспоримъ самъ по себѣ, отвергнуть его—значитъ отвергнуть тѣ посылки, изъ которыхъ онъ вытекаетъ. Но если подумать о характерѣ этого постояннаго воздѣйствія божественнаго разума въ нравственномъ мірѣ, то нельзя не замѣтить, что оно не только должно быть, какъ мы сейчасъ видѣли, сходно съ его начальнымъ импульсомъ, но и должно осуществляться такимъ образомъ, чтобы человѣческій разумъ оставался совершенно свободнымъ и могъ развивать всю свою дѣятельность. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что существовалъ народъ, въ нѣдрахъ котораго традиція первыхъ внушеній Бога сохранялась чище, чѣмъ среди прочихъ людей, и что отъ времени до времени появлялись люди, въ которыхъ какъ бы возобновлялся первичный фактъ нравственнаго бытія. Устраните этотъ народъ, устраните этихъ избранныхъ людей,—и вы должны будете признать, что у всѣхъ народовъ, во всѣ эпохи всемірной исторіи и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ божественная мысль раскрывалась одинаково полно и одинаково жизненно,—а это значило бы, конечно, отрицать всякую индивидуальность и всякую свободу въ духовной сферѣ, иными словами—отрицать данное. Очевидно, что индивидуальность и свобода существуютъ лишь постольку, поскольку существуетъ разность умовъ, нравственныхъ силъ и познаній. А приписывая лишь немногимъ лицамъ, одному народу, нѣсколькимъ отдѣльнымъ

интеллектамъ, спеціально предназначеннымъ быть хранителями этого клада, чрезвычайную степень покорности начальнымъ внушеніямъ или особенно широкую воспріимчивость по отношенію къ той истинѣ, которая первоначально была внѣдрена въ человѣческій духъ, мы утверждаемъ лишь моральный фактъ, совершенно аналогичный тому, который постоянно совершается на нашихъ глазахъ, именно, что одни народы и личности владѣютъ извѣстными познаніями, которыхъ другіе народы и лица лишены.

Въ остальной части человѣческаго рода эти великія преданія также сохранялись болѣе или менѣе въ чистомъ видѣ, смотря по положенію каждаго народа, и человѣкъ всюду могъ идти впередъ по предначертанной ему дорогѣ лишь при свѣтѣ этихъ могучихъ истинъ, рожденныхъ въ его мозгу не его собственнымъ, а инымъ разумомъ; но источникъ свѣта былъ одинъ на землѣ. Правда, этотъ свѣтильникъ не сіялъ подобно человѣческимъ знаніямъ; онъ не распространялъ далеко вокругъ себя обманчиваго блеска; сосредоточенный въ одномъ пунктѣ, вмѣстѣ и лучезарный, и незримый, какъ всѣ великія таинства міра, пламенный, но скрытый, какъ пламя жизни онъ все освѣщалъ, этотъ неизреченный свѣтъ, и все тянулось къ этому общему центру, между тѣмъ какъ съ виду все блистало собственнымъ сіяніемъ и стремилось къ самымъ противоположнымъ цѣлямъ [1]). Но когда наступилъ моментъ великой катастрофы въ духовномъ мірѣ, всѣ пустыя силы, созданныя человѣкомъ, мгновенно исчезли, и среди всеобщаго пожара уцѣлѣла одна только скинія вѣчной истины. Только такъ можетъ быть понято религіозное единство исторіи, и только съ такой точки зрѣнія эта концепція возвышается до настоящей исторической философіи, въ которой разумное существо является подчиненнымъ общему закону наравнѣ со всѣмъ остальнымъ твореніемъ. Я очень желалъ бы, сударыня, чтобы вы освоились съ этой отвлеченной и глубокой точкой зрѣнія на историческія явленія; ничто не расширяетъ нашу мысль и

---

[1]) Безполезно пытаться точно опредѣлить, въ какомъ именно мѣстѣ земли находился этотъ источникъ свѣта; но то достовѣрно, что преданія всѣхъ народовъ міра единогласно признаютъ родиной первыхъ человѣческихъ познаній однѣ и тѣ же страны.

не очищаетъ нашу душу въ большей степени, нежели это созерцаніе божественной воли, властвующей въ вѣкахъ и ведущей человѣческій родъ къ его конечнымъ цѣлямъ.

Но постараемся прежде всего составить себѣ философію исторіи, способную пролить на всю безпредѣльную область человѣческихъ воспоминаній свѣтъ, который долженъ быть для насъ какъ бы зарею грядущаго дня. Это подготовительное изученіе исторіи будетъ для насъ тѣмъ полезнѣе, что оно само по себѣ можетъ представить полную систему, которою мы въ крайнемъ случаѣ смогли бы удовольствоваться, если бы что-нибудь роковымъ образомъ затормозило нашъ дальнѣйшій прогрессъ. Впрочемъ, не забывайте, пожалуйста, что я сообщаю вамъ эти размышленія не съ высоты каѳедры, и что эти письма являются лишь продолженіемъ нашихъ прерванныхъ бесѣдъ, тѣхъ бесѣдъ, которыя доставили мнѣ столько пріятныхъ минутъ и которыя, повторяю, были для меня настоящимъ утѣшеніемъ въ тѣ дни, когда я крайне нуждался въ немъ. Поэтому не ждите отъ меня въ этотъ разъ большой поучительности, чѣмъ обыкновенно, и не откажите сами, какъ всегда, возмѣщать собственной догадкой все, что окажется неполнымъ въ этомъ очеркѣ.

Безъ сомнѣнія, вы уже замѣтили, что современное направленіе человѣческаго духа побуждаетъ его облекать всѣ виды познанія въ историческую форму. Вдумываясь въ философскія основы исторической мысли, нельзя не признать, что она призвана теперь подняться на несравненно большую высоту, нежели на какой она держалась до сихъ поръ; можно сказать, что умъ чувствуетъ себя теперь привольно лишь въ сферѣ исторіи, что онъ старается ежеминутно опереться на прошлое и лишь настолько дорожитъ вновь возникающими въ немъ силами, насколько способенъ уразумѣть ихъ сквозь призму своихъ воспоминаній, пониманія пройденнаго пути, знанія тѣхъ факторовъ, которые руководили его движеніемъ въ вѣкахъ. Это направленіе, принятое наукою, разумѣется, чрезвычайно благотворно. Пора сознать, что человѣческій разумъ не ограниченъ той силой, которую онъ черпаетъ въ узкомъ настоящемъ,—что въ немъ есть и другая сила, которая, сочетая въ одну мысль и времена протекшія, и времена обѣтованныя,

образуетъ его подлинную сущность и возноситъ его въ истинную сферу его дѣятельности.

Но не кажется ли вамъ, сударыня, что повѣствовательная исторія по необходимости неполна, такъ какъ она при всякихъ условіяхъ можетъ заключать въ себѣ лишь то, что удерживается въ памяти людей, а послѣдняя удерживаетъ не все происходящее? Итакъ, очевидно, что нынѣшняя историческая точка зрѣнія не можетъ удовлетворять разума. Несмотря на полезныя работы критики, несмотря на помощь, которую въ послѣднее время старались оказать ей естественныя науки, она, какъ видите, не сумѣла достигнуть ни единства, ни той высокой нравственной поучительности, какая неизбѣжно вытекала бы изъ яснаго представленія о всеобщемъ законѣ, управляющемъ смѣною эпохъ. Къ этой великой цѣли всегда стремился человѣческій духъ, углубляясь въ смыслъ минувшаго; но та поверхностная ученость, которая пріобрѣтается столь разнообразными способами историческаго анализа, эти уроки банальной философіи, эти примѣры всевозможныхъ добродѣтелей,—какъ будто добродѣтель способна выставлять себя напоказъ на шумномъ торжищѣ свѣта,—эта пошлая поучительность исторіи, никогда не создавшая ни одного честнаго человѣка, но многихъ сдѣлавшая злодѣями и безумцами и лишь подстрекающая затягивать въ безконечныхъ повтореніяхъ жалкую комедію міра,—все это отвлекло разумъ отъ тѣхъ истинныхъ поученій, которыя ему предназначено черпать изъ человѣческаго преданія. Пока духъ христіанства господствовалъ въ наукѣ, глубокая, хотя и плохо формулированная мысль распространяла на эту отрасль знанія долю того священнаго вдохновенія, которымъ она сама была порождена; но въ ту эпоху историческая критика была еще такъ несовершенна, столько фактовъ, особенно изъ исторіи первобытныхъ временъ, сохранялись памятью человѣчества въ столь искаженномъ видѣ, что весь свѣтъ религіи не могъ разсѣять этой глубокой тьмы и историческое изученіе хотя и озаряемое высшимъ свѣтомъ, тѣмъ не менѣе подвигалось ощупью. Теперь раціональный способъ изученія историческихъ данныхъ привелъ бы къ несравненно болѣе плодотворнымъ результатамъ. Разумъ вѣка требуетъ совершенно новой философіи исторіи,—философіи, которая такъ же мало походила бы на

господствующую теперь, какъ точныя изысканія современной астрономіи непохожи на элементарныя гномоническія наблюденія Гиппарха и другихъ древнихъ астрономовъ. Надо лишь замѣтить, что никогда не будетъ достаточно фактовъ, чтобы доказать все, и что уже во времена Моисея и Геродота ихъ было больше, чѣмъ нужно, чтобы дать возможность все предчувствовать. Поэтому, сколько бы ни накоплять ихъ, они никогда не приведутъ къ полной достовѣрности, которую можетъ дать намъ лишь способъ ихъ группировки, пониманія и распредѣленія; совершенно такъ, какъ, напримѣръ, опытъ вѣковъ, научившій Кеплера законамъ движенія небесныхъ свѣтилъ, самъ по себѣ былъ не въ силахъ разоблачить предъ нимъ общій законъ природы, и для этого открытія потребовалось, какъ извѣстно, нѣкое сверхъестественное озареніе благочестивой мысли.

И прежде всего, къ чему эти сопоставленія вѣковъ и народовъ, которыя нагромождаетъ тщеславная ученость? Какой смыслъ имѣютъ эти родословныя языковъ, народовъ и идей? Вѣдь слѣпая или упрямая философія всегда сумѣетъ отдѣлаться отъ нихъ своимъ старымъ доводомъ о всеобщемъ однообразіи человѣческой природы и объяснить дивное сплетеніе временъ своей любимой теоріей о естественномъ развитіи человѣческаго духа, не обнаруживающемъ будто бы никакихъ признаковъ вмѣшательства Божьяго промысла и осуществляемомъ единственно собственной динамической силой его природы. Человѣческій духъ для нея, какъ извѣстно,—снѣжный комъ, который, катясь, увеличивается. Впрочемъ, она видитъ всюду или естественный прогрессъ и совершенствованіе, присущія, по ея мнѣнію, самой природѣ человѣка, или безпричинное и безсмысленное движеніе. Смотря по свойству ума разныхъ своихъ представителей,—мраченъ ли онъ и безнадеженъ, или полонъ надеждъ и вѣры въ воздаяніе,—эта философія то видитъ въ человѣкѣ лишь мошку, безсмысленно суетящуюся на солнцѣ, то—существо, поднимающееся все выше въ силу своей выспренней природы; но всегда она видитъ предъ собою только человѣка и ничего болѣе. Она добровольно обрекла себя на невѣжество и, воображая, что знаетъ физическій міръ, на самомъ дѣлѣ познаетъ изъ него лишь то, что онъ открываетъ праздному любопытству ума и чувствамъ. Потоки свѣта, не-

прерывно изливаемые этимъ міромъ, не достигаютъ ея, и когда, наконецъ, она рѣшается признать въ ходѣ вещей планъ, намѣреніе и разумъ, подчинить имъ человѣческій умъ и принять всѣ вытекающія отсюда послѣдствія относительно всеобщаго нравственнаго міропорядка,—это оказывается для нея невозможнымъ. Итакъ, ни отыскивать связь временъ, ни вѣчно работать надъ фактическимъ матеріаломъ—ни къ чему не ведетъ. Надо стрѣмиться къ тому, чтобы уяснить нравственный смыслъ великихъ историческихъ эпохъ; надо стараться точно опредѣлить черты каждаго вѣка по законамъ практическаго разума.

Къ тому же, присмотрѣвшись внимательнѣе, мы увидимъ, что историческій матеріалъ почти весь исчерпанъ, что народы разсказали почти всѣ свои преданія и что если отдаленныя эпохи еще могутъ быть когда-нибудь лучше освѣщены (но во всякомъ случаѣ не той критикой, которая умѣетъ только рыться въ древнемъ прахѣ народовъ, а какими-нибудь чисто логическими пріемами), то—что касается фактовъ въ собственномъ смыслѣ слова—они уже всѣ извлечены; наконецъ, что исторіи въ наше время больше нечего дѣлать, какъ размышлять.

Разъ мы признаемъ это, исторія естественно должна войти въ общую систему философіи и сдѣлаться ея составной частью. Многое тогда, разумѣется, отдѣлилось бы отъ нея и было бы предоставлено романистамъ и поэтамъ. Но еще больше оказалось бы въ ней такого, что поднялось бы изъ скрывающаго его доселѣ тумана, чтобы занять первенствующее мѣсто въ новой системѣ. Эти вещи получали бы характеръ истины уже не только отъ хроники: отнынѣ печать достовѣрности налагалась бы нравственнымъ разумомъ, подобно тому, какъ аксіомы естественной философіи, хотя открываются опытомъ и наблюденіемъ, но только геометрическимъ разумомъ сводятся въ формулы и уравненія. Такова, напримѣръ, та, на нашъ взглядъ, еще столь мало понятая эпоха (и притомъ не по недостатку данныхъ и памятниковъ, но по недостатку идей), въ которой сходятся всѣ времена, въ которой все оканчивается и все начинается, о которой безъ преувеличенія можно сказать, что все прошлое рода человѣческаго сливается въ ней съ его будущимъ: я говорю о первыхъ моментахъ христіанской эры.

Наступитъ время, я не сомнѣваюсь въ этомъ, когда историческое мышленіе болѣе не въ силахъ будетъ оторваться отъ этого внушительнаго зрѣлища крушенія всѣхъ древнихъ величій человѣка и зарожденія всѣхъ его грядущихъ величій. Таковъ и долгій періодъ, смѣнившій и продолжавшій эту эпоху обновленія человѣческаго существа,—періодъ, о которомъ философскій предразсудокъ и фанатизмъ еще недавно создавали такое невѣрное представленіе, между тѣмъ какъ здѣсь въ густомъ мракѣ скрывались столь яркіе свѣточи и столько разнообразныхъ силъ сохранялось и поддерживалось среди кажущейся неподвижности умовъ,—періодъ, который начали понимать лишь съ тѣхъ поръ, какъ историческія изслѣдованія приняли свое новое направленіе.

Затѣмъ выйдутъ изъ окутывающей ихъ тьмы нѣкоторыя гигантскія фигуры, затерянныя теперь въ толпѣ историческихъ лицъ, между тѣмъ какъ многія прославленныя имена, которымъ люди слишкомъ долго расточали нелѣпое или преступное поклоненіе, навсегда погрузятся въ забвеніе. Таковы будутъ, между прочимъ, новыя судьбы нѣкоторыхъ библейскихъ лицъ, не понятыхъ или презрѣнныхъ человѣческимъ разумомъ, и нѣкоторыхъ языческихъ мудрецовъ, окруженныхъ большей славой, чѣмъ какую они заслуживаютъ, напримѣръ, *Моисея* и *Сократа*, *Давида* и *Марка-Аврелія*. Тогда разъ навсегда поймутъ, что Моисей указалъ людямъ истиннаго Бога, между тѣмъ какъ Сократъ завѣщалъ имъ лишь малодушное сомнѣніе, что Давидъ—совершенный образецъ самаго возвышеннаго героизма, между тѣмъ какъ Маркъ-Аврелій—въ сущности только любопытный примѣръ искусственнаго величія и тщеславной добродѣтели. Точно такъ же о Катонѣ, раздирающемъ свои внутренности, тогда будутъ вспоминать лишь для того, чтобы оцѣнить по достоинству философію, внушавшую такія неистовыя добродѣтели, и жалкое величіе, которое создавалъ себѣ человѣкъ. Въ ряду славныхъ именъ язычества имя Эпикура, я думаю, будетъ очищено отъ тяготѣющаго на немъ предразсудка, и память о немъ возбудитъ новый интересъ. Точно такъ же и другія громкія имена постигнетъ новая судьба. Имя Стагирита, напримѣръ, будетъ произноситься не иначе, какъ съ извѣстнымъ омерзѣніемъ, имя Магомета—съ глубокимъ почтеніемъ. На перваго будутъ смотрѣть, какъ

на ангела тьмы, въ теченіе многихъ вѣковъ подавлявшаго всѣ силы добра въ людяхъ; въ послѣднемъ же будутъ видѣть благодѣтельное существо, одного изъ тѣхъ людей, которые наиболѣе способствовали выполненію плана, предначертаннаго божественной мудростью для спасенія рода человѣческаго. Наконецъ,—сказать ли?—своего рода безчестіе покроетъ, можетъ быть, великое имя Гомера. Приговоръ Платона надъ этимъ развратителемъ людей, подсказанный ему его религіознымъ инстинктомъ, будутъ признавать уже не одной изъ его фантастическихъ выходокъ, а доказательствомъ его удивительной способности предвосхищать будущія мысли человѣчества. Долженъ наступить день, когда имя преступнаго обольстителя, столь ужаснымъ образомъ способствовавшаго развращенію человѣческой природы, будетъ вспоминаться не иначе, какъ съ краской стыда; когда-нибудь люди должны будутъ съ горестью раскаяться въ томъ, что они такъ усердно воскуряли еиміамъ этому потворщику ихъ гнуснѣйшихъ страстей, который, чтобы понравиться имъ, осквернилъ священную истину преданія и наполнилъ ихъ сердце грязью. Всѣ эти идеи, до сихъ поръ едва затрогивавшія человѣческую мысль или, въ лучшемъ случаѣ, безжизненно покоившіяся въ глубинѣ нѣсколькихъ независимыхъ умовъ, навсегда займутъ теперь свое мѣсто въ нравственномъ чувствѣ человѣческаго рода и станутъ аксіомами здраваго смысла.

Но одинъ изъ самыхъ важныхъ уроковъ исторіи, понимаемой въ этомъ смыслѣ, состоялъ бы въ томъ, чтобы отвести въ воспоминаніяхъ человѣческаго ума соотвѣтствующія мѣста народамъ, сошедшимъ съ міровой сцены, и наполнить сознаніе существующихъ народовъ предчувствіемъ судебъ, которыя они призваны осуществить. Всякій народъ, отчетливо уяснивъ себѣ различныя эпохи своей прошлой жизни, постигъ бы также свое настоящее существованіе во всей его правдѣ и могъ бы до извѣстной степени предугадать поприще, которое ему назначено пройти въ будущемъ. Такимъ образомъ у всѣхъ народовъ явилось бы истинное національное сознаніе, которое слагалось бы изъ нѣсколькихъ положительныхъ идей, изъ очевидныхъ истинъ, основанныхъ на воспоминаніяхъ, и изъ глубокихъ убѣжденій, болѣе или менѣе господствующихъ надъ всѣми умами и толкающихъ ихъ всѣ къ одной и той же цѣли.

Тогда національности, освободившись отъ своихъ заблужденій и пристрастій, уже не будутъ, какъ до сихъ поръ, служить лишь къ разъединенію людей, а станутъ сочетаться однѣ съ другими такимъ образомъ, чтобы произвести гармоническій всемірный результатъ, и мы увидѣли бы, можетъ быть, народы, протягивающіе другъ другу руку въ правильномъ сознаніи общаго интереса человѣчества, который былъ бы тогда не чѣмъ инымъ, какъ вѣрно понятымъ интересомъ каждаго отдѣльнаго народа.

Я знаю, что наши мудрецы ожидаютъ этого сліянія умовъ отъ философіи и успѣховъ просвѣщенія вообще; но если мы размыслимъ, что народы, хотя они и сложныя существа, являются на дѣлѣ такими же нравственными существами, какъ отдѣльные люди, и что слѣдовательно одинъ и тотъ же законъ управляетъ умственной жизнью тѣхъ и другихъ, то, мнѣ кажется, мы придемъ къ заключенію, что дѣятельность великихъ человѣческихъ семействъ необходимо зависитъ отъ того личнаго чувства, въ силу котораго они сознаютъ себя обособленными отъ остального рода человѣческаго, имѣющими свое самостоятельное существованіе и свой индивидуальный интересъ; что это чувство есть необходимый элементъ всемірнаго сознанія и составляетъ, такъ сказать, личное *я* коллективнаго человѣческаго существа; что поэтому въ своихъ надеждахъ на будущее благоденствіе и на безграничное совершенствованіе мы точно также не въ правѣ выдѣлять эти большія человѣческія индивидуальности, какъ и тѣ меньшія, изъ которыхъ первыя состоятъ, и что надо, слѣдовательно, всѣ ихъ принимать безусловно, какъ принципы и средства, заранѣе данныя для достиженія болѣе совершеннаго состоянія.

Итакъ, космополитическое будущее, обѣщаемое намъ философіей,— не болѣе какъ химера. Надо заняться сначала выработкой домашней нравственности народовъ, отличной отъ ихъ политической нравственности; надо, чтобы народы сперва научились знать и цѣнить другъ друга совершенно такъ же, какъ отдѣльныя личности, чтобы они знали свои пороки и свои добродѣтели, чтобы они научились раскаиваться въ содѣянныхъ ими ошибкахъ, исправлять сдѣланное ими зло, не уклоняться со стези добра, которою они идутъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, первыя условія истиннаго совершенствованія

какъ индивидовъ, такъ равно и массъ. Лишь вникая въ свою протекшую жизнь, тѣ и другія научатся выполнять свое назначеніе; лишь въ ясномъ пониманіи своего прошлаго почерпнутъ они силу воздѣйствовать на свое будущее.

Вы видите, что при такомъ взглядѣ на дѣло историческая критика не сводилась бы только къ удовлетворенію суетнаго любопытства, но сдѣлалась бы высочайшимъ изъ трибуналовъ. Она свершила бы неумолимый судъ надъ красою и гордостью всѣхъ вѣковъ; она тщательно провѣрила бы всѣ репутаціи, всякую славу; она покончила бы со всѣми историческими предразсудками и ложными авторитетами; она направила бы всѣ свои силы на уничтоженіе лживыхъ образовъ, загромождающихъ человѣческую память, для того чтобы разумъ, увидѣвъ прошлое въ его истинномъ свѣтѣ, могъ вывести изъ него нѣкоторыя достовѣрныя заключенія относительно настоящаго и съ твердой надеждою устремить свой взоръ въ безконечныя пространства, открывающіяся передъ нимъ.

Я думаю, что одна огромная слава, слава Греціи, померкла бы тогда почти совсѣмъ; я думаю, что наступитъ день, когда нравственная мысль не иначе, какъ со священной печалью, будетъ останавливаться передъ этой страной обольщенья и ошибокъ, откуда геній обмана такъ долго распространялъ по всей остальной землѣ соблазнъ и ложь; тогда будетъ уже невозможно, чтобы чистая душа какого-нибудь Фенелона съ нѣгою упивалась сладострастными вымыслами, порожденными ужаснѣйшей испорченностью, въ какую когда-либо впадало человѣческое существо, и могучіе умы [1]) больше не дадутъ себя увлечь чувственнымъ внушеніямъ Платона. Напротивъ, старыя, почти забытыя мысли религіозныхъ умовъ, нѣкоторыхъ изъ тѣхъ глубокихъ мыслителей, настоящихъ героевъ мысли, которые на зарѣ новаго общества одной рукой начертывали предстоящій ему путь, между тѣмъ какъ другой боролись съ издыхающимъ чудовищемъ многобожія, дивныя понятія тѣхъ мудрецовъ, которымъ Богъ довѣрилъ храненіе первыхъ словъ, произнесенныхъ имъ въ присутствіи творенія,— найдутъ тогда столь же удивительное, какъ и неожиданное примѣненіе. И такъ какъ, вѣроятно, въ странныхъ видѣніяхъ

---

[1]) Какъ Шлейермахеръ, Шеллингъ, Кузенъ и др.

будущаго, которыхъ были удостоены нѣкоторые избранные умы, увидятъ тогда главнымъ образомъ выраженіе глубокаго сознанія безусловной связи между эпохами, то поймутъ, что на дѣлѣ эти предсказанія не относятся ни къ какой опредѣленной эпохѣ, но являются указаніями, безразлично касающимися всѣхъ временъ; мало того, увидятъ, что достаточно, такъ сказать, взглянуть вокругъ себя, чтобы замѣтить, что они безпрестанно осуществляются въ послѣдовательныхъ фазисахъ общества, какъ ежедневное ослѣпительное проявленіе вѣчнаго закона, управляющаго нравственнымъ міромъ; такъ что факты, о которыхъ говорятъ пророчества, будутъ для насъ тогда столь же ощутительными, какъ и самые факты увлекающихъ насъ событій [1]).

Наконецъ, вотъ самый важный урокъ, который, по нашему мнѣнію, преподала бы намъ исторія, такимъ образомъ понятая; и въ нашей системѣ этотъ урокъ, уясняя намъ міровую жизнь разумнаго существа, которое одно даетъ ключъ къ рѣшенію человѣческой загадки, резюмируетъ всю философію исторіи. Вмѣсто того, чтобы тѣшиться безсмысленной системой механическаго совершенствованія нашей природы, системой, такъ явно опровергнутой опытомъ всѣхъ вѣковъ, мы узнали бы, что, предоставленный самому себѣ, человѣкъ всегда шелъ, напротивъ, лишь по пути безпредѣльнаго паденія, и что если время отъ времени у всѣхъ народовъ бывали эпохи прогресса, моменты просвѣтленія въ міровой жизни человѣка, высокіе порывы человѣческаго разума, дивныя усилія человѣческой природы—чего нельзя отрицать,—то, съ другой стороны, ничто не свидѣтельствуетъ о постоянномъ и непрерывномъ поступательномъ движеніи общества въ цѣломъ, и что на самомъ дѣлѣ лишь въ томъ обществѣ, котораго мы члены, обществѣ, не созданномъ руками человѣческими, можно замѣтить истинное восходящее движеніе, дѣйствительный принципъ непрерыв-

---

[1]) Тогда, напримѣръ, люди уже не будутъ искать великій Вавилонъ въ томъ или другомъ земномъ государствѣ, какъ это дѣлали еще недавно, но почувствуютъ, что сами живутъ среди грохота его разрушенія, т.-е. они поймутъ, что вдохновенный историкъ будущихъ вѣковъ, разсказавшій намъ это ужасающее паденіе, имѣлъ въ виду не крушеніе одной какой-либо державы, но крушеніе матеріальнаго общества вообще, того общества, какое мы видимъ.

наго развитія и прочности. Мы безъ сомнѣнія восприняли то, что умъ древнихъ открылъ раньше насъ, мы воспользовались этимъ знаніемъ и сомкнули такимъ образомъ звенья великой цѣпи временъ, порванной варварствомъ; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что народы пришли бы къ тому состоянію, въ которомъ они находятся нынѣ, когда бы не великое историческое явленіе, стоящее совершенно въ сторонѣ отъ всего предшествующаго, внѣ всякой естественной преемственности человѣческихъ идей въ обществѣ и всякаго необходимаго сцѣпленія вещей,—явленіе, которое отдѣляетъ древній міръ отъ новаго.

Если тогда, сударыня, взоръ мудраго человѣка обратится къ прошлому, міръ, какимъ онъ былъ въ моментъ, когда сверхъестественная сила сообщила ему новое направленіе, предстанетъ его воображенію въ своемъ истинномъ свѣтѣ—развратный, лживый, обагренный кровью. Онъ признаетъ тогда, что тотъ самый прогрессъ народовъ и поколѣній, которымъ онъ такъ восхищался, въ дѣйствительности лишь привелъ ихъ къ несравненно большему огрубѣнію, чѣмъ то, въ какомъ находятся племена, которыя мы называемъ дикими; и—что особенно ясно свидѣтельствуетъ о несовершенствѣ цивилизацій древняго міра,—онъ безъ сомнѣнія убѣдится, что въ нихъ не было никакого элемента прочности, долговѣчности. Глубокая мудрость Египта, чарующая прелесть Іоніи, суровыя добродѣтели Рима, ослѣпительный блескъ Александріи, что сталось съ вами? спроситъ онъ себя. Блестящія цивилизаціи, древностью равныя міру, взлелѣянныя всѣми силами земли, пріобщенныя ко всякой славѣ, ко всѣмъ величіямъ и всѣмъ земнымъ владычествамъ, связанныя, наконецъ, съ обширнѣйшей властью, когда-либо тяготѣвшей надъ міромъ [1]), со всемірной имперіей,—какимъ образомъ могли вы обратиться въ прахъ? Къ чему же вела вся эта вѣковая работа, всѣ эти гордыя усилія разумной природы, если новые народы, явившіеся Богъ вѣсть откуда и не принимавшіе въ нихъ никакого участія, должны были современемъ разрушить все это, ниспровергнуть великолѣпное зданіе и провести плугъ по его развалинамъ? Такъ

---

[1]) Александръ, Селевкиды, Маркъ-Аврелій, Юліанъ, Лагиды и т. д.

для того созидалъ человѣкъ, чтобы увидѣть когда-нибудь все твореніе рукъ своихъ обращеннымъ въ прахъ? для того онъ накопилъ такъ много, чтобы все потерять въ одинъ день? для того поднялся такъ высоко, чтобы еще ниже упасть?

Но не заблуждайтесь, сударыня: не варвары разрушили древній міръ. Это былъ истлѣвшій трупъ; они лишь развѣяли его прахъ по вѣтру. Развѣ эти самые варвары не нападали и раньше на древнія общества, не будучи однако въ силахъ хотя бы только поколебать ихъ? Но истина въ томъ, что жизненный принципъ, поддерживавшій дотолѣ человѣческое общество, истощился; что матеріальный, или, если хотите, реальный интересъ, которымъ однимъ до тѣхъ поръ опредѣлялось соціальное движеніе, такъ сказать, выполнилъ свою задачу, завершилъ предварительное образованіе рода человѣческаго; что человѣческій духъ, какъ бы онъ ни стремился выйти изъ своей земной среды, можетъ лишь изрѣдка подниматься въ высшія сферы, гдѣ пребываетъ истинный принципъ общественнаго бытія, и что, слѣдовательно, онъ не въ состояніи придать обществу его окончательную форму.

Мы слишкомъ долго привыкли видѣть въ мірѣ только отдѣльныя государства; вотъ почему огромное превосходство новаго общества надъ древнимъ еще не оцѣнено надлежащимъ образомъ. Упускали изъ виду, что въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ это общество составляло настоящую федеральную систему, которая была расторгнута только реформаціей; что до этого прискорбнаго событія народы Европы смотрѣли на себя не иначе, какъ на части единаго соціальнаго тѣла, раздѣленнаго въ географическомъ отношеніи на нѣсколько государствъ, но въ духовномъ отношеніи составляющаго одно цѣлое; что долгое время у нихъ не было другого публичнаго права, кромѣ предписаній церкви; что войны въ то время считались междоусобіями; что, наконецъ, весь этотъ міръ былъ одушевленъ однимъ исключительнымъ интересомъ, движимъ однимъ стремленіемъ. Исторія среднихъ вѣковъ—въ буквальномъ смыслѣ слова—исторія одного народа,—народа христіанскаго. Главное содержаніе ея составляетъ развитіе нравственной идеи; чисто политическія событія занимаютъ въ ней лишь второстепенное мѣсто; и это въ особенности доказывается какъ разъ тѣми войнами изъ-за идеи, къ которымъ питала такое

отвращеніе философія прошлаго вѣка. Вольтеръ справедливо замѣчаетъ, что только у христіанъ мнѣнія бывали причиною войнъ; но не надо было останавливаться здѣсь, надо было добраться до причины этого исключительнаго явленія. Ясно, что царство мысли могло водвориться въ мірѣ не иначе, какъ путемъ сообщенія самому элементу мысли всей его реальности. И если теперь положеніе вещей съ виду измѣнилось, то это является результатомъ раскола, который, нарушивъ единство мысли, уничтожилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и единство соціальное; но сущность вещей безъ всякаго сомнѣнія остается той же, что и прежде, и Европа все еще тожественна съ христіанствомъ, что бы она ни дѣлала и что бы ни говорила. Конечно, она не вернется больше къ тому состоянію, въ которомъ находилась въ эпоху своей юности и роста, но нельзя также сомнѣваться, что наступитъ день, когда границы, раздѣляющія христіанскіе народы, снова изгладятся, и первоначальный принципъ новаго общества еще разъ проявится въ новой формѣ и съ большей силой, чѣмъ когда бы то ни было. Для христіанина это предметъ вѣры; ему такъ же не позволено сомнѣваться въ этомъ будущемъ, какъ и въ томъ прошломъ, на которомъ основаны его вѣрованія; но для всякаго серьезнаго ума это вещь *доказанная*. И даже, кто знаетъ, не ближе ли этотъ день, чѣмъ можно было бы думать? Какая то огромная религіозная работа совершается теперь въ умахъ; въ ходѣ науки, этой верховной владычицы нашего вѣка, замѣчается какое то попоротное движеніе; души настроены торжественно и сосредоточенно; какъ знать, не предвѣстники ли это какихъ-нибудь великихъ соціальныхъ явленій, долженствующихъ вызвать въ разумной природѣ нѣкое всеобщее движеніе, которое замѣнитъ достовѣрными доводами здраваго смысла то, что теперь—только чаянія вѣры? Слава Богу, реформація не все разрушила; слава Богу, общество было уже вполнѣ построено для вѣчной жизни, когда бичъ поразилъ христіанскій міръ.

Итакъ, истинный характеръ новаго общества надо изучать не въ той или другой отдѣльной странѣ, но во всемъ этомъ громадномъ обществѣ, составляющемъ европейскую семью; въ немъ находится истинный элементъ устойчивости и прогресса, отличающій новый міръ отъ міра древняго; въ немъ всѣ ве-

ликіе свѣточи исторіи. Такъ, мы видимъ, что, несмотря на всѣ перевороты, которые постигли новое общество, оно не только ничуть не утратило своей жизненности, но что съ каждымъ днемъ его мощь возрастаетъ, съ каждымъ днемъ въ немъ рождаются новыя силы. Такъ, мы видимъ, что арабы, татары и турки не только не могли его уничтожить, но, напротивъ, лишь способствовали его укрѣпленію. Надо замѣтить, что первые два народа напали на Европу до изобрѣтенія пороха, что, слѣдовательно, вовсе не огнестрѣльное оружіе спасло ее отъ гибели, и что нашествію одного изъ нихъ въ то же самое время подверглись оба уцѣлѣвшія до сихъ поръ государства древняго міра[1]).

---

[1]) Изъ зрѣлища, представляемаго Индіей и Китаемъ, можно почерпнуть важныя назиданія. Благодаря этимъ странамъ, мы являемся современниками міра, отъ котораго вокругъ насъ остался только прахъ; на ихъ судьбѣ мы можемъ узнать, что сталось бы съ человѣчествомъ безъ того новаго толчка, который былъ данъ ему всемогущей рукою въ другомъ мѣстѣ.

Замѣтьте, что Китай съ незапамятныхъ временъ обладалъ тремя великими орудіями, которыя, какъ говорятъ, всего болѣе ускорили у насъ прогрессъ человѣческаго ума: компасомъ, книгопечатаніемъ и порохомъ. Между тѣмъ, къ чему они послужили ему? Совершили ли китайцы кругосвѣтное путешествіе? открыли ли они новую часть свѣта? обладаютъ ли они болѣе обширной литературой, чѣмъ какою обладали мы до изобрѣтенія книгопечатанія? Въ пагубномъ искусствѣ убивать были ли у нихъ, какъ у насъ, свои Фридрихи и Бонапарты? Что касается Индостана, то жалкая доля, на которую обрекли его сначала татарское, потомъ англійское завоеванія, ясно обнаруживаетъ, какъ мнѣ кажется, то безсиліе и ту мертвенность, какія присущи всякому обществу, не основанному на истинѣ, непосредственно исходящей отъ высшаго разума. Я лично думаю, что такое необыкновенное униженіе народа, являющагося носителемъ древнѣйшаго естественнаго просвѣщенія и зачатковъ всѣхъ человѣческихъ знаній, заключаетъ въ себѣ сверхъ того еще какой-то особый урокъ. Не въ правѣ ли мы видѣть здѣсь приложеніе къ коллективному уму народовъ того закона, дѣйствіе котораго мы ежедневно наблюдаемъ на отдѣльныхъ лицахъ, именно, что умъ, по какой бы то ни было причинѣ ничего не заимствовавшій изъ массы распространенныхъ среди человѣчества идей и не подчинившійся дѣйствію общаго закона, но обособившійся отъ человѣческой семьи и совершенно замкнувшійся въ самомъ себѣ, неизбѣжно приходитъ тѣмъ въ большій упадокъ, чѣмъ своевольнѣе была его собственная дѣятельность? Въ самомъ дѣлѣ, была ли когда-либо какая другая нація доведена до такого жалкаго состоянія, чтобы стать добычей

Паденіе Римской имперіи обыкновенно приписываютъ порчѣ нравовъ и проистекшему отсюда деспотизму. Но этотъ міровой переворотъ касался не одного Рима: не Римъ погибъ тогда, но вся цивилизація. Египетъ временъ фараоновъ, Греція эпохи Перикла, второй Египетъ Лагидовъ и вся Греція Александра, простиравшаяся дальше Инда, наконецъ самый іудаизмъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ эллинизировался, — всѣ они смѣшались въ римской массѣ и слились въ одно общество, которое представляло собою всѣ предшествовавшія поколѣнія отъ самаго начала вещей, и которое заключало въ себѣ всѣ нравственныя и умственныя силы, развившіяся до тѣхъ поръ въ человѣческой природѣ. Такимъ образомъ, не одна имперія пала тогда, но все человѣческое общество уничтожилось и снова возродилось въ этотъ день. Теперь, когда Европа какъ бы охватила собою земной шаръ, когда новый свѣтъ, поднявшійся изъ океана, пересозданъ ею, когда всѣ остальныя человѣческія племена до такой степени подчинились ей, что существуютъ лишь какъ бы съ ея соизволенія,—не трудно понять, что происходило на землѣ въ то время, когда рушилось старое зданіе и на его мѣстѣ чудеснымъ образомъ воздвигалось новое: здѣсь получалъ новый законъ, новую организацію духовный элементъ природы. Матеріалы древняго міра конечно пошли въ дѣло при созиданіи новаго общества, такъ какъ высшій разумъ не можетъ уничтожать твореніе собственныхъ рукъ, и матеріальная основа нравственнаго порядка необходимо должна была остаться той же; другіе же человѣческіе матеріалы, совсѣмъ новые, изъ залежи, нетронутой древней цивилизаціей, были доставлены Провидѣніемъ. Мощный и сосредоточенный умъ сѣверныхъ народовъ сочетался съ пылкимъ духомъ Юга и Востока; казалось, всѣ разлитыя по землѣ духовныя силы проявились и соединились въ этотъ день, чтобы дать жизнь поколѣніямъ идей, элементы которыхъ были до

не другого народа, но нѣсколькихъ торговцевъ, которые въ своей родной странѣ сами являются подданными, здѣсь же неограниченными властителями? Притомъ, помимо этого неслыханнаго униженія индусовъ, явившагося слѣдствіемъ ихъ покоренія, самый упадокъ индусскаго общества начался, какъ извѣстно, гораздо раньше. Его литература и философія и самый языкъ, на которомъ онѣ изложены, относятся къ давно уже исчезнувшему порядку вещей.

тѣхъ поръ погребены въ самыхъ таинственныхъ глубинахъ человѣческаго сердца. Но ни планъ зданія, ни цементъ, скрѣпившій эти разнородные матеріалы, не были дѣломъ рукъ человѣческихъ: *все сдѣлала* идея истины. Вотъ что необходимо понять, и вотъ тотъ величайшей важности фактъ, котораго чисто историческое мышленіе, даже пользуясь всѣми орудіями человѣческой мысли, извѣстными нашей эпохѣ, никогда не въ состояніи будетъ выяснить настолько, чтобы удовлетворить умъ. Вотъ та ось, вокругъ которой вращается вся историческая сфера, и чѣмъ вполнѣ объясняется весь фактъ воспитанія человѣческаго рода. Конечно, уже одно величіе событія и его тѣсная, необходимая связь со всѣмъ, что ему предшествовало и за нимъ слѣдовало, сами по себѣ ставятъ его внѣ обычнаго теченія человѣческихъ дѣлъ, которыя никогда не бываютъ свободны отъ извѣстнаго произвола, отъ нѣкоторой прихотливости; но непосредственное воздѣйствіе этого событія на умъ человѣческій, новыя силы, которыми оно его сразу обогатило, новыя потребности, которыя оно сразу вызвало въ немъ, и въ особенности это чудесное уравненіе умовъ, совершенное тѣмъ, благодаря кому человѣкъ сталъ во всякомъ положеніи *жаждать истины и быть способнымъ къ ея познаванію*, — вотъ что налагаетъ на этотъ историческій моментъ поразительную печать Промысла и высшаго разума.

И вотъ взгляните: какъ часто человѣческая мысль ни возвращалась съ тѣхъ поръ къ вещамъ, которыя болѣе не существуютъ, не могутъ и не должны существовать,—въ основѣ она всегда крѣпко держалась за этотъ моментъ. Взгляните: развѣ сознаніе верховнаго разума не вошло цѣликомъ въ новый нравственный порядокъ, и развѣ эта часть міроного ума, увлекающая за собой остальную его массу, не возникла въ самомъ дѣлѣ въ первый день нашей эры? Не знаю, можетъ быть, черта, отдѣляющая насъ отъ древняго міра, видна не всѣмъ взорамъ, но она, конечно, ощутительна для всякаго ума, наученнаго нравственнымъ чувствомъ сколько-нибудь понимать то, что раздѣляетъ элементы разумной природы, и то, что ихъ соединяетъ. Повѣрьте мнѣ, наступитъ время, когда своего рода возвратъ къ язычеству, происшедшій въ пятнадцатомъ вѣкѣ и очень неправильно названный возрожденіемъ наукъ, будетъ возбуждать въ новыхъ народахъ лишь такое

воспоминаніе, какое сохраняетъ человѣкъ, вернувшійся на путь добра, о какомъ-нибудь сумасбродномъ и преступномъ увлеченіи своей юности.

Замѣтьте притомъ, что, благодаря особаго рода оптическому обману, древность представляется намъ въ видѣ безконечнаго ряда вѣковъ, между тѣмъ какъ новый періодъ кажется начавшимся чуть ли не со вчерашняго дня. На самомъ же дѣлѣ исторія древняго міра, считая хотя бы отъ водворенія Пелазговъ въ Греціи, охватываетъ періодъ времени, не болѣе какъ на одно столѣтіе превышающій продолжительность нашей эры, а собственно историческій періодъ и того короче. И вотъ за такой то короткій промежутокъ времени сколько государствъ погибло въ древнемъ мірѣ, между тѣмъ какъ въ исторіи новыхъ народовъ вы видите лишь всевозможныя перемѣщенія географическихъ границъ, самое же общество и отдѣльные народы *остаются нетронутыми!* Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что такіе факты, какъ изгнаніе мавровъ изъ Испаніи, истребленіе американскихъ племенъ и уничтоженіе власти татаръ въ Россіи, только подтверждаютъ наше разсужденіе. Точно также и паденіе оттоманской имперіи, напримѣръ, отголоски котораго уже долетаютъ до нашего слуха, снова представитъ зрѣлище одной изъ тѣхъ страшныхъ катастрофъ, которыя христіанскимъ народамъ никогда не суждено испытать; затѣмъ наступитъ чередъ другихъ нехристіанскихъ народовъ, живущихъ у самыхъ отдаленныхъ предѣловъ нашей системы. Таковъ кругъ всемогущаго дѣйствія истины: отталкивая однѣ народности, другія принимая въ свою окружность, онъ безпрестанно расширяется, приближая насъ къ возвѣщеннымъ временамъ.

Надо сознаться, удивительно равнодушіе, съ которымъ долго относились къ новѣйшей цивилизаціи. Вы видите, однако, что понять ее правильно, значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшить весь соціальный вопросъ. Вотъ почему философія исторіи въ самыхъ широкихъ и самыхъ общихъ своихъ разсужденіяхъ волей-неволей принуждена возвращаться къ этой цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, не содержитъ ли она въ себѣ плодъ всѣхъ истекшихъ вѣковъ, и грядущіе вѣка будутъ ли чѣмъ инымъ, какъ плодомъ этой цивилизаціи? Дѣло въ томъ, что нравственное существо всецѣло создано временемъ, и время

же должно завершить выработку его. Никогда масса распространенныхъ въ мірѣ идей не была такъ сконцентрирована, какъ въ современномъ обществѣ; никогда за все время существованія человѣка вся дѣятельность его природы не была до такой степени поглощена одной идеей, какъ въ наши дни. Прежде всего, мы безусловно унаслѣдовали все, что когда-либо было сказано или сдѣлано людьми; далѣе, нѣтъ ни одного мѣста, куда бы не простиралось вліяніе нашихъ идей; наконецъ, во всемъ мірѣ существуетъ теперь лишь одна умственная власть; такимъ образомъ всѣ основные вопросы нравственной философіи по необходимости заключены въ единомъ вопросѣ о новѣйшей цивилизаціи. Но люди думаютъ, что разъ они произнесли свои громкія слова о способности человѣка къ совершенствованію, о прогрессѣ человѣческаго ума, — этимъ все сказано, все объяснено: какъ будто человѣкъ искони неустанно шелъ впередъ, никогда не останавливаясь, никогда не возвращаясь вспять, какъ будто въ ходѣ развитія разумной природы никогда не было ни задержекъ, ни отступленій, а всегда только совершенствованіе и прогрессъ. Если бы дѣло обстояло такъ, то почему народы, о которыхъ я вамъ только-что говорилъ, остаются неподвижными съ тѣхъ поръ, какъ мы ихъ знаемъ? Почему азіатскія націи впали въ косность? Чтобы достигнуть состоянія, въ которомъ онѣ находятся теперь, имъ вѣдь надо было въ свое время, подобно намъ, искать, изобрѣтать, открывать. Почему же, дойдя до извѣстной ступени, онѣ на ней остановились и съ тѣхъ поръ не могли придумать ничего новаго? [1]). Отвѣтъ простой: дѣло въ томъ, что прогрессъ человѣческой природы вовсе не безграниченъ, какъ это обыкновенно воображаютъ; для него существуетъ предѣлъ, за который онъ никогда не переходитъ. Вотъ почему цивилизаціи древняго міра не всегда шли впередъ; вотъ почему Египетъ со времени посѣщенія его Геродотомъ вплоть до эпохи греческаго владычества не сдѣлалъ больше никакихъ успѣховъ; вотъ почему прекрасный и блестящій римскій міръ, сосредоточившій въ себѣ всю образованность, какая существо-

[1]) Когда говорятъ о какой-нибудь культурной націи, что она находится въ застоѣ, то надо прибавить, съ какихъ поръ она пришла въ это состояніе, иначе эта фраза совсѣмъ не имѣетъ смысла.

вала тогда на пространствѣ отъ столбовъ Геркулеса до береговъ Ганга, въ моментъ, когда новая идея озарила человѣческій умъ, пришелъ въ то состояніе неподвижности, которымъ неизбѣжно завершается всякій чисто-человѣческій прогрессъ. Стоитъ только, отбросивъ классическія суевѣрія, поразмыслить объ этомъ моментѣ, столь богатомъ послѣдствіями,—и станетъ ясно, что кромѣ отличавшей эту эпоху крайней развращенности нравовъ, кромѣ утраты всякаго понятія о добродѣтели, свободѣ, любви къ родинѣ, кромѣ настоящаго упадка въ нѣкоторыхъ областяхъ человѣческаго знанія, здѣсь наблюдался также полнѣйшій застой во всѣхъ остальныхъ, и умы дошли до такого состоянія, что могли вращаться только въ опредѣленномъ тѣсномъ кругу, за предѣлами котораго они неизбѣжно впадали въ тупую безпорядочность. Дѣло въ томъ, что какъ только матеріальный интересъ удовлетворенъ, человѣкъ больше не прогрессируетъ: хорошо еще, если онъ не идетъ назадъ! Не будемъ заблуждаться: въ Греціи, какъ и въ Индостанѣ, въ Римѣ, какъ и въ Японіи, вся умственная работа, какой бы силы ни достигала она въ прошломъ и въ настоящемъ, всегда вела и теперь ведетъ лишь къ одной и той же цѣли; поэзія. философія, искусство, все это, какъ прежде, такъ и теперь. всегда преслѣдуетъ тамъ только удовлетвореніе физическаго существа. Все, что есть самаго возвышеннаго въ ученіяхъ и умственныхъ привычкахъ Востока, не только не противорѣчитъ этому общему факту, но, напротивъ, подтверждаетъ его, такъ какъ кто же не видитъ, что безпорядочный разгулъ мысли, который мы тамъ встрѣчаемъ, объясняется не чѣмъ инымъ, какъ иллюзіями и самообольщеніемъ матеріальнаго существа въ человѣкѣ? Не надо думать однако, что этотъ земной интересъ, являющійся исконнымъ двигателемъ всей человѣческой дѣятельности, ограничивается одними чувственными вожделѣніями; онъ просто выражаетъ общую потребность въ благополучіи, которая проявляется всевозможными способами и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, въ зависимости отъ большей или меньшей степени развитія общества и отъ разныхъ мѣстныхъ причинъ, но никогда не подымается до уровня чисто духовныхъ потребностей. Только христіанское общество по-истинѣ одушевлено духовными интересами, и именно этимъ обусловлена способность новыхъ народовъ къ совершенствова-

нію, именно здѣсь вся тайна ихъ культуры. Какъ бы ни проявлялся у нихъ тотъ другой интересъ, вы видите, что онъ всегда подчиненъ этой могучей силѣ, которая овладѣваетъ всѣми способностями души, заставляетъ служить себѣ всѣ силы разума и чувства и направляетъ все въ человѣкѣ на выполненіе его предназначенія.

Этотъ интересъ, конечно, никогда не можетъ быть удовлетворенъ: онъ безпредѣленъ по самой своей природѣ. Такимъ образомъ христіанскіе народы въ силу необходимости постоянно идутъ впередъ. При этомъ, хотя цѣль, къ которой они стремятся, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ другимъ благополучіемъ, на которое одно только и могутъ разсчитывать нехристіанскіе народы, но они попутно находятъ его и пользуются имъ. Утѣхи жизни, которыхъ единственно ищутъ другіе народы, достаются также на ихъ долю, согласно слову Спасителя: *«Ищите же прежде всего царства Божія и правды Его, и все остальное приложится вамъ»* [1]). Такимъ образомъ, огромный размахъ, который сообщаетъ всѣмъ умственнымъ силамъ этихъ народовъ идея, владѣющая ими, въ изобиліи обезпечиваетъ имъ всѣ тѣлесныя блага, такъ же какъ и духовныя. Нельзя, впрочемъ, и сомнѣваться въ томъ, что насъ никогда не постигнетъ ни китайскій застой, ни греческій упадокъ; еще менѣе можно себѣ представить полное уничтоженіе нашей цивилизаціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ кругомъ. Весь міръ долженъ былъ бы перевернуться, новый переворотъ, подобный тому, который придалъ ему его теперешнюю форму, долженъ бы произойти для того, чтобы современная цивилизація погибла. Безъ вторичнаго всемірнаго потопа невозможно вообразить себѣ полную гибель нашего просвѣщенія. Пусть даже, напримѣръ, погрузится въ море цѣлое полушаріе,—того, что уцѣлѣетъ отъ нашей цивилизаціи на другомъ полушаріи, будетъ достаточно, чтобы возродить человѣческій духъ. Нѣтъ, идея, которая должна завоевать вселенную, никогда не замретъ и не погибнетъ, если только не будетъ ей такъ опредѣлено свыше особою волею Того, кто вложилъ ее въ человѣческую душу. Этотъ философскій выводъ изъ размышленій объ исторіи,

---

[1]) Мат., VI, 33.

какъ мнѣ кажется, болѣе положителенъ, болѣе очевиденъ и болѣе назидателенъ, чѣмъ всѣ тѣ заключенія, которыя банальная исторія по-своему выводитъ изъ картины вѣковъ, ссылаясь на вліяніе почвы, климата, расы и т. д., и въ особенности на теорію *необходимаго совершенствованія*.

Надо сознаться однако, что если до сихъ поръ вліяніе христіанства на общество, на развитіе человѣческаго ума и на современную цивилизацію еще не оцѣнено достаточно, то это въ значительной степени вина протестантовъ. Вы знаете, что во всѣхъ пятнадцати вѣкахъ, предшествовавшихъ реформаціи, или по крайней мѣрѣ во всемъ періодѣ съ тѣхъ поръ, какъ первоначальное христіанство, по ихъ мнѣнію, исчезло,— они видятъ только папизмъ; поэтому ихъ нисколько не интересуетъ прослѣдить ходъ развитія христіанства въ продолженіе среднихъ вѣковъ; для нихъ эта эпоха—пробѣлъ въ исторіи: какъ же имъ понять воспитаніе новыхъ народовъ? Ничто такъ не способствовало искаженію картины новой исторіи, какъ предразсудки протестантизма. Это онъ такъ усердно преувеличивалъ важность возрожденія наукъ, котораго, собственно говоря, никогда не было, такъ какъ наука никогда не погибала совершенно; это онъ придумалъ множество разныхъ причинъ прогресса, которыя въ сущности вліяли лишь очень второстепеннымъ образомъ или проистекали всецѣло изъ главной причины. Къ счастью, менѣе пристрастная философія, исходящая изъ болѣе высокихъ взглядовъ, въ наши дни, обратившись къ прошлому, исправила наши понятія объ этомъ интересномъ періодѣ. Благодаря ей сразу открылось столько новаго, что самое упорное недоброжелательство не можетъ устоять передъ этими достовѣрными фактами, и, я думаю, мы имѣемъ право сказать, что если вразумленіе людей этимъ путемъ входитъ въ планы Провидѣнія, то недалекъ тотъ моментъ, когда яркій свѣтъ разгонитъ тьму, еще отчасти покрывающую прошлое новаго общества [1]).

Мы не можемъ не вернуться еще разъ къ упорству, съ которымъ протестанты утверждаютъ, что христіанство перестало существовать начиная со второго или, въ лучшемъ слу-

---

[1]) Съ тѣхъ поръ, какъ эти строки были написаны, г. Гизо въ значительной степени оправдалъ нашу надежду.

чаѣ, съ третьяго вѣка. Если вѣрить имъ, то въ этотъ періодъ отъ него уцѣлѣло лишь ровно столько, сколько нужно было, чтобы оно не погибло окончательно. Суевѣріе и невѣжество этихъ одиннадцати или двѣнадцати вѣковъ кажутся имъ столь безпросвѣтными, что во всей этой эпохѣ они не видятъ ничего, кромѣ идолопоклонства еще болѣе ужаснаго, чѣмъ у языческихъ народовъ. По ихъ мнѣнію, не будь вальденцевъ, нить священнаго преданія совершенно оборвалась бы, а не явись еще нѣсколько дней Лютеръ, — религія Христа перестала бы существовать. Но, спрашиваю васъ, можно ли признать печать божественности на такомъ ученіи, лишенномъ силы, долговѣчности и жизни, какимъ они выставляютъ христіанство, ученіи преходящемъ и лживомъ, которое вмѣсто того, чтобы возродить родъ человѣческій и влить въ него новую жизнь, какъ оно обѣщало, — лишь на мгновеніе появилось на землѣ, чтобы затѣмъ угаснуть, возникло лишь для того, чтобы сейчасъ же исчезнуть или чтобы стать орудіемъ человѣческихъ страстей? Итакъ, судьба Церкви зависѣла лишь отъ желанія Льва X достроить базилику св. Петра? и если бы онъ не велѣлъ съ этой цѣлью продавать индульгенціи въ Германіи, то въ наше время уже почти не оставалось бы слѣдовъ христіанства? Не знаю, можетъ ли что-нибудь яснѣе показать коренное заблужденіе реформаціи, чѣмъ этотъ узкій и мелочный взглядъ на откровенную религію. Не значитъ ли это противорѣчить собственнымъ словамъ Іисуса Христа и всей идеѣ его религіи? Если слово его не должно прейти, доколѣ не прейдутъ небо и земля, и самъ онъ всегда среди насъ, то какимъ образомъ храмъ, воздвигнутый его руками, могъ быть близокъ къ паденію? И какъ могъ бы онъ столь долгое время оставаться пустымъ, точно покинутый домъ, готовый рухнуть?

Надо, однако, сознаться, — они были послѣдовательны. Если они сначала разожгли пожаръ въ цѣлой Европѣ, а затѣмъ разрушили связи, объединявшія всѣ христіанскіе народы въ одну семью, то они сдѣлали это потому, что христіанство было на краю гибели. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не надо было всѣмъ пожертвовать, лишь бы спасти его? Но вотъ въ чемъ дѣло: ничто лучше не доказываетъ божественность нашей религіи, чѣмъ ея постоянное дѣйствіе на чело-

вѣческій умъ,—дѣйствіе, которое, хотя и измѣнялось смотря по времени, хотя и сочеталось съ различными потребностями народовъ и вѣковъ, но никогда не ослабѣвало, не говоря уже о томъ, чтобы вовсе прекратиться. Это зрѣлище ея державной мощи, непрестанно дѣйствующей среди безконечныхъ препятствій, создаваемыхъ и порочностью нашей природы, и пагубнымъ наслѣдіемъ язычества,—вотъ что болѣе всего удовлетворяетъ въ ней разумъ.

Что же означаетъ утвержденіе, будто католическая Церковь выродилась изъ первоначальной Церкви? Развѣ, начиная съ третьяго вѣка, отцы Церкви не сокрушались объ испорченности христіанъ? И развѣ не повторялись тѣ же жалобы постоянно, въ каждомъ вѣкѣ, на каждомъ соборѣ? Развѣ истинное благочестіе не возвышало постоянно свой голосъ противъ злоупотребленій и пороковъ духовенства, а когда бывалъ къ тому поводъ, и противъ захватовъ со стороны духовной власти? Что можетъ быть прекраснѣе тѣхъ яркихъ лучей свѣта, которые время отъ времени загорались въ глубинѣ темной ночи, окутывавшей міръ? Иногда это были примѣры самыхъ возвышенныхъ добродѣтелей, иногда—случаи чудеснаго дѣйствія вѣры на духъ народовъ и отдѣльныхъ людей; Церковь собирала все это и создавала изъ этого свою силу и свое богатство: такъ сооружался вѣчный храмъ тѣмъ способомъ, который лучше всего могъ придать ему надлежащую форму. Первоначальная чистота христіанства естественно не могла сохраняться всегда; оно должно было пройти черезъ всѣ фазы испорченности, должно было принять всѣ отпечатки, какіе только могла наложить на него свобода человѣческаго разума. Сверхъ того, совершенство апостольской Церкви обусловливалось малочисленностью христіанской общины, затерянной среди огромной общины языческой; слѣдовательно оно не можетъ быть присуще всемірному человѣческому обществу. Золотой вѣкъ Церкви, какъ извѣстно, былъ вѣкомъ ея величайшихъ страданій,—вѣкомъ, когда еще совершалось мученичество, которое должно было лечь въ основу новаго порядка, когда еще лилась кровь Спасителя; нелѣпо мечтать о возвращеніи такого порядка вещей, который былъ порожденъ лишь безмѣрными несчастіями, сокрушавшими первыхъ христіанъ.

Хотите ли знать теперь, что сдѣлала эта реформація,

хвалящаяся тѣмъ, будто она вновь обрѣла христіанство? Вы видите,—это одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, какіе только можетъ задать себѣ исторія. Реформація снова повергла міръ въ языческую *разъединенность;* она возстановила тѣ огромныя нравственныя индивидуальности, ту обособленность умовъ и душъ, которую Спаситель приходилъ разрушить. Если она ускорила развитіе человѣческаго духа, то, съ другой стороны, она вытравила изъ сознанія разумнаго существа плодотворную и высокую идею всеобщности. Сущностью всякаго раскола въ христіанскомъ мірѣ является нарушеніе того таинственнаго *единства,* въ которомъ заключается вся божественная идея и вся сила христіанства. Вотъ почему католическая Церковь никогда не примирится съ отпавшими отъ нея общинами. Горе ей и горе христіанству, если фактъ раздѣленія когда-либо будетъ признанъ законною властью, ибо тогда все скоро съизнова превратилось бы въ хаосъ человѣческихъ идей, все стало бы ложью, тлѣномъ и прахомъ. Истина должна быть видимо, такъ сказать, осязательно закрѣплена, чтобы царство духа могло устоять на землѣ; только осуществляясь въ формахъ, свойственныхъ человѣческой природѣ, господство идеи становится прочнымъ и долговѣчнымъ. И затѣмъ, во что обратится таинство причастія, это дивное изобрѣтеніе христіанской мысли, которое—если можно такъ выразиться—матеріализуетъ души, чтобы лучше соединить ихъ,—во что обратится оно, если видимое единеніе будетъ отвергнуто, если люди будутъ довольствоваться внутренней общностью мнѣній, лишенной внѣшней реальности? Что пользы людямъ въ единеніи со Спасителемъ, если они разъединены между собою? Если силу любви и единенія, которую заключаетъ въ себѣ великое таинство, не познали свирѣпый Кальвинъ, убійца Сервета, буйный Цвингли и тиранъ Генрихъ VIII съ его лицемѣрнымъ Кранмеромъ,—я этому не удивляюсь; но непостижимо то, какимъ образомъ нѣкоторые глубокіе и истинно религіозные умы лютеранской Церкви, въ которой это искаженіе Евхаристіи не возведено въ догматъ, да и ревностно оспаривалось ея основателемъ,—какъ эти умы могли такъ странно ошибаться относительно духа этого таинства и слѣпо подчиняться мертвенной идеѣ кальвинизма. Нельзя не признать, что всѣ протестантскія церкви отличаются какой-то непонятной

страстью къ разрушенію; онѣ какъ бы неудержимо стремятся къ самоуничтоженію, какъ бы нарочно отвергаютъ все то, что могло бы сдѣлать ихъ слишкомъ долговѣчными. Этому ли учитъ насъ Тотъ, кто явился принести на землю жизнь и побѣдилъ смерть? Развѣ мы уже на небѣ, чтобы безнаказанно отбрасывать условія существующаго порядка вещей? И что такое этотъ порядокъ вещей, какъ не сочетаніе самыхъ чистыхъ помысловъ разумнаго существа съ потребностями его существованія? Первая же изъ этихъ потребностей—общество, соприкосновеніе умовъ, сліяніе идей и чувствъ. Лишь удовлетворяя этому условію, истина становится живой и изъ области умозрѣнія спускается въ область реальнаго; лишь тогда идея дѣлается фактомъ, получаетъ, наконецъ, характеръ силы природы, и дѣйствіе ея становится такимъ же вѣрнымъ, какъ дѣйствіе всякой другой естественной силы. Но какъ можетъ все это произойти въ идеальномъ обществѣ, существующемъ лишь въ области желаній и воображенія? Вотъ что представляетъ собою невидимая Церковь протестантовъ; она дѣйствительно невидима, какъ все несуществующее.

Днемъ соединенія всѣхъ христіанскихъ исповѣданій будетъ тотъ день, когда отдѣлившіяся Церкви съ полнымъ смиреніемъ, въ глубокомъ раскаяніи и самоуничиженіи признаютъ, что, отпавъ отъ Церкви-матери, онѣ далеко оттолкнули отъ себя исполненіе этой молитвы Спасителя: «Отче святый, соблюди ихъ во имя Твое, тѣхъ, которыхъ Ты мнѣ далъ, чтобы они были едино, какъ и мы» [1]).

Допустимъ даже, что папство—человѣческое учрежденіе, какимъ его хотѣли бы представить,—если только явленіе такихъ размѣровъ можетъ быть дѣломъ рукъ человѣческихъ,—но оно существеннымъ образомъ вытекаетъ изъ самаго духа христіанства: это—видимый знакъ единства, а вмѣстѣ съ тѣмъ—въ виду происшедшаго раздѣленія—и символъ возсоединенія. На этомъ основаніи какъ не признать за нимъ верховной власти надъ всѣми христіанскими обществами? И кто не изумится его необыкновеннымъ судьбамъ? Несмотря на всѣ испытанныя имъ превратности и невзгоды, несмотря на его собственныя ошибки, несмотря на всѣ нападки невѣрія и

[1]) Іоан., XVII, 11.

даже его торжество, оно стоитъ непоколебимо и тверже, чѣмъ когда-либо! Лишившись своего человѣческаго блеска, оно стало отъ этого только сильнѣе, а равнодушіе, которое проявляютъ къ нему теперь, лишь укрѣпляетъ его еще болѣе и лучше обезпечиваетъ ему долговѣчность. Нѣкогда его поддерживало почитаніе христіанскаго міра, особый инстинктъ, въ силу котораго народы видѣли въ немъ оплотъ своего земного благополучія, какъ и залогъ вѣчнаго спасенія: теперь оно держится своимъ смиреннымъ положеніемъ среди земныхъ державъ. Но, какъ и прежде, оно въ совершенствѣ выполняетъ свое назначеніе: оно *централизуетъ* христіанскія идеи, сближаетъ ихъ между собою, напоминаетъ даже тѣмъ, кто отвергъ идею единства, объ этомъ высшемъ принципѣ ихъ вѣры,—и всегда, въ силу этого своего божественнаго призванія, величаво паритъ надъ міромъ матеріальныхъ интересовъ. Какъ бы мало вниманія ни удѣляли ему съ виду въ настоящее время, но пусть случилось бы невозможное и папство исчезло бы съ лица земли, вы увидите, въ какое смятеніе придутъ всѣ религіозныя общины, когда этотъ живой памятникъ исторіи великой общины не будетъ стоять передъ ихъ глазами. Они повсюду будутъ искать его тогда, это видимое единство, которымъ они такъ мало дорожатъ теперь, но его нигдѣ не окажется. И не подлежитъ сомнѣнію, что драгоцѣнное сознаніе своей великой будущности, наполняющее теперь христіанскій разумъ и сообщающее ему ту особую высшую жизнь, которая отличаетъ его отъ обыденнаго разума, неизбѣжно изгладится тогда, подобно надеждамъ, основаннымъ на воспоминаніи о дѣятельномъ существованіи: эти надежды утрачиваются съ той минуты, какъ вся дѣятельность оказывается безплодной, и самая память прошлаго ускользаетъ отъ насъ тогда, ставъ ненужной.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Сударыня,

Чѣмъ болѣе вы будете размышлять о томъ, что я говорилъ вамъ намедни, тѣмъ болѣе вы убѣдитесь, что все это уже сотни разъ было высказано людьми всевозможныхъ пар-

тій и мнѣній, и что мы только вносимъ въ этотъ предметъ особый интересъ, котораго до сихъ поръ въ немъ не находили. Однако, я не сомнѣваюсь въ томъ, что если бы этимъ письмамъ случайно привелось увидѣть свѣтъ, ихъ обвинили бы въ парадоксальности. Когда съ извѣстной степенью убѣжденности настаиваешь даже на самыхъ обыкновенныхъ понятіяхъ, ихъ всегда принимаютъ за какія-то необычайныя новшества. Что касается меня, то на мой взглядъ время парадоксовъ и системъ, лишенныхъ реальнаго основанія, миновало настолько безвозвратно, что теперь было бы прямо глупостью впадать въ эти былыя причуды человѣческаго ума. Несомнѣнно, что если человѣческій умъ въ настоящее время и не такъ обширенъ, возвышенъ и плодовитъ, какъ въ великія эпохи вдохновенія и изобрѣтенія, то, съ другой стороны, онъ сталъ безконечно болѣе строгимъ, трезвымъ, непреклоннымъ и методичнымъ, словомъ, болѣе точнымъ, чѣмъ когда бы то ни было прежде. И я прибавлю съ чувствомъ истиннаго удовлетворенія, что съ нѣкотораго времени онъ сталъ также болѣе безличнымъ, чѣмъ когда-либо, что служитъ самой вѣрной гарантіей противъ безразсудности отдѣльныхъ мнѣній.

Если, размышляя о воспоминаніяхъ человѣчества, мы пришли къ нѣкоторымъ оригинальнымъ взглядамъ, несогласнымъ съ предразсудками, то это потому, что на нашъ взглядъ пора откровенно опредѣлить свое отношеніе къ исторіи, какъ это было сдѣлано въ прошломъ вѣкѣ относительно естественныхъ наукъ, т.-е. познать ее во всемъ ея раціональномъ идеализмѣ, какъ естественныя науки были познаны во всей ихъ эмпирической реальности. Такъ какъ предметъ исторіи и способы ея изученія—всегда одни и тѣ же, то ясно, что кругъ историческаго опыта долженъ когда-нибудь замкнуться; примѣненія никогда не будутъ исчерпаны, но къ установленному однажды правилу больше нечего будетъ прибавить. Въ физическихъ наукахъ каждое новое открытіе даетъ новое поприще уму и открываетъ новое поле наблюденію; чтобы не идти далеко, вспомнимъ, что одинъ только микроскопъ познакомилъ насъ съ цѣлымъ міромъ, о которомъ ничего не знали древніе естествоиспытатели. Такимъ образомъ, въ изученіи природы прогрессъ по необходимости безпредѣленъ; въ исторіи же всегда познается только человѣкъ и для познаванія его намъ всегда

служить одно и то же орудіе. Поэтому, если въ исторіи дѣйствительно сокрыто важное поученіе, то когда-нибудь люди должны придти въ ней къ чему-нибудь опредѣленному, что разъ навсегда завершило бы опытъ, т.-е. къ чему-нибудь вполнѣ раціональному. Прекрасная мысль Паскаля, которую я, кажется, уже приводилъ вамъ однажды, та мысль, что *весь послѣдовательный рядъ людей есть не что иное, какъ одинъ человѣкъ, пребывающій вѣчно*, должна современемъ изъ фигуральнаго выраженія отвлеченной истины стать реальнымъ фактомъ человѣческаго ума, который съ этихъ поръ будетъ, такъ сказать, вынужденъ для каждаго дальнѣйшаго шага потрясать всю огромную цѣпь человѣческихъ идей, простирающуюся черезъ всѣ вѣка.

Но, спрашивается, можетъ ли человѣкъ когда-нибудь, вмѣсто того вполнѣ индивидуальнаго и обособленнаго сознанія, которое онъ находитъ въ себѣ теперь, усвоить себѣ такое всеобщее сознаніе, въ силу котораго онъ постоянно чувствовалъ бы себя частью великаго духовнаго цѣлаго? Да, безъ сомнѣнія, можетъ. Подумайте только: на ряду съ чувствомъ нашей личной индивидуальности мы носимъ въ сердцѣ своемъ ощущеніе нашей связи съ отечествомъ, семьей и идейной средой, членами которыхъ мы являемся; часто даже это послѣднее чувство живѣе перваго. Зародышъ высшаго сознанія живетъ въ насъ самымъ явственнымъ образомъ; онъ составляетъ сущность нашей природы; наше нынѣшнее *я* совсѣмъ не предопредѣлено намъ какимъ-либо неизбѣжнымъ закономъ: мы сами вложили его себѣ въ душу. Люди увидятъ, что человѣкъ не имѣетъ въ этомъ мірѣ иного назначенія, какъ эта работа уничтоженія своего личнаго бытія и замѣны его бытіемъ вполнѣ соціальнымъ или безличнымъ. Вы видѣли, что это составляетъ единственную основу нравственной философіи [1]; вы видите теперь, что на этомъ же должно основываться и историческое мышленіе, и вы увидите далѣе, что съ этой точки зрѣнія всѣ заблужденія, которыя затемняютъ и искажаютъ различныя эпохи общей жизни человѣчества, должны быть разсматриваемы не съ холоднымъ научнымъ интересомъ, но съ глубокимъ чувствомъ нравственной правды. Какъ ото-

[1] См. другое письмо.

жествлять себя съ чѣмъ-то, что никогда не существовало? Какъ связать себя съ *небытіемъ*? Только въ истинѣ проявляются притягательныя силы той и другой природы. Для того, чтобы подняться на эти высоты, мы должны при изученіи исторіи усвоить себѣ правило—никогда не мириться ни съ грезами воображенія, ни съ привычками памяти, но съ такимъ же рвеніемъ преслѣдовать положительное и достовѣрное, съ какимъ до сихъ поръ люди всегда искали живописнаго и занимательнаго. Наша задача не въ томъ, чтобы наполнить свою память фактами; что пользы въ нихъ? Ошибочно думать, будто масса фактовъ непремѣнно приноситъ съ собою достовѣрность. Какъ и вообще гадательность историческаго пониманія обусловливается не недостаткомъ фактовъ, точно такъ же и незнаніе исторіи объясняются не незнакомствомъ съ фактами, но недостаткомъ размышленія и неправильностью сужденія. Если бы въ этой научной области желали достигнуть достовѣрности или придти къ положительному знанію съ помощью однихъ только фактовъ, то кто же не понялъ бы, что ихъ никогда не наберется достаточно? Часто одна черта, удачно схваченная, проливаетъ больше свѣта и больше доказываетъ, чѣмъ цѣлая хроника. Итакъ, вотъ наше правило: будемъ размышлять о фактахъ, которые намъ извѣстны, и постараемся держать въ умѣ больше живыхъ образовъ, чѣмъ мертваго матеріала. Пусть другіе роются, сколько хотятъ, въ старой пыли исторіи; что касается насъ, то мы ставимъ себѣ иную задачу. Такимъ образомъ, историческій матеріалъ мы во всякое время считаемъ полнымъ; но къ исторической логикѣ мы всегда будемъ питать недовѣріе; ее мы постоянно должны будемъ осмотрительно провѣрять. Если въ потокѣ временъ мы, наравнѣ съ другими, будемъ видѣть только дѣятельность человѣческаго разума и проявленія совершенно свободной воли, то сколько бы мы ни нагромождали фактовъ въ нашемъ умѣ и съ какимъ бы тонкимъ искусствомъ ни выводили ихъ одни изъ другихъ, мы не найдемъ въ исторіи того, что ищемъ. Въ этомъ случаѣ она всегда будетъ представляться намъ той самой человѣческой игрой, какую люди видѣли въ ней во всѣ времена [1]). Она останется для насъ попрежнему той динамиче-

[1]) Ни Геродота, ни Тита Ливія, ни Григорія Турскаго нельзя

ской и психологической исторіей, о которой я вамъ говорилъ недавно, которая стремится все объяснять личностью и воображаемымъ сцѣпленіемъ причинъ и слѣдствій, человѣческими фантазіями и мнимо-неизбѣжными слѣдствіями этихъ фантазій, и которая такимъ образомъ предоставляетъ человѣческій разумъ его собственному закону, не постигая того, что именно въ силу безконечнаго превосходства этой части природы надъ всей остальною, дѣйствіе высшаго закона необходимо должно быть здѣсь еще болѣе очевиднымъ, чѣмъ тамъ [1]).

упрекать за то, что они заставляли Провидѣніе вмѣшиваться во всѣ человѣческія дѣла; но надо ли говорить, что не къ этой суевѣрной идеѣ повседневнаго вмѣшательства Бога хотѣли бы мы снова привести человѣческій умъ?

[1]) Въ томъ самомъ Римѣ, о которомъ столько говорятъ, гдѣ всѣ бывали и который все-таки очень мало понимаютъ, есть удивительный памятникъ, о которомъ можно сказать, что это—событіе древности, длящееся донынѣ, фактъ другой эпохи, остановившійся среди теченія временъ: это Колизей. По моему мнѣнію, въ исторіи нѣтъ ни одного факта, который внушалъ бы столько глубокихъ идей' какъ зрѣлище этой руины, который отчетливѣе обрисовывалъ бы характеръ двухъ эпохъ въ жизни человѣчества и лучше бы доказывалъ ту великую историческую аксіому, что до появленія христіанства въ обществѣ никогда не было ни истиннаго прогресса, ни настоящей устойчивости. Въ самомъ дѣлѣ, эта арена, куда римскій народъ стекался толпами, чтобы упиться кровью, гдѣ весь языческій міръ такъ вѣрно отражался въ ужасной забавѣ, гдѣ вся жизнь той эпохи раскрывалась въ самыхъ упоительныхъ своихъ наслажденіяхъ, въ самомъ яркомъ своемъ блескѣ,—не стоитъ ли она передъ нами, чтобы разсказать намъ, къ чему пришелъ міръ въ тотъ моментъ, когда всѣ силы человѣческой природы уже были употреблены на постройку соціальнаго зданія, когда уже со всѣхъ сторонъ все предвѣщало его паденіе и готовъ былъ начаться новый вѣкъ варварства? И тамъ же впервые задымилась кровь, которая должна была оросить фундаментъ новаго зданія. Не стоитъ ли поэтому одинъ этотъ памятникъ цѣлой книги? Но, странное дѣло! ни разу онъ не внушилъ ни одной исторической мысли, полной тѣхъ великихъ истинъ, которыя онъ въ себѣ заключаетъ! Среди полчищъ путешественниковъ, стекающихся въ Римъ, нашелся, правда, одинъ, который, стоя на сосѣднемъ знаменитомъ холмѣ, откуда онъ свободно могъ созерцать удивительныя очертанія Колизея, казалось, видѣлъ, по его словамъ, какъ развертывались передъ нимъ вѣка и объясняли ему загадку своего движенія. И что же? онъ видѣлъ однихъ только тріумфаторовъ и капуциновъ. Какъ будто тамъ никогда не происходило ничего другого, кромѣ побѣдныхъ шествій и религіозныхъ процессій! Узкій и мелочный взглядъ, которому мы обязаны извѣстнымъ всему міру

Чтобы не остаться голословнымъ, я приведу вамъ, сударыня, одинъ изъ самыхъ разительныхъ примѣровъ ложности нѣкоторыхъ ходячихъ историческихъ воззрѣній. Вы знаете, что искусство сдѣлалось одной изъ величайшихъ идей человѣческаго ума благодаря грекамъ. Посмотримъ же, въ чемъ состоитъ это великолѣпное созданіе ихъ генія. Все, что есть матеріальнаго въ человѣкѣ, было идеализировано, возвеличено, обожествлено; естественный и *законный порядокъ былъ извращенъ*; то, что по своему происхожденію должно было занимать низшую сферу духовнаго бытія, было возведено на уровень высшихъ помысловъ человѣка; дѣйствіе чувствъ на умъ было усилено до безконечности, и великая разграничительная черта, отдѣляющая въ разумѣ божественное отъ человѣческаго, была нарушена. Отсюда хаотическое смѣшеніе всѣхъ нравственныхъ элементовъ. Умъ устремился на предметы, наименѣе достойные его вниманія, съ такой же страстью, какъ и на тѣ, познать которые для него всего важнѣе. Всѣ области мышленія сдѣлались равно привлекательными. Вмѣсто первобытной поэзіи разума и правды, чувственная и лживая поэзія проникла въ воображеніе, и эта мощная способность, созданная для того, чтобы мы могли представлять себѣ лишенное образа и созерцать незримое, стала съ тѣхъ поръ служить лишь для того, чтобы дѣлать осязаемое еще болѣе осязательнымъ и земное еще болѣе земнымъ; въ результатѣ наше физическое существо выросло настолько же, насколько наше нравственное существо умалилось. И хотя мудрецы, какъ Пиѳагоръ и Платонъ, боролись съ этой пагубной наклонностью духа своего времени, будучи сами болѣе или менѣе заражены имъ, но ихъ усилія не привели ни къ чему, и лишь послѣ того, какъ человѣческій духъ былъ обновленъ христіанствомъ, ихъ доктрины пріобрѣли дѣйствительное вліяніе. Итакъ, вотъ что сдѣлало искусство грековъ; оно было апоѳеозомъ матеріи,— этого нельзя отрицать. Что же, такъ ли былъ понятъ этотъ фактъ? Далеко нѣтъ. На дошедшіе до насъ памятники этого искусства смотрятъ—не понимая ихъ значенія; услаждаютъ себя зрѣлищемъ этихъ дивныхъ вдохновеній генія, котораго, къ

лживымъ произведеніемъ! настоящее поруганіе одного изъ прекраснѣйшихъ историческихъ геніевъ, когда-либо существовавшихъ!

счастію, болѣе нѣтъ на землѣ,—даже не подозрѣвая нечистыхъ чувствъ, рождающихся при этомъ въ сердцѣ, и лживыхъ помысловъ, возникающихъ въ умѣ; это какое-то поклоненіе, опьяненіе, очарованіе, въ которомъ нравственное чувство гибнетъ безъ остатка. Между тѣмъ достаточно было бы хладнокровно отдать себѣ отчетъ въ томъ чувствѣ, которымъ бываешь полонъ, когда предаешься этому нелѣпому восхищенію, чтобы понять, что это чувство вызывается самой низменной стороной нашей природы, что мы постигаемъ эти мраморныя и бронзовыя тѣла, такъ сказать, нашимъ тѣломъ. Замѣтьте притомъ, что вся красота, все совершенство этихъ фигуръ происходятъ исключительно отъ полнѣйшей тупости, которую онѣ выражаютъ: стоило бы только проблеску разума проявиться въ ихъ чертахъ, и плѣняющій насъ идеалъ мгновенно исчезъ бы. Слѣдовательно, мы созерцаемъ даже не образъ разумнаго существа, но какое-то человѣко-подобное животное, существо вымышленное, своего рода чудовище, порожденное самымъ необузданнымъ разгуломъ ума,—чудовище, изображеніе котораго не только не должно было бы доставлять намъ удовольствіе, но скорѣе должно было бы насъ отталкивать. Итакъ, вотъ какимъ образомъ самые важные факты исторической философіи искажены или затемнены предразсудкомъ,—тѣми школьными привычками, той рутинной мысли и той прелестью обманчивыхъ иллюзій, которыми и обусловливаются обыденныя историческія воззрѣнія.

Вы спросите меня, можетъ быть, всегда ли я самъ былъ чуждъ этимъ обольщеніямъ искусства? Нѣтъ, сударыня, напротивъ. Прежде даже, чѣмъ я ихъ позналъ, какой-то невѣдомый инстинктъ заставлялъ меня предчувствовать ихъ, какъ сладостныя очарованія, которыя должны наполнить мою жизнь. Когда же одно изъ великихъ событій нашего вѣка привело меня въ столицу, гдѣ завоеваніе собрало въ короткое время такъ много чудесъ,—со мной было то же, что съ другими, и я даже съ большимъ благоговѣніемъ бросалъ мой оиміамъ на алтари кумировъ. Потомъ, когда я во второй разъ увидалъ ихъ при свѣтѣ ихъ родного солнца, я снова наслаждался ими съ упоеніемъ. Но надо сказать правду,—на днѣ этого наслажденія всегда оставалось что то горькое, подобное угрызенію совѣсти; поэтому, когда понятіе объ истинѣ озарило меня, я

не противился ни одному изъ выводовъ, которые изъ него вытекали, но принялъ ихъ всѣ тотчасъ же безъ увертокъ.

Вернемся однако, сударыня, къ тѣмъ крупнымъ историческимъ личностямъ, которымъ, какъ я вамъ говорилъ намедни, исторія, по моему мнѣнію, не отводитъ подобающихъ имъ мѣстъ въ воспоминаніяхъ человѣчества. У васъ должно было получиться лишь неполное представленіе объ этомъ предметѣ. Начнемъ съ Моисея, самой гигантской и величавой изъ всѣхъ историческихъ фигуръ.

Слава Богу, прошло уже то время, когда великій законодатель еврейскаго народа былъ даже въ глазахъ людей, претендующихъ на глубокомысліе, не болѣе какъ существомъ какого-то фантастическаго міра, подобно всѣмъ этимъ героямъ, полубогамъ и пророкамъ, какихъ мы встрѣчаемъ на первыхъ страницахъ исторіи всякаго древняго народа,—не болѣе какъ поэтическимъ образомъ, въ которомъ историческая мысль должна открыть лишь то, что онъ представляетъ поучительнаго какъ типъ, символъ или выраженіе эпохи, къ которой его относитъ человѣческая традиція. Въ настоящее время нѣтъ никого, кто бы сомнѣвался въ исторической реальности Моисея. Но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что священная атмосфера, окружающая его имя, вовсе неблагопріятна для него, такъ какъ она мѣшаетъ ему занять подобающее ему мѣсто. Вліяніе, оказанное этимъ великимъ человѣкомъ на родъ человѣческій, далеко еще не понято и не оцѣнено надлежащимъ образомъ. Обликъ его слишкомъ затуманенъ таинственнымъ свѣтомъ, который его окружаетъ. Благодаря тому, что его недостаточно изучали, Моисей не представляетъ того назиданія, какое обыкновенно даетъ намъ созерцаніе великихъ историческихъ личностей. Ни общественный человѣкъ, ни частное лицо, ни мыслитель, ни дѣятель не находятъ въ исторіи его жизни всего поученія, которое въ ней содержится. Это—слѣдствіе привычекъ, сообщенныхъ уму религіей и придающихъ библейскимъ фигурамъ сверхъестественный видъ, что заставляетъ ихъ казаться совсѣмъ не такими, каковы онѣ въ дѣйствительности [1]). Личность Моисея представляетъ между про-

[1]) Замѣтьте, что въ сущности библейскія лица должны быть намъ всего болѣе знакомы, такъ какъ ничьи черты не обрисованы

чимъ какое-то необыкновенное смѣшеніе величія и простоты, силы и добродушія и особенно суровости и кротости, дающее на мой взглядъ, неисчерпаемую пищу размышленію. Мнѣ кажется, что въ исторіи нѣтъ другого лица, характеръ котораго представлялъ бы соединеніе столь противоположныхъ свойствъ и способностей. И когда я размышляю объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ и о томъ вліяніи, которое онъ оказалъ на людей, я не знаю, чему болѣе удивляться: историческому ли явленію, виновникомъ котораго онъ былъ, или духовному явленію, какимъ представляется его личность. Съ одной стороны— это величавое представленіе объ избранномъ народѣ, т.-е. о народѣ, облеченномъ высокой миссіей хранить на землѣ *идею единаго Бога*, и зрѣлище необычайныхъ средствъ, использованныхъ имъ съ цѣлью дать своему народу особое устройство, при которомъ эта идея могла бы сохраниться въ немъ не только во всей своей полнотѣ, но и съ такой жизненностью, чтобы явиться современемъ мощной и непреодолимой, какъ сила природы, предъ которой должны будутъ исчезнуть всѣ человѣческія силы и которой когда-нибудь подчинится весь разумный міръ. Съ другой стороны—человѣкъ простодушный до слабости, умѣющій проявлять свой гнѣвъ только въ безсиліи, умѣющій приказывать только путемъ усиленныхъ увѣщаній, принимающій указанія отъ перваго встрѣчнаго; странный геній, вмѣстѣ и самый сильный, и самый покорный изъ людей! Онъ творитъ будущее, и въ то же время смиренно подчиняется всему, что представляется ему подъ видомъ истины; онъ говоритъ людямъ, окруженный сіяніемъ метеора, его голосъ звучитъ черезъ вѣка, онъ поражаетъ народы какъ рокъ, и въ то же время онъ повинуется первому движенію чувствительнаго сердца, первому убѣдительному доводу, который ему

такъ хорошо. Это—одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ, которыми Писаніе дѣйствуетъ на людей. Такъ какъ надо было дать намъ возможность столь тѣсно сливаться съ этими лицами, чтобы они могли вліять на самое внутреннее существо наше и тѣмъ самымъ подготовляли души къ воспринятію гораздо болѣе нужнаго вліянія личности Христа, то въ Писаніи было найдено средство такъ ярко обрисовать черты этихъ лицъ, что образы ихъ неизгладимо врѣзываются въ умъ, производя впечатлѣніе людей, съ которыми мы жили въ близкомъ общеніи.

приводятъ! Не поразительное ли это величіе, не единственный ли примѣръ?

Это величіе пытались умалить, утверждая, будто вначалѣ онъ помышлялъ лишь объ освобожденіи своего народа отъ невыносимаго ига, хотя и отдавали при этомъ должное героизму, выказанному имъ въ этомъ дѣлѣ. Въ немъ старались видѣть не болѣе, какъ великаго законодателя, и, кажется, въ настоящее время его законы находятъ удивительно либеральными. Говорили также, что его Богъ былъ только національнымъ Богомъ, и что онъ заимствовалъ всю свою теософію у египтянъ. Конечно, онъ былъ патріотомъ, да и можетъ ли великая душа, каково бы ни было ея призваніе на землѣ, быть лишенной патріотизма? Къ тому же, есть общій законъ. въ силу котораго воздѣйствовать на людей можно лишь черезъ посредство того домашняго круга, къ которому принадлежишь, той соціальной семьи, въ которой родился; чтобы явственно говорить роду человѣческому, надо обращаться къ своей націи, иначе не будешь услышанъ и ничего не сдѣлаешь. Чѣмъ болѣе непосредственно и конкретно нравственное воздѣйствіе человѣка на его ближнихъ, тѣмъ оно надежнѣе и сильнѣе; чѣмъ индивидуальнѣе слово, тѣмъ оно могущественнѣе. Высшее начало, двигавшее этимъ великимъ человѣкомъ, ни въ чемъ не познается такъ ясно, какъ въ безусловной дѣйствительности и вѣрности тѣхъ средствъ, которыми онъ пользовался для осуществленія предпринятаго имъ дѣла. Возможно также, что онъ нашелъ у своего племени или другихъ народовъ идею національнаго Бога и что онъ воспользовался этимъ фактомъ, какъ и многими другими данными, почерпнутыми имъ въ прошломъ, чтобы ввести въ человѣческій умъ свой возвышенный монотеизмъ. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы Іегова не былъ и для него, какъ для христіанъ, всемірнымъ Богомъ. Чѣмъ болѣе онъ старается замкнуть и изолировать этотъ великій догматъ въ своемъ племени, чѣмъ болѣе онъ прибѣгаетъ для достиженія этой цѣли къ необычайнымъ средствамъ, тѣмъ яснѣе выступаетъ во всей этой работѣ высокаго ума глубоко-универсальный замыселъ—сохранить для всего міра, для всѣхъ грядущихъ поколѣній понятіе о единомъ Богѣ. Среди господствовавшаго тогда по всей землѣ многобожія можно ли было найти болѣе вѣрное средство воздвигнуть истинному Богу не-

прикосновенный алтарь, какъ внушить народу, ставшему хранителемъ этого святилища, расовое отвращеніе ко всякому племени идолопоклонниковъ и связать все соціальное бытіе этого народа, всю его судьбу, всѣ его воспоминанія и надежды, съ однимъ этимъ принципомъ? Прочитайте съ этой точки зрѣнія Второзаконіе, и вы будете изумлены тѣмъ, какой свѣтъ оно проливаетъ не только на систему Моисея, но и на всю философію откровенія. Въ каждомъ словѣ этого необыкновеннаго повѣствованія видна сверхчеловѣческая идея, владѣвшая умомъ автора. Ею объясняются также тѣ ужасныя поголовныя истребленія, которыя предписывалъ Моисей и которыя такъ странно противорѣчатъ мягкости его натуры и казались столь возмутительными философіи еще болѣе непонятливой, чѣмъ безбожной. Эта философія не постигала того, что человѣкъ, явившійся столь дивнымъ орудіемъ въ рукѣ Провидѣнія, довѣреннымъ всѣхъ его тайнъ, не могъ дѣйствовать иначе, чѣмъ дѣйствуетъ само Провидѣніе или природа; что для него эпохи и поколѣнія не имѣли никакой цѣны, что его миссія заключалась не въ томъ, чтобы явить міру образецъ правосудія или нравственнаго совершенства, но въ томъ, чтобы внести въ человѣческій умъ необъятную идею, которая не могла родиться въ немъ самостоятельно. Не думаютъ ли, что когда, заглушая вопль своего любящаго сердца, онъ приказывалъ истреблять цѣлыя племена и поражалъ людей мечомъ божественнаго правосудія, онъ былъ озабоченъ лишь разселеніемъ тупого и непокорнаго народа, который онъ велъ за собой? Поистинѣ превосходная психологія! Какъ поступаетъ она, чтобы не восходить до истинной причины разсматриваемаго явленія? Она избавляетъ себя отъ труда, совмѣщая въ одной и той же душѣ самыя противорѣчивыя черты, соединенія которыхъ въ одной личности ей на дѣлѣ никогда не приходилось наблюдать!

Что вамъ за дѣло, впрочемъ, до того, почерпнулъ ли Моисей нѣкоторыя указанія изъ египетской мудрости? Что за важность, если онъ и помышлялъ сначала лишь объ освобожденіи своего народа отъ ига рабства? Развѣ отъ этого становится менѣе достовѣрнымъ тотъ фактъ, что, осуществивъ среди этого народа идею, либо заимствованную имъ со стороны, либо почерпнутую въ глубинѣ собственнаго духа, и

окруживъ ее всѣми условіями нерушимости и вѣчности, какія только можно найти въ человѣческой природѣ, онъ тѣмъ самымъ далъ людямъ истиннаго Бога, и, слѣдовательно, родъ человѣческій всѣмъ своимъ умственнымъ развитіемъ, вытекающимъ изъ этого принципа, безспорно обязанъ ему?

Давидъ—одно изъ тѣхъ историческихъ лицъ, чьи черты намъ переданы всего лучше. Что можетъ быть ярче, драматичнѣе, правдивѣе его исторіи, что можетъ быть характернѣе его физіономіи? Повѣсть его жизни, его возвышенныя пѣсни, въ которыхъ настоящее удивительно сливается съ будущимъ, такъ хорошо рисуютъ стремленія его души, что въ его личности не остается для насъ рѣшительно ничего скрытаго. При всемъ томъ, впечатлѣніе, подобное тому, какое мы получаемъ отъ героевъ Греціи и Рима, онъ производитъ лишь на умы глубоко религіозные. Это опять-таки происходитъ отъ того, что всѣ эти великіе люди Библіи принадлежатъ къ особому міру; сіяніе, окружающее ихъ чело, удаляетъ ихъ всѣхъ, къ несчастію, въ такую область, куда умъ переносится неохотно, въ сферу неотвязныхъ силъ, непреклонно требующихъ покорности, гдѣ всегда стоишь передъ лицомъ неумолимаго закона, гдѣ больше ничего не остается, какъ пасть ницъ передъ этимъ закономъ. А, между тѣмъ, какъ уразумѣть развитіе эпохъ, если не изучать его тамъ, гдѣ обусловливающее его начало обнаруживается всего явственнѣе?

Противопоставляя этимъ двумъ исполинамъ Писанія Сократа и Марка Аврелія, я хотѣлъ этимъ контрастомъ столь несходныхъ примѣровъ величія заставить васъ лучше оцѣнить тѣ два міра, откуда они взяты. Прочитайте у Ксенофонта анекдоты о Сократѣ, отрѣшившись при этомъ, если можете, отъ предубѣжденія, связаннаго съ его памятью; подумайте о томъ, какъ много его смерть прибавила къ его славѣ, вспомните о его пресловутомъ демонѣ, о его снисходительномъ отношеніи къ пороку, которое онъ, надо сознаться, доводилъ иногда до удивительной степени [1]); вспомните различныя обвиненія, которыя взводили на него его современники; вспомните ту

---

[1]) Если бы я писалъ не къ женщинѣ, я предложилъ бы читателю, чтобы составить себѣ объ этомъ понятіе, прочесть особенно „Пиръ“ Платона.

фразу, которую онъ произнесъ передъ самой смертью и которая навсегда запечатлѣла для потомства всю шаткость его мысли; вспомните, наконецъ, о всѣхъ несогласныхъ, нелѣпыхъ и противорѣчивыхъ ученіяхъ, которыя вышли изъ его школы. Что касается Марка Аврелія, то и по отношенію къ нему надо отбросить всякое суевѣріе; обдумайте хорошенько его книгу; припомните ліонскую рѣзню, ужаснаго человѣка, въ руки котораго онъ предалъ міръ, время, въ которое онъ жилъ, высокую сферу, къ которой онъ принадлежалъ, и всѣ средства величія, которыми онъ располагалъ благодаря своему положенію въ мірѣ. Затѣмъ сравните, пожалуйста, плоды сократовской философіи съ вліяніемъ религіи Моисея, личность римскаго императора съ личностью того, кто, изъ пастуха ставъ царемъ, поэтомъ, мудрецомъ, воплотилъ въ себѣ великій и таинственный идеалъ пророка-законодателя, кто сдѣлался центромъ того міра чудесъ, въ которомъ должны были свершиться судьбы человѣчества, кто окончательно опредѣлилъ глубокое и исключительное религіозное направленіе своего народа, долженствовавшее поглотить все его существованіе, и этимъ путемъ создалъ на землѣ порядокъ вещей, благодаря которому только и стало возможнымъ возникновеніе на ней царства истины. Я не сомнѣваюсь, что вы согласитесь тогда, что если поэтическая мысль изображаетъ намъ людей, подобныхъ Моисею и Давиду, сверхчеловѣческими существами и окружаетъ ихъ особымъ свѣтомъ, то, съ другой стороны, и здравый смыслъ, при всей своей холодности, не можетъ не видѣть въ нихъ нѣчто большее, чѣмъ просто великихъ, необыкновенныхъ людей, и вамъ станетъ яснымъ, мнѣ кажется, что въ духовной жизни міра эти люди несомнѣнно были вполнѣ непосредственными проявленіями управляющаго ею высшаго закона, и что ихъ появленіе соотвѣтствуетъ тѣмъ великимъ эпохамъ физическаго порядка, которыя время отъ времени преобразуютъ и обновляютъ природу [1]).

[1]) Впрочемъ, ничто не можетъ быть понятнѣе огромной славы Сократа, единственнаго въ древнемъ мірѣ человѣка, умершаго за свои убѣжденія. Этотъ единичный примѣръ идейнаго героизма долженъ былъ въ самомъ дѣлѣ ошеломить народы, какъ нѣчто изъ ряда вонъ выходящее. Но для насъ, видѣвшихъ цѣлые народы жертвующими жизнью за дѣло истины, не безуміе ли такъ же ошибаться на его счетъ?

Затѣмъ идетъ Эпикуръ. Вы понимаете, конечно, что я не придаю особеннаго значенія репутаціи этого лица. Но надо вамъ сказать прежде всего, что, поскольку дѣло касается его матеріализма, послѣдній ничѣмъ не отличался отъ идей другихъ древнихъ философовъ: разница лишь въ томъ, что, обладая болѣе прямымъ и послѣдовательнымъ сужденіемъ, чѣмъ большинство изъ нихъ, Эпикуръ не запутывается подобно имъ въ безконечныхъ противорѣчіяхъ. Языческій деизмъ кажется ему тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, — нелѣпостью; спиритуализмъ же обманомъ. Его физика, заимствованная, впрочемъ, цѣликомъ у Демокрита, о которомъ Бэконъ гдѣ-то отозвался, какъ о единственномъ разумномъ физикѣ древности, не стоитъ ниже воззрѣній на природу другихъ естествоиспытателей его времени; что же касается его теоріи атомовъ, то если очистить ее отъ метафизики, она въ наше время, когда молекулярная философія сдѣлалась столь положительной, далеко не будетъ казаться столь смѣшной, какъ ее находили. Но въ особенности его имя связано, какъ вамъ извѣстно, съ его нравственной доктриной, и она-то была причиною его дурной славы. Дѣло въ томъ, однако, что о его морали мы судимъ только по излишествамъ его секты и по болѣе или менѣе произвольнымъ ея истолкованіямъ, сдѣланнымъ послѣ него; собственныя его сочиненія, какъ вы знаете, до насъ не дошли. Цицеронъ, конечно, былъ воленъ содрогаться при одномъ имени сладострастія; но сравните, пожалуйста, это столь поносимое ученіе—въ томъ видѣ, какъ его должно представлять себѣ, основываясь на всемъ, что мы знаемъ о самой личности его автора, и отбросивъ тѣ послѣдствія, къ которымъ оно привело въ языческомъ мірѣ, такъ какъ эти послѣдствія въ гораздо большей степени объясняются общимъ складомъ ума въ ту эпоху, чѣмъ самой доктриной Эпикура, — сравните, говорю я, эту мораль съ другими нравственными системами древнихъ, и вы найдете, что, не будучи ни столь высокомѣрной, ни столь суровой, ни столь невыполнимой, какъ мораль стоиковъ, ни столь неопредѣленной, расплывчатой и безсильной, какъ мораль платониковъ, она отличалась сердечностью, благоволеніемъ, гуманностью, и въ нѣкоторомъ родѣ заключала въ себѣ долю христіанской морали. Никоимъ образомъ нельзя не признать того, что эта философія содержала въ себѣ одинъ существенно

важный элементъ, котораго была совершенно лишена практическая мысль древнихъ, именно элементъ единенія, солидарности, благоволенія между людьми. Она въ особенности отличалась здравымъ смысломъ и отсутствіемъ гордости, чего нельзя сказать ни объ одномъ изъ остальныхъ философскихъ ученій того времени. Впрочемъ, она и видѣла высшее благо въ душевномъ мирѣ и кроткой радости, которыя являются-де на землѣ подобіемъ небеснаго блаженства боговъ. Эпикуръ самъ подалъ примѣръ такого безмятежнаго существованія; онъ прожилъ свою жизнь почти безвѣстнымъ, отдаваясь самымъ нѣжнымъ привязанностямъ и научнымъ занятіямъ. Если бы его нравственному ученію удалось вкорениться въ умахъ народовъ, не показавшись подъ вліяніемъ порочнаго начала, властвовавшаго тогда надъ міромъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, оно сообщило бы сердцамъ кротость и гуманность, которыхъ совершенно не въ состояніи были внушить ни хвастливая мораль Портика, ни мечтательное умозрѣніе академиковъ. Прошу васъ также обратить вниманіе на то, что Эпикуръ — единственный изъ мудрецовъ древности, отличавшійся вполнѣ безупречнымъ характеромъ, и единственный, память о которомъ у его учениковъ соединялась съ любовью и почитаніемъ, близкими къ поклоненію [1]). Вы понимаете теперь, почему намъ надо было постараться нѣсколько исправить наше представленіе объ этомъ человѣкѣ.

Къ Аристотелю мы не станемъ возвращаться. Правда, съ нимъ связанъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ новой исторіи, но это слишкомъ обширный предметъ, чтобы трактовать его мимоходомъ. Прошу васъ только замѣтить, что Аристотель въ нѣкоторомъ родѣ является порожденіемъ новаго ума. Вполнѣ естественно, что въ юности своей новый разумъ, томимый огромной потребностью въ знаніи, всѣми силами привязался къ этому механику человѣческаго ума, который съ помощью своихъ рукоятокъ, рычаговъ и блоковъ заставлялъ познаніе двигаться съ поразительной быстротой. Вполнѣ понятно также, что онъ пришелся такъ по вкусу арабамъ, которые первые откопали его. У этого внезапно возникшаго народа не было ничего

---

[1]) Пиѳагоръ не составляетъ исключенія. Это была баснословная личность, которой всякій приписывалъ все, что хотѣлъ.

своего, на что онъ могъ бы опереться; естественно, что готовая мудрость была для него подходящимъ дѣломъ. Какъ бы то ни было, все это уже миновало: арабы, схоластики и ихъ общій учитель—всѣ они выполнили свои различныя назначенія. Уму все это придало бо̀льшую основательность и самонадѣянность, ходъ его развитія сталъ увѣреннѣе; онъ усвоилъ себѣ пріемы, облегчающіе его движенія и ускоряющіе его работу. Все сдѣлалось къ лучшему, какъ видите,—зло обратилось во благо, благодаря скрытымъ силамъ и озареніямъ обновленнаго ума. Теперь намъ надо вернуться назадъ и снова вступить на широкій путь, которымъ сознаніе шло въ тѣ времена, когда оно не располагало еще никакими другими орудіями, кромѣ золотыхъ и лазоревыхъ крыльевъ своей небесной природы.

Обратимся къ Магомету. Если подумать о благихъ послѣдствіяхъ, которыя его религія имѣла для человѣчества, во-первыхъ, потому, что вмѣстѣ съ другими болѣе могущественными причинами она содѣйствовала искорененію многобожія, затѣмъ потому, что она распространила на огромной части земного шара и даже въ мѣстностяхъ, казалось бы, недоступныхъ общему умственному движенію, понятіе о единомъ Богѣ и о всемірной вѣрѣ и тѣмъ подготовила безчисленное множество людей къ конечнымъ судьбамъ человѣческаго рода,—если подумать обо всемъ этомъ, то нельзя не признать, что, несмотря на дань, которую этотъ великій человѣкъ, безъ сомнѣнія, заплатилъ своему времени и мѣсту, гдѣ онъ родился, онъ несравненно болѣе заслуживаетъ уваженія со стороны людей, чѣмъ вся эта толпа безполезныхъ мудрецовъ, которые не сумѣли ни одно изъ своихъ измышленій облечь въ плоть и кровь и ни въ одно человѣческое сердце вселить твердое убѣжденіе, которые лишь вносили раздѣленіе въ человѣческое существо, вмѣсто того, чтобы постараться объединить разрозненные элементы его природы. Исламъ представляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій общаго закона; судить о немъ иначе, значитъ отрицать всеобъемлющее вліяніе христіанства, отъ котораго онъ произошелъ. Самое существенное свойство нашей религіи заключается въ томъ, что она можетъ облекаться въ самыя разнообразныя формы религіозной мысли, способна даже комбинироваться при случаѣ съ заблужденіемъ.

чтобы достигнуть своего полнаго результата. Въ великомъ процессѣ развитія откровенной религіи ученіе Магомета необходимо должно быть разсматриваемо, какъ одна изъ ея вѣтвей. Самый исключительный догматизмъ долженъ безъ всякихъ затрудненій признать этотъ важный фактъ, и онъ, конечно, сдѣлалъ бы это, если бы хоть разъ, какъ слѣдуетъ, отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, что побуждаетъ насъ видѣть въ магометанахъ естественныхъ враговъ нашей религіи, такъ какъ лишь отсюда и проистекаетъ предразсудокъ [1]). Вы знаете, впрочемъ, что въ коранѣ нѣтъ почти ни одной главы, въ которой не упоминалось бы объ Іисусѣ Христѣ. А не видѣть дѣйствія христіанства повсюду, гдѣ произносится хотя бы только имя Спасителя, не замѣчать, что онъ оказываетъ вліяніе на всѣ умы, какимъ бы то ни было образомъ соприкасающіеся съ его заповѣдями,—значитъ не имѣть яснаго представленія о великомъ дѣлѣ искупленія и ничего не понимать въ тайнѣ царства Христова; иначе пришлось бы исключить изъ числа лицъ, пользующихся милостью искупленія, множество людей, носящихъ названіе христіанъ,—а не значило ли бы это—свести царство Христово къ пустякамъ, а всемірное христіанство къ ничтожной горсти людей?

Представляя результатъ религіознаго броженія, вызваннаго на Востокѣ появленіемъ новой религіи, магометанство занимаетъ первое мѣсто въ ряду явленій, на первый взглядъ не вытекающихъ изъ христіанства, на дѣлѣ же несомнѣнно происходящихъ отъ него. Такимъ образомъ, помимо отрицательнаго воздѣйствія, которое оно оказало на образованіе христіанскаго общества, заставивъ различные частные интересы народовъ слиться въ единомъ интересѣ ихъ общей безопасности, помимо обширнаго матеріала, который арабская цивилизація доставила нашей (два обстоятельства, въ которыхъ слѣдуетъ видѣть окольные пути, избранные Провидѣніемъ съ цѣлью выполнить задачу возрожденія рода человѣческаго),—

---

[1]) Первоначально магометане не питали никакой антипатіи къ христіанамъ; ненависть и презрѣніе къ послѣднимъ развились у нихъ лишь въ результатѣ долгихъ войнъ, которыя они съ ними вели. Что касается христіанъ, то они, естественно, должны были смотрѣть на мусульманъ сначала какъ на идолопоклонниковъ, а потомъ—какъ на враговъ своей вѣры, какими тѣ дѣйствительно и сдѣлались.

въ собственномъ вліяніи ислама на духъ покорившихся ему народовъ необходимо признать прямое дѣйствіе того ученія, изъ котораго онъ проистекаетъ и которое въ этомъ случаѣ лишь приспособилось къ нѣкоторымъ требованіямъ мѣста и времени, въ цѣляхъ распространенія сѣмени истины на возможно большее пространство. Конечно, счастливы тѣ, кто служитъ Господу съ полнымъ сознаніемъ и убѣжденіемъ! Но не будемъ забывать, что въ мірѣ существуетъ безконечное множество силъ, которыя повинуются голосу Христа, нисколько не отдавая себѣ отчета въ томъ, что ими двигаетъ высшая сила.

Намъ остается еще только Гомеръ. Въ настоящее время вопросъ о томъ вліяніи, которое Гомеръ оказалъ на человѣческій умъ, не оставляетъ больше сомнѣній. Мы отлично знаемъ, что такое гомеровская поэзія; мы знаемъ, какимъ образомъ она содѣйствовала опредѣленію греческаго характера, въ свою очередь опредѣлившаго харектеръ всего древняго міра; мы знаемъ, что эта поэзія явилась на смѣну другой, болѣе возвышенной и болѣе чистой, отъ которой до насъ дошли только обрывки. Мы знаемъ также, что она ввела новый порядокъ идей на мѣсто прежняго, выросшаго не на греческой почвѣ, и что эти первоначальныя идеи, отвергнутыя новымъ мышленіемъ и нашедшія себѣ убѣжище частью въ мистеріяхъ Самооракіи, частью подъ сѣнью другихъ святилищъ забытыхъ истинъ, продолжали существовать съ тѣхъ поръ лишь для небольшого числа избранныхъ или посвященныхъ [1]); но чего, мнѣ кажется, мы не знаемъ, это той общей связи, которая существуетъ между Гомеромъ и нашимъ временемъ, того, что до сихъ поръ уцѣлѣло отъ него въ міровомъ сознаніи. Между тѣмъ въ этомъ собственно и заключается весь интересъ настоящей философіи исторіи, такъ

[1]) Вліяніе гомеровской поэзіи естественно сливается съ вліяніемъ греческаго искусства, такъ какъ она представляетъ собою прообразъ послѣдняго; другими словами, поэзія создала искусство, которое продолжало влiять въ томъ же направленіи. Вопросъ о томъ, существовалъ ли когда-нибудь Гомеръ какъ личность, для насъ совершенно безразличенъ; историческая критика никогда не будетъ въ состояніи изгладить память Гомера, философа же должна занимать только идея, связанная съ этой памятью, а не самая личность поэта.

какъ главная цѣль ея изслѣдованій состоитъ, какъ вы видѣли, въ отысканіи постоянныхъ результатовъ и вѣчныхъ послѣдствій историческихъ явленій.

Итакъ, для насъ Гомеръ въ современномъ мірѣ остается все тѣмъ же Тифономъ или Ариманомъ, какимъ онъ былъ въ мірѣ, имъ самимъ созданномъ. На нашъ взглядъ, гибельный героизмъ страстей, грязный идеалъ красоты, необузданное пристрастіе къ землѣ,—все это заимствовано нами у него. Замѣтьте, что ничего подобнаго никогда не наблюдалось въ другихъ цивилизованныхъ обществахъ міра. Одни только греки рѣшились такимъ образомъ идеализировать и обоготворять порокъ и преступленіе, такъ что поэзія зла существовала только у нихъ и у народовъ, унаслѣдовавшихъ ихъ цивилизацію. По исторіи среднихъ вѣковъ можно ясно видѣть, какое направленіе приняла бы мысль христіанскихъ народовъ, если бы она всецѣло отдалась рукѣ, которая ее вела. Слѣдовательно эта поэзія не могла придти къ намъ отъ нашихъ сѣверныхъ предковъ: умъ людей сѣвера отличался совсѣмъ другимъ складомъ и менѣе всего былъ склоненъ прилѣпляться къ земному; если бы онъ одинъ сочетался съ христіанствомъ, то, вмѣсто того, что произошло, онъ скорѣе потерялся бы въ туманной неопредѣленности своего мечтательнаго воображенія. Впрочемъ, отъ крови, которая текла въ ихъ жилахъ, у насъ уже ничего не осталось, и мы учимся жить не у народовъ, описанныхъ Цезаремъ и Тацитомъ, а у тѣхъ, которые составляли міръ Гомера.

Лишь съ недавняго времени поворотъ къ нашему собственному прошлому снова приводитъ насъ понемногу на лоно родной семьи и позволяетъ намъ мало-по-малу возстановить отцовское наслѣдіе. Мы унаслѣдовали отъ народовъ сѣвера однѣ лишь привычки и традиціи; умъ же питается только знаніемъ; наиболѣе застарѣлыя привычки утрачиваются, наиболѣе укоренившіяся традиціи изглаживаются, если онѣ не связаны со знаніемъ. Между тѣмъ всѣ наши идеи, за исключеніемъ религіозныхъ, мы несомнѣнно получили отъ грековъ и римлянъ.

Такимъ образомъ гомеровская поэзія, отвративъ сперва на древнемъ Западѣ ходъ человѣческой мысли отъ воспоминаній о великихъ дняхъ творенія, сдѣлала то же и съ новымъ; перейдя къ намъ вмѣстѣ съ наукой, философіей и

литературой древнихъ, она до такой степени заставила насъ слиться съ ними, что въ настоящее время, при всемъ томъ, чего мы достигли, мы все еще колеблемся между міромъ лжи и міромъ истины. Хотя въ наши дни Гомеромъ занимаются очень мало и, навѣрно, его не читаютъ, его боги и герои тѣмъ не менѣе все еще оспариваютъ почву у христіанской мысли. Дѣло въ томъ, что въ этой глубоко земной, глубоко матеріальной поэзіи, необычайно снисходительной къ порочности нашей природы, дѣйствительно заключается какое-то удивительное обаяніе; она ослабляетъ силу разума, своими призраками и обольщеніями держитъ его въ какомъ-то тупомъ оцѣпенѣніи, убаюкиваетъ и усыпляетъ его своими мощными иллюзіями. И до тѣхъ поръ, пока глубокое нравственное чувство, порожденное яснымъ пониманіемъ всей древности и всецѣлымъ подчиненіемъ ума христіанской истинѣ, не наполнитъ наши сердца презрѣніемъ и отвращеніемъ къ этимъ вѣкамъ обмана и безумія, которыя до сихъ поръ въ такой степени владѣютъ нами, къ этимъ настоящимъ сатурналіямъ въ жизни человѣчества,—пока своего рода сознательное раскаяніе не заставитъ насъ стыдиться того безсмысленнаго поклоненія, которое мы слишкомъ долго расточали этому гнусному величію, этой ужасной добродѣтели, этой нечистой красотѣ,—до тѣхъ поръ старыя дурныя впечатлѣнія не перестанутъ составлять самый жизненный и дѣятельный элементъ нашего разума. Что касается меня, то, по моему мнѣнію, для того, чтобы намъ вполнѣ переродиться въ духѣ откровенія, мы должны еще пройти черезъ какое-нибудь великое испытаніе, черезъ всесильное искупленіе, которое весь христіанскій міръ испыталъ бы во всей его полнотѣ, которое на всей земной поверхности ощущалось бы какъ грандіозная физическая катастрофа; иначе я не представляю себѣ, какимъ образомъ мы могли бы очиститься отъ грязи, еще оскверняющей нашу память [1]). Итакъ, вотъ какъ философія исторіи должна пони-

[1]) Для нашего времени положительнымъ счастьемъ является вновь открытая съ недавнихъ поръ историческому мышленію область, не зараженная гомеризмомъ. Вліяніе идей Индіи уже сказывается на ходѣ развитія философіи чрезвычайно благотворнымъ образомъ. Дай Богъ, чтобы мы возможно скорѣе пришли этимъ кружнымъ путемъ къ той цѣли, къ которой болѣе короткій путь до сихъ поръ не могъ насъ привести.

мать гомеризмъ. Судите теперь, какими глазами должна она смотрѣть на личность Гомера. Подумайте, не обязана ли она въ виду этого по совѣсти наложить на его чело клеймо неизгладимаго позора!

Вотъ, сударыня, мы и пересмотрѣли всю нашу галлерею лицъ. Я не сказалъ вамъ всего, что имѣлъ сказать, но пора кончить. И знаете ли что? Въ сущности у насъ, русскихъ, нѣтъ ничего общаго ни съ Гомеромъ, ни съ греками, ни съ римлянами, ни съ германцами; намъ все это совершенно чуждо. Но что же дѣлать? поневолѣ приходится говорить языкомъ Европы. Наше чужеземное образованіе до такой степени заставило насъ держаться Европы, что, хотя мы и не усвоили ея идей, у насъ нѣтъ другого языка, кромѣ того, на которомъ говоритъ она; такимъ образомъ намъ не остается ничего другого, какъ говорить этимъ языкомъ. Если немногіе имѣющіеся у насъ умственные навыки, традиціи и воспоминанія и все наше прошлое не связываютъ насъ ни съ однимъ народомъ земли, если мы не принадлежимъ въ сущности ни къ одной изъ системъ нравственнаго міра, то во всякомъ случаѣ внѣшность нашего соціальнаго быта связываетъ насъ съ западнымъ міромъ. Эта связь, очень слабая въ дѣйствительности, не скрѣпляетъ насъ съ Европой такъ тѣсно, какъ это воображаютъ, и не заставляетъ насъ всѣмъ нашимъ существомъ почувствовать совершающееся тамъ великое движеніе, но она тѣмъ не менѣе ставитъ всю нашу будущую судьбу въ зависимость отъ судебъ европейскаго общества. Поэтому, чѣмъ больше мы будемъ стараться слиться съ послѣднимъ, тѣмъ лучше это будетъ для насъ. До сихъ поръ мы жили совершенно обособленно. То, чему мы научились у другихъ, оставалось снаружи, служа простымъ украшеніемъ и не проникая вамъ въ душу. Но въ настоящее время силы господствующаго общества настолько возросли, его вліяніе на остальную часть человѣческаго рода столь далеко распространилось, что скоро мы душой и тѣломъ будемъ вовлечены въ міровой потокъ. Это не подлежитъ сомнѣнію, и, навѣрно, намъ нельзя будетъ долго оставаться въ нашемъ одиночествѣ. Сдѣлаемъ же все, что можемъ, чтобы подготовить путь нашимъ потомкамъ. Такъ какъ мы не можемъ завѣщать имъ то, чего не имѣли сами—вѣрованій, образованнаго временемъ ума, рѣзко

очерченной индивидуальности, мнѣній, развившихся въ теченіе долгой, оживленной и дѣятельной умственной жизни, плодотворной по своимъ результатамъ,—то оставимъ имъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько идей, которыя, хотя мы и не сами ихъ нашли, все же, перейдя отъ одного поколѣнія къ другому, будутъ заключать въ себѣ нѣкоторый традиціонный элементъ и въ силу этого будутъ обладать нѣсколько большей силой и плодовитостью, чѣмъ наши собственныя мысли. Такимъ образомъ мы окажемъ потомству важную услугу и не напрасно проживемъ на землѣ.

Прощайте, сударыня. Вполнѣ въ вашей власти заставить меня продолжить мои разсужденія объ этомъ предметѣ, сколько вамъ будетъ угодно. Впрочемъ, къ чему въ задушевной бесѣдѣ, гдѣ собесѣдники вполнѣ понимаютъ другъ друга, разрабатывать и исчерпывать до конца каждую мысль? Если того, что я сказалъ вамъ, достаточно, чтобы изученіе исторіи могло дать вамъ нѣчто новое и возбудить въ васъ болѣе глубокій интересъ, чѣмъ какой оно вызываетъ обыкновенно, я буду вполнѣ удовлетворенъ [1]).

Некрополь, 1829, 16 февраля.

---

[1]) Отдавая эти письма въ печать, намъ слѣдовало бы, можетъ быть, просить читателя о снисхожденіи къ слабости и даже неправильности слога. Излагая свои мысли на чужомъ языкѣ и не имѣя никакихъ литературныхъ притязаній, мы, конечно, вполнѣ сознавали, чего намъ недостаетъ въ этомъ отношеніи. Но мы полагали, во-первыхъ, что въ нынѣшнее время свѣдущій читатель не придаетъ уже формѣ, какъ прежде, большаго значенія, чѣмъ она заслуживаетъ, и готовъ немного потрудиться, чтобы извлечь мысль, если она кажется ему стоющей того, изъ-подъ спуда самаго несовершеннаго изложенія. Затѣмъ мы полагали, что въ наше время цивилизація болѣе чѣмъ когда-либо требуетъ распространенія идей въ какой бы то ни было формѣ, и что бываютъ такіе случаи, такія соціальныя условія, когда человѣкъ, полагающій, что онъ имѣетъ сообщить человѣчеству нѣчто важное, лишенъ выбора: ему ничего другого не остается, какъ говорить на общераспространенномъ языкѣ, хотя бы онъ владѣлъ лишь смѣшнымъ, искаженнымъ нарѣчіемъ его. Наконецъ, мы полагали, что литературная держава слишкомъ благородна въ настоящее время, чтобы предписывать всѣмъ своимъ подданнымъ всякихъ мѣстностей и широтъ официальный языкъ своего академическаго трибунала, и что, дорожа лишь тѣмъ, чтобы высказываемое было правдой, она не обращаетъ особеннаго вниманія на то, хорошо или дурно эта правда высказана. Вотъ на что мы разсчитывали.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

(о зодчествѣ).

Вы находите, по вашимъ словамъ, какую-то особенную связь между духомъ египетской архитектуры и духомъ архитектуры нѣмецкой, которую обыкновенно называютъ готической, и вы спрашиваете меня, откуда эта связь, т.-е. что можетъ быть общаго между пирамидою фараона и стрѣльчатымъ сводомъ, между каирскимъ обелискомъ и шпилемъ западно-европейскаго храма? Дѣйствительно, какъ ни удалены другъ отъ друга эти два фазиса искусства промежуткомъ болѣе, чѣмъ въ тридцать вѣковъ, между ними есть разительное сходство, и я не удивляюсь, что вамъ пришло на мысль это любопытное сближеніе, такъ какъ оно до извѣстной степени неизбѣжно вытекаетъ изъ той точки зрѣнія, съ которой мы съ вами условились разсматривать исторію человѣчества. И прежде всего, въ отношеніи пластической природы этихъ двухъ стилей, ихъ внѣшней формы, обратите вниманіе на эту геометрическую фигуру—треугольникъ,—которая вмѣщаетъ въ себѣ и такъ хорошо очерчиваетъ и тотъ, и другой. Замѣтьте, далѣе, общій опять-таки обоимъ характеръ безполезности или, вѣрнѣе, простой монументальности. Именно въ немъ, по моему,—ихъ глубочайшая идея, то, что въ основѣ составляетъ ихъ общій духъ. Но вотъ что особенно любопытно. Сопоставьте вертикальную линію, характеризующую эти два стиля, съ горизонтальной, лежащей въ основѣ эллинскаго зодчества,—и вы тѣмъ самымъ вполнѣ опредѣлили всѣ разнообразные архитектурные стили всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. И эта огромная антитеза сразу укажетъ вамъ глубочайшую черту всякой эпохи и всякой страны, гдѣ только она обнаруживается. Въ греческомъ стилѣ, какъ и во всѣхъ болѣе или менѣе приближающихся къ нему, вы откроете чувство осѣдлости, домовитости, привязанность къ землѣ и ея утѣхамъ, въ египетскомъ и готическомъ—монументальность, мысль, порывъ къ небу и его блаженству; греческій стиль со всѣми производными отъ него оказывается выраженіемъ матеріальныхъ потребностей

человѣка, вторые два—выраженіемъ его нравственныхъ нуждъ; другими словами, пирамидальная архитектура является чѣмъ-то священнымъ, небеснымъ, горизонтальная же—человѣческимъ и земнымъ. Скажите, не воплощается ли здѣсь вся исторія человѣческой мысли, сначала устремленной къ небу въ своомъ природномъ цѣломудріи, потомъ, въ періодъ своего растлѣнія, пресмыкавшейся въ прахѣ и, наконецъ, снова кинутой къ небу всесильной десницей Спасителя міра!

Надо замѣтить, что архитектура, еще нынѣ зримая на берегахъ Нила,—безъ сомнѣнія старѣйшая въ мірѣ. Есть, правда, древность еще болѣе отдаленная, но не для искусства. Такъ, циклопическія постройки, и въ томъ числѣ индійскія, наиболѣе обширныя въ этомъ родѣ, представляютъ собою лишь первые проблески идеи искусства, а не произведенія искусства въ собственномъ смыслѣ слова. Поэтому съ полнымъ правомъ можно утверждать, что египетскіе памятники содержатъ въ себѣ первообразы архитектонической красоты и первые элементы искусства вообще. Такимъ образомъ, египетское искусство и готическое искусство дѣйствительно стоятъ на обоихъ концахъ пути, пройденнаго человѣчествомъ, и въ этомъ тождествѣ его начальной идеи съ тою, которая опредѣляетъ его конечныя судьбы, нельзя не видѣть дивный кругъ, объемлющій всѣ протекшія, а, можетъ быть, и всѣ грядущія времена.

Но среди разнообразныхъ формъ, въ которыя попеременно облекалось искусство, есть одна, заслуживающая съ нашей точки зрѣнія особеннаго вниманія, именно готическая башня, высокое созданіе строгаго и вдумчиваго сѣвернаго христіанства, какъ бы цѣликомъ воплотившее въ себѣ основную мысль христіанства. Достаточно будетъ немногихъ словъ, чтобы уяснить вамъ ея значеніе въ области искусства. Вы знаете, какъ прозрачная атмосфера полуденныхъ странъ, ихъ чистое небо и даже ихъ безцвѣтная растительность способствуютъ рельефности очертаній греческихъ и римскихъ памятниковъ. Прибавьте сюда этотъ рой прелестныхъ воспоминаній, которыя витаютъ и группируются вокругъ нихъ и окружаютъ ихъ такимъ ореоломъ и столькими иллюзіями,—и вы получите всѣ элементы, составляющіе ихъ поэзію. Но готическая башня, не имѣющая другой исторіи, кромѣ темнаго преданія, которое старая бабушка разсказываетъ внучкамъ у камелька, столь

одинокая и печальная, ничего не заимствующая отъ окружающаго,—откуда ея поэзія? Вокругъ нея—только лачуги да облака, ничего больше. Все ея очарованіе, значитъ, въ ней самой. Это, мнится,—сильная и прекрасная мысль, одиноко рвущаяся къ небесамъ, не обыденная земная идея, а чудесное откровеніе, безъ причины и задатковъ на землѣ, увлекающее васъ изъ этого міра и переносящее въ лучшій міръ.

Наконецъ, вотъ черта, которая окончательно выразитъ нашу мысль. Колоссы Нила, такъ же какъ и западные храмы, кажутся намъ сначала простыми украшеніями. Невольно спрашиваешь себя: къ чему они? Но, присмотрѣвшись ближе, вы замѣтите, что совершенно такъ же обстоитъ дѣло и съ красотами природы. Въ самомъ дѣлѣ: видъ звѣзднаго небосвода, бурнаго океана, цѣпи горъ, покрытыхъ вѣчными льдами, африканская пальма, качающаяся въ пустынѣ, англійскій дубъ, отражающійся въ озерѣ,—всѣ наиболѣе величественныя картины природы, какъ и изящнѣйшія ея произведенія, точно такъ же сначала не будятъ въ умѣ никакой мысли о пользѣ, вызываютъ въ первую минуту лишь совершенно безкорыстныя мысли; между тѣмъ въ нихъ есть полезность, но на первый взглядъ она не видна и только позднѣе открывается размышленію. Такъ и обелискъ, не дающій даже достаточно тѣни, чтобы на минуту укрыть васъ отъ зноя почти тропическаго солнца, не служитъ ни къ чему, но заставляетъ васъ поднять взоръ къ небу; такъ великій храмъ христіанскаго міра, когда въ часъ сумерокъ вы блуждаете подъ его огромными сводами и глубокія тѣни уже наполнили весь корабль, а стекла купола еще горятъ послѣдними лучами заходящаго солнца, болѣе удивляетъ васъ, чѣмъ чаруетъ своими нечеловѣческими размѣрами; но эти размѣры показываютъ вамъ, что человѣческому созданію было дано однажды для прославленія Бога возвыситься до величія самой природы [1]). Наконецъ, когда тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, идя вдоль долины Рейна, вы приближаетесь къ одному изъ этихъ старинныхъ средневѣковыхъ городовъ, смиренно простершихся у подножья своего

[1]) Мы съ умысломъ причислили соборъ св. Петра въ Римѣ къ готическимъ храмамъ, ибо на нашъ взглядъ они, хотя и составлены изъ разныхъ элементовъ, но порождены однимъ и тѣмъ же началомъ и носятъ на себѣ его печать.

колоссальнаго собора, и дискъ луны въ туманѣ рѣетъ надъ верхушкой гиганта,—зачѣмъ этотъ гигантъ передъ вами? Но, можетъ быть, онъ навѣетъ на васъ какое-нибудь благочестивое и глубокое мечтаніе; можетъ быть, вы съ новымъ жаромъ падете ницъ передъ Богомъ этой могучей поэзіи; можетъ быть, наконецъ, свѣтозарный лучъ, исходящій отъ вершины памятника, проникетъ окружающій васъ мракъ и, освѣтивъ внезапно путь, вами пройденный, изгладитъ темный слѣдъ былыхъ ошибокъ и заблужденій! Вотъ почему стоитъ передъ вами этотъ гигантъ.

А послѣ этого идите въ Пестумъ и отдайте себѣ отчетъ во впечатлѣніи, которое онъ произведетъ на васъ. Вотъ что съ вами случится: вся изнѣженность, всѣ соблазны языческаго міра, принявъ самыя обольстительныя свои формы, внезапно встанутъ толпой вокругъ васъ и опутаютъ васъ своей фантастической сѣтью; всѣ воспоминанія о вашихъ безумнѣйшихъ утѣхахъ, о самыхъ пламенныхъ вашихъ порывахъ проснутся въ вашихъ чувствахъ, и тогда, забывъ ваши искреннѣйшія вѣрованія и задушевнѣйшія убѣжденія, вы помимо собственной воли будете всѣми фибрами вашего земного существа обожать тѣ нечистыя силы, которымъ такъ долго въ опьяненіи своего тѣла и души поклонялся человѣкъ. Ибо и прекраснѣйшій изъ греческихъ храмовъ не говоритъ намъ о небѣ; пріятное чувство, которое внушаютъ намъ его прекрасныя пропорціи, имѣетъ цѣлью лишь заставить насъ полнѣе вкушать земныя наслажденія; храмы древнихъ представляли собою въ сущности не что иное, какъ прекрасныя жилища, которыя они строили для своихъ героевъ, ставшихъ богами, тогда какъ наши церкви являются настоящими религіозными памятниками. И потому лично я испыталъ, признаюсь, въ тысячу разъ больше счастія у подножья Страсбургскаго собора, нежели предъ Пантеономъ или даже внутри Колизея, этого внушительнаго свидѣтеля двухъ величайшихъ славъ человѣчества: владычества Рима и рожденія христіанства. Госпожа Сталь сказала какъ-то, говоря о музыкѣ, что она одна отличается прекрасной безполезностью и что именно поэтому она такъ глубоко волнуетъ насъ [1]). Вотъ наша мысль, вы-

[1]) Далѣе конецъ этого письма въ „Телескопѣ“ (1832, № 11, стр. 354) былъ напечатанъ такъ: „И въ сей-то мысли, какъ и во

раженная на языкѣ генія; мы только прослѣдили въ другой области тотъ же принципъ. Въ общемъ несомнѣнно, что красота и добро исходятъ изъ одного источника и подчиняются одному и тому же закону, что они являются таковыми лишь въ силу своей безкорыстности, что, наконецъ, исторія искусства — не что иное, какъ символическая исторія человѣчества.

Въ „Телескопѣ“ за 1832 г., № 11, стр. 347 слл., было напечатано, подъ заглавіемъ „Нѣчто изъ переписки NN“, нѣсколько выдержекъ изъ утраченныхъ для насъ философскихъ писемъ Чаадаева; вотъ онѣ.

— Намъ предписано любить ближняго; но для чего?—Чтобы отклонить любовь нашу отъ самихъ себя.—Это не мораль, а просто логика.—Что бы я ни дѣлалъ, между мною и истиною вѣчно становится что-то постороннее, и это постороннее-это я самъ. Я самъ отъ себя заслоняю истину. Одно, слѣдовательно, средство открыть ее: отстранить свое *я*. Потому, мнѣ кажется, хорошо бы было, если бы мы часто повторяли самимъ себѣ то, что Діогенъ сказалъ Александру: *посторонись, ты заслоняешь мнѣ солнце!*

. . . . .

— Онъ умеръ, тотъ, кого вы любили, передъ кѣмъ вы благоговѣли, и вамъ осталось отъ него одно грустное воспоминаніе—грустное и, можетъ быть, сладкое въ то же время. Но вы уже не любите его, не благоговѣете передъ нимъ по-прежнему; и можно ли благоговѣть передъ прахомъ, любить разрушеніе?—Что, однако, если онъ не умеръ? Если онъ живетъ еще, гдѣ-нибудь далеко, въ какой-нибудь далекой сторонѣ? Если онъ только въ отсутствіи, подобно столькимъ изъ вашихъ друзей? Тогда зачѣмъ не возвратите вы ему всѣхъ прежнихъ чувствъ вашихъ?—И вотъ на чемъ основано поклоненіе святымъ. Вѣровать искренно, твердо въ безсмертіе души и, между тѣмъ, отказывать въ благоговѣніи людямъ, достойнымъ этого чувства,

---

всемъ, мною выше сказанномъ, безполезность есть безличность; а ею все доброе и все изящное связываются и соединяются въ нравственномъ мірѣ“.

Прим. М. Г.

отказывать только потому, что они не живутъ уже здѣсь, на этой землѣ,—скажите: не значитъ ли это противорѣчить самому себѣ?

— Христіанское безсмертіе есть жизнь безъ смерти, а совсѣмъ не то, что обыкновенно воображаютъ: жизнь послѣ смерти.

— Помните ли вы, что съ вами было на первомъ году вашей жизни?—Нѣтъ, говорите вы.—Такъ мудрено ли, что вы забыли и то, что съ вами было прежде вашего рожденія!

— Думаете ли вы, что человѣку смерть понятнѣе рожденія?—Безъ сомнѣнія нѣтъ! Онъ видитъ, что вокругъ него существа образуются и разрушаются, и между прочимъ существа ему подобныя. Онъ не знаетъ, жили ли они подъ другимъ видомъ, прежде принятія настоящаго; не знаетъ, будутъ ли жить въ другомъ видѣ, утративъ настоящій образъ. Несмотря на то, онъ боится смерти; стало быть, думаетъ, что постигаетъ ее. Страшитъ его не страданіе: почему знать ему, будетъ ли онъ страдать? Также не уничтоженіе пугаетъ его; ибо что ужаснаго въ прекращеніи бытія? Слѣдовательно, его страшитъ другое: онъ какъ-то узналъ, неизвѣстно какъ, что послѣ смерти онъ будетъ жить еще. Но онъ не знаетъ, въ чемъ состоитъ эта вторая жизнь; и жить этою новою жизнію, отличною отъ настоящей.—вотъ что кажется ему ужаснымъ! Итакъ—видите—здѣсь находимъ мы опять одно изъ тѣхъ великихъ преданій, которыхъ происхожденіе теряется во временахъ неизвѣстныхъ, подобно столькимъ другимъ идеямъ, служащимъ основаніемъ человѣческому разуму, идеямъ, коихъ разумъ не изобрѣлъ, но которыя были сообщены ему тогда, когда во вселенной создавалась интеллигенція.

— Что же такое смерть?—Тотъ моментъ посреди всего продолженія человѣка, когда человѣкъ перестаетъ понимать себя въ тѣлѣ...

III. Апологія сумасшедшаго [1]).

O my brethern! I have told
Most bitter truth, but without bitterness.
Coleridge.

I.

Милосердіе, говоритъ ап. Павелъ, *все терпитъ, всему вѣритъ, все переноситъ:* итакъ, будемъ все терпѣть, все переносить, всему вѣрить,—будемъ милосердны. Но прежде всего, катастрофа, только-что столь необычайнымъ образомъ исказившая наше духовное существованіе и кинувшая на вѣтеръ трудъ цѣлой жизни, является въ дѣйствительности лишь результатомъ того злоѣщаго крика, который раздался среди извѣстной части общества при появленіи нашей статьи, ѣдкой, если угодно, но конечно вовсе не заслуживавшей тѣхъ криковъ, какими ее встрѣтили.

Въ сущности правительство только исполнило свой долгъ; можно даже сказать, что въ мѣрахъ строгости, примѣняемыхъ къ намъ сейчасъ, нѣтъ ничего чудовищнаго, такъ какъ онѣ безъ сомнѣнія далеко не превзошли ожиданій значительнаго круга лицъ. Въ самомъ дѣлѣ, что еще можетъ дѣлать правительство, одушевленное самыми лучшими намѣреніями, какъ не слѣдовать тому, что оно искренно считаетъ серьезнымъ желаньемъ страны? Совсѣмъ другое дѣло—вопли общества. Есть разные способы любить свое отечество; напримѣръ, самоѣдъ, любящій свои родные снѣга, которые сдѣлали его близорукимъ, закоптѣлую юрту, гдѣ онъ скорчившись проводитъ половину

[1]) Подлинникъ по-франц.

Прим. М. Г.

своей жизни, и прогорклый олeній жиръ, заражающій вокругъ него воздухъ зловоніемъ, любитъ свою страну конечно иначе, нежели англійскій гражданинъ, гордый учрежденіями и высокой цивилизаціей своего славнаго острова; и безъ сомнѣнія, было бы прискорбно для насъ, если бы намъ все еще приходилось любить мѣста, гдѣ мы родились, на манеръ самоѣдовъ. Прекрасная вещь—любовь къ отечеству, но есть еще нѣчто болѣе прекрасное—это любовь къ истинѣ. Любовь къ отечеству рождаетъ героевъ, любовь къ истинѣ создаетъ мудрецовъ, благодѣтелей человѣчества. Любовь къ родинѣ раздѣляетъ народы, питаетъ національную ненависть и подчасъ одѣваетъ землю въ трауръ; любовь къ истинѣ распространяетъ свѣтъ знанія, создаетъ духовныя наслажденія, приближаетъ людей къ Божеству. Не чрезъ родину, а чрезъ истину ведетъ путь на небо. Правда, мы, русскіе, всегда мало интересовались тѣмъ, что̀ истина и что ложь, поэтому нельзя и сердиться на общество, если нѣсколько язвительная филиппика противъ его немощей задѣла его за живое. И потому, смѣю увѣрить, во мнѣ нѣтъ и тѣни злобы противъ этой милой публики, которая такъ долго и такъ коварно ласкала меня: я хладнокровно, безъ всякаго раздраженія, стараюсь отдать себѣ отчетъ въ моемъ странномъ положеніи. Не естественно ли, скажите, чтобы я постарался уяснить по мѣрѣ силъ, въ какомъ отношеніи къ себѣ подобнымъ, своимъ согражданамъ и своему Богу стоитъ человѣкъ, пораженный безуміемъ по приговору высшей юрисдикціи страны?

Я никогда не добивался народныхъ рукоплесканій, не искалъ милостей толпы; я всегда думалъ, что родъ человѣческій долженъ слѣдовать только за своими естественными вождями, помазанниками Бога, что онъ можетъ подвигаться впередъ по пути своего истиннаго прогресса только подъ руководствомъ тѣхъ, кто тѣмъ или другимъ образомъ получилъ отъ самого неба назначеніе и силу вести его; что общее мнѣніе отнюдь не тождественно съ безусловнымъ разумомъ, какъ думалъ одинъ великій писатель нашего времени; что инстинкты массъ безконечно болѣе страстны, болѣе узки и эгоистичны, чѣмъ инстинкты отдѣльнаго человѣка, что такъ называемый здравый смыслъ народа вовсе не есть здравый смыслъ; что не въ людской толпѣ рождается истина; что ея нельзя выразить

числомъ; наконецъ, что во всемъ своемъ могуществѣ и блескѣ человѣческое сознаніе всегда обнаруживалось только въ одинокомъ умѣ, который является центромъ и солнцемъ его сферы. Какъ же случилось, что въ одинъ прекрасный день я очутился передъ разгнѣванной публикой,—публикой, чьихъ похвалъ я никогда не добивался, чьи ласки никогда не тѣшили меня, чьи прихоти меня не задѣвали? Какъ случилось, что мысль, обращенная не къ моему вѣку, которую я, не желая имѣть дѣло съ людьми нашего времени, въ глубинѣ моего сознанія завѣщалъ грядущимъ поколѣніямъ, лучше освѣдомленнымъ,—при той гласности въ тѣсномъ кругу, которую эта мысль пріобрѣла уже издавна, какъ случилось, что она разбила свои оковы, бѣжала изъ своего монастыря и бросилась на улицу, въ припрыжку среди остолбенѣлой толпы? Этого я не въ состояніи объяснить. Но вотъ что я могу утверждать съ полною увѣренностью.

Уже триста лѣтъ Россія стремится слиться съ Западной Европой, заимствуетъ оттуда всѣ наиболѣе серьезныя свои идеи, наиболѣе плодотворныя свои познанія и свои живѣйшія наслажденія. Но вотъ уже вѣкъ и болѣе, какъ она не ограничивается и этимъ. Величайшій изъ нашихъ царей, тотъ, который, по общепринятому мнѣнію, началъ для насъ новую эру, которому, какъ всѣ говорятъ, мы обязаны нашимъ величіемъ, нашей славой и всѣми благами, какими мы теперь обладаемъ, полтораста лѣтъ назадъ предъ лицомъ всего міра отрекся отъ старой Россіи. Своимъ могучимъ дуновеніемъ онъ смелъ всѣ наши учрежденія; онъ вырылъ пропасть между нашимъ прошлымъ и нашимъ настоящимъ, и грудой бросилъ туда всѣ наши преданія. Онъ самъ пошелъ въ страны Запада и сталъ тамъ самымъ малымъ, а къ намъ вернулся самымъ великимъ; онъ преклонился предъ Западомъ, и всталъ нашимъ господиномъ и законодателемъ. Онъ ввелъ въ нашъ языкъ западныя рѣченія; свою новую столицу онъ назвалъ западнымъ именемъ; онъ отбросилъ свой наслѣдственный титулъ и принялъ титулъ западный; наконецъ, онъ почти отказался отъ своего собственнаго имени и не разъ подписывалъ свои державныя рѣшенія западнымъ именемъ. Съ этого времени мы только и дѣлали, что, не сводя глазъ съ Запада, такъ сказать, вбирали въ себя вѣянія, приходившія къ намъ оттуда, и питались ими. Должно

сказать, что наши государи, которые почти всегда вели насъ за руку, которые почти всегда тащили страну на буксирѣ безъ всякаго участія самой страны, сами заставили насъ принять нравы, языкъ и одежду Запада. Изъ западныхъ книгъ мы научились произносить по складамъ имена вещей. Нашой собственной исторіи научила насъ одна изъ западныхъ странъ; мы цѣликомъ перевели западную литературу, выучили ее наизусть, нарядились въ ея лоскутья, и наконецъ стали счастливы, что походимъ на Западъ, и гордились, когда онъ снисходительно соглашался причислять насъ къ своимъ.

Надо сознаться—оно было прекрасно, это созданіе Петра Великаго, эта могучая мысль, овладѣвшая нами и толкнувшая насъ на тотъ путь, который намъ суждено было пройти съ такимъ блескомъ. Глубоко было его слово, обращенное къ намъ: «Видите ли тамъ эту цивилизацію, плодъ стольких трудовъ,—эти науки и искусства, стоившія такихъ усилій стольким поколѣніямъ! все это ваше при томъ условіи, чтобы вы отказались отъ вашихъ предразсудковъ, не охраняли ревниво вашего варварскаго прошлаго и не кичились вѣками вашего невѣжества, но цѣлью своего честолюбія поставили единственно усвоеніе трудовъ, совершонныхъ всѣми народами, богатствъ, добытыхъ человѣческимъ разумомъ подъ всѣми широтами земного шара». И не для своей только націи работалъ великій человѣкъ. Эти люди, отмѣченные Провидѣніемъ, всегда посылаются для всего человѣчества. Сначала ихъ присваиваетъ одинъ народъ, затѣмъ ихъ поглощаетъ все человѣчество, подобно тому, какъ большая рѣка, оплодотворивъ обширныя пространства, несетъ затѣмъ свои воды въ дань океану. Чѣмъ инымъ, какъ не новымъ усиліемъ человѣческаго генія выйти изъ тѣсной ограды родной страны, чтобы занять мѣсто на широкой аренѣ человѣчества, было зрѣлище, которое онъ явилъ міру, когда, оставивъ царскій санъ и свою страну, онъ скрылся въ послѣднихъ рядахъ цивилизованныхъ народовъ? Таковъ былъ урокъ, который мы должны были усвоить; мы дѣйствительно воспользовались имъ и до сего дня шли по пути, который предначерталъ намъ великій императоръ. Наше громадное развитіе есть только осуществленіе этой великолѣпной программы. Никогда ни одинъ народъ не былъ менѣе пристрастенъ къ самому себѣ, нежели русскій народъ, какимъ воспиталъ его Петръ Великій, и ни

одинъ народъ не достигъ также болѣе славныхъ успѣховъ на поприщѣ прогресса. Высокій умъ этого необыкновеннаго человѣка безошибочно угадалъ, какова должна быть наша исходная точка на пути цивилизаціи и всемірнаго умственнаго движенія. Онъ видѣлъ, что за полнымъ почти отсутствіемъ у насъ историческихъ данныхъ, мы не можемъ утвердить наше будущее на этой безсильной основѣ; онъ хорошо понялъ, что, стоя лицомъ къ лицу со старой европейской цивилизаціей, которая является послѣднимъ выраженіемъ всѣхъ прежнихъ цивилизацій, намъ незачѣмъ задыхаться въ нашей исторіи и незачѣмъ тащиться, подобно западнымъ народамъ, чрезъ хаосъ національныхъ предразсудковъ, по узкимъ тропинкамъ мѣстныхъ идей, по изрытымъ колеямъ туземной традиціи, что мы должны свободнымъ порывомъ нашихъ внутреннихъ силъ, энергическимъ усиліемъ національнаго сознанія овладѣть предназначенной намъ судьбой. И вотъ онъ освободилъ насъ отъ всѣхъ этихъ пережитковъ прошлаго, которые загромождаютъ бытъ историческихъ обществъ и затрудняютъ ихъ движеніе; онъ открылъ нашъ умъ всѣмъ великимъ и прекраснымъ идеямъ, какія существуютъ среди людей; онъ передалъ намъ Западъ сполна, какимъ его сдѣлали вѣка, и далъ намъ всю его исторію за исторію, все его будущее за будущее.

Неужели вы думаете, что если бы онъ нашелъ у своего народа богатую и плодотворную исторію, живыя преданія и глубоко укоренившіяся учрежденія, онъ не поколебался бы кинуть его въ новую форму? Неужели вы думаете, что будь предъ нимъ рѣзко очерченная, ярко выраженная народность, инстинктъ организатора не заставилъ бы его, напротивъ, обратиться къ этой самой народности за средствами, необходимыми для возрожденія его страны? И, съ другой стороны, позволила ли бы страна, чтобы у нея отняли ея прошлое и, такъ сказать, навязали ей прошлое Европы? Но ничего этого не было. Петръ Великій нашелъ у себя дома только листъ бѣлой бумаги и своей сильной рукой написалъ на немъ слова *Европа* и *Западъ*; и съ тѣхъ поръ мы принадлежимъ къ Европѣ и Западу. Не надо заблуждаться: какъ бы великъ ни былъ геній этого человѣка и необычайная энергія его воли, то, что онъ сдѣлалъ, было возможно лишь среди націи, чье прошлое не указывало ей властно того пути, по которому она должна была двигаться, чьи

традиціи были безсильны создать ей будущее, чьи воспоминанія смѣлый законодатель могъ стереть безнаказанно. Если мы оказались такъ послушны голосу государя, звавшаго насъ къ новой жизни, то это, очевидно, потому, что въ нашемъ прошломъ не было ничего, что могло бы оправдать сопротивленіе. Самой глубокой чертой нашего историческаго облика является отсутствіе свободнаго почина въ нашемъ соціальномъ развитіи. Присмотритесь хорошенько, и вы увидите, что каждый важный фактъ нашей исторіи пришелъ извнѣ, каждая новая идея почти всегда заимствована. Но въ этомъ наблюденіи нѣтъ ничего обиднаго для національнаго чувства; если оно вѣрно, его слѣдуетъ принять—вотъ и все. Есть великіе народы,—какъ и великія историческія личности,—которые нельзя объяснить нормальными законами нашего разума, но которые таинственно опредѣляетъ верховная логика Провидѣнія: таковъ именно нашъ народъ; но, повторяю, все это нисколько не касается національной чести. Исторія всякаго народа представляетъ собою не только вереницу слѣдующихъ другъ за другомъ фактовъ, но и цѣпь связанныхъ другъ съ другомъ идей. Каждый фактъ долженъ выражаться идеей; чрезъ событія должна нитью проходить мысль или принципъ, стремясь осуществиться: тогда фактъ не потерянъ, онъ провелъ борозду въ умахъ, запечатлѣлся въ сердцахъ, и никакая сила въ мірѣ не можетъ изгнать его оттуда. Эту исторію создаетъ не историкъ, а сила вещей. Историкъ приходитъ, находитъ ее готовою и разсказываетъ ее; но придетъ онъ или нѣтъ, она все равно существуетъ, и каждый членъ исторической семьи, какъ бы ни былъ онъ незамѣтенъ и ничтоженъ, носитъ ее въ глубинѣ своего существа. Именно этой исторіи мы и не имѣемъ. Мы должны привыкнуть обходиться безъ нея, а не побивать камнями тѣхъ, кто первый подмѣтилъ это.

Возможно, конечно, что наши фанатическіе славяне при ихъ разнообразныхъ поискахъ будутъ время отъ времени откапывать диковинки для нашихъ музеевъ и библіотекъ; но, по моему мнѣнію, позволительно сомнѣваться, чтобы имъ удалось когда-нибудь извлечь изъ нашей исторической почвы нѣчто такое, что могло бы заполнить пустоту нашихъ душъ и дать плотность нашему расплывчатому сознанію. Взгляните на средневѣковую Европу: тамъ нѣтъ событія, которое не было бы

въ нѣкоторомъ смыслѣ безусловной необходимостью и которое не оставило бы глубокихъ слѣдовъ въ сердцѣ человѣчества. А почему? Потому что за каждымъ событіемъ вы находите тамъ идею, потому что средневѣковая исторія—это исторія мысли новаго времени, стремящейся воплотиться въ искусствѣ, наукѣ, въ личной жизни и въ обществѣ. И оттого—сколько бороздъ провела эта исторія въ сознаніи людей, какъ разрыхлила она ту почву, на которой дѣйствуетъ человѣческій умъ! Я хорошо знаю, что не всякая исторія развивалась такъ строго и логически, какъ исторія этой удивительной эпохи, когда подъ властью единаго верховнаго начала созидалось христіанское общество; тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что именно таковъ истинный характеръ историческаго развитія одного ли народа или цѣлой семьи народовъ, и что націи, лишенныя подобнаго прошлаго, должны смиренно искать элементовъ своего дальнѣйшаго прогресса не въ своей исторіи, не въ своей памяти, а въ чемъ-нибудь другомъ. Съ жизнью народовъ бываетъ почти то же, что съ жизнью отдѣльныхъ людей. Всякій человѣкъ живетъ, но только человѣкъ геніальный или поставленный въ какія-нибудь особенныя условія, имѣетъ настоящую исторію. Пусть, напримѣръ, какой-нибудь народъ, благодаря стеченію обстоятельствъ, не имъ созданныхъ, въ силу географическаго положенія, не имъ выбраннаго, разселится на громадномъ пространствѣ, не сознавая того, что дѣлаетъ, и въ одинъ прекрасный день окажется могущественнымъ народомъ: это будетъ, конечно, изумительное явленіе и ему можно удивляться сколько угодно; но что, вы думаете, можетъ сказать о немъ исторія? Вѣдь въ сущности это—не что иное, какъ фактъ чисто матеріальный, такъ сказать, географическій, правда, въ огромныхъ размѣрахъ, но и только. Исторія запомнитъ его, занесетъ въ свою лѣтопись, потомъ перевернетъ страницу, и тѣмъ все кончится. Настоящая исторія этого народа начнется лишь съ того дня, когда онъ проникнется идеей, которая ему довѣрена и которую онъ призванъ осуществить, и когда начнетъ выполнять ее съ тѣмъ настойчивымъ, хотя и скрытымъ инстинктомъ, который ведетъ народы къ ихъ предназначенію. Вотъ моментъ, который я всѣми силами моего сердца призываю для моей родины, вотъ какую задачу я хотѣлъ бы, чтобы вы взяли на себя, мои милые друзья и сограждане, живущіе въ

вѣкъ высокой образованности и только-что такъ хорошо показавшіе мнѣ, какъ ярко пылаетъ въ васъ святая любовь къ отечеству.

Міръ искони дѣлился на двѣ части—Востокъ и Западъ. Это не только географическое дѣленіе, но также и порядокъ вещей, обусловленный самой природой разумнаго существа: это—два принципа, соотвѣтствующіе двумъ динамическимъ силамъ природы, двѣ идеи, обнимающія весь жизненный строй человѣческаго рода. Сосредоточиваясь, углубляясь, замыкаясь въ самомъ себѣ, созидался человѣческій умъ на Востокѣ; раскидываясь во-внѣ, излучаясь во всѣ стороны, борясь со всѣми препятствіями, развивается онъ на Западѣ. По этимъ первоначальнымъ даннымъ естественно сложилось общество. На Востокѣ мысль, углубившись въ самое себя, уйдя въ тишину, скрывшись въ пустыню, предоставила общественной власти распоряженіе всѣми благами земли; на Западѣ идея, всюду кидаясь, вступаясь за всѣ нужды человѣка, алкая счастья во всѣхъ его видахъ, основала власть на принципѣ права; тѣмъ не менѣе и въ той, и въ другой сферѣ жизнь была сильна и плодотворна; тамъ и здѣсь человѣческій разумъ не имѣлъ недостатка въ высокихъ вдохновеніяхъ, глубокихъ мысляхъ и возвышенныхъ созданіяхъ. Первымъ выступилъ Востокъ и излилъ на землю потоки свѣта изъ глубины своего уединеннаго созерцанія; затѣмъ пришелъ Западъ со своей всеобъемлющей дѣятельностью, своимъ живымъ словомъ и всемогущимъ анализомъ, овладѣлъ его трудами, кончилъ начатое Востокомъ и, наконецъ, поглотилъ его въ своемъ широкомъ обхватѣ. Но на Востокѣ покорные умы, колѣнопреклоненные предъ историческимъ авторитетомъ, истощились въ безропотномъ служеніи священному для нихъ принципу и въ концѣ концовъ уснули, замкнутые въ своемъ неподвижномъ синтезѣ, не догадываясь о новыхъ судьбахъ, которыя готовились для нихъ; между тѣмъ на Западѣ они шли гордо и свободно, преклоняясь только предъ авторитетомъ разума и неба, останавливаясь только предъ неизвѣстнымъ, непрестанно устремивъ взоръ въ безграничное будущее. И здѣсь они еще идутъ впередъ,—вы это знаете; и вы знаете также, что со времени Петра Великаго и мы думали, что идемъ вмѣстѣ съ ними.

Но вотъ является новая школа. Больше не нужно Запада,

надо разрушить созданіе Петра Великаго, надо снова уйти въ пустыню. Забывъ о томъ, что сдѣлалъ для насъ Западъ, не зная благодарности къ великому человѣку, который насъ цивилизовалъ, и къ Европѣ, которая насъ обучила, они отвергають и Европу, и великаго человѣка, и въ пылу увлеченія этотъ новоиспеченный патріотизмъ уже спѣшитъ провозгласить насъ любимыми дѣтьми Востока. Какая намъ нужда, говорятъ они, искать просвѣщенія у народовъ Запада? Развѣ у насъ самихъ не было всѣхъ зачатковъ соціальнаго строя неизмѣримо лучшаго, нежели европейскій? Почему не выждали дѣйствія времени? Предоставленные самимъ себѣ, нашему свѣтлому уму, плодотворному началу, скрытому въ нѣдрахъ нашей мощной природы, и особенно нашей святой вѣрѣ, мы скоро опередили бы всѣ эти народы, преданные заблужденію и лжи. Да и чему намъ было завидовать на Западѣ? Его религіознымъ войнамъ, его папству, рыцарству, инквизиціи? Прекрасныя вещи, нечего сказать! Западъ ли родина науки и всѣхъ глубокихъ вещей? Нѣтъ—какъ извѣстно, Востокъ. Итакъ, удалимся на этотъ Востокъ, котораго мы всюду касаемся, откуда мы не такъ давно получили наши вѣрованія, законы, добродѣтели, словомъ все, что сдѣлало насъ самымъ могущественнымъ народомъ на землѣ. Старый Востокъ сходитъ со сцены: не мы ли его естественные наслѣдники? Между нами будутъ жить отнынѣ эти дивныя преданія, среди насъ осуществятся всѣ эти великія и таинственныя истины, храненіе которыхъ было ввѣрено ему отъ начала вещей.—Вы понимаете теперь, откуда пришла буря, которая только-что разразилась надо мной, и вы видите, что у насъ совершается настоящій переворотъ въ національной мысли, страстная реакція противъ просвѣщенія, противъ идей Запада,—противъ того просвѣщенія и тѣхъ идей, которыя сдѣлали насъ тѣмъ, что мы есть, и плодомъ которыхъ является эта самая реакція, толкающая насъ теперь противъ нихъ. Но на этотъ разъ толчокъ исходитъ не сверху. Напротивъ, въ высшихъ слояхъ общества память нашего державнаго преобразователя, говорятъ, никогда не почиталась болѣе, чѣмъ теперь. Итакъ, починъ всецѣло принадлежитъ странѣ. Куда приведетъ насъ этотъ первый актъ эмансипированнаго народнаго разума? Богъ вѣсть! Но кто серьезно любитъ свою родину, того не можетъ не

огорчать глубоко это отступничество нашихъ наиболѣе передовыхъ умовъ отъ всего, чему мы обязаны нашей славой, нашимъ величіемъ; и, я думаю, дѣло честнаго гражданина— стараться по мѣрѣ силъ оцѣнить это необычайное явленіе.

Мы живемъ на востокѣ Европы—это вѣрно, и тѣмъ не менѣе мы никогда не принадлежали къ Востоку. У Востока— своя исторія, не имѣющая ничего общаго съ нашей. Ему присуща, какъ мы только что видѣли, плодотворная идея, которая въ свое время обусловила громадное развитіе разума, которая исполнила свое назначеніе съ удивительной силою, но которой уже не суждено снова проявиться на міровой сценѣ. Эта идея поставила духовное начало во главу общества; она подчинила всѣ власти одному ненарушимому высшему закону— закону исторіи; она глубоко разработала систему нравственныхъ іерархій; и хотя она втиснула жизнь въ слишкомъ тѣсныя рамки, однако она освободила ее отъ всякаго внѣшняго воздѣйствія и отмѣтила печатью удивительной глубины. У насъ не было ничего подобнаго. Духовное начало, неизмѣнно подчиненное свѣтскому, никогда не утвердилось на вершинѣ общества, историческій законъ, традиція, никогда не получалъ у насъ исключительнаго господства; жизнь никогда не устраивалась у насъ неизмѣннымъ образомъ; наконецъ, нравственной іерархіи у насъ никогда не было и слѣда. Мы просто сѣверный народъ, и по идеямъ, какъ и по климату, очень далеки отъ благоуханной долины Кашмира и священныхъ береговъ Ганга. Нѣкоторыя изъ нашихъ областей, правда, граничатъ съ государствами Востока, но наши центры не тамъ, не тамъ наша жизнь, и она никогда тамъ не будетъ, пока какое-нибудь планетное возмущеніе не сдвинетъ съ мѣста земную ось или новый геологическій переворотъ опять не броситъ южные организмы въ полярные льды.

Дѣло въ томъ, что мы еще никогда не разсматривали нашу исторію съ философской точки зрѣнія. Ни одно изъ великихъ событій нашего національнаго существованія не было должнымъ образомъ характеризовано, ни одинъ изъ великихъ переломовъ нашей исторіи не былъ добросовѣстно оцѣненъ; отсюда всѣ эти странныя фантазіи, всѣ эти ретроспективныя утопіи, всѣ эти мечты о невозможномъ будущемъ, которыя волнуютъ теперь наши патріотическіе умы. Пятьдесятъ лѣтъ

назадъ нѣмецкіе ученые открыли нашихъ лѣтописцевъ; потомъ Карамзинъ разсказалъ звучнымъ слогомъ дѣла и подвиги нашихъ государей; въ наши дни плохіе писатели, неумѣлые антикваріи и нѣсколько неудавшихся поэтовъ, не владѣя ни ученостью нѣмцевъ, ни перомъ знаменитаго историка, самоувѣренно рисуютъ и воскрешаютъ времена и нравы, которыхъ уже никто у насъ не помнитъ и не любитъ: таковъ итогъ нашихъ трудовъ по національной исторіи. Надо признаться, что изъ всего этого мудрено извлечь серьезное предчувствіе ожидающихъ насъ судебъ. Между тѣмъ именно въ немъ теперь все дѣло; именно эти результаты составляютъ въ настоящее время весь интересъ историческихъ изысканій. Серьезная мысль нашего времени требуетъ прежде всего строгаго мышленія, добросовѣстнаго анализа тѣхъ моментовъ, когда жизнь обнаруживалась у даннаго народа съ большей или меньшей глубиной, когда его соціальный принципъ проявлялся во всей своей чистотѣ, ибо въ этомъ — будущее, въ этомъ элементы его возможнаго прогресса. Если такіе моменты рѣдки въ вашей исторіи, если жизнь у васъ не была мощной и глубокой, если законъ, которому подчинены ваши судьбы, представляетъ собою не лучезарное начало, окрѣпшее въ яркомъ свѣтѣ національныхъ подвиговъ, а нѣчто блѣдное и тусклое, скрывающееся отъ солнечнаго свѣта въ подземныхъ сферахъ вашего соціальнаго существованія,—не отталкивайте истины, не воображайте, что вы жили жизнью народовъ историческихъ, когда на самомъ дѣлѣ, похороненные въ вашей необъятной гробницѣ, вы жили только жизнью ископаемыхъ. Но если въ этой пустотѣ вы какъ-нибудь наткнетесь на моментъ, когда народъ дѣйствительно жилъ, когда его сердце начинало биться по настоящему, если вы услышите, какъ шумитъ и встаетъ вокругъ васъ народная волна,—о, тогда остановитесь, размышляйте, изучайте,—вашъ трудъ не будетъ потерянъ: вы узнаете, на что способенъ вашъ народъ въ великіе дни, чего онъ можетъ ждать въ будущемъ. Таковъ былъ у насъ, напримѣръ, моментъ, закончившій страшную драму междуцарствія, когда народъ, доведенный до крайности, стыдясь самого себя, издалъ наконецъ свой великій сторожевой кличъ и, сразивъ врага свободнымъ порывомъ всѣхъ скрытыхъ силъ своего существа, поднялъ на щитъ благородную фамилію, цар-

ствующую теперь надъ нами: моментъ безпримѣрный, которому нельзя достаточно надивиться, особенно если вспомнить пустоту предшествующихъ вѣковъ нашей исторіи и совершенно особенное положеніе, въ какомъ находилась страна въ эту достопамятную минуту. Отсюда ясно, что я очень далекъ отъ приписаннаго мнѣ требованія вычеркнуть всѣ наши воспоминанія.

Я сказалъ только, и повторяю, что пора бросить ясный взглядъ на наше прошлое, и не затѣмъ, чтобы извлечь изъ него старыя истлѣвшія реликвіи, старыя идеи, поглощенныя временемъ, старыя антипатіи, съ которыми давно покончилъ здравый смыслъ нашихъ государей и самого народа, но для того, чтобы узнать, какъ мы должны относиться къ нашему прошлому. Именно это я и пытался сдѣлать въ трудѣ, который остался неоконченнымъ и къ которому статья, такъ странно задѣвшая наше національное тщеславіе, должна была служить введеніемъ. Безъ сомнѣнія, была нетерпѣливость въ ея выраженіяхъ, рѣзкость въ мысляхъ, но чувство, которымъ проникнутъ весь отрывокъ, нисколько не враждебно отечеству: это—глубокое чувство нашихъ немощей, выраженное съ болью, съ горестью,—и только.

Больше, чѣмъ кто-либо изъ васъ, повѣрьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умѣю цѣнить высокія качества моего народа; но вѣрно и то, что патріотическое чувство, одушевляющее меня, не совсѣмъ похоже на то, чьи крики нарушили мое спокойное существованіе и снова выбросили въ океанъ людскихъ треволненій мою ладью, приставшую-было у подножья креста. Я не научился любить свою родину съ закрытыми глазами, съ преклоненной головой, съ запертыми устами. Я нахожу, что человѣкъ можетъ быть полезенъ своей странѣ только въ томъ случаѣ, если ясно видитъ ее; я думаю, что время слѣпыхъ влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родинѣ истиной. Я люблю мое отечество, какъ Петръ Великій научилъ меня любить его. Мнѣ чуждъ, признаюсь, этотъ блаженный патріотизмъ, этотъ патріотизмъ лѣни, который приспособляется все видѣть въ розовомъ свѣтѣ и носится со своими иллюзіями, и которымъ, къ сожалѣнію, страдаютъ теперь у насъ многіе дѣльные умы. Я полагаю, что мы пришли послѣ другихъ для того, чтобы дѣлать лучше ихъ, чтобы не впадать въ ихъ ошибки, въ ихъ заблужденія и суе-

вѣрія. Тотъ обнаружилъ бы, по-моему, глубокое непониманіе роли, выпавшей намъ на долю, кто сталъ бы утверждать, что мы обречены кое какъ повторять весь длинный рядъ безумствъ, совершенныхъ народами, которые находились въ менѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ мы, и снова пройти черезъ всѣ бѣдствія, пережитыя ими. Я считаю наше положеніе счастливымъ, если только мы сумѣемъ правильно оцѣнить его; я думаю, что большое преимущество—имѣть возможность созерцать и судить міръ со всей высоты мысли, свободной отъ необузданныхъ страстей и жалкихъ корыстей, которыя въ другихъ мѣстахъ мутятъ взоръ человѣка и извращаютъ его сужденія. Больше того: у меня есть глубокое убѣжденіе, что мы призваны рѣшить большую часть проблемъ соціальнаго порядка, завершить большую часть идей, возникшихъ въ старыхъ обществахъ, отвѣтить на важнѣйшіе вопросы, какіе занимаютъ человѣчество. Я часто говорилъ и охотно повторяю: мы, такъ сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящимъ совѣстнымъ судомъ по многимъ тяжбамъ, которыя ведутся передъ великими трибуналами человѣческаго духа и человѣческаго общества.

Въ самомъ дѣлѣ, взгляните, что дѣлается въ тѣхъ странахъ, которыя я, можетъ быть, слишкомъ превознесъ, но которыя тѣмъ не менѣе являются наиболѣе полными образцами цивилизаціи во всѣхъ ея формахъ. Тамъ неоднократно наблюдалось: едва появится на свѣтъ Божій новая идея, тотчасъ всѣ узкіе эгоизмы, всѣ ребяческія тщеславія, вся упрямая партійность, которыя копошатся на поверхности общества, набрасываются на нее, овладѣваютъ ею, выворачиваютъ ее на изнанку, искажаютъ ее, и минуту спустя, размельченная всѣми этими факторами, она уносится въ тѣ отвлеченныя сферы, гдѣ исчезаетъ всякая безплодная пыль. У насъ же нѣтъ этихъ страстныхъ интересовъ, этихъ готовыхъ мнѣній, этихъ установившихся предразсудковъ; мы дѣвственнымъ умомъ встрѣчаемъ каждую новую идею. Ни наши учрежденія, представляющія собою свободныя созданія нашихъ государей или скудные остатки жизненнаго уклада, вспаханнаго ихъ всемогущимъ плугомъ, ни наши нравы—эта странная смѣсь неумѣлаго подражанія и обрывковъ давно изжитого соціальнаго строя, ни наши мнѣнія, которыя все еще тщетно силятся установиться даже въ

отношеніи самыхъ незначительныхъ вещей,—ничто не противится немедленному осуществленію всѣхъ благъ, какія Провидѣніе предназначаетъ человѣчеству. Стоитъ лишь какой-нибудь властной волѣ высказаться среди насъ—и всѣ мнѣнія стушевываются, всѣ вѣрованія покоряются и всѣ умы открываются новой мысли, которая предложена имъ. Не знаю, можетъ быть, лучше было бы пройти черезъ всѣ испытанія, какими шли остальные христіанскіе народы, и черпать въ нихъ, подобно этимъ народамъ, новыя силы, новую энергію и новые методы; и можетъ быть наше обособленное положеніе предохранило бы насъ отъ невзгодъ, которыя сопровождали долгое и многотрудное воспитаніе этихъ народовъ; но несомнѣнно, что сейчасъ рѣчь идетъ уже не объ этомъ: теперь нужно стараться лишь постигнуть нынѣшній характеръ страны въ его готовомъ видѣ, какимъ его сдѣлала сама природа вещей, и извлечь изъ него всю возможную пользу. Правда, исторія больше не въ нашей власти, но наука намъ принадлежитъ; мы не въ состояніи продѣлать сызнова всю работу человѣческаго духа, но мы можемъ принять участіе въ его дальнѣйшихъ трудахъ; прошлое уже намъ не подвластно, но будущее зависитъ отъ насъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что большая часть міра подавлена своими традиціями и воспоминаніями: не будемъ завидовать тѣсному кругу, въ которомъ онъ бьется. Несомнѣнно, что большая часть народовъ носитъ въ своемъ сердцѣ глубокое чувство завершенной жизни, господствующее надъ жизнью текущей, упорное воспоминаніе о протекшихъ дняхъ, наполняющее каждый нынѣшній день. Оставимъ ихъ бороться съ ихъ неумолимымъ прошлымъ.

Мы никогда не жили подъ роковымъ давленіемъ логики временъ; никогда мы не были ввергаемы всемогущею силою въ тѣ пропасти, какія вѣка вырываютъ передъ народами. Воспользуемся же огромнымъ преимуществомъ, въ силу котораго мы должны повиноваться только голосу просвѣщеннаго разума, сознательной воли. Познаемъ, что для насъ не существуетъ непреложной необходимости, что, благодаря небу, мы не стоимъ на крутой покатости, увлекающей столько другихъ народовъ къ ихъ невѣдомымъ судьбамъ; что въ нашей власти измѣрять каждый шагъ, который мы дѣлаемъ, обдумывать каждую идею, задѣвающую наше сознаніе; что намъ позво-

лено надѣяться на благоденствіе еще болѣе широкое, чѣмъ то, о которомъ мечтаютъ самые пылкіе служители прогресса, и что для достиженія этихъ окончательныхъ результатовъ намъ нуженъ только одинъ властный актъ той верховной воли, которая вмѣщаетъ въ себѣ всѣ воли націи, которая выражаетъ всѣ ея стремленія, которая уже не разъ открывала ей новые пути, развертывала предъ ея глазами новые горизонты и вносила въ ея разумъ новое просвѣщеніе.

Что же, развѣ я предлагаю моей родинѣ скудное будущее? Или вы находите, что я призываю для нея безславныя судьбы? И это великое будущее, которое, безъ сомнѣнія, осуществится, эти прекрасныя судьбы, которыя, безъ сомнѣнія, исполнятся, будутъ лишь результатомъ тѣхъ особенныхъ свойствъ русскаго народа, которыя впервые были указаны въ злополучной статьѣ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ давно хотѣлось сказать, и я счастливъ, что имѣю теперь случай сдѣлать это признаніе: да, было преувеличеніе въ этомъ обвинительномъ актѣ, предъявленномъ великому народу, вся вина котораго въ конечномъ итогѣ сводилась къ тому, что онъ былъ заброшенъ на крайнюю грань всѣхъ цивилизацій міра, далеко отъ странъ, гдѣ естественно должно было накопляться просвѣщеніе, далеко отъ очаговъ, откуда оно сіяло въ теченіе столькихъ вѣковъ; было преувеличеніемъ не признать того, что мы увидѣли свѣтъ на почвѣ, не вспаханной и не оплодотворенной предшествующими поколѣніями, гдѣ ничто не говорило намъ о протекшихъ вѣкахъ, гдѣ не было никакихъ задатковъ новаго міра; было преувеличеніемъ не воздать должнаго этой церкви, столь смиренной, иногда столь героической, которая одна утѣшаетъ за пустоту нашихъ лѣтописей, которой принадлежитъ честь каждаго мужественнаго поступка, каждаго прекраснаго самоотверженія нашихъ отцовъ, каждой прекрасной страницы нашей исторіи; наконецъ, можетъ быть, преувеличеніемъ было опечалиться хотя бы на минуту за судьбу народа, изъ нѣдръ котораго вышли могучая натура Петра Великаго, всеобъемлющій умъ Ломоносова и граціозный геній Пушкина.

Но за всѣмъ тѣмъ надо согласиться также, что капризы нашей публики удивительны.

Вспомнимъ, что вскорѣ послѣ напечатанія злополучной

статьи, о которой здѣсь идетъ рѣчь, на нашей сценѣ была разыграна новая пьеса. И вотъ, никогда ни одинъ народъ не былъ такъ бичуемъ, никогда ни одну страну не волочили такъ въ грязи, никогда не бросали въ лицо публикѣ столько грубой брани, и однако, никогда не достигалось болѣе полнаго успѣха. Неужели же серьезный умъ, глубоко размышлявшій о своей странѣ, ея исторіи и характерѣ народа, долженъ быть осужденъ на молчаніе, потому что онъ не можетъ устами скомороха высказать патріотическое чувство, которое его гнететъ? Почему же мы такъ снисходительны къ циническому уроку комедіи и столь пугливы по отношенію къ строгому слову, проникающему въ сущность явленій? Надо сознаться, причина въ томъ, что мы имѣемъ пока только патріотическіе инстинкты. Мы еще очень далеки отъ сознательнаго патріотизма старыхъ націй, созрѣвшихъ въ умственномъ трудѣ, просвѣщенныхъ научнымъ знаніемъ и мышленіемъ; мы любимъ наше отечество еще на манеръ тѣхъ юныхъ народовъ, которыхъ еще не тревожила мысль, которые еще отыскиваютъ принадлежащую имъ идею, еще отыскиваютъ роль, которую они призваны исполнить на міровой сценѣ; наши умственныя силы еще не упражнялись на серьезныхъ вещахъ; однимъ словомъ, до сего дня у насъ почти не существовало умственной работы. Мы съ изумительной быстротой достигли извѣстнаго уровня цивилизаціи, которому справедливо удивляется Европа. Наше могущество держитъ въ трепетѣ міръ, наша держава занимаетъ пятую часть земного шара, но всѣмъ этимъ, надо сознаться, мы обязаны только энергичной волѣ нашихъ государей, которой содѣйствовали физическія условія страны, обитаемой нами.

Обдѣланные, отлитые, созданные нашими властителями и нашимъ климатомъ, только въ силу покорности стали мы великимъ народомъ. Просмотрите отъ начала до конца наши лѣтописи,—вы найдете въ нихъ на каждой страницѣ глубокое воздѣйствіе власти, непрестанное вліяніе почвы, и почти никогда не встрѣтите проявленій общественной воли. Но справедливость требуетъ также признать, что, отрекаясь отъ своей мощи въ пользу своихъ правителей, уступая природѣ своей страны, русскій народъ обнаружилъ высокую мудрость, такъ какъ онъ призналъ тѣмъ высшій законъ своихъ судебъ: не-

обычайный результатъ двухъ элементовъ различнаго порядка, непризнаніе котораго привело бы къ тому, что народъ извратилъ бы свое существо и парализовалъ бы самый принципъ своего естественнаго развитія. Быстрый взглядъ, брошенный на нашу исторію съ точки зрѣнія, на которую мы стали, покажетъ намъ, надѣюсь, этотъ законъ во всей его очевидности.

II.

Есть одинъ фактъ, который властно господствуетъ надъ нашимъ историческимъ движеніемъ, который красною нитью проходитъ чрезъ всю нашу исторію, который содержитъ въ себѣ, такъ сказать, всю ея философію, который проявляется во всѣ эпохи нашей общественной жизни и опредѣляетъ ихъ характеръ, который является въ одно и то же время и существеннымъ элементомъ нашего политическаго величія, и истинной причиной нашего умственнаго безсилія: это—фактъ географическій [1]).

---

[1]) На этомъ рукопись обрывается, и ничто не указываетъ на то, чтобы она когда-нибудь была продолжена.

Примѣч. И. Гагарина.

IV. Три письма къ А. И. Тургеневу [1]).

1.

1832 г. [2])

Вотъ, любезный другъ, письмо къ знаменитому Шеллингу, которое прошу васъ доставить ему. Извѣстіе, которое вы какъ-то сообщили мнѣ о немъ въ письмѣ къ вашей кузинѣ, внушило мнѣ мысль написать ему. Письмо открыто, прочтите его, и вы увидите, о чемъ рѣчь. Такъ какъ я пишу ему о васъ, то я хотѣлъ, чтобы оно чрезъ васъ и дошло къ нему. Вы сдѣлаете мнѣ одолженіе, если, посылая ему это письмо, сообщите ему, что я владѣю нѣмецкимъ языкомъ, потому что мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ отвѣчалъ мнѣ (если онъ пожелаетъ оказать мнѣ эту честь) на томъ языкѣ, на которомъ онъ столько разъ воскрешалъ моего друга Платона и на которомъ знаніе стало благодаря ему поэзіей и вмѣстѣ геометріей, а теперь, можетъ быть, уже и религіей. Дай-то Богъ! Пора всему этому слиться воедино.

Вы пишете г-жѣ Бравура, что не знаете, о чемъ мнѣ писать. Да вотъ вамъ тема для начала, а потомъ видно будетъ. Но вы, мой другъ, должны писать мнѣ по-французски. Не въ обиду вамъ сказать, я люблю больше ваши французскія, нежели ваши русскія письма. Въ вашихъ французскихъ письмахъ

[1]) Печатаются впервые.

[2]) Подлинникъ по-французски. Упоминаемое въ началѣ письмо Ч. къ Шеллингу (1832 г.) помѣщено въ ст. Лонгинова, „Русск. Вѣстн.“ 1862 г., т. 42-й, стр. 157.

больше непринужденности, вы въ нихъ больше—вы сами. А вы только тогда и хороши, когда остаетесь совершенно самимъ собою. Ваши циркуляры на родномъ языкѣ—это, мой другъ, не что иное, какъ газетныя статьи, правда, очень хорошія статьи, но именно за это я ихъ не люблю, между тѣмъ какъ ваши французскія письма не сбиваются ни на что, и потому кажутся мнѣ великолѣпными. Если бы я писалъ женщинѣ, я сказалъ бы, что они похожи на васъ. Притомъ, вы—европеецъ до мозга костей. Въ этомъ, какъ вамъ извѣстно, я знаю толкъ. Поэтому французскій языкъ—вашъ обязательный костюмъ. Вы растеряли всѣ части вашей національной одежды по большимъ дорогамъ цивилизованнаго міра. Итакъ, пишите по французски. и, пожалуйста, не стѣсняйте себя. такъ какъ, по милости новой необыкновенно сговорчивой школы, отнынѣ дозволено писать по-французски столь же непринужденно, какъ по-явански, гдѣ, по слухамъ, пишутъ безразлично сверху внизъ или снизу вверхъ, справа налѣво или слѣва направо, не терпя отъ того никакихъ неудобствъ.

Только-что появилась здѣсь (въ газетѣ) статья о нашемъ философѣ—вздоръ безпримѣрный, какъ вы легко можете себѣ представить. Если онъ хочетъ, чтобы его понимали въ этой странѣ, ему слѣдуетъ, я думаю, отвѣтить на мое письмо. Какъ и всѣ народы, мы, русскіе, подвигаемся теперь впередъ бѣгомъ, на свой ладъ, если хотите, но мчимся несомнѣнно. Пройдетъ немного времени, и, я увѣренъ, великія идеи, разъ настигнувъ насъ, найдутъ у насъ болѣе удобную почву для своего осуществленія и воплощенія въ людяхъ, чѣмъ гдѣ-либо, потому что не встрѣтятъ у насъ ни закоренѣлыхъ предразсудковъ, ни старыхъ привычекъ, ни упорной рутины, которыя противостали бы имъ. Поэтому для европейскаго мыслителя судьба его идей у насъ теперь, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть совсѣмъ безразличной. Впрочемъ, прочитавъ мое письмо, вы увидите, что я пишу ему не для того, чтобы снискать себѣ письмо великаго человѣка, и что въ моемъ поступкѣ нѣтъ тщеславія,—что я просто хочу знать, что дѣлается и до чего дошелъ человѣческій умъ въ этой области.

Я хотѣлъ бы также, мой другъ, немного побесѣдовать съ вами, но для лучшаго освѣдомленія подожду, пока вы первый напишете мнѣ. Кто знаетъ? можетъ быть мы съумѣемъ сооб-

щить другъ другу много добрыхъ и серьезныхъ вещей, которыя не затеряются въ пространствѣ безслѣдно. А пока я долженъ, по моему обыкновенію, пожурить васъ. Какъ! вы живете въ Римѣ, и не понимаете его, послѣ того какъ мы столько говорили о немъ! Поймите же разъ навсегда, что это не обычный городъ, скопленіе камней и люда, а безмѣрная идея, громадный фактъ. Его надо разсматривать не съ Капитолійской башни, не изъ фонаря св. Петра, а съ той духовной высоты, на которую такъ легко подняться, попирая стопами его священную почву. Тогда Римъ совершенно преобразится передъ вами. Вы увидите тогда, какъ длинныя тѣни его памятниковъ ложатся на весь земной шаръ дивными поученіями, вы услышите, какъ изъ его безмолвной громады звучитъ мощный гласъ, вѣщающій неизрѣченныя тайны. Вы поймете тогда, что Римъ — это связь между древнимъ и новымъ міромъ, такъ какъ безусловно необходимо, чтобы на землѣ существовала такая точка, куда каждый человѣкъ могъ бы иногда обращаться съ цѣлью конкретно, физіологически соприкоснуться со всѣми воспоминаніями человѣческаго рода, съ чѣмъ нибудь ощутительнымъ, осязательнымъ, въ чемъ видимо воплощена вся идея вѣковъ,— и что эта точка—именно Римъ. Тогда эта пророческая руина повѣдаетъ вамъ всѣ судьбы міра, и это будетъ для васъ цѣлая философія исторіи, цѣлое міровоззрѣніе, больше того—живое откровеніе. И тогда—какъ не преклониться предъ этимъ обаятельнымъ символомъ стольких вѣковъ, какъ не накинуть завѣсу на его обезображенный обликъ? Но папа, папа! Ну, что же? Развѣ и онъ—не просто идея, не чистая абстракція? Взгляните на этого старца, несомаго въ своемъ паланкинѣ подъ балдахиномъ, въ своей тройной коронѣ, теперь такъ же, какъ тысячу лѣтъ назадъ, точно ничего въ мірѣ не измѣнилось: поистинѣ, гдѣ здѣсь человѣкъ? Не всемогущій ли это символъ времени—не того, которое идетъ, а того, которое неподвижно, чрезъ которое все проходитъ, но которое само стоитъ невозмутимо и въ которомъ и посредствомъ котораго все совершается? Скажите, неужели вамъ совсѣмъ не нужно, чтобы на землѣ существовалъ какой-нибудь непроходящій духовный памятникъ? Неужели, кромѣ гранитной пирамиды, вамъ не нужно никакого другого человѣческаго созданія, которое было бы способно противостоять закону смерти?

Покойной ночи, мой другъ. Остальное—до другого раза, если хотите. Пишите мнѣ. До свиданія.

Кстати: я вижу многихъ вашихъ друзей, всѣхъ вашихъ дамъ, Пашковыхъ, Киндяковыхъ и пр. Всѣ васъ любятъ и дружески привѣтствуютъ, какъ и я.

Москва, 20 апрѣля.

2.

1837 г.

Конецъ слѣдующаго здѣсь письма (отъ „Сейчасъ прочелъ я...“), сообщенный въ 1842 г. А. И. Тургеневымъ Вяземскому, напечатанъ въ „Остаф. архивѣ“, т. IV, стр. 188—189. Письмо осталось непосланнымъ; Тургеневъ пишетъ: „Чаадаевъ отдалъ мнѣ письмо его 1837 г. ко мнѣ, въ коемъ нахожу слѣдующія строки“, и т. д. О какой книгѣ Ламенэ идетъ рѣчь въ письмѣ, мы не знаемъ. Свое ученіе о томъ, что критеріемъ истины является не индивидуальный умъ, а коллективный разумъ человѣчества, Ламенэ развилъ впервые еще во II томѣ своего „Опыта объ индифферентизмѣ“, 1820 г.

Ты спрашиваешь у нашей милой К. А., зачѣмъ я не пишу, а я у тебя спрашиваю, зачѣмъ ты не пишешь? Впрочемъ, я готовъ писать, тѣмъ болѣе, что есть о чемъ, а именно о той книгѣ, которую ты мнѣ изволилъ прислать съ этой непристойной припиской: à qui de droit. По моему мнѣнію, въ ней нѣтъ и того достоинства, которое во всѣхъ прежнихъ сочиненіяхъ автора находилось, достоинства слога. И не мудрено: мысль совершенно ложная хорошо выражена быть не можетъ. Я всегда былъ того мнѣнія, что точка, съ которой этотъ человѣкъ съ начала отправился, была ложь, теперь и подавно въ этомъ увѣренъ. Какъ можно искать разума въ толпѣ? Гдѣ видано, чтобъ толпа была разумна? Was hat das Volk mit der Vernunft zu schaffen? сказалъ я когда-то какому то нѣмцу. Пріѣхалъ бы къ намъ вашъ г. Ламене, и послушалъ бы, что у насъ толпа толкуетъ: посмотрѣлъ бы я, какъ бы онъ тутъ приладилъ свой vox populi, vox dei? Къ тому же, это вовсе не христіанское исповѣданіе. Каждому извѣстно, что христіанство, во-первыхъ, предполагаетъ жительство истины не на земли, а на небеси; во-вторыхъ, что когда она является

на земли, то возникаетъ не изъ толпы, а изъ среды избранныхъ или призванныхъ. Для меня вовсе непостижимо, какъ умъ столь высокій, одаренный дарами столь необычайными, могъ дать себѣ это странное направленіе, и при томъ видя, что̀ вокругъ него творится, дыша воздухомъ, породившимъ воплощенную революцію и нелѣпый juste milieu. Ему есть одинъ только примѣръ въ исторіи христіанства, Саванарола; но какая разница! какъ тотъ глубоко постигалъ свое посланіе, какъ точно отвѣчалъ потребности своего времени! Политическое христіанство отжило свой вѣкъ; оно въ наше время не имѣетъ смысла; оно тогда было нужно, когда созидалось новѣйшее общество, когда вырабатывался новый законъ общественной жизни. И вотъ почему западное христіанство, мнѣ кажется, совершенно выполнило цѣль, предъозначенную христіанству вообще, а особенно на западѣ, гдѣ находились всѣ начала, потребныя для составленія новаго гражданскаго міра. Но теперь дѣло совсѣмъ иное. Великій подвигъ совершенъ; общество сооружено; оно получило свой уставъ; орудія безпредѣльнаго совершенствованія вручены человѣчеству; человѣкъ вступилъ въ свое совершеннолѣтіе. Ни эпизоды безначалія, ни эпизоды угнетенія не въ силахъ болѣе остановить человѣческій родъ на пути своемъ. Такимъ образомъ, бразды міроправленія должны были естественно выпасть изъ рукъ римскаго первосвященника; христіанство политическое должно было уступить мѣсто христіанству чисто духовному; и тамъ, гдѣ столь долго царили всѣ власти земныя во всѣхъ возможныхъ видахъ, остались только символъ единства мысли, великое поученіе и памятники прошлыхъ временъ. Однимъ словомъ, христіанство нынче не должно иное что быть, какъ та высшая идея времени, которая заключаетъ въ себѣ идеи всѣхъ прошедшихъ и будущихъ временъ, и слѣдовательно должно дѣйствовать на гражданственность только посредственно, властію мысли, а не вещества. Болѣе, нежели когда, должно оно жить въ области *духа* и оттуда озарять міръ и тамъ искать себѣ окончательнаго выраженія. Никогда толпа не была менѣе способна, какъ въ наше время, на то содѣйствіе, которое отъ нея ожидаетъ и требуетъ Ламене. Нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что и нынче много дѣла дѣлается и говорится на свѣтѣ, но возможно ли отыскать гласъ Божій въ этомъ разногласномъ говорѣ мысля-

щаго и не мыслящаго народа, въ этомъ порывѣ одной толпы къ одному вещественному, другой къ одному несбыточному? Справедливо и то, что вѣчный разумъ повременно выражается въ дѣлахъ человѣческихъ, и что можно отчасти за нимъ слѣдовать въ исторіи народовъ, но не должно же принимать за его выраженіе возгласъ каждаго сброда людей, который, мгновенно поколебавши воздухъ, ни малѣйшаго по себѣ не оставляетъ слѣда. Одному своему пріятелю, вотъ что писалъ я объ этой книгѣ [1]).

„Во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни христіанства. Вмѣсто того, чтобы просить у неба новыхъ внушеній, можетъ быть необходимыхъ церкви для ея обновленія, онъ обращается къ народамъ, онъ вопрошаетъ народы, онъ у народовъ ищетъ истины— ересіархъ! Къ счастію для него, какъ и для народовъ, послѣдніе даже не подозрѣваютъ, что есть на свѣтѣ падшій ангелъ, который бродитъ во тьмѣ, распространяемой имъ самимъ, и взываетъ къ нимъ изъ глубины этого мрака: встаньте, народы, встаньте во имя Отца и Сына и Св. Духа!—Такъ, его зловѣщій крикъ ужаснулъ всѣхъ истинныхъ христіанъ и отдалилъ осуществленіе послѣднихъ выводовъ христіанства, въ его лицѣ духъ зла еще разъ попытался разодрать въ клочья святое единство, драгоцѣннѣйшій даръ, какой религія принесла людямъ; наконецъ, онъ самъ разрушилъ то, что только-что самъ построилъ. И потому предоставимъ этого человѣка его заблужденіямъ, его совѣсти и милосердію Бога, и пусть соблазнъ, произведенный имъ, будетъ ему легокъ, если возможно!".

Сейчасъ прочелъ и Вяземскаго „Пожаръ". Je ne le savais ni si bon français, ni si bon russe. Зачѣмъ онъ прежде не вздумалъ писать по-бусурмански? Не во гнѣвъ ему будь сказано, онъ гораздо лучше пишетъ по-французски, нежели какъ по-русски. Вотъ дѣйствіе хорошихъ образцовъ, которыхъ по несчастію у насъ еще не имѣется. Для того, чтобъ писать хорошо на нашемъ языкѣ, надо быть необыкновеннымъ человѣкомъ, надо быть Пушкину или Карамзину [2]). Я знаю, что

---

[1]) Слѣдующій абзацъ—въ подлинникѣ по-французски.
[2]) Я говорю о прозѣ, поэтъ вездѣ необыкновенный человѣкъ. (*Прим. П. Я. Ч.*).

нынче не многіе захотятъ признать Карамзина за необыкновеннаго человѣка; фанатизмъ такъ называемой народности, слово, по моему мнѣнію, безъ граматическаго значенія у народа, который пользуется всѣмъ избыткомъ своего громаднаго бытія въ томъ видѣ, въ которомъ оно составлено необходимостью,—этотъ фанатизмъ, говорю я, многихъ заставляетъ нынче забывать, при какихъ условіяхъ развивается умъ человѣческій и чего стоитъ у насъ человѣку, родившемуся съ великими способностями, сотворить себя хорошимъ писателемъ. Effectrix eloquentiae est audientium approbatio, говоритъ Цицеронъ, и это относится до всякаго художественнаго произведенія. Что касается въ особенности до Карамзина, то скажу тебѣ, что съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе научаюсь чтить его память. Какая была возвышенность въ этой душѣ, какая теплота въ этомъ сердцѣ! Какъ здраво, какъ толково любилъ онъ свое отечество! Какъ простодушно любовался онъ его огромностью, и какъ хорошо разумѣлъ, что весь смыслъ Россіи заключается въ этой огромности! А между тѣмъ, какъ и всему чужому зналъ цѣну и отдавалъ должную справедливость! Гдѣ это нынче найдешь? А какъ писатель, что за стройный, звучный періодъ, какое вѣрное эстетическое чувство! Живописность его пера необычайна,—въ исторіи же Россіи это—главное дѣло: мысль разрушила бы нашу исторію, кистью одною можно ее создать. Нынче говорятъ, что намъ до слога? пиши, какъ хочешь, только пиши дѣло. Дѣло, дѣло! да гдѣ его взять, и кому его слушать? Я знаю, что не такъ развивался умъ у другихъ народовъ; тамъ мысль подавала руку воображенію и оба шли вмѣстѣ, тамъ долго думали на готовомъ языкѣ, но другіе намъ не примѣръ, у насъ свой путь.

Pour en revenir à V., никто по моему мнѣнію не въ состояніи лучше его познакомить Европу съ Россіею. Его оборотъ ума именно тотъ самый, который нынче нравится европейской публикѣ. Подумаешь, что онъ взросъ на улицѣ St.-Honoré, а не у Колымажнаго двора.

3.

1837 г.

Съ истиннымъ удовольствіемъ прочелъ я, мой другъ, твое сочиненіе. Мнѣ чрезвычайно пріятно было видѣть, съ какою легкостью ты обнялъ этотъ трудный предметъ, присвоилъ себѣ всѣ новѣйшія открытія науки и приложилъ ихъ къ нему. Отрывокъ твой, по моему мнѣнію, отличается новостью взгляда, вѣрностью въ главныхъ чертахъ и занимательнымъ изложеніемъ; но я не могу не сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній на послѣднія строки, гдѣ ты касаешься вещей, для меня весьма важныхъ, и излагаешь такія мнѣнія, которыхъ мнѣ никакъ нельзя оставить безъ возраженія. Впрочемъ, я доволенъ и этими строками, потому что и въ нихъ вижу то новое, благое направленіе всеобщаго духа, за которымъ такъ люблю слѣдовать и которое мнѣ столь часто удавалось предупреждать. И такъ, приступимъ къ дѣлу.

Ты, по старому обычаю, отличаешь ученіе церковное отъ науки. Я думаю, что ихъ отнюдь различать не должно. Есть, конечно, наука духа и наука ума, но и та, и другая принадлежитъ познанію нашему, и та, и другая въ немъ заключается. Различны способъ пріобрѣтенія и внѣшняя форма, сущность вещи одна. Раздѣленіе твое относится къ тому времени, когда еще не было извѣстно, что разумъ нашъ не все самъ изобрѣтаетъ, и что, для того только, чтобъ двинуться съ мѣста, ему необходимо надобно имѣть въ себѣ нѣчто имъ самимъ не созданное, а именно, орудія движенія, или, лучше сказать, силу движенія. Благодаря новѣйшей философіи, въ этомъ, кажется, ни одинъ мыслящій человѣкъ болѣе не сомнѣвается: жаль, что не всякій это помнитъ. Вообще, это ветхое раздѣленіе, которое противоставляетъ науку религіи, вовсе не философское, и позволь мнѣ также сказать,—нѣсколько пахнетъ XVIII столѣтіемъ, которое, какъ тебѣ самому извѣстно, весьма любило провозглашать неприступность для ума нашего истинъ вѣры, и такимъ образомъ, подъ притворнымъ уваженіемъ къ ученіямъ церкви, скрывало вражду свою къ ней. Отрывокъ твой написанъ совершенно въ иномъ духѣ, но по тому самому противорѣчіе между мыслію и языкомъ тѣмъ ра-

зительнѣе. Впрочемъ, надо и то сказать, съ кѣмъ у насъ не случается мыслить современными мыслями, а говорить словами прошлаго времени, и наоборотъ? И это очень естественно: какъ намъ поспѣть всѣми концами вдругъ нашего огромнаго, несвязнаго бытія за развитіемъ бытія тѣсно сомкнутаго, давно устроеннаго народовъ запада, потомковъ древности? Невозможно.

События допотопныя, разсказанныя въ книгѣ Бытія, какъ тебѣ угодно, совершенно принадлежатъ исторіи, разумѣется мыслящей, которая однакожъ есть одна настоящая исторія. Безъ нихъ шествіе ума человѣческаго неизъяснимо; безъ нихъ великій подвигъ искупленія не имѣетъ смысла, а собственно такъ называемая философія исторіи вовсе невозможна. Сверхъ того, безъ паденія человѣка нѣтъ ни психологіи, ни *даже* логики; все тьма и безсмыслица. Какъ понять, напримѣръ, происхожденіе ума человѣческаго, и слѣдовательно его законъ. если не предположить, что человѣкъ вышелъ изъ рукъ творца своего не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ себя теперь познаетъ? Къ тому же, должно замѣтить, что предъ чистымъ разумомъ нѣтъ повѣствованія достовѣрнѣе намъ разсказаннаго въ первыхъ главахъ Священнаго писанія, потому что нѣтъ ни одного столь проникнутаго той истиной непремѣнной, которая превыше всякой другой истины, а особливо всякой просто-исторической. Конечно, это разсказъ, и разсказъ весьма простодушный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и высочайшее умозрѣніе, и потому повѣряется не критикою обыкновенною, а законами разума. Наконецъ, если сказаніе библейское о первыхъ дняхъ міра есть ничто иное для христіанина, какъ пѣснопѣніе вдохновеннаго свидѣтеля мірозданія, то для изслѣдователя древности оно есть древнѣйшее преданіе рода человѣческаго, глубоко постигнутое и стройно разсказанное. Какъ же можетъ оно принадлежать одному духовному ученію, а не исторіи вообще? И выбросить его изъ первобытныхъ лѣтописей міра не значитъ ли то же, что выбросить первое дѣйствіе изъ какой-нибудь драмы, первую пѣснь изъ какой-нибудь эпопеи? Да и какъ можно въ начальномъ ученіи, гдѣ каждый пропускъ невозвратенъ, гдѣ каждое слово имѣетъ отголосокъ по всей жизни учащагося, не говорить на своемъ мѣстѣ, то-есть въ исторіи сотворенія, о первой, такъ сказать, встрѣчѣ человѣка

съ Богомъ, то-есть о сотвореніи его умственнаго естества? Какъ можно приступить къ исторіи рода человѣческаго, не сказавъ, откуда взялся родъ человѣческій? Какъ можно начать науку со второй или съ третьей главы этой науки?

Молодой умъ, который желаешь приготовить къ изученію исторіи, должно такъ направить, чтобы всѣ послѣдующія его понятія, къ этой сферѣ относящіяся, могли необходимымъ образомъ проистекать изъ первоначальныхъ понятій,—а для этого, мнѣ кажется, надобно непремѣнно говорить обо всемъ тамъ и тогда, гдѣ слѣдуетъ, иначе ни подъ какимъ видомъ не будетъ логическаго развитія. Вспомни, въ какое время умъ человѣческій пріобрѣлъ тѣ власти, тѣ орудія, которыми нынче такъ мощно владѣетъ? Не тогда ли, когда все основное ученіе было ученіе духовное, когда вся наука созидалась на теологіи, когда Аристотель былъ почти отецъ церкви, а св. Ансельмъ кантербурійскій—знаменитѣйшій философъ своего времени? Конечно, намъ нельзя, каждому у себя дома, все это перепачать; но мы можемъ воспользоваться этими великими поученіями, но мы не должны добровольно лишать себя богатаго наслѣдія, доставшагося намъ отъ вѣковъ протекшихъ и отъ народовъ чуждыхъ. Кто то сказалъ, что *намъ, русскимъ, недостаетъ нѣкоторой послѣдовательности въ умѣ, и что мы не владѣемъ силлогизмомъ запада* [1]). Нельзя признать безусловно это рѣзкое сужденіе о нашей умственности, произнесенное умомъ огорченнымъ, но и нельзя также его совсѣмъ отвергнуть. Никакого нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что умъ нашъ такъ составленъ, что понятія у насъ не истекаютъ необходимымъ образомъ одно изъ другого, а возникаютъ по одиночкѣ, внезапно, и почти не оставляя по себѣ слѣда. Мы угадываемъ, а не изучаемъ; мы съ чрезвычайною ловкостью присвоиваемъ себѣ всякое чужое изобрѣтеніе, а сами не изобрѣтаемъ; мы постепенности не знаемъ ни въ чемъ; мы схватываемъ вдругъ, но за то и многое изъ рукъ выпускаемъ. Однимъ словомъ, мы живемъ не продолжительнымъ размышленіемъ, а мгновенною мыслію. Но отчего это происходитъ? Отъ того, что мы не послѣдовательно впередъ подвигались; отъ того, что мы на пути

[1]) Фраза изъ перваго „Философ. письма" Чаадаева.

зительнѣе. Впрочемъ, надо и то сказать, съ кѣмъ у насъ не случается мыслить современными мыслями, а говорить словами прошлаго времени, и наоборотъ? И это очень естественно: какъ намъ поспѣть всѣми концами вдругъ нашего огромнаго, несвязнаго бытія за развитіемъ бытія тѣсно сомкнутаго, давно устроеннаго народовъ запада, потомковъ древности? Невозможно.

Событія допотопныя, разсказанныя въ книгѣ Бытія, какъ тебѣ угодно, совершенно принадлежатъ исторіи, разумѣется мыслящей, которая однакожъ есть одна настоящая исторія. Безъ нихъ шествіе ума человѣческаго неизъяснимо; безъ нихъ великій подвигъ искупленія не имѣетъ смысла, а собственно такъ называемая философія исторіи вовсе невозможна. Сверхъ того, безъ паденія человѣка нѣтъ ни психологіи, ни даже логики; все тьма и безсмыслица. Какъ понять, напримѣръ, происхожденіе ума человѣческаго, и слѣдовательно его законъ, если не предположить, что человѣкъ вышелъ изъ рукъ творца своего не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ себя теперь познаетъ? Къ тому же, должно замѣтить, что предъ чистымъ разумомъ нѣтъ повѣствованія достовѣрнѣе намъ разсказаннаго въ первыхъ главахъ Священнаго писанія, потому что нѣтъ ни одного столь проникнутаго той истиной непремѣнной, которая превыше всякой другой истины, а особливо всякой просто-исторической. Конечно, это разсказъ, и разсказъ весьма простодушный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и высочайшее умозрѣніе, и потому повѣряется не критикою обыкновенною, а законами разума. Наконецъ, если сказаніе библейское о первыхъ дняхъ міра есть ничто иное для христіанина, какъ пѣснопѣніе вдохновеннаго свидѣтеля мірозданія, то для изслѣдователя древности оно есть древнѣйшее преданіе рода человѣческаго, глубоко постигнутое и стройно разсказанное. Какъ же можетъ оно принадлежать одному духовному ученію, а не исторіи вообще? И выбросить его изъ первобытныхъ лѣтописей міра не значитъ ли то же, что выбросить первое дѣйствіе изъ какой-нибудь драмы, первую пѣснь изъ какой-нибудь эпопеи? Да и какъ можно въ начальномъ ученіи, гдѣ каждый пропускъ невозвратенъ, гдѣ каждое слово имѣетъ отголосокъ по всей жизни учащагося, не говорить на своемъ мѣстѣ, то... исторіи сотворенія, о первой, такъ сказать, встрѣч...

съ Бэкономъ. [illegible] о сотвореніи его умственнаго [illegible] [illegible] [illegible] вступить въ исторію рода человѣческаго [illegible]. [illegible] [illegible] роль человѣчества? Какъ можно [illegible] [illegible] [illegible] ли съ третьей главы этой науки?

[illegible] [illegible] желаетъ приступить къ исторіи [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible], чтобы всѣ послѣдующія [illegible] понятія. [illegible] сферѣ относящіяся, могли [illegible] [illegible] [illegible] изъ первоначальныхъ понятій. А для [illegible] [illegible], надобно непремѣнно говорить обо всемъ тогда, гдѣ слѣдуетъ, иначе ни подъ какимъ видомъ не будетъ логическаго развитія. Положимъ, въ какое время умъ человѣческій прибѣгъ къ власти, къ орудіямъ, которыми нынче [illegible] и нынѣ владѣетъ? Не тогда ли, когда все основное ученіе [illegible] духовное, когда вся наука сознавалась на [illegible] логикѣ, когда Аристотель былъ почти отецъ церкви, а св. Августинъ [illegible] — знаменитѣйшій философъ своего времени? Но [illegible] нельзя, каждому у себя дома, все это перечитать; [illegible] не можемъ воспользоваться этими великими поученіями, [illegible] не должны добровольно лишать себя богатаго наслѣдія, доставшагося намъ отъ вѣковъ протекшихъ и отъ народовъ чуждыхъ. Кто то сказалъ, что намъ, русскимъ, недостаетъ [illegible] послѣдовательности въ умѣ, и что мы не [illegible] силлогизмомъ запада [1]. Нельзя признать безу[illegible] это рѣзкое сужденіе о нашей умственности, [illegible] ужъ огорченнымъ, но и нельзя [illegible] его совсѣмъ отвергнуть. Никакого нѣтъ въ томъ со[illegible] что умъ нашъ такъ составленъ, что понятія у насъ [illegible] образомъ одно изъ другого, а [illegible] ваютъ необходимо [illegible] внезапно, и почти не оставляя по [illegible] по одиночкѣ, а не изучаемъ; мы съ чрезвычайн[illegible] Мы угадываемъ себѣ всякое чужое изобрѣтеніе, [illegible] постепенности не знаемъ ни въ [illegible] изобрѣ[illegible] но за то и многое изъ рукъ [illegible] живемъ не продолжительн[illegible] мыслію. Но отчего эт[illegible] слѣдовательно впер[illegible]

1) Фра[illegible]

нашего бѣглаго развитія иное пропускали, другое узнавали не въ свое время, и такимъ образомъ очутились, сами не зная какъ, на томъ мѣстѣ, на которомъ теперь находимся. Если же мы желаемъ не шутя вступить на поприще безпредѣльнаго совершенствованія человѣчества, то мы должны непремѣнно стараться всѣ будущія наши понятія пріобрѣтать со всевозможною логическою строгостью и обращать всего болѣе вниманіе на методу ученія нашего. Тогда, можетъ быть, перестанемъ хватать однѣ вершки, какъ то у насъ по сихъ поръ водилось; тогда раскроются по немногу всѣ силы гибкихъ и зоркихъ умовъ нашихъ; тогда родятся у насъ и глубокомысліе, и стройная дума; тогда мы научимся постигать вещи во всей ихъ полнотѣ, и наконецъ сравняемся, не только по наружности, но и на самомъ дѣлѣ, съ народами, которые шли иными стезями и правильнѣе насъ развивались, а, можетъ статься, и быстро перегонимъ ихъ, потому что мы имѣемъ предъ ними великія преимущества—безкорыстныя сердца, простодушныя вѣрованія, потому что мы не удручены, подобно имъ, тяжелымъ прошлымъ, не омрачены закоснѣлыми предразсудками, и пользуемся плодами всѣхъ ихъ изобрѣтеній, напряженій и трудовъ.

Ты говоришь еще, что должно въ молчаніи благоговѣть предъ премудростью Божіею. Не могу не сказать тебѣ, мой другъ, что и это также ничто иное, какъ обветшалый оборотъ прошлаго столѣтія. Благоговѣть предъ премудростью Божіею конечно должно, но зачѣмъ въ молчаніи? Нѣтъ, должно чтить ее не съ безгласнымъ, а съ полнымъ разумѣніемъ, то-есть съ глубокою мыслью въ душѣ и съ живымъ словомъ на устахъ. Премудрость Божія никогда не имѣла въ виду—содѣлывать изъ насъ безсловесныхъ животныхъ и лишать насъ того преимущества, которое отличаетъ насъ отъ прочихъ тварей. Откровеніе не для того излилось въ міръ, чтобы погрузить его въ таинственную мглу, а для того, чтобъ озарить его свѣтомъ вѣчнымъ. Оно само есть *слово:* слово же вызываетъ слово, а не безмолвіе. Скажи, гдѣ написано, что властитель міровъ требуетъ себѣ слѣпого или нѣмого поклоненія? Нѣтъ, онъ отвергаетъ ту глупую вѣру, которая превращаетъ существо разумное въ безсмысленную тварь; онъ требуетъ вѣры преисполненной зрѣнія, гласа и жизни. *Се же есть животъ*

вѣчный, говоритъ апостолъ, *да знаютъ тебе единаго Бога*. Если же вѣра есть ничто иное, какъ познаніе Божества, то самъ посуди, не сущее ли богохуліе именемъ вѣры проповѣдовать безсмысліе?

Въ заключеніе скажу, никакъ не должно забывать, что разумъ нашъ не изъ одного того составленъ, что онъ самъ открылъ или выдумалъ, но изо всего того, что онъ знаетъ. Какое до того дѣло, откуда и какимъ образомъ это знаніе въ него проникло? Иное онъ пріобрѣлъ не сознательно, а теперь постигаетъ съ полнымъ сознаніемъ; другое усвоилъ себѣ вѣковыми усиліями и трудами, а нынче пользуется имъ механически; но и то, и другое принадлежитъ ему неотъемлемо, и то и другое взошло навсегда въ его составъ. Однимъ словомъ *разумъ*, или, лучше сказать, *духъ*, одинъ на небеси и на земли; невидимыя изліянія міра горняго на дольній, съ первой минуты сотворенія того и другого, никогда не прекращаясь, всегда сохраняли между ними вѣчное тождество; когда же совершилось полное откровеніе или воплощеніе божественной истины, тогда совершилось также и сочетаніе обоихъ міровъ въ одно нераздѣлимое цѣлое, которое въ сущности своей никогда болѣе раздроблено быть не можетъ, ни умозрѣніемъ надменной мечтательности, ни строптивымъ своеволіемъ ума, преисполненнаго своею личностью, ни произвольнымъ отреченіемъ развращеннаго сердца. Всемірный духъ, обновленный новою высшею мыслію, ее болѣе отвергнуть не въ силахъ, ею дышетъ, ею живетъ, ею руководствуется, и вопреки всѣхъ возстаній разнородныхъ титановъ, деистовъ, пантеистовъ, раціоналистовъ и проч., торжественно продолжаетъ путь свой и влечетъ за собою родъ человѣческій къ его высокой цѣли.

Вотъ, мой другъ, что я хотѣлъ тебѣ сказать; но еще разъ повторяю, съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я твой занимательный отрывокъ, и отъ всей души желаю, чтобъ ты продолжалъ свой трудъ.

Безумный.

1837. Октября 30.

V. Письмо къ Сиркуру [1]).

1846 г.

Это письмо писано Чаадаевымъ въ 1846 г., вѣроятно къ Сиркуру, какъ можно заключить изъ сохранившейся записочки Чаадаева, гдѣ онъ пишетъ, что хотѣлъ бы отдать свой *переводъ* на судъ кн. Елиз. Дм. Шаховской, прежде чѣмъ *отошлетъ его Сиркуру*; читатель увидитъ изъ первыхъ строкъ письма, что оно сопровождалось посылкою сдѣланнаго Чаадаевымъ перевода статьи Хомякова „Мнѣніе иностранцевъ о Россіи" (напечат. въ 4-ой кн. „Москвитянина" за 1845 г.; теперь—въ 1 т. соч. Хомякова). Сюда же, вѣроятно, надо отнести слѣдующія строки изъ недатированнаго письма Хомякова къ Чаадаеву: „Отсылаю вамъ переводъ, въ которомъ, впрочемъ, я ошибокъ не нахожу, и очень буду благодаренъ, если доставите продолженіе, разумѣется, не для повѣрки, совершенно ненужной, а для чтенія" (Соч. Хомякова, т. VIII, стр. 435).

Письмо сохранилось только въ копіи, принадлежащей перу кузины Чаадаева, кн. Нат. Дм. Шаховской. Оно писано, конечно, по французски.

Я только что писалъ вамъ, а теперь берусь за перо, чтобы просить васъ пристроить въ печати статью нашего друга Хомякова, которая переведена мною и которую онъ хотѣлъ бы помѣстить въ одномъ изъ вашихъ періодическихъ изданій. Рукопись доставитъ вамъ нарочно г. Мельгуновъ, котораго вы, кажется, знаете. Излишне говорить, какъ мнѣ пріятно снова бесѣдовать съ вами. Тема статьи — мнѣнія иностранцевъ о Россіи. Вы знаете, что я не раздѣляю взглядовъ автора; тѣмъ не менѣе я старался, какъ вы увидите, передать его мысль съ величайшей тщательностью. Мнѣ было бы, пожалуй,

---

[1]) Впервые напечатано въ „Быломъ", 1906, апрѣль.

пріятнѣе опровергать ее; но я полагалъ, что наилучшій способъ заставить нашу публику цѣнить произведенія отечественной литературы, это—дѣлать ихъ достояніемъ широкихъ слоевъ европейскаго общества. Какъ ни склонны мы уже теперь довѣрять нашему собственному сужденію, все-таки среди насъ еще преобладаетъ старая привычка руководиться мнѣніемъ вашей публики. Вы такъ хорошо знаете нашу внутреннюю жизнь, вы посвящены въ наши семейныя тайны; итакъ, моя мысль будетъ вамъ совершенно ясна. Я думаю, что прогрессъ еще невозможенъ у насъ безъ апелляціи къ суду Европы. Не то, чтобы въ нашемъ собственномъ существѣ не крылись задатки всяческаго развитія, но несомнѣнно, что починъ въ нашемъ движеніи все еще принадлежитъ чужеземнымъ идеямъ и—прибавлю—принадлежалъ имъ искони: странное динамическое явленіе, быть можетъ, не имѣющее примѣра въ исторіи народовъ. Вы понимаете, что я говорю не только о близкихъ къ намъ временахъ, но обо всемъ нашемъ движеніи на пространствѣ вѣковъ. И прежде всего, вся наша умственность есть, очевидно, плодъ религіознаго начала. А это начало не принадлежитъ ни одному народу въ частности: оно, стало быть, постороннее намъ такъ же, какъ и всѣмъ остальнымъ народамъ міра. Но оно всюду подвергалось вліянію національныхъ или мѣстныхъ условій, тогда какъ у насъ христіанская идея осталась такою же, какою она была привезена къ намъ изъ Византіи, т.-е. какъ она нѣкогда была формулирована силою вещей,—важное обстоятельство, которымъ наша церковь справедливо гордится, но которое тѣмъ не менѣе характеризуетъ своеобразную природу нашей народности. Подъ дѣйствіемъ этой единой идеи развилось наше общество. Къ той минутѣ, когда явился со своимъ преобразованіемъ Петръ Великій, это развитіе достигло своего апогея. Но то не было собственно соціальное развитіе: то былъ интимный фактъ, дѣло личной совѣсти и семейнаго уклада, т.-е. нѣчто такое, что неминуемо должно было исчезнуть по мѣрѣ политическаго роста страны. Естественно, что весь этотъ домашній строй, примѣненный къ государству, распался тотчасъ, какъ только могучая рука кинула насъ на поприще всемірнаго прогресса. Я знаю: насъ хотятъ увѣрить теперь, что Петръ Великій встрѣтилъ въ своемъ народѣ упорное сопротивленіе, которое онъ сломилъ будто бы

V. Письмо къ Сиркуру [1]).

1846 г.

Это письмо писано Чаадаевымъ въ 1846 г., вѣроятно г Сиркуру, какъ можно заключить изъ сохранившейся записоч Чаадаева, гдѣ онъ пишетъ, что хотѣлъ бы отдать свой *перев* на судъ кн. Елиз. Дм. Шаховской, прежде чѣмъ *отослать къ Сиркуру*; читатель увидитъ изъ первыхъ строкъ письма, чт оно сопровождалось посылкою сдѣланнаго Чаадаевымъ перевода статьи Хомякова „Мнѣніе иностранцевъ о Россіи" (напечат. въ 4-ой кн. „Москвитянина" за 1845 г.; теперь—въ 1 т. соч. Хомякова). Сюда же, вѣроятно, надо отнести слѣдующія строки изъ недатированнаго письма Хомякова къ Чаадаеву: „Отсылаю вамъ переводъ, въ которомъ, впрочемъ, я ошибокъ не нахожу, и очень буду благодаренъ, если доставите продолженіе, разумѣется, не для повѣрки, совершенно ненужной, а для чтенія" (Соч. Хомякова, т. VIII, стр. 435).

Письмо сохранилось только въ копіи, принадлежащей перу кузины Чаадаева, кн. Нат. Дм. Шаховской. Оно писано, конечно, по французски.

Я только что писалъ вамъ, а теперь берусь за перо, чтобы просить васъ пристроить въ печати статью нашего друга Хомякова, которая переведена мною и которую онъ хотѣлъ бы помѣстить въ одномъ изъ вашихъ періодическихъ изданій. Рукопись доставитъ вамъ надняхъ г. Мельгуновъ, котораго вы, кажется, знаете. Излишне говорить, какъ мнѣ пріятно снова бесѣдовать съ вами. Тема статьи — мнѣнія иностранцевъ о Россіи. Вы знаете, что я не раздѣляю взглядовъ автора; тѣмъ не менѣе я старался, какъ вы увидите, передать его мысль съ величайшей тщательностью. Мнѣ было бы, пожалуй,

---

[1]) Впервые напечатано въ „Быломъ", 1906, апрѣль.

[illegible]

щаясь къ нашему пред-
:а готовность подчиняться
ѣ есть неизбѣжное по-
го свободы, гдѣ нрав-
ость своего достоинства,
чтобы она держалась
чъ лишь въ той мѣрѣ,
власть, гдѣ, наконецъ,
ости ея служителей,
огласитесь ли вы со
собомъ очень легко
дъ простодушный и
поприщѣ были отмѣ-
ьзу чужого народа,
ши лѣтописцы, —
вангельскія ученія
, чѣмъ въ силу
рѣли соціальный
имъ съ самаго
ъ обнаружиться
ная идея хри-
дъ только самое
чайности уси-
нѣ всѣ осталь-
итія, прогресса
Высшаго Ра-
твованію, но
исимости отъ
чадныя явле-
ъ западныхъ
было воз-
енная все-
ана узкимъ
сочувствіе
ойпастыр-
госу
тре
фа
нѣ

потоками крови. Къ несчастію, исторія не отмѣтила этой величественной борьбы народа съ его государемъ. Но вѣдь ничто не мѣшало странѣ послѣ смерти Петра вернуться къ своимъ старымъ правамъ и старымъ учрежденіямъ. Кто могъ запретить народному чувству проявиться со всей присущей ему энергіей въ тѣ два царствованія, которыя слѣдовали за царствованіемъ преобразователя? Конечно, ни Меншикову, правившему Россіей при Екатеринѣ I, ни молодому Петру II, руководимому Долгорукими и поселившемуся въ древней столицѣ Россіи, очагѣ и средоточіи всѣхъ нашихъ народныхъ предразсудковъ, никогда не пришло бы въ голову воспротивиться національной реакціи, еслибы народъ вздумалъ предпринять таковую. За ужаснымъ Вироновскимъ эпизодомъ послѣдовало царствованіе Елизаветы, ознаменовавшееся, какъ извѣстно, чисто-національнымъ направленіемъ, мягкостью и славой. Излишне говорить о царствованіи Екатерины II, носившемъ столь національный характеръ, что, можетъ быть, еще никогда ни одинъ народъ не отождествлялся до такой степени со своимъ правительствомъ, какъ русскій народъ въ эти годы побѣдъ и благоденствія. Итакъ, очевидно, что мы съ охотой приняли реформу Петра Великаго; слабое сопротивленіе, встрѣченное имъ въ небольшой части русскаго народа, было лишь вспышкою личнаго недовольства противъ него со стороны одной партіи, а вовсе не серьезнымъ противодѣйствіемъ проводимой имъ идеѣ. Эта податливость чужимъ внушеніямъ, эта готовность подчиняться идеямъ, навязаннымъ извнѣ, все равно—чужеземцами или нашими собственными господами, является, слѣдовательно, существенной чертой нашего нрава, врожденной или пріобрѣтенной—это безразлично. Этого не надо ни стыдиться, ни отрицать: надо стараться уяснить себѣ это наше свойство, и не путемъ какой-нибудь этнографической теоріи изъ числа тѣхъ, которыя сейчасъ такъ въ модѣ, а просто путемъ непредубѣжденнаго и искренняго уразумѣнія нашей исторіи. Мнѣ хочется передать вамъ вполнѣ мою мысль объ этомъ предметѣ. Постараюсь быть краток.

Мы представляемъ собою, какъ я только что замѣтилъ, продуктъ религіознаго начала; это несомнѣнно, но это не все. Не надо забывать, что это начало бываетъ дѣйствительно плодотворно лишь тогда, когда оно вполнѣ независимо отъ

свѣтской власти, когда мѣсто, откуда оно осуществляетъ свое дѣйствіе на народъ, находится въ области недосягаемой для властей земныхъ. Такъ было въ древнемъ Египтѣ, на всемъ Востокѣ, особенно въ Индіи, и наконецъ, въ Западной Европѣ. У насъ, къ несчастью, дѣло обстояло иначе. При всемъ глубокомъ почтеніи, съ которымъ наши государи относились къ духовенству и христіанскимъ догматамъ, духовная власть далеко не пользовалась въ нашемъ обществѣ всей полнотою своихъ естественныхъ правъ. Чтобы понять это явленіе, необходимо подняться мысленно къ той эпохѣ, когда только складывался строй нашей церкви, т.-е. къ Константину Великому. Всякій знаетъ, что принятіе христіанства этимъ монархомъ какъ государственной религіи, было коллосальнымъ политическимъ фактомъ, но, какъ мнѣ кажется, вообще недостаточно ясно представляютъ себѣ вліяніе, которое оно оказало на самую религію. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что печать, наложенная этой революціей на церковь, оказалась бы для нея скорѣе пагубной, чѣмъ благотворной, если бы, по счастью, Константину не вздумалось перенести резиденцію правительства въ новый Римъ, что избавило старый отъ докучнаго присутствія государя. Въ эту эпоху римская имперія представляла собою уже не республиканскую монархію первыхъ цезарей, а восточный деспотизмъ, созданный Діоклетіаномъ и упроченный Константиномъ. Поэтому императоры скоро сосредоточили въ своихъ рукахъ высшую власть духовную, также какъ и свѣтскую. Они смотрѣли на себя какъ на вселенскихъ епископовъ, поставили свой тронъ въ алтарѣ, предсѣдательствовали на церковныхъ соборахъ, называли себя апостольскими и, наконецъ, какъ сообщаетъ намъ историкъ Сократъ, присвоили себѣ полновластіе въ религіозныхъ дѣлахъ и невозбранно распоряжались на самыхъ большихъ соборахъ. По словамъ св. Аѳанасія, Констанцій говорилъ собравшимся вокругъ него епископамъ: „то, чего я хочу, должно считаться закономъ церкви“, и вы, конечно, знаете, что на Константинопольскомъ соборѣ Ѳеодосій Великій былъ привѣтствованъ титуломъ первосвященника. Таковъ былъ путь, которымъ шла императорская власть въ первомъ вѣкѣ христіанской церкви. А въ это самое время и въ виду этихъ вторженій свѣтской власти въ духовную сферу, западная церковь, благодаря своей отдаленности отъ импера-

торской резиденціи, организуется вполнѣ независимо, ея епископы простираютъ свою власть даже на свѣтскій бытъ, и римскій патріархъ, опираясь на престижъ, какой сообщали ему этотъ высокій санъ, кровь мучениковъ, которою пропитана почва вѣчнаго города, преемственная связь со старшимъ изъ апостоловъ, память о другомъ великомъ апостолѣ и, въ особенности, присущая христіанскому міру потребность въ средоточіи и символѣ единства, мало-по-малу достигаетъ той мощи, которая потомъ вступитъ въ единоборство съ имперіей и одолѣетъ ее. Я знаю, среди вашихъ мыслителей эту побѣду одобряли только немногіе, но мы, беспристрастные свидѣтели въ этомъ дѣлѣ, можемъ оцѣнить ее лучше вашего; мы, неуклонно слѣдующіе по стопамъ Византіи, слишкомъ хорошо знаемъ, что представляетъ собою духовная власть, отданная на произволъ земныхъ владыкъ. Я только что упомянулъ Θеодосія Великаго. Этотъ самый Θеодосій, котораго въ Константинополѣ провозглашали первосвященникомъ,—вы знаете, какъ сурово обошелся съ нимъ св. Амвросій въ Миланѣ; и надо прибавить, что послѣдній, запретивъ императору входъ въ церковь, не удовольствовался этимъ, но велѣлъ также вынести изъ храма императорскій престолъ. Это, на мой взглядъ, какъ нельзя лучше обрисовываетъ характеръ той и другой церкви: здѣсь мы видимъ духовенство, одушевленное глубокимъ чувствомъ независимости, стремящееся поставить духовную власть выше силы, тамъ — церковь самое покорную матеріальной власти и домогающуюся стать какъ бы христіанскимъ халифатомъ.

Таково наслѣдіе, которое мы получили отъ Византіи вмѣстѣ съ полнотою догмы и ея первоначальной чистотой. Эта чистота, безъ сомнѣнія,—неоцѣнимое благо, и она должна утѣшать насъ во всѣхъ недостаткахъ нашего духовнаго строя; но у насъ идетъ рѣчь сейчасъ только о нашемъ соціальномъ развитіи, и вы согласитесь, что западный религіозный строй гораздо болѣе благопріятствовалъ такого рода развитію, нежели тотъ, который выпалъ на нашу долю. Надо все время помнить одно— что въ нашемъ обществѣ не существовало никакого другого нравственнаго начала, кромѣ религіозной идеи, такъ что ей одной обязанъ нашъ народъ своимъ историческимъ воспитаніемъ и ей должно быть приписано все, что у насъ есть, —

доброе, какъ и злое. Итакъ, возвращаясь къ нашему предмету, мы видимъ воочію, что эта наша готовность подчиняться разнороднымъ предначертаніямъ извнѣ есть неизбѣжное послѣдствіе религіознаго строя, лишеннаго свободы, гдѣ нравственная мысль сохранила лишь видимость своего достоинства, гдѣ ее чтутъ лишь подъ условіемъ, чтобы она держалась смирно, гдѣ она пользуется авторитетомъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой его удѣляетъ ей политическая власть, гдѣ, наконецъ, ее безпрестанно стѣсняютъ въ дѣятельности ея служителей, въ ея движеніяхъ и духѣ. Не знаю, согласитесь ли вы со мною, но мнѣ кажется, что этимъ способомъ очень легко можно объяснить всю нашу исторію. Народъ простодушный и добрый, чьи первые шаги на соціальномъ поприщѣ были отмѣчены тѣмъ знаменитымъ отреченіемъ въ пользу чужого народа, о которомъ такъ наивно повѣствуютъ наши лѣтописцы, — этотъ народъ, говорю я, принялъ высокія евангельскія ученія въ ихъ первоначальной формѣ, т.-е. раньше, чѣмъ въ силу развитія христіанскаго общества они пріобрѣли соціальный характеръ, задатокъ котораго былъ присущъ имъ съ самаго начала, но который и долженъ былъ, и могъ обнаружиться лишь въ урочное время. Ясно, что нравственная идея христіанства должна была оказать на этотъ народъ только самое непосредственное свое дѣйствіе, т.-е. до чрезвычайности усилить въ немъ аскетическій элементъ, оставляя втунѣ всѣ остальныя начала, заключенныя въ ней,—начала развитія, прогресса и будущности. Христіанская догма, какъ плодъ Высшаго Разума, не подлежитъ ни развитію, ни совершенствованію, но она допускаетъ безчисленныя примѣненія въ зависимости отъ условій національной жизни. Извѣстно, какія громадныя явленія, какія неизмѣримыя послѣдствія породила жизнь западныхъ народовъ, оплодотворенная христіанствомъ. Но это было возможно лишь потому, что эта жизнь, сама исполненная всевозможныхъ плодоносныхъ элементовъ, не была скована узкимъ спиритуализмомъ, что она находила покровительство, сочувствіе и свободу тамъ, гдѣ у насъ жизнь встрѣчала лишь монастырскую суровость и рабское повиновеніе интересамъ государя. Не удивительно, что мы шли отъ отреченія къ отреченію. Вся наша соціальная эволюція—сплошной рядъ такихъ фактовъ. Вы слишкомъ хорошо знаете нашу исторію, чтобы мнѣ надо

было перечислять ихъ; довольно указать вамъ на колоссальный фактъ постепеннаго закрѣпощенія нашего крестьянства, представляющій собою ничто иное, какъ строго-логическое слѣдствіе нашей исторіи. Рабство всюду имѣло одинъ источникъ: завоеваніе. У насъ не было ничего подобнаго. Въ одинъ прекрасный день одна часть народа очутилась въ рабствѣ у другой просто въ силу вещей, вслѣдствіе настоятельной потребности страны, вслѣдствіе непреложнаго хода общественнаго развитія, безъ злоупотребленій съ одной стороны и безъ протеста съ другой. Замѣтьте, что это вопіющее дѣло завершилось какъ разъ въ эпоху наибольшаго могущества церкви, въ тотъ памятный періодъ патріаршества, когда глава церкви одну минуту дѣлилъ престолъ съ государемъ. Можно ли ожидать, чтобы при такомъ безпримѣрномъ въ исторіи соціальномъ развитіи, гдѣ съ самаго начала все направлено къ порабощенію личности и мысли, народный умъ сумѣлъ свергнуть иго вашей культуры, вашего просвѣщенія и авторитета? Это немыслимо. Часъ нашего освобожденія, стало-быть, еще далекъ. Вся работа новой школы будетъ безплодна до тѣхъ поръ, пока наша ретроспективная точка зрѣнія не измѣнится совершенно. Конечно, наука могущественна въ наши дни; судьбы обществъ въ значительной степени зависятъ отъ нея—но она дѣйствительно можетъ вліять на народъ лишь въ томъ случаѣ, когда она въ области соціальныхъ идей оперируетъ такъ же безпристрастно и безлично, какъ она это дѣлаетъ въ сферѣ чистаго мышленія. Только тогда ея формулы и теоріи способны дѣйствительно стать выраженіемъ законовъ соціальной жизни и вліять на нее, какъ въ естественныхъ наукахъ онѣ постоянно выражаютъ законы природы и даютъ средства вліять на нее. Я увѣренъ, придетъ время, когда мы сумѣемъ такъ понять наше прошлое, чтобы извлекать изъ него плодотворные выводы для нашего будущаго, а пока намъ слѣдуетъ довольствоваться простой оцѣнкой фактовъ, не силясь опредѣлить ихъ роль и мѣсто въ дѣлѣ созиданія нашихъ будущихъ судебъ. Мы будемъ истинно свободны отъ вліянія чужеземныхъ идей лишь съ того дня, когда вполнѣ уразумѣемъ пройденный нами путь, когда изъ нашихъ устъ помимо нашей воли вырвется признаніе во всѣхъ нашихъ заблужденіяхъ, во всѣхъ ошибкахъ нашего прошлаго, когда изъ нашихъ нѣдръ исторгнется крикъ

раскаянія и скорби, отзвукъ котораго наполнитъ міръ. Тогда мы естественно займемъ свое мѣсто среди народовъ, которымъ предназначено дѣйствовать въ человѣчествѣ не только въ качествѣ тарановъ или дубинъ, но и въ качествѣ идей. И не думайте, что намъ еще очень долго ждать этой минуты. Въ нѣдрахъ этой самой новой школы, которая силится воскресить прошлое, уже не одинъ свѣтлый умъ и не одна честная душа вынуждены были признать тотъ или другой грѣхъ нашихъ отцовъ. Мужественное изученіе нашей исторіи неизбѣжно приведетъ насъ къ неожиданнымъ открытіямъ, которыя прольютъ новый свѣтъ на нашу протекшую жизнь; мы научимся, наконецъ, знать не то, что у насъ было, а то, чего намъ не хватало, не что надо вернуть изъ былого, а что изъ него слѣдуетъ уничтожить. Ничто не можетъ быть благодатнѣе того направленія, которое приняла теперь наша умственная жизнь. Благодаря ему огромное число фактовъ воскрешено изъ забвенія, интереснѣйшія эпохи нашей исторіи возсозданы вполнѣ, и въ ту минуту, когда я пишу вамъ, готовится къ выходу въ свѣтъ крупный трудъ подобнаго рода. Съ другой стороны, воззрѣніе, противоположное національной школѣ, также принуждено заняться серьезными изысканіями въ исторической области, и, исходя изъ совершенно иной точки зрѣнія, оно приходитъ къ результатамъ не менѣе непредвидѣннымъ. Нельзя отрицать: безстрашіе, съ которымъ оба воззрѣнія изслѣдуютъ свой предметъ, дѣлаетъ честь нашему времени и подаетъ добрыя надежды на будущее, когда нашъ языкъ и умъ будутъ свободнѣе, когда они уже не будутъ, какъ всегда до сихъ поръ, скованы путами лицемѣрнаго молчанія. Столь часто повторяемое теперь сравненіе нашей исторической жизни съ исторической жизнью другихъ народовъ показываетъ намъ на каждомъ шагу, какъ рѣзко мы отличаемся отъ нихъ. Позже мы узнаемъ, можно ли народу такъ обособиться отъ остального міра и долженъ ли онъ считаться частью историческаго человѣчества, разъ онъ можетъ предъявить послѣднему только нѣсколько страницъ географіи. Если мнѣ удалось выяснить тѣ двѣ идеи, которыя дѣлятъ между собою теперь наше мыслящее общество, я доволенъ, и вы можете видѣть, что я продолжаю по прежнему откровенно выражать мою мысль о моей родной странѣ. Въ эпоху, когда смерть и возрожденіе

народовъ занимаютъ столько умовъ, нельзя, мнѣ кажется, лучше уяснить своей странѣ ея собственную національность, какъ изобразивъ ее предъ всѣмъ міромъ, предъ глазами иностранцевъ и соотечественниковъ, такою, какою она представляется намъ самимъ. Тогда всякій можетъ поправить насъ, если мы ошиблись.

Я обѣщалъ вамъ быть краткимъ. Не знаю, сдержалъ ли я слово, но знаю навѣрное, что еслибы я захотѣлъ руководиться тѣмъ чувствомъ удовольствія, которое я испытываю, бесѣдуя съ вами о нашихъ дѣлахъ, вамъ пришлось бы осиливать безконечное письмо.

VI. Письмо къ неизвѣстному [1]).

Басманная. 15 ноября 1846 г.

Баголарю васъ, любезный другъ, за ваше письмо. Я вѣдь говорилъ вамъ, что у васъ сердце ни въ чемъ не уступаетъ уму. Многимъ покажется чрезмѣрной такая похвала, но я увѣренъ, что этого не найдутъ ни ваши лучшіе друзья, ни люди, умѣющіе цѣнить свойства возвышеннаго ума. Дѣло въ томъ, что люди вашего пошиба бываютъ почти всегда очень добрыми людьми. Человѣкъ гораздо цѣльнѣе, нежели думаютъ. Поэтому я составилъ себѣ свое мнѣніе о васъ уже съ первыхъ дней нашего знакомства, и мнѣ казалось очень страннымъ, что ваши друзья постоянно твердили мнѣ только о вашемъ умѣ. Къ тому же, есть столько вещей, доступныхъ только взору, идущему отъ сердца, неуловимыхъ иначе, какъ органами души, что нѣтъ возможности оцѣнить вполнѣ объемъ вашего ума, не принимая во вниманіе всю вашу личность. Я радъ случаю сказать вамъ свое мнѣніе о васъ, и мнѣ отрадно думать, что, можетъ быть, я способствовалъ развитію наиболѣе цѣнныхъ свойствъ вашей природы. Примите, мой другъ, это наслѣдство человѣка, вліяніе котораго на его ближнихъ бывало порой не безплодно. Если моей усталой жизни суждено скоро кончиться, ничто не усладитъ моихъ послѣднихъ дней больше, чѣмъ память о привязанности, которой мнѣ отвѣчали на мою любовь къ нимъ нѣсколько молодыхъ, горячихъ сердецъ.

---

[1]) Подлинникъ по-французски; печатается впервые.

Вы изъ ихъ числа. Мнѣ до-нельзя жаль, что вы застали меня въ одну изъ моихъ худшихъ минутъ, и я отъ всего сердца желаю, чтобы это непріятное впечатлѣніе не оставило слѣда на вашей счастливой жизни. Моя жизнь сложилась такъ причудливо, что, едва выйдя изъ дѣтства, я оказался въ противорѣчіи съ тѣмъ, что меня окружало; это конечно не могло не отразиться на моемъ организмѣ, и въ моемъ теперешнемъ возрастѣ мнѣ ничего другого не остается, какъ принять это неизбѣжное слѣдствіе моего земного поприща. Къ счастію, жизнь не кончается въ день смерти, а возобновляется за нимъ. Какъ бы ни былъ этотъ день далекъ или близокъ, я надѣюсь, что до него вы сохраните мнѣ то расположеніе, которое вы мнѣ теперь высказали. Если мы и не всегда были одного мнѣнія о нѣкоторыхъ вещахъ, мы, можетъ быть, со временемъ увидимъ, что разница въ нашихъ взглядахъ была не такъ глубока, какъ мы думали. „Я любилъ мою страну по-своему, вотъ и все, и прослыть за ненавистника Россіи было мнѣ тяжеле, нежели я могу вамъ выразить. Довольно жертвъ. Теперь, когда моя задача исполнена, когда я сказалъ почти все, что имѣлъ сказать, ничто не мѣшаетъ мнѣ болѣе отдаться тому врожденному чувству любви къ роднвѣ, которое я слишкомъ долго сдерживалъ въ своей груди. Дѣло въ томъ, что я, какъ и многіе мои предшественники, бóльшіе меня, думалъ, что Россія, стоя лицомъ къ лицу съ громадной цивилизаціей, не могла имѣть другого дѣла, какъ стараться усвоить себѣ эту цивилизацію всѣми возможными способами; что, въ томъ исключительномъ положеніи, въ которое мы были поставлены, для насъ было немыслимо продолжать шагъ за шагомъ нашу прежнюю исторію, такъ какъ мы были уже во власти этой новой, всемірной исторіи, которая мчитъ насъ къ любой развязкѣ. Быть можетъ, это была ошибка, но, согласитесь, ошибка очень естественная. Какъ бы то ни было, новыя работы, новыя изысканія познакомили насъ со множествомъ вещей, остававшихся до сихъ поръ неизвѣстными, и теперь уже совершенно ясно, что мы слишкомъ мало походимъ на остальной міръ, чтобы съ успѣхомъ подвигаться по одной съ нимъ дорогѣ. Поэтому, если мы дѣйствительно сбились со своего естественнаго пути, намъ прежде всего предстоитъ найти его,—это несомнѣнно. Но разъ этотъ путь